

УДК 81:008
ББК 81.006.3
П 78

Коллектив авторов:

*В.Н. Алещенко, О.А. Алимуратов, Е.И. Бойчук,
О.Ю. Гукосянц, И.М. Кацитадзе, О.В. Косоногова,
Е.В. Милетова, Н.Г. Серебрянникова, Н.В. Христианова,
С.В. Чиронов, Т.С. Шишкина*

Рецензенты:

доктор филологических наук, профессор *В.В. Шигуров*
кандидат филологических наук, доцент *Л.С. Торопова*

Проблемы языкознания, теории языка и прикладной лингвистики: монография. Книга 2 / В.Н. Алещенко, О.А. Алимуратов, Е.И. Бойчук и др. – Издание 2-е, расширенное и дополненное. – Новосибирск: Издательство ЦРНС, 2015. – 320 с.

ISBN 978-5-00068-453-5

В основе культуры лежит язык. Язык развивается по мере развития культуры – как инструмент познания и организации деятельности людей. В монографии рассмотрены отдельные вопросы теории языкознания и прикладной лингвистики. Исследовано применение принципа «Золотого сечения» при работе с ритмом художественного прозаического текста, исследовано имя собственное как единица общей и специальной номинации, раскрыт механизм построения структурно-сложных эпитетов, рассмотрена история русского корееведения, рассмотрены структурно-семантические особенности и прагматика употребления определенных существительных, прагматика японских коммуникативов согласия, исследован фактор диалогизма в прагматической перестройке неформального интервью, выполнено когнитивно-фреймовое моделирование категорий, вербализуемых в англоязычном религиозном дискурсе, раскрыта феноменология маскировки гендерной идентичности участников Интернет-опосредованной коммуникации.

Монография ориентирована на специалистов-филологов, учителей-словесников, студентов и самый широкий круг читателей, интересующихся вопросами языкознания и словесности.

УДК 81:008
ББК 81.006.3

ISBN 978-5-00068-453-5

© В.Н. Алещенко, О.А. Алимуратов,
Е.И. Бойчук и др., 2015
© ООО «ЦРНС», 2015

АВТОРСКИЙ КОЛЛЕКТИВ

Алещенко В.Н., Филиал Владивостокского государственного университета экономики и сервиса (г. Артем), преподаватель – *глава 4*.

Алимуратов О.А., Пятигорский государственный лингвистический университет (г. Пятигорск), начальник управления научной работы университета, профессор кафедры Западноевропейских языков и культур Института переводоведения и многоязычия, доктор филологических наук, доцент – *глава 5* (в соавторстве), *глава 9* (в соавторстве).

Бойчук Е.И., Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова (г. Ярославль), доцент кафедры Иностранных языков, кандидат филологических наук, доцент – *глава 1*.

Гукосьянц О.Ю., Пятигорский государственный лингвистический университет (г. Пятигорск), преподаватель кафедры Западноевропейских языков и культур Института переводоведения и многоязычия – *глава 9* (в соавторстве).

Кацитадзе И.М., Южный федеральный университет (г. Ростов-на-Дону), доцент кафедры Межкультурной коммуникации и методики преподавания иностранных языков, к.ф.н., доцент – *глава 5* (в соавторстве).

Косоногова О.В., Институт филологии, журналистики и межкультурной коммуникации Южного федерального университета (г. Ростов-на-Дону), доцент, кандидат филологических наук – *глава 2*.

Милетова Е.В., Пятигорский государственный лингвистический университет (г. Пятигорск), старший преподаватель кафедры Английского языка и профессиональной коммуникации – *глава 8* (в соавторстве).

Серебренникова Н.Г., Тамбовский государственный технический университет (г. Тамбов), доцент кафедры «Русская филология», кандидат филологических наук, доцент – *глава 3*.

Христианова Н.В., Южный федеральный университет (г. Ростов-на-Дону), доцент кафедры Межкультурной коммуникации и методики преподавания иностранных языков, к.ф.н. – *глава 5* (в соавторстве).

Чиронов С.В., Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел России (МГИМО) (г. Москва), заведующий кафедрой Японского, корейского, индонезийского и монгольского языков, кандидат филологических наук, доцент – *глава 6*.

Шишкина Т.С., Институт филологии, журналистики и межкультурной коммуникации Южного федерального университета (г. Ростов-на-Дону), доцент кафедры Английского языка, кандидат филологических наук – *глава 7*.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	7
ГЛАВА 1. ПРИМЕНЕНИЕ ПРИНЦИПА «ЗОЛОТОГО СЕЧЕНИЯ» ПРИ РАБОТЕ С РИТМОМ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПРОЗАИЧЕСКОГО ТЕКСТА (ИССЛЕДОВАНИЕ НА МАТЕРИАЛЕ ФРАНЦУЗСКОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ПРОЗЫ)	10
<i>Библиографический список к главе 1</i>	39
ГЛАВА 2. ИМЯ СОБСТВЕННОЕ КАК ЕДИНИЦА ОБЩЕЙ И СПЕЦИАЛЬНОЙ НОМИНАЦИИ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ ОБЗОР	41
<i>Библиографический список к главе 2</i>	54
ГЛАВА 3. МЕХАНИЗМ ПОСТРОЕНИЯ СТРУКТУРНО-СЛОЖНЫХ ЭПИТЕТОВ	59
3.1. Структурно-сложные эпитеты. Эпитеты, образованные путем соединения двух прилагательных	59
3.2. Структурно-сложные эпитеты, образованные путем соединения прилагательного и существительного, а также – числительного и существительного.....	68
3.3. Структурно-сложные эпитеты, образованные путем соединения двух существительных.....	73
<i>Библиографический список к главе 3</i>	79
ГЛАВА 4. К ВОПРОСУ ОБ ИСТОРИИ КОРЕЙСКОГО ЯЗЫКА	80
4.1. Исследование истории корейского языка и проблема периодизации его развития	81
4.2. К вопросу о лингвистическом изучении языка памятников разных периодов в работах российских исследователей	94
<i>Библиографический список к главе 4</i>	105
ГЛАВА 5. СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ И ПРАГМАТИКА УПОТРЕБЛЕНИЯ ОПРЕДЕЛЕННЫХ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ В НЕМЕЦКИХ ГАЗЕТНЫХ ТЕКСТАХ	108
<i>Библиографический список к главе 5</i>	120

ГЛАВА 6. ПРАГМАТИКА ЯПОНСКИХ КОММУНИКАТИВОВ	
СОГЛАСИЯ: ДАННЫЕ КОРПУСА	121
6.1. Реплики согласия в японском языке: постановка проблемы	121
6.2. Семантико-прагматическая характеристика коммуникатива hai ..	122
6.3. Семантико-прагматическая характеристика un	125
6.4. Семантика и прагматика коммуникатива ee	127
6.5. Особенности прагматики коммуникатива soo	130
6.6. Прагматика коммуникативов haa и aa	131
6.7. Семантико-прагматические особенности редупликатов	133
6.8. Сравнение японских коммуникативов согласия. Общие выводы	137
<i>Библиографический список к главе 6</i>	138
ГЛАВА 7. ФАКТОР ДИАЛОГИЗМА В ПРАГМАТИЧЕСКОЙ	
ПЕРЕСТРОЙКЕ НЕФОРМАЛЬНОГО ИНТЕРВЬЮ	140
7.1. Неформальное интервью как лингвистический феномен	140
7.2. Речевой жанр неформального интервью: основные подходы к прагматической репрезентации	147
<i>Библиографический список к главе 7</i>	156
ГЛАВА 8. КОГНИТИВНО-ФРЕЙМОВОЕ	
МОДЕЛИРОВАНИЕ КАТЕГОРИЙ,	
ВЕРБАЛИЗУЕМЫХ В АНГЛОЯЗЫЧНОМ	
РЕЛИГИОЗНОМ ДИСКУРСЕ: КАТЕГОРИЯ	
ОЦЕНКИ, РЕПРЕЗЕНТИРУЕМАЯ ИМЕНАМИ	
ПРИЛАГАТЕЛЬНЫМИ	159
8.1. Общая характеристика современного англоязычного религиозного дискурса	159
8.2. Лингвистические особенности современного англоязычного религиозного дискурса	170
8.3. Метафорические модели с участием имен прилагательных, реализуемые в современном англоязычном религиозном дискурсе	180
8.4. Фреймовые структуры категорий качества и оценки, реализуемые в современном англоязычном религиозном дискурсе	193

<i>Библиографический список к главе 8</i>	216
<i>Приложения к главе 8</i>	222
ГЛАВА 9. ФЕНОМЕНОЛОГИЯ МАСКИРОВКИ ГЕНДЕРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ УЧАСТНИКОВ ИНТЕРНЕТ-ОПОСРЕДОВАННОЙ КОММУНИКАЦИИ (НА МАТЕРИАЛЕ СОВРЕМЕННЫХ АНГЛОЯЗЫЧНЫХ ЧАТОВ И БЛОГОВ)	226
9.1. Основные характеристики Интернет-опосредованной коммуникации	226
9.2. Чат и блог как основные форматы Интернет-опосредованной коммуникации	236
9.3. Гендерная идентичность как значимый аспект виртуальной языковой личности	238
9.4. Лингвистические механизмы самопрезентации и маскировки гендерной идентичности в англоязычных чатах и блогах	243
9.5. Экспериментальное исследование интерпретации гендерных параметров дискурсивных проявлений участников англоязычных чатов и блогов	290
<i>Библиографический список к главе 9</i>	307
<i>Приложения к главе 9</i>	315

ПРЕДИСЛОВИЕ

Языкознание, или лингвистика, – это наука о языке, его общественной природе и функциях, его внутренней структуре, о закономерностях его функционирования и исторического развития и классификации конкретных языков.

Язык является важнейшим средством человеческого общения; нет и не может быть человеческого общества и народа, которые не имели бы языка. Нет и самого человека без языка. Язык как средство общения и как систему знаков изучают многие науки.

Языкознание связано со всеми главными разделами современной науки, и это объясняется той огромной ролью, которую играет язык во всех сферах человеческой деятельности, в том числе и в процессе познания и общения.

Прежде всего, языкознание относится к числу социальных наук. Оно тесно связано с такими социальными науками, как история, экономическая география, психология, педагогика. Также в последнее время появилось много новых наук, объединяющих в себе черты языкознания и других направлений – например, социолингвистика, психолингвистика.

В представленной монографии рассмотрены отдельные вопросы теории языкознания и прикладной лингвистики.

В первой главе проводится анализ употребления некоторых ритмических средств, в частности их способности подчиняться правилу Золотого сечения. На фонетическом, лексическом и грамматическом уровнях реализации ритма рассматриваются такие средства, как равенство ритмических групп, ассонанс, аллитерация, рифма, употребление антонимов и синонимов, а также эпаналепсис, редупликация, анадиплозис и однородные члены предложения. Исследование выполнено на материале художественных произведений французских писателей XIX века.

Вторая глава посвящена описанию традиционных подходов в изучении имени собственного как единицы общей и специальной номинации. В работе приведен относительный обзор современных исследований зарубежных и отечественных авторов, посвященных рассмотрению имени собственного как элемента ономастического пространства в рамках дискурсивного подхода, обозначены направления исследования ономастики на современном этапе ее развития, который характеризуется как период «трансформации» проблемного поля этой науки.

В третьей главе проанализированы способы организации структурно-сложных эпитетов, определяется характер связей, соединяющих элементы сложного эпитета друг с другом и определяемым словом. Рассмотрен вопрос о степени совпадения смысловых значений исходной (непроанализи-

рованной) формы эпитета и формы, разложенной на составные части (проанализированной).

Исследованию истории корейского языка в российском корееведении посвящена четвертая глава монографии. Корейский язык – один из недостаточно изученных языков мира с точки зрения его истории. Изучение истории языка дает возможность глубже познать современный язык, понять его как результат сложного процесса развития и взаимодействия различных факторов. Среди ученых, изучавших историю корейского языка, следует отметить А.А. Холодовича, Л.Р. Концевича, Ф.З. Кима, Е.Д. Поливанова, В.В. Верхоляка, О.А. Трофименко, Е.Н. Кондратьеву. Особое место в изучении истории языка является лингвистический анализ произведений разных периодов, который помогает разобраться в вопросах данной области лингвистики.

В пятой главе рассмотрены проблема и статус определенного артикля, а также специфика употребления определенных существительных в разных жанрах немецких печатных СМИ в рамках функционально-семантической категории определенности/неопределенности.

В шестой главе исследован прагматический потенциал коммуникативов с семантикой согласия. Объектом исследования являются данные корпуса современного японского языка. Примеры употребления в речи шести базовых слов-реплик и их производных рассматриваются с позиций речеактовой теории с привлечением элементов дискурс-анализа, что позволяет установить характерные параметры речевых ситуаций и передаваемых интенций говорящего для этих единиц и эксплицировать полевую структуру.

Седьмая глава посвящена эмоционально-экспрессивному потенциалу констативного речевого акта в функции иницирующей реплики и его когнитивно-прагматической роли в спонтанном порождении неформального интервью. Для данного жанра характерным является усиление синкретизма с речевым жанром непринужденной беседы с хорошо знакомым собеседником, использование констативного речевого акта в функции иницирующей реплики. Обе тенденции минимизируют явное участие интервьюера в дискурсивном процессе, способствуют актуализации информации, которая представляет особый интерес для читательской аудитории.

В восьмой главе монографии авторы ставят целью выявить специфику религиозного дискурса и основные особенности построения коммуникации в данной сфере. При этом одной из приоритетных задач является фреймовый анализ категорий качества и оценки, вербально репрезентируемых в англоязычном религиозном дискурсе в значительной степени посредством употребления имен прилагательных.

Неослабевающий интерес лингвистов к описанию медийного формата коммуникации, высокая скорость развития Интернета как особой коммуникативной среды, а также отсутствие исчерпывающего лингвистического анализа гендерных маркеров и дискурсивных механизмов самопрезентации виртуаль-

ных языковых личностей и – в особенности – механизмов маскировки гендерной идентичности в блогосфере и чат-коммуникации подтверждают актуальность исследования, предпринятого авторами заключительной главы монографии, и обосновывают цель работы. Представляется, что проведенное исследование вносит вклад в дальнейшее развитие теории коммуникации, способствует дальнейшей разработке проблем лингвистической гендерологии.

Таким образом, современная система лингвистических знаний и представлений находится в стадии интенсивных изменений. Меняются аспекты и содержание традиционных лингвистических дисциплин, углубляются их взаимоотношения со смежными науками, формируются новые направления лингвистического поиска и новые парадигмы. В этом сложном процессе поступательное развитие языкознания нередко сопровождается неудачами и неоправданными затратами исследовательских усилий. Избежать их полностью вряд ли удастся, но свести к минимуму можно, если обеспечить непарадигмальные способы исследования необходимым методологическим и теоретическим базисом.

ГЛАВА 1

ПРИМЕНЕНИЕ ПРИНЦИПА «ЗОЛОТОГО СЕЧЕНИЯ» ПРИ РАБОТЕ С РИТМОМ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПРОЗАИЧЕСКОГО ТЕКСТА (ИССЛЕДОВАНИЕ НА МАТЕРИАЛЕ ФРАНЦУЗСКОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ПРОЗЫ)¹

Ритм прозаического текста – это очень интересный и сложный вопрос. Несмотря на существование большого количества работ, посвященных данной проблеме, законы ритма прозы определены менее четко, по сравнению с законами ритма стихотворного, которому уделяется большее внимание.

В первую очередь возникает сложность в формулировке четкого определения этого процесса, что необходимо для его понимания. Во-вторых, встает вопрос о средствах создания ритма, а также о границах его проявлений. Кроме того, существует ряд проблем, связанных с определением статуса ритма как категории текста.

В проведенных ранее исследованиях было установлено, что ритм проявляется на различных языковых уровнях в рамках определенных ритмических единиц. Ритм прозы рассматривается нами как **периодическое проявление фонетических, лексических, грамматических средств выразительности речи в рамках той или иной ритмической единицы на соответствующих уровнях реализации данных средств, а также периодическая последовательность сегментов, частей текста и упорядоченная смена элементов сюжетно-образной системы художественного произведения на структурно-композиционном уровне реализации ритма** [Бойчук, 2013].

В качестве ритмических единиц на различных языковых уровнях рассматриваются **слог (базовая единица ритма) → ритмическая группа (вспомогательная единица ритма) → ритмический блок (минимальная ритмическая единица) → простое предложение или фразовый компонент → фраза → сверхфразовый компонент → сверхфразовое единство ↔ абзац → фрагмент → подглава → глава → часть → том → книга**. Данный вывод был сделан на основе анализа большого количества работ отечественных и зарубежных лингвистов (В.М. Жирмунского, И.Р. Гальперина, Н.В. Черемисиной, М.А. Красноперовой, Г.Н. Ивановой-Лукьяновой, А.М. Антиповой, Е.Т. Кононенко, Ю.В. Степанюк, Э. Борда, А. ди Кристо, К. Фромилаг, А. Сансье-Шато, С. Петийон и многих других).

¹ Работа выполнена при поддержке проекта № 549 в рамках базовой части государственного задания на НИР ЯргУ.

Следует уточнить границы некоторых единиц. Понятие ритмического блока определяется как **некоторая совокупность ритмических групп, не имеющая постоянного, неизменного объема, но объединенная некоторыми фонетическими, семантическими, синтаксическими, а также стилистическими признаками** [Бойчук, 2013].

Например: *Il pouvait regarder / sans lassitude, / pendant toute une soirée, / ce nez fin, / ces yeux clairs / et moqueurs, / ce visage / aux traits purs.* (F. Mauriac, *Bonsoir, Chérie*, p. 82) – часть предложения, выделенная жирным шрифтом, представляет собой ритмический блок. В его основе – равенство слогов в ритмических группах – 3-3-3-3-3. Это равенство проявляется именно в данном фрагменте, а не во всем предложении.

Фразовый компонент – это компонент сложного предложения: *Elle résista; [les lèvres se battaient, se rencontraient, se repoussaient]* (G. de Maupassant, *Une Vie*, p. 86). – единица выделена на основе употребления однородных сказуемых.

Фраза представлена как грамматическое понятие¹, а именно как сложносочиненное или сложноподчиненное предложение.

Единица, объединяющая фразу и еще одну или несколько ритмических групп последующей или предыдущей фразы или простого предложения; объединяющая фразу с фразовым компонентом предыдущей или последующей фразы, а также объединяющая несколько фраз, не являющихся сверхфразовым единством, представляет собой сверхфразовый компонент: *Alors tout trait est allusion, toute phrase est un coup de sonde, tout compliment une caresse. Alors discours et sentiments glissent sur deux plans superposés, et le plan supérieur, où passent les mots, ne peut être interprété que comme signe et symbole de l'autre, où se meuvent des images confuses.* (F. Mauriac, *De la conversation sentimentale*, p. 221) – сверхфразовый компонент выделен на основе синтаксического параллелизма в первом предложении, а также анафоры *alors*.

Сверхфразовое единство (СФЕ), вслед за Н. М. Васильевой понимается как «сочетание самостоятельных предложений». При этом не исключается возможность их трактовки как фрагментов текста [Васильева, 2013: 17].

На уровне более крупных ритмических единиц проявляются сюжетно-композиционные средства создания ритма (более подробно см. Е.И. Бойчук Ритм прозы (на материале французского языка): монография, 2013. 223 с.).

Проявление ритмических средств, речь о которых пойдет ниже, кажется, не имеет никакой закономерности в прозе, ритм погружен в хаос, последовательности ритмических средств беспорядочны. Эта цепочка ритмических проявлений практически бесконечна, она действует в матрице всего текста, связывая слова и звуки друг с другом. Эта связь позволяет воспри-

¹ «Соединение в единое грамматическое целое нескольких простых предложений, объединяемых смыслом, интонацией и грамматическими средствами» [Илия, 1963: 227].

нимать текст как единое целое, как цельное художественное произведение, несущее определенную идею. Так все-таки может быть существуют какие-то правила и закономерности в проявлении ритма в прозаическом тексте?

С какой целью исследователи пытаются найти «божественное» в произведениях поэтов и прозаиков? Задумывается ли творец о том, что именно в этом стихотворении или в этом фрагменте он использует последовательность чисел Фибоначчи, а кульминацию произведения разместит именно на «Золотом сечении»? Звучит смешно и глупо. Однако некоторые совпадения и в некоторых случаях закономерность в проявлении этих «чудес» наблюдается. Эта загадочность, а также азарт поиска и привлекает исследователей. Кроме того, это стремление основано и на том, что «все структуры природы, вся художественная деятельность человека стремятся (должны стремиться) к гармоничному состоянию» [Мусинова, 2009: 75]. Эта загадка до сих пор остается неразрешенной, поскольку в одних шедеврах искусства золотое сечение действительно обнаруживается, а в других его проявление отсутствует. Основным принципом золотого сечения является нарушенная симметрия.

Золотое сечение (далее ЗС) в поэзии и в прозе имеет различные формы проявления. В их основе лежат различные принципы выявления золотой пропорции. Можно выделить два основных принципа выделения ЗС:

- 1) смысловая кульминация, соответствующая числу Φ (1, 618), полученному из последовательности чисел Фибоначчи, относительно суммы единиц текста;
- 2) последовательность каких-либо фонетических, лексико-грамматических, стилистических средств произведения, расположенных в произведении или в его фрагменте в строгой последовательности чисел Фибоначчи (0, 1, 1, 2, 3, 5, 8, 13, 21, 34, 55, 89, 144, 233, 377, 610, 987, 1597, 2584, 4181, 6765, 10946... и т.д.).

Основываясь на дихотомии золотой пропорции и на положении о том, что золотое сечение – это деление целого (точнее суммы) на две неравные части так, чтобы большая часть относилась к меньшей, как целое к большей, можно утверждать, что в художественном тексте в соответствии с первым принципом, описанным выше, эти части относятся как часть текста до кульминации к части текста после нее.

Основными единицами золотого сечения в поэзии являются строки стихотворения, его смысловые, относительно самостоятельные части (микротемы). Исчисление золотой пропорции производится исходя из общего количества строк стихотворения, поделенного на величину той строки, в которой предположительно сосредоточена смысловая кульминация. В качестве результата деления получается число Фибоначчи, равное $\sim 1, 6$.

Так, например, в стихотворении Ш. Бодлера «À une passante», очевиден переломный момент, некая вспышка, яркое впечатление, которое оказывает на автора проходящая мимо незнакомка (*Un éclair... puis la nuit !*). Выделен

ная строка заключает в себе смысловую кульминацию. Это подтверждается расчетом золотой пропорции: стихотворение состоит из 14 строк, кульминация приходится на 9 строку («14» : «9» = «1,55»-«1,6» – число Ф). Если исключить кульминационную строку, эту пропорцию можно представить следующим образом: $\frac{8}{5} = \frac{13}{8}$:

La rue assourdissante autour de moi hurlait.
Longue, mince, en grand deuil, douleur majestueuse,
Une femme passa, d'une main fastueuse
Soulevant, balançant le feston et l'ourlet;

Agile et noble, avec sa jambe de statue.
Moi, je buvais, crispé comme un extravagant,
Dans son oeil, ciel livide où germe l'ouragan,
La douceur qui fascine et le plaisir qui tue.

Un éclair ... puis la nuit! – Fugitive beauté
Dont le regard m'a fait soudainement renaître,
Ne te verrai-je plus que dans l'éternité?

Ailleurs, bien loin d'ici ! trop tard ! jamais peut-être!
Car j'ignore où tu fuis, tu ne sais où je vais,
Ô toi que j'eusse aimée, ô toi qui le savais!

В прозе ситуация осложняется в первую очередь определением единицы, в рамках которой возможно исчисление смысловой кульминации текста. При этом рассматривая такие литературные жанры, как роман, рассказ, повесть, новелла и другие, имеющие довольно крупную форму, в качестве единиц текста, в рамках которых возможно выделение **смысловой кульминации** могут выступать такие единицы, как *слово, словосочетание, предложение, сложное синтаксическое целое (ССЦ), абзац, фрагмент*. Использование единиц членения текста с точки зрения его архитектоники (внешней структуры произведения), а именно деление на *тома, книги, части, главы, главы, отбивки* несколько осложняет выделение смысловой кульминации текста, что связано, прежде всего, с большим объемом данных единиц (например, для романов). Кроме того, кульминации большинства литературных произведений приходятся на финал, на развязку, которая помещена чаще всего в конце произведения. И, если взять за единицу золотого сечения деление на главы (например, в романе), то это правило никогда не будет реализовано из-за несоблюдения золотой пропорции. Неверно выбранная единица? или правило золотого сечения не приемлемо для работы с текстами большого объема?

Слово как единица прозаического текста, передающая смысловую кульминацию, должно соотноситься с какой-либо другой более крупной единицей, включающей несколько подобных единиц, например, *предложением, ССЦ, абзацем, фрагментом*. Слово и словосочетание, кульминационно значимые текстовые единицы, реализованные в рамках *предложения, ССЦ, абзаца, фрагмента* с большей степенью вероятности могут сосредоточить в себе смысловую кульминацию текста. Однако встает вопрос: слово или словосочетание – это кульминация всего текста (рассказа, романа и т.д.) или только его части, абзаца или предложения?

Однозначный ответ на этот вопрос дать очень сложно в связи с тем, что каждое произведение уникально. Теоретически возможны следующие варианты: 1) смысловая кульминация, заключенная в *слове или словосочетании*, выявленная в рамках *предложения, ССЦ, абзаца, фрагмента* (в соответствии с правилом золотого сечения) **может** представлять собой смысловую кульминацию всего произведения; 2) смысловая кульминация, заключенная в *ССЦ, абзаце или фрагменте* реализуется в рамках *главы, главы, отбивки*.

Каким образом происходит подсчет составляющих элементов данных единиц? Все ли слова равнозначны для расчета пропорции? Во французском языке, как и в большинстве других индоевропейских языков, употребляются артикли, предлоги, междометия, частицы, союзы и т.д. – служебные части речи, не определяющие смысловую кульминацию и не влияющие на нее. Таким образом, следует вести подсчет фонетических слов.

Проверим, работают ли данные предположения на практике.

Кульминационный момент произведения Э. Золя «Творчество» выражен в монологе Кристины, обращенном к Клоду (12 глава). Это крик терпеливой женской души, протест против равнодушия и нелюбви, беспомощность перед соперницей по имени Живопись:

1. Eh bien!
2. non, je ne te foutrai pas la paix!...
3. En voilà assez, je te dirai ce qui m'étouffe, ce qui me tue, depuis que je te connais...
4. Ah ! cette peinture, oui!
5. ta peinture, c'est elle, l'assassine, qui a empoisonné ma vie.
6. Je l'avais pressenti, le premier jour; j'en avais eu peur comme d'un monstre, je la trouvais abominable, exécration; puis, on est lâche, je t'aimais trop pour ne pas l'aimer, j'ai fini par m'y faire à cette criminelle...
7. Mais, plus tard, que j'en ai souffert, comme elle m'a torturée !
8. En dix ans, je ne me souviens pas d'avoir vécu une journée sans larmes...
9. Non, laisse-moi, je me soulage, il faut que je parle, puisque j'en ai trouvé la force...

10. Dix¹ années² d'abandon³, d'écrasement⁴ quotidien⁵; ne plus⁶ rien⁷ être⁸ pour⁹ toi¹⁰, se sentir¹¹ de plus¹² en plus¹³ jetée¹⁴ à l'écart¹⁵, en arriver¹⁶ à un rôle¹⁷ de **servant**¹⁸ (1,6); et l'autre¹⁹, la voleuse²⁰, la voir²¹ s'installer²² entre²³ toi²⁴ et moi²⁵, et te prendre²⁶, et triompher²⁷, et m'insulter²⁸... (⟨16⟩: ⟨10⟩ = ⟨1,6⟩ и ⟨28⟩: ⟨18⟩ = ⟨1,6⟩)¹.
11. Car ose donc dire qu'elle ne t'a pas envahi membre à membre, le cerveau, le cœur, la chair, tout !
12. Elle te tient comme un vice, elle te mange.
13. Enfin, elle est ta femme, n'est-ce pas?
14. Ce n'est plus moi, c'est elle qui couche avec toi...
15. Ah, maudite !
16. ah, gueuse !
- <...>
1. Ах вот как!
2. Так нет же, не пойду я к черту!
3. Довольно с меня!
4. Я выскажу тебе все, что меня душит, что убивает меня с тех пор, как я тебя узнала...
5. О, эта живопись!
6. Твоя живопись!
7. Это она – убийца – отравила мне жизнь!
8. Я предчувствовала это с первого дня нашей встречи, я боялась ее, как чудовища, всегда считала ее ужасной, отвратительной, но женщины малодушны, я слишком тебя любила, я полюбила и твое искусство, и преступница вошла в наш дом!
9. А потом... сколько я из-за нее страдала, как она меня мучила!
10. За десять лет не припомню дня, прожитого без слез...
11. Нет, дай сказать, так мне легче, я должна выговориться, раз уж решилась однажды...
12. Десять лет **отчужденности**, ежедневного одиночества! (⟨19⟩: ⟨12⟩ = ⟨1,6⟩ и ⟨5⟩: ⟨3⟩ = ⟨1,66(6)⟩ ~ 1,7).
13. Стать для тебя ничем, чувствовать, как ты меня все больше и больше отталкиваешь, дойти до роли служанки и видеть, как эта воровка становится между мной и тобой, отнимает тебя, торжествует и оскорбляет меня...
14. Посмей только сказать, что она не завладела – частица за частицей – твоим мозгом, сердцем, телом, всем существом!

¹ Для подсчета общего количества слов в предложении предлог de, артикли le, la, un, местоимение en, союз et, предлог à рассматривались в сочетании с существительным; отрицание ne plus объединено в одно целое, местоимения и возвратные частицы me, te, se рассматривались в сочетании с глаголом.

15. Она в тебя въелась, как порок, и пожирает тебя.

16. В конце концов разве не она твоя жена?

17. Не я, а она спит с тобой...

18. Проклятая!

19. Распутница!

<...>

В приведенном абзаце, наиболее ярком переломном моменте произведения, выражаются те эмоции героини, которые она держала при себе и не смела выразить на протяжении долгих лет совместной жизни с Клодом. Для определения золотой пропорции данного фрагмента текста было подсчитано общее количество предложений и выделена смысловая кульминация при помощи числа Φ (1, 618). Во французском варианте это оказалось слово «слуга» (именно таковой являлась Кристина для Клода, не считавшегося с ее чувствами, слугой его Живописи). В русском переводе число Φ проявило себя в 12 строке, в которой речь идет об одиночестве и отчужденности героини. Примечательным является то, что в переводе на русский язык практически сохраняется позиция проявления числа Φ . Со смысловой точки зрения акцент появляется на слове «отчужденность».

Таким образом, выделение смысловой кульминации, основанное на золотой пропорции в рамках абзаца, фрагмента и предложения вполне возможно при осуществлении количественного анализа слов в предложениях, составляющих абзац или фрагмент. Это задача в два действия, в первом из которых производится подсчет предложений в кульминационных ССЦ, абзаце или фрагменте, во втором действии после выделения кульминационного слова в данном отрезке текста и подсчета общего количества слов в нем, производится вычисление золотого сечения.

Рассмотрим возможность расчета проявления некоторых ритмических средств в прозаическом тексте на основе правила золотого сечения. Прежде всего, следует определить цель таких расчетов: она заключается не только в том, чтобы выявить и подчеркнуть смысловую кульминацию текста, но и в том, чтобы определить возможность проявления последовательности чисел Фибоначчи в прозаических текстах на материале ритмических средств с целью доказать или опровергнуть возможность подчинения прозы «божественной пропорции».

Проводимые ранее исследования ритма на материале французских прозаических текстов подтвердили гипотезу о том, что ритм – это периодическое проявление средств выразительности речи в рамках определенной ритмической единицы, создающий пульсацию произведения. Ритмические средства на фонетическом, лексическом, грамматическом и структурно-композиционном уровнях ритма, создающие ритмику текста, представлены нами в следующей таблице:

Таблица 1.1

Средства создания ритма

Уровни реализации ритма	Фонетический	Лексический	Грамматический	Структурно-композиционный
Средства реализации ритма	<p><i>Внутреннее строение ритмических единиц:</i></p> <ol style="list-style-type: none"> 1) равенство ритмических групп, составляющих ритмическую единицу¹; 2) ритмические последовательности (прогрессии); 3) междуударные интервалы. <p><i>Просодические средства –</i></p> <ol style="list-style-type: none"> 1) интонационные характеристики звучащего текста (мелодика, темп, тембр, паузация); 2) ударение, 3) метр. <p><i>Фоностилистические средства ритмизации (относят-ся к сегментным и суперсегментным единицам речи):</i></p> <ol style="list-style-type: none"> 1) ассонанс, 2) аллитерация, 3) ониматопея, 4) звуковая анафора, зевгма, рондо, 5) анаграмма, 6) паронимазия, 7) таутизм, 8) рифма. 	<p><i>Лексические средства:</i></p> <ol style="list-style-type: none"> 1) синонимы, 2) антонимы, 3) фразеологизмы, 4) пословицы. 	<p><i>Морфологические средства:</i></p> <ol style="list-style-type: none"> 1) деривация, 2) полиглотон. <p><i>Собственно синтаксические средства:</i></p> <ol style="list-style-type: none"> 1) лексическая, синтаксическая анафора, эпифора, симплова, анадиплозис, редупликация, 2) хиазм, антистрофа, 3) однородные члены, 4) многосоюзие, бессоюзие, цепное нанизывание предложений, 5) синтаксический параллелизм, 6) вопросительные, побудительные, восклицательные (повествовательные, вопросительные, побудительные) предложения, апозиопея. <p><i>Семантико-синтаксические средства:</i></p> <ol style="list-style-type: none"> 1) эпанаlepsис, 2) градиционный повтор, 3) восходящая нисходящая градиция, 4) антиэллипс, 5) мимезис, 6) питтаизм. 	<p><i>Структура:</i></p> <ol style="list-style-type: none"> 1) архитектоника художественного произведения: рамочные компоненты текста, 2) особым образом оформленное абзачное членение; <p><i>Композиция:</i></p> <ol style="list-style-type: none"> 1) система образов, характеров произведения, 2) пространственные и временные связи в системе событий, 3) ритм в построении сюжетной линии, чередование эпизодов, 4) параллелизм в пределах текста и за его пределами, 5) повтор ключевых слов, фраз, предложений, эпизодов.

Основным принципом выделения данных средств в качестве ритмических является повтор в их структуре.

На материале произведений Стендаля, О. де Бальзака, Г. Флобера и Г. де Мопассана было проведено исследование, посвященное выявлению ритмических средств, указанных в таблице. Проследим возможность проявления некоторых выделенных жирным шрифтом средств во французских художественных прозаических текстах в соответствии с последовательностью чисел Фибоначчи (0, 1, 1, 2, 3, 5, 8, 13, 21, 34, 55, 89, 144, 233, 377, 610, 987, 1597, 2584, 4181, 6765, 10946...). Работает ли данная последовательность в прозаическом тексте на примере данных средств?

В первую очередь следует определить рамки, в которых возможно проявление последовательности, а также единиц (элементов), подсчет которых позволит выявить эту последовательность. Представляется возможным рассмотреть несколько вариантов единиц в зависимости от ритмических средств.

¹ Жирным шрифтом выделены наиболее распространенные средства создания ритма, которые далее будут рассмотрены с целью выявления золотого сечения в тексте.

Во-первых, количество слогов в рамках ритмических последовательностей (в ритмическом блоке).

Во-вторых, равенство слогов в нескольких ритмических группах (в ритмическом блоке или в предложении).

В-третьих, подсчет фонетических слов в нескольких ритмических группах (в ритмическом блоке или в предложении).

Фонетический уровень.

Наиболее часто на данном уровне ритм создается последовательностью **равных по длине ритмических групп**: *Ils s'arrêtèrent. / Charles se taisait. // 4 – 4 (G. Flaubert, Madame Bovary, p. 33).*

Ритм создается также посредством увеличения или уменьшения длины ритмических групп: *<...> les draps, / le matelas, / le traversin / étaient coupés en deux. 2 – 3 – 4 – 6 (G. de Maupassant, Une Vie, p. 12).*

А также при помощи последовательного или непоследовательного уменьшения количества слогов: *Je le trouvais pâle, / très amaigri, / les lèvres blanches <...> 5 – 4 – 3 (G. de Maupassant, Mont-Oriol, p. 129);*

<...> il s'occupait de sa fille, / lui versait à boire, / lui tenait ses plats, / la servait. 7 – 5 – 5 – 3 (G. de Maupassant, Bel Ami, p. 27).

Данное явление может быть охарактеризовано как **ритмическая последовательность**, определенного рода ритмическая структура, ритмоформула, основанная на принципе закономерного возрастания или убывания длительностей или количеств звуков [Холопова, 1980: 69].

В ходе анализа ритмических групп соотношение количества слогов в ритмических последовательностях выявлялось при помощи компьютерной программы «Rythmanalyse»¹. Следует подчеркнуть отсутствие зависимости слоговой последовательности от последовательности чисел Ф. Случаи обнаружения последовательностей в 2-3-5 или 2-3-5-8 слогов редки и не закономерны (рис. 1.1).

Равенство слогов может проявляться как в рамках ритмического блока (в нескольких ритмических группах, чаще в двух-четырех), так и в рамках простого предложения. С целью эксперимента производился подсчет, как ритмических групп, так и предложений во фрагменте текста, представляю-

¹ Rythmanalyse – это компьютерное приложение, созданное автором статьи совместно с разработчиком Н.И. Кожемякиным с целью осуществления ритмического анализа французского текста на основе выявления таких ритмических средств, как равенство и последовательность слогов в ритмических группах, повторы разных типов (аллитерация, ассонанс, рифма, эпаналепсис, редупликация, анадиплосис, однородные члены предложения, предложения одинаковые по цели высказывания и т.д.). Приложение зарегистрировано в Федеральной службе по интеллектуальной собственности. Более подробно о приложении Rythmanalyse см. статью автора *Automated Approach for Rhythm Analysis of French Literary Texts // Proceedings of the 15th Conference of Open Innovations Association FRUCT. – Saint-Petersburg, Russia, 21-25 April 2014. – Publisher: ITMO university publisher house. – P. 15-24.*

щем собой смысловое единство. Например, письмо матери Эжена Растиньяка в романе О. де Бальзака «Отец Горио» (Гл. 2).

Рис. 1.1. Поиск равенства слогов (H. de Balzac, Le Colonel Chabert, p. 46)

Выявление числового соотношения общего количества предложений и предложения, ритмические группы которого представляют собой слоговое равенство нецелесообразно, поскольку объем предложений неравномерен с точки зрения количества ритмических групп. Выявление количественного соотношения общего числа ритмических групп и равных ритмических групп, составляющих предложение (3-3 – *Sois prudent, / cher enfant.*) в данном отрывке привело к результату 1,8 (175:94), что не соответствует числу Φ (1,618).

Периодичность проявления равных ритмических групп, не составляющих предложение, в данном фрагменте не всегда укладывается в закономерность чисел Φ . Интересно отметить, что числа Φ периодически проявляют себя в выявленных равных ритмических группах (группы в данном случае группируются по две). Всего выявлено 175 ритмических групп, из них 5-6, 8-9, 12-13, 15-16, 26-27, 40-41, 45-46, 54-55, 57-58, 69-70, 78-79, 87-88, 92-93, 111-112, 131-132, 141-142, 143-144, 154-155, 156-157, 163-164, 165-166 являются равными по количеству слогов. Выделенные числа входят в последовательность чисел Φ , однако это еще ни о чем не говорит.

В ходе исследования были рассмотрены различные фрагменты, произведений перечисленных выше авторов. Проявление чисел из последовательности так же, как и в приведенном примере случайно и не постоянно.

Ассонанс.

Относительно данного понятия существует множество разрозненных точек зрения. Следует вспомнить о понятии романского ассонанса, которое

берет начало от латинских гекзаметров. Это элемент тождества окончаний, который проявляется лишь в *одинаковости ударного гласного звука*. Исторически романский ассонанс служил переходом от полной безрифменности к началам ассонанса, затем к рифме.

Французские лингвисты выделяют метрический и гармонический ассонансы, которые имеют разные сферы применения: первый – для поэтических текстов, второй – для прозаических. Метрический ассонанс часто отождествляют с рифмой, однако, несмотря на то, что множество вокалических рифм представляют собой формы ассонанса, это все же «несовершенная» рифма, т.к. она рассматривает только *ударные гласные*, не учитывая согласных, которые ее окружают.

В настоящее время исследователи склоняются к объединению повторов согласных и гласных звуков в понятие аллитерации, а в понятие ассонанса предлагается включить рифму. При этом все же остается нерешенным вопрос разграничения ассонанса и рифмы.

Безусловно, рифму следует рассматривать как проявление тождества окончаний, включающего один и более слогов, ассонанс, – как одну из форм звуковых повторов, выражающихся в повторении гласных звуков, фонем. Безусловно, рифма также может быть выражена посредством фонемы, составляющей отдельный слог, равно как и ассонанс способен составить целый слог, в этом случае основной разграничительной характеристикой этих средств является позиция в слове и в ритмической группе.

В вопросе определения ассонанса среди французских лингвистов также нет единого мнения. Одни источники указывают на понимание ассонанса как звукового повтора, проявляющегося в конечном ударном слоге, другие предлагают включать в понятие ассонанса повторы гласных звуков вне зависимости от их позиции и ударения.

Первая позиция обоснована тем, что звуковые повторы гласных в большей степени ощутимы и отчетливы тогда, когда они образуются ударяемыми гласными. Однако в этом случае довольно сложно разграничить явление ассонанса и внутренней рифмы: <...> *j'ai moi, Colas Breugnon, bon garçon, Bourguignon, rond de façons et du bedon* (R. Rolland, *Colas Breugnon*, p. 7) [õ].

В ходе исследования были выявлены случаи повторения гласных звуков в неударной позиции в рамках той или иной ритмической единицы: *Un peu de pluie tombait; au loin, les flocons de brume montaient, comme de grands fantômes*. (G. Flaubert, *Bouvard et Pécuchet*, p. 134). В данном примере сочетаются два типа повторения звуков [õ-õ]: в ударной и в неударной позициях.

В действительности ассонанс во французском языке рассматривается как повторение *созвучных гласных как на конце слов в ударной позиции (в большей степени, поскольку это наиболее яркое проявление рифмы), так и в неударной позиции*. Основным отличием ассонанса, расположенного на конце слов в ударной позиции, от рифмы является совпадение лишь гласных звуков без учета совпадения предшествующих или последующих со-

гласных¹. Далее в зависимости от степени совпадения согласных звуков в рифмованных окончаниях определяется богатство рифмы.

Случаи употребления гласных звуков внутри слова в неударной позиции исключать нельзя, поскольку они так же, как и ударные влияют на ритмику текста, на его восприятие читателем. В связи с этим, в качестве ассонанса предлагается рассматривать **повторяющиеся гласные звуки, как в ударной, так и в неударной позиции на протяжении всей ритмической единицы, но исключая случаи, когда наблюдается регулярное повторение только конечного ударного звука, составляющего слог.**

Этот род повтора рассматривается как проявление внешней (конечной) рифмы. В этом случае не сложно разграничить ассонанс и бедную рифму, проявляющуюся в повторе одного конечного гласного звука.

При рассмотрении фрагментов с употреблением ассонанса производился подсчет слогов в произвольно взятом фрагменте и выявлялись слоги с повторяющимся гласным звуком. Например, в романе Г. де Мопассана «Монт-Ориоль» на примере фрагмента первой встречи Христианы и Поля была выявлена следующая последовательность наиболее распространенных гласных звуков для данного фрагмента – [e], [ɛ]: 1-5-8-9-13-15-20-21-23-26-31-35-36-40-44-48-49-51-53-59-62-66-74-75-76-80-83-70-71-73-74-78-80-85-87-95-96-100-101. Последовательность частично соблюдается лишь в начале фрагмента.

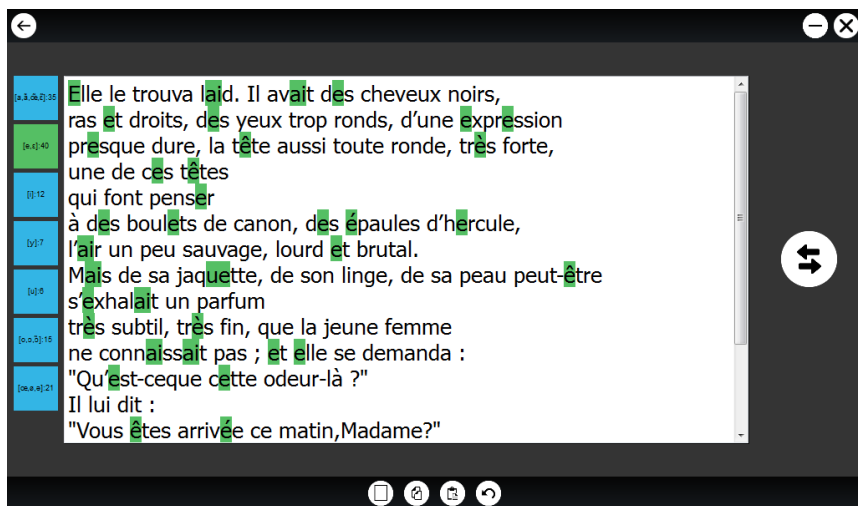

Рис. 1.2. Выявление ассонанса (G. de Maupassant, Mont-Oriol, Ch.)

¹ L'assonance pourrait, dans ce sens, être considérée comme une rime imparfaite ou élémentaire. Elle n'exige que l'homophonie de la voyelle tonique, sans tenir compte des consonnes qui la précèdent ou qui la suivent. *Chaste* et *frappe*, par exemple, forment une assonance ; *frappe* et *nappe* forment une rime.» [M. de Grève, 2000].

Последующее исследование фрагментов с повторяющимися гласными звуками подтвердило случайность «попадания» ассонанса на числа Ф. В связи с тем, что ассонансные повторы встречаются с более высокой периодичностью, чем числа Ф, возможна вероятность совпадения этих чисел. Однако эта вероятность невысока. Так, например, в финальном фрагменте романа Г. Флобера «Бувар и Пекюше» из 40 слогов с повтором звуков [e], [ɛ] выявлено лишь 4 случая совпадения чисел. В романе Г. де Мопассана «Пьер и Жан» во фрагменте, в котором супругам Ролан сообщается о смерти господина Марешала, завещавшего все свое состояние Жану Ролану, из 49 проявлений повторов гласных совпадение наблюдается лишь в двух случаях. В остальных произведениях в произвольно взятых фрагментах процент совпадений также не превышает 5-10 %. При этом, бóльший процент совпадений приходится на начало цепи. Это подтверждается закономерностью числовых рядов нарушенной симметрии, описанной в книге И.Ш. Шевелева, М.А. Марутаева, И.П. Шмелева «Золотое сечение: три взгляда на природу гармонии». Закономерность заключается в том, что в первых семи шагах наблюдается наиболее яркое проявление нарушенной симметрии [Шевелев, 1990: 178].

Аллитерация.

Взгляды исследователей расходятся в вопросе определения позиции аллитерационных согласных. Одни называют аллитерацией повторение согласных звуков в позиции перед ударной гласной [Molinié, 1999; Morier, 1998], другие рассматривают в качестве аллитерации повтор согласных звуков в начале слов¹. В современном французском языке наиболее популярная точка зрения на сущность понятия аллитерации представлена в словаре П. Ларусса: «*Répétition des consonnes initiales ou intérieures dans une suite de mots pour obtenir un effet d'harmonie, de pittoresque ou de surprise*² (par exemple «*De Ce Sacré Soleil dont je Suis deSCendue*» (Racine))».

Повторы согласных, хотя и сохраняют осязательность, где бы они ни стояли, но приобретают особую яркость, когда они непосредственно предшествуют ударяемым гласным или находятся в начальной позиции в слове [Штокмар, 1939, стб. 803-804]: <... > *calicots qui vendent des fourrures, c'est trop drôle ! (E. Zola, Au Bonheur des Dames, p. 31); Un chasseur sachant chasser sans son chien de chasse est un chasseur qui chasse assez bien.*

Кроме того, встает вопрос: сколько звуковых повторов необходимо для их рассмотрения как аллитерации? С нашей точки зрения, количество повторов определяется объемом той ритмической единицы, в рамках которой они звучат: количество повторов прямо пропорционально объему, то есть чем меньше ритмическая единица, тем меньше количество повторов. Одна-

¹ Figure de mots qui consiste dans la répétition recherchée dans la même phrase de mots commençant par la même syllabe ou la même consonne. Repos et repas font gros et gras. Jeter feu et flamme [Dictionnaire de L'Académie française, 1932-1935].

² Повтор согласных звуков в начале или в середине нескольких слов с целью получения большей гармоничности, яркости звучания.

ко в этом случае плотность данных звуковых повторов должна быть высокой: *Vous avez l'air d'être un peu rageur.* <...> (O. de Balzac, *Le Père Goriot*, p. 90) – в рамках фразового компонента повтор согласного звука [r] имеет достаточно высокую плотность, т.к. употребляется с разрывом в одну-две знаменательные лексемы.

Для более крупных ритмических единиц допускается диапазон плотности с разрывом в 0-5 знаменательных лексем: *J'entendis, ou crus entendre, je ne veux rien affirmer, des gémissements poussés par le monde de cadavres au milieu duquel je gisais.* (O. de Balzac, *Le Colonel Chabert*, p. 19) – повтор звука [ʒ] в рамках фразы.

С нашей точки зрения, проявлением аллитерации целесообразно считать употребление звукового повтора с диапазоном разрыва от 0 до 3-5 знаменательных слов вне зависимости от их слогового наполнения. При этом проявлением аллитерации считается повтор звуков, как в начале и в середине слова, так и в позиции перед ударной гласной.

С точки зрения звуковой семантики и стилистики, те или иные повторы могут быть значимыми, но также могут быть и случайными, не несущими какого-либо стилистического значения.

В ходе анализа употребления аллитерации в тексте производился подсчет слогов в произвольно взятом фрагменте, и выявлялись слоги с повторяющимся согласным звуком. Подсчет слогов производился в рамках таких ритмических единиц, как фразовый компонент, предложение. В результате было также выявлено отсутствие закономерности в проявлении аллитерационных звуков на рассматриваемых отрезках. Примеры на следующем рисунке демонстрируют проявление звуков [r] и [s] в произведении Стендаля «Пармская обитель»:

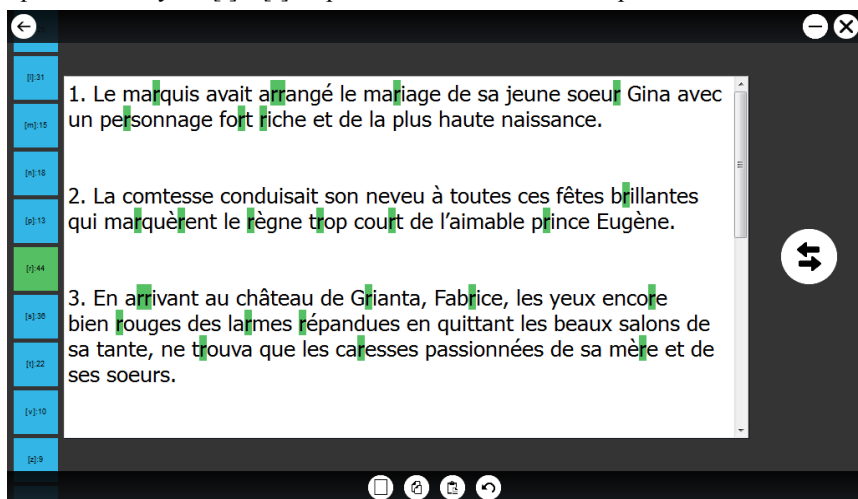

Рис. 1.3. Аллитерация в романе Стендаля «Пармская обитель»

В приведенных примерах последовательности слогов, в которых проявляется аллитерация на звук [г], выглядят следующим образом: 1) 2-7-10-15-21-24-25; 2) 2-3-5-6-7-11; 3) 3-9-12-16-18-20-21. Некоторое подобие последовательности чисел Ф мы видим во втором примере, однако приведенное выше положение о «наиболее ярком проявлении симметрии» в начале цепи, а также нерегулярности этих проявлений вновь подтверждается.

Рифма.

В прозе рифма имеет несколько иной статус и иные формы проявления, чем в поэзии. Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона дает следующее определение рифмы: «созвучие в окончании двух или нескольких слов» [Брокгауз, Ефрон, Т. 26А, с. 502]. Однако данное определение не отражает в полной мере всех сторон проявления рифмы. Так, А.П. Квятковский не принимает выше упомянутое определение, объясняя свое несогласие возможным употреблением начальных и внутренних рифм. Автор рассматривает рифму как «композиционно-звуковой повтор преимущественно в конце двух или нескольких стихов, чаще – начиная с последнего ударного слога в рифмуемых словах» [Квятковский, с. 248-249].

Рифма как явление музыкальное, рассчитана только на слух, однако состояние, при котором ухо может уловить рифму, ограничено. Определить четко эту величину довольно сложно; как правило, она определяется метрическим размером стиха. Прозаический текст далеко не всегда строится в соответствии с метрикой стиха, эти случаи скорее исключение, чем правило, однако употребление рифмы в прозе является довольно распространенным явлением, в частности в произведениях Г. де Мопассана, Р. Роллана и некоторых других французских авторов. Частое употребление рифмованных слов в тексте является проявлением стилистической особенности языка писателя, а также стремлением автора акцентировать внимание читателя на том или ином персонаже, его характере и специфике его речи.

Очевидно, что элементы, единством повторяемости которых скреплены стиховые ряды, свойственны и прозаическому тексту, однако такую повторяемость, в отличие от повторяемости в поэтическом тексте, нельзя назвать постоянной.

С точки зрения А.П. Квятковского, проза не содержит в себе ни системы параллельных рядов, ни единства повторяемости элементов – в этом автор усматривает конструктивное отличие прозы от стиха [Квятковский: 252-253]. Однако прозаический текст содержит в себе и своего рода параллелизм, и единство повторяемости элементов, которые отличаются от стиховых повторов отсутствием постоянного интервала между их употреблением.

В рамках ритмики прозаического текста рифма имеет большое значение для восприятия текста читателем. С психологической точки зрения действие рифмы двояко: со стороны формы и со стороны содержания. Она, прежде всего, подчиняет речь новой закономерности, делая её приятнее для слуха и

легче для восприятия; разграничивая отдельные стихи, она как бы разделяет их, а на самом деле связывает их созвучием. На бессознательном уровне устанавливаются связи между рифмующимися словами, наиболее значимыми по своему содержанию. Рифмовка бессодержательных, случайных слов вызывает негативное восприятие, отторжение. При этом важна роль расстояния между рифмующимися словами. Слишком большое расстояние не способствует восприятию рифмы.

Во французской поэтике выделяются следующие типы рифм: моносиллабические рифмы – 1) бедная (совпадение конечной гласной, составляющей самостоятельный слог – *canaux* – *vaissaux*); 2) недостаточная (тождественность двух фонем, одна из которых является ударной – *mystérieux* – *yeux*); 3) богатая (отличается совпадением трех и более фонем (включая последнюю ударную) – *ensemble* – *ressemble*); дисиллабические – 1) двойная рифма (рифмуются два слога – *traverse-averse*); трисиллабические – 1) трехсложная (рифмуются три слога – *battement* – *délicatement*).

Компьютерное приложение «Rythmanalyse» проводит анализ трех типов рифмы: бедной, недостаточной и богатой. Рассмотрим возможность проявления данных типов согласно последовательности чисел Ф в произведениях французских авторов:

Eh bien, / je serai lancier; / quand je saurai le métier, / <...> (Stendhal, *Lucien Lewen*, p. 54) – рифмовка существительных с суффиксом -ier [je] характеризует недостаточную точную рифму; рифмованные окончания выпадают на 7-14 слоги.

L'émotion de Lucien, / qui ne pouvait se taire, / finit par amuser son père. (Stendhal, *Lucien Lewen*, p. 57) – точная закрытая рифма на [e:r]; 12-20 слоги.

Le sermon finit / parce qu'Ernest descendit / à la porte du renégat /aux vingt places. (Stendhal, *Lucien Lewen*, p.49); 5-12 слоги.

Monsieur, / je vous supplie, / rendez vos bonnes grâces / à Eugénie !... (O. de Balzac, Eugénie Grandet, p. 143) – звук [i] в составе рифмованных окончаний в рамках ассонансной рифмы является наиболее распространенным; 6-15 слоги.

Lucien descendit / à l'Houmeau / par la belle promenade / de Beaulieu / <...> (O. de Balzac, *Illusions perdues*, p. 24) – приближительная рифма на звуки [o], [jø] во второй и четвертой ритмических группах; 8-16 слоги.

Monsieur Grandet, / si ça vous gênait, / lui dit / un marchand de drap, / son plus proche voisin, / je vous en débarrasserais. (O. de Balzac, *Eugénie Grandet*, p. 136) – на фоне точной бедной рифмы появляется приближительная рифма в лексемах *drap/voisin*; 4-9-16-21-28 слоги.

В приведенных выше примерах, как и в остальной массе примеров, не соблюдается последовательность чисел Фибоначчи. Возможным объяснением этого может быть стремление ритмических групп, в которых обнаруживается рифма, к равенству с точки зрения слогового состава. Так, например, наиболее часто данные показатели соотносятся как 4 к 8, то есть в пер-

вой ритмической группе окончание (4 слог) рифмуется с восьмым слогом и так далее. Например: *Quand ils passèrent / le pont d'Asnières, / une gaieté les saisit / à la vue de la rivière / couverte de bateaux, / de pêcheurs et de canotiers. (G. de Maupasant, Bel Ami, p. 141) – 4-8-21 слоги.*

Лексический уровень.

Для создания ритма при помощи употребления **антонимов и синонимов** необходима относительно высокая частотность их употребления в тексте или во фрагменте текста. Данные средства характеризуют речь того или иного персонажа или используются при описании.

Однако довольно сложной является проблема определения частотности их употребления на ритмическую единицу текста. В основе критериев определения величины ритмической единицы лежит множество факторов, а именно **объем, частотность, интервал употребления**. Понятие объема может быть представлено количеством слогов ритмического средства. Частотность и интервал его употребления – понятия взаимосвязанные, поскольку частота употребления напрямую зависит от расстояния между употребляемыми средствами. Однако это правило работает в том случае, когда в тексте наблюдается их регулярное, повторяющееся употребление. В этом случае остается определить, насколько частым должно быть употребление средства, чтобы стать ритмическим. Проявление ритмики наиболее очевидно при употреблении в тексте фоностилистических средств, что связано с их высокой плотностью на страницу текста. При проявлении лексических средств ритмика текста менее очевидна и менее ощутима, и в расчет частотности их употребления берется не страница текста, а произведение в полном его объеме. При этом именно лексические средства и ритмичность их проявления имеют наиболее плотную связь с семантикой текста.

Таким образом, **основным критерием** проявления ритма, образованного при помощи данных лексических средств, является **частотность их употребления в рамках довольно крупных ритмических единиц** (от абзаца до книги в целом). Однако не исключены случаи их употребления и в меньших по объему единицах: фраза, сверхфразовый компонент, сверхфразовое единство.

Плотность употребления данных средств, как правило, довольно низкая для того, чтобы создавать ту степень ритмики, которую имеет фонетический аспект. Периодически проявляющиеся в тексте лексические средства в некоторой степени несут ритмику на содержательном, сюжетно-образном уровне, характеризую язык автора, подчеркивая его индивидуальность.

Антонимы в рамках художественного текста представляют собой лексическое средство выражения антитезы, что является их основной стилистической функцией. Употребление антонимов в тексте свидетельствует о цельности восприятия автором действительности, выражающейся в контрастах.

Антонимичные конструкции характеризуются определенной мелодикой, повторение которой, на фонетическом уровне усиливает восприятие ритма текста. Анализ интонограмм показывает, что характерным мелодическим контуром для антонимичных пар является подъем и спад на коротком временном отрезке. При этом выделяются два основных типа мелодического контура: восходяще-нисходящий \searrow и нисходяще-восходящий \swarrow . Преобладающим является первый тип, характеризующийся повышением тона при произнесении ударного слога.

Синонимичные конструкции в отличие от антонимичных менее выразительны и контрастивны с точки зрения восприятия смысла текста и его ритм. Большинство синонимов представлено существительными и прилагательными:

Mais comme on se trouvait / tout juste sur la ligne / de séparation des plaines / et de la montagne, / celle-ci s'étendait à gauche, / vers Clermont-Ferrand, / et s'éloignant, / déroulait sur le ciel bleu / d'étranges sommets tronqués, / pareils à des pustules monstrueuses: / les volcans éteints, / les volcans morts.// (G. de Maupassant, Mont-Oriol, p. 20);

On s'appelait, / on se réunissait par hôtels, / par classes, / par castes. (G. de Maupassant, Mont-Oriol, p. 22).

Антонимичные и синонимичные конструкции часто сопровождаются синтаксическим параллелизмом, а также выполняют одну грамматическую функцию, являясь однородными членами предложения. Наиболее часто употребление данных ритмических средств заключено в рамки фразового компонента, простого предложения или фразы.

Возможна ли правильная периодичность при употреблении синонимов и антонимов в прозаическом тексте? Определим три пути вычисления:

- 1) первый путь – это подсчет фонетических слов в предложении;
- 2) второй путь – подсчет ритмических групп, содержащих антонимы или синонимы;
- 3) третий путь – определение соответствия числу Ф (1,618) позиции антонимов или синонимов в предложении.

В рамках первого варианта рассмотренные примеры имеют следующие последовательности: 14-17, 4-7, 28-29, 31-32, 3-7 (для антонимов), 2-4, 6-7, 2-3 (для синонимов). Заметим, что в антонимичных парах расстояние между элементами несколько больше по сравнению с синонимами. Однако в некоторых случаях наблюдается контактная позиция антонимов (28-29, 31-32).

При расчете последовательности ритмических групп получаются следующие цифры: 4-5, 2-3, 11-12, 1-2 (антонимы), 11-12, 3-4, 1-2 (синонимы). Очевидно, что элементы пар антонимов и синонимов находятся в соседних ритмических группах, что, безусловно, обеспечивает их более яркое восприятие читателем. Однако для построения последовательности чисел Ф это малозначительно.

Наконец, третий путь – определение ЗС в предложении с антонимами и синонимами. Например: *Tout en peignant, / debout devant sa toile, / avançant et reculant / avec des mouvements d'homme / qui combat, / il laissait couler / ses pensées familières, / comme s'il eût connu / depuis longtemps / cette jolie femme / blonde et noire, / faite de soleil et de deuil, / assise devant lui, / qui riait en l'écoutant / et qui lui répondait gaiement / avec tant d'animation / qu'elle perdait la pose / à tout moment.* (G. de Maupassant, *Fort comme la Mort*, p. 15). Первая пара антонимов характеризуется соотношением 11 к 7 (1,6), вторая пара антонимов соотносится с остальной частью текста как 12 к 6 (2). Однако большинство других рассмотренных примеров отличается конечной позицией ритмических групп, содержащих антонимы и синонимы. При таких условиях соотношений «до» и «после» выявить не удастся.

Грамматический уровень.

В основе грамматических ритмических средств также находится **повтор**, имеющий следующую структуру: **исходный элемент + повторяющиеся элементы**. В зависимости от средства элементы повтора могут находиться в **начальной, конечной, серединной, контактной, неконтактной, перекрестной** позициях по отношению друг к другу в рамках той или иной ритмической единицы. Так, для анафоры и редупликации характерна начальная позиция в ритмической единице, для эпифоры – конечная, для симплоки – и начальная, и конечная, для хиазма – перекрестное расположение повторяющихся элементов. Для других средств в большей степени важна позиция элементов по отношению друг к другу: анадиплозис, градация, эпаналепсис, однородные члены предложения и др.

Для достижения более высокой степени ритмизации при помощи указанных средств должны выполняться следующие условия: 1) наличие нескольких повторяющихся элементов, 2) наименьшее расстояние между исходным и повторяющимися элементами, 3) высокая частотность употребления в материале текста.

В рамках данного исследования рассмотрим употребление **лексической и синтаксической анафоры, анадиплозиса, эпаналепсиса, редупликации, однородных членов предложения**.

Для анализа употребления перечисленных грамматических средств ритмизации необходимо уточнить некоторые используемые понятия, поскольку многие стилистические термины имеют различное толкование во французских и русских лингвистических и стилистических словарях.

Лексическая и синтаксическая анафоры.

Понятие анафоры неоднозначно и вызывает множество вопросов. Во-первых, потому, что оно не имеет четкого разграничения с понятием **дейксиса**, часто представляемого как категория, объединяющая анафору и собственно дейксис (К. Бюлер, В.А. Виноградов, Е.М. Вольф, Ж. Клебер, Е. Ку-

рилович, Дж. Лайонз, Е.В. Падучева и др.). В этом объединении анафорические отношения отражают указание на элементы контекста, когда происходит отсылка от одного слова или словосочетания к другому [Вольф, 1974: 6]. В этом случае часто рассматривается ассоциативная анафора, тогда как для ритма наибольшее значение имеет полная (тавтологическая) анафора.

Во-вторых, в отечественной стилистике существует несколько типов анафоры как стилистической фигуры в зависимости от способов ее проявления: фонетическая, лексическая и синтаксическая. При этом одни словари рассматривают синтаксическую анафору как подтип лексической («Литературная энциклопедия»), а другие – как самостоятельный тип (Н.Н. Романова, А.В. Филиппов).

Во французской стилистике существует два типа анафоры: собственно анафора (*anaphore*), представляющая собой повтор слова или группы слов в начале нескольких стихов, предложений или частей предложения, и эпанафора (*épanaphore*), являющаяся по сути эквивалентом синтаксической анафоры. Однако понятие синтаксической анафоры применимо не только для повторяющегося оборота («Я не удивился бы, если бы застал в своей комнате пожар, вора, бешеную собаку... Я не удивился бы, если бы обвалился потолок, провалился пол, попадали стены...» А.П. Чехов), но и для частей высказывания одной и той же грамматической формы (Вхожу я в темные храмы, свершаю бедный обряд. А. Белый). Эпанафора реализуется через повтор одного и того же оборота часто с незначительными изменениями (с добавлением артикля, прилагательного местоимения): «Иls commencèrent avec le voisin de Nova, <...>. Иls commencèrent plusieurs fois ce manège sur le même sujet, <...> P. Bouille; «On tue un homme: on est un assassin. On en tue des millions: on est un conquérant. On les tue tous: on est un Dieu». (J. Rostand).

В рамках предпринятого исследования проводится анализ лексической и синтаксической анафор. Лексическая анафора представляет собой повторение начальных слов в двух и более относительно самостоятельных отрезках речи, а в качестве синтаксической анафоры рассматриваются повторы в начале предложений или частей предложения одних и тех же оборотов с повтором лексем и одной и той же грамматической формы различных лексем: **Le parapet de ce mur** pour lequel M. de Rénal a dû faire trois voyages à Paris, car l'avant-dernier ministre de l'Intérieur s'était déclaré l'ennemi mortel de la promenade de Verrières ; **le parapet de ce mur** s'élève maintenant de quatre pieds au-dessus du sol. (Stendhal *Le Rouge et le Noir*, p. 6) – лексическая анафора;

Il aimait cependant les lieux où grouillent les filles publiques, leurs bals, leurs cafés, leurs rues ; **il aimait** les coudoyer, leur parler, les tutoyer, flairer leurs parfums violents, se sentir près d'elles. C'étaient des femmes enfin, des femmes d'amour. (G. de Maupassant, *Bel Ami*, p. 13) – синтаксическая анафора с повтором лексем;

On l'absorbe, on le comprend, on le devine dans toutes les intentions de son sourire et de sa parole; <...> (G. de Maupassant, Mont-Oriol, p. 89) – синтаксическая анафора с употреблением одинаковых грамматических форм.

Выявление анафорических повторов в текстах французских писателей проводилось при помощи компьютерного приложения «Rythmanalyse»:

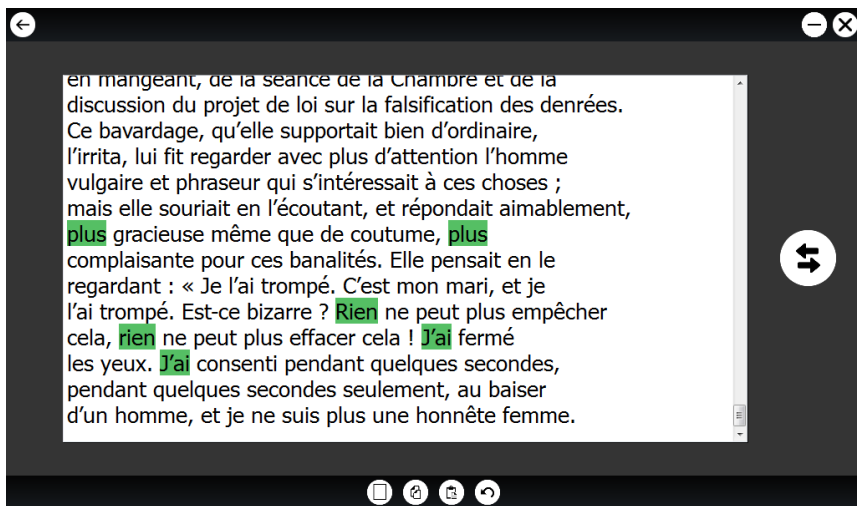

Рис. 1.4. Лексическая анафора в романе Г. Де Мопассана «Сильна как смерть»

Золотую пропорцию в рамках данного средства можно определить при помощи последовательности чисел Ф. В этом случае всегда в наличии будет первый элемент последовательности. Основной вопрос – это единица исчисления. И лексическая и синтаксическая анафоры могут представлять собой сочетание слов. В этом случае при подсчете фонетических слов предлагается рассматривать анафору как единое фонетическое слово.

Следующие примеры демонстрируют общие тенденции употребления элементов анафоры. Ее компоненты занимают различные позиции, однако неизменной остается позиция первого элемента в ритмической единице – начальная:

- **Eh bien** (1), *quoi, papa ? dit Vautrin en l'interrompant.*
 - **Eh bien** (7) ! *vous payerez cela bien cher quelque jour..*
 - *En enfer, pas vrai ? dit le peintre, dans ce petit coin noir où l'on met les enfants méchants !*
 - **Eh bien** (28) ! *mademoiselle, dit Vautrin à Victorine, vous ne mangez pas.* (O. de Balzac, *Le Père Goriot*, p. 46).
- Cependant, du fond de la place, quelques-uns crièrent :*

– **A bas** (1) *Guizot !*

– **A bas** (3) *Pritchard !*

– **A bas** (5) *les vendus !*

– **A bas** (7) *Louis-Philippe !* (G. Flaubert, *Education sentimentale*, p. 54)

Elle (1) *y dirigeait les affaires de la famille, elle* (5) *était chargée de faire face aux contributions imposées à la casa del Dongo, comme on dit dans le pays; elle* (18) *cherchait à les faire diminuer, ce qui l'obligeait à voir ceux des nobles qui avaient accepté des fonctions publiques, et même quelques non nobles fort influents.* (Stendhal, *Chartreuse de Parme*, p. 10).

Leurs (1) *figures pâles, leurs* (4) *grands yeux étonnés, leurs* (8) *membres amaigris, faisaient un étrange contraste avec la joie qui éclatait de toutes parts. Leur* (19) *arrivée fut le signal du départ pour les familles les plus compromises.* (Stendhal, *Chartreuse de Parme*, p. 12).

On y fait (1) *d'excellente musique, on y cause* (4) *aussi bien que dans les meilleures potinières du dernier siècle.* (G. De Maupassant, *Notre coeur*, p.1) – синтаксическая анафора.

Таким образом, вновь подтверждается гипотеза о некотором совпадении с последовательностью чисел Ф на начальных компонентах (1-3-5-8). Достаточно частотной является последовательность 1(oe) -3(e) -5(oe) повторяющееся фонетическое слово (или лексема). Частичное совпадение элементов последовательности (через один или два элемента) последовательностью чисел Ф не является.

Анадиплозис, эпаналепсис, редупликация.

Данные понятия представляют наибольшую трудность в разграничении. Так, например, О.С. Ахманова отождествляет понятия анадиплозиса и эпаналепсиса, рассматривая их как фигуры речи, состоящие в «повторении слова или выражения в начале или в конце следующих друг за другом словосочетаний (предложений). *Je l'ai vu, de mes yeux vu, vu comme je vous vois.*» [Ахманова, 1969: 526]. Однако, с нашей точки зрения, данное определение является неточным, поскольку существует множество типов повторов, выделяемых на основе различных параметров (позиции, точности повтора и т.д.). Так, данная трактовка может быть применима, например, к понятию анафоры, хотя анафора и эпаналепсис или анафора и анадиплозис далеки друг от друга, как с точки зрения содержания, так и с точки зрения выражения.

В трактовке понятия анадиплозис (греч. *ana* (снова) и *diploos* (двойной)) у большинства отечественных и французских лингвистов существует единое мнение: это повтор конечного слова одной части предложения в начале новой части или повтор конечного слова в предложении и в начале следующего предложения¹. Однако, все же среди французов существуют варианты

¹ «Répétition au début de la phrase du mot qui ferme la phrase précédente» [Fromilhague, Sancier-Chateau, 1996: 187].

трактовки. Так, например, Д. Берже, В. Жеро и Ж.-Ж. Робрие вкладывают в данное понятие следующий смысл: «Cette figure de répétition consiste à reprendre dans une phrase (souvent au début) un mot ou un groupe de mots de la phrase précédente, de manière à établir une liaison¹: **Rassemblez les hommes, vous les rendrez meilleurs; car les hommes rassemblés chercheront à se plaire**, <...> (Robespierre, Rapport présenté au nom du Comité de salut public, 18 floréal, an II) [Berger, Géraud, Robrieux, 2010: 23]. Так, в данном определении позиция исходного элемента анадиплозиса не определена.

Отечественные лингвисты часто трактуют анадиплозис как стык. Данное понятие характеризует ритмические отношения, возникающие между частями предложения или между предложениями в рамках ритмической единицы: *Ma seule ambition a été de voir. Voir n'est-ce pas savoir ? Oh ! savoir, jeune homme, n'est-ce pas jouir intuitivement ?* (O. de Balzac, *La Peau de Chagrin*, p. 19). В приведенном примере также реализуется такое стилистическое средство, как конкатенация (*concaténation*), то есть употребление цепочки повторов на стыке предложений. Данное средство часто рассматривается как форма анадиплозиса. Одной из его форм также является эпанадиплозис (*épanadiplose*), состоящий в повторе слова в начале предложения и в конце, однако такой тип повтора не имеет четких отличий от симплоки, в связи с этим в рамках исследования данное понятие не применяется.

Основное стилистическое предназначение анадиплозиса состоит в том, что он представляет собой один из способов аргументации, довольно жесткой и «не теряющей возражений»². Кроме того, в рамках анализа семантики текста при помощи данного средства обеспечиваются структурно-семантические связи в произведении. При помощи повтора данного типа создается эффект усиления эмоционального напряжения, стремления автора или персонажа в полной мере передать определенное эмоциональное состояние.

С точки зрения Ж. Молинье, П. Бакри и некоторых других французских лингвистов, анадиплозис и эпанадиплозис являются частными формами **эпаналепсиса**. Данное средство является одним из наиболее противоречивых в стилистике, поскольку в зависимости от условий употребления оно может отождествляться с анафорой, эпифорой, анадиплозисом и другими стилистическими фигурами. Часто эпаналепсис употребляется как понятие синонимичное простому повтору, при этом для обеих фигур существует определение этимологического парафраза³. Основной стилистической функ-

¹ Повтор слова или группы слов одного предложения в начале следующего предложения с целью установки смысловой связи.

² <...> elle est très employée en argumentation pour lier des arguments et soutenir un raisonnement efficace et rigoureux. L'anadiplose aboutit ainsi à un effet de clôture du discours, qui ne semble pas permettre de critique [Formilhague, 1996: 121].

³ Epanalepse et répétition simple sont souvent employés de manière synonymique; en linguistique, on lui préfère la seconde acception). On la nomme souvent, par paraphrase étymologique, reprise à la suite mais son extension linguistique est difficile à identifier [Fromilhague, 2010:45].

цией данной фигуры является выражение эмоционального состояния, определенных чувств: злости, боли, отчаяния, радости и др. При этом часто повторы данного типа не лишены юмористической окраски.

Во французской стилистике многие понятия трактуются через призму поэтики; так, под эпаналепсисом понимается повтор группы слов в начале предложения или повтор стиха в нескольких строфах. В рамках исследования для анализа прозаических текстов принимается точка зрения отечественных лингвистов, согласно которой эпаналепсис рассматривается как **повтор слова или части высказывания после промежуточных слов**: <...> *et que personne ne devait découvrir, pas même son frère, surtout son frère.* (G. de Maupassant, *Pierre et Jean*, p. 92).

В рамках анализа ритмики текста для эпаналепсиса важно определить степень распространенности его элементов. Она важна лишь в том случае, если **элементы распространения находятся между повторяющимися лексемами или сочетаниями. Чем меньше этот диапазон, тем более ритмичным является текст**: *D'un mari j'ai dû tout supporter; mais d'un ami, d'un simple ami, je ne veux accepter aucune de ces tyrannies d'affection qui sont les calamités des relations cordiales.* (G. de Maupassant, *Notre Coeur*, p. 30).

Таким образом, эпаналепсис определяется как фигура, исключаяющая контактные повторы на стыке частей предложения или на стыке предложений (анадиплозис), а также случаи неконтактных повторов в начале (анафора) или конце (эпифора) частей предложения и предложений, и одновременно в начале и в конце частей предложения (симплока).

Следует четко разграничивать понятия **эпаналепсиса и редупликации (палилогии)**¹. Оба средства также основаны на повторе, однако редупликацией принято называть повтор слов, находящихся в контактной позиции, с целью акцентуации их семантики, а в качестве эпаналепсиса рассматривается повтор слов и словосочетаний после промежуточных слов.

Отметим, что в случае редупликации повтор часто наблюдается в начале высказывания, что обусловлено стремлением выделить повторяющуюся лексему, несущую определенную эмоциональную или смысловую нагрузку. Эта характеристика редупликации позволяет отличать ее от анадиплозиса: *Jamais, jamais rien de plus divin ne m'avait troublé le coeur...* (G. de Maupassant, *Mont-Oriol*, p. 58).

В отечественной лингвистике существует несколько подтипов редупликации, выражающихся в удвоении существительного (редупликация существительного), глагола (редупликация глагола), наречия и местоимения (редупликация наречия или местоимения в начальной позиции как часть противопоставления), прилагательного (редупликация прилагательного), импе-

¹ Для редупликации в отечественной стилистике также существует термин удвоение [Ахманова, 1969: 382]. Во французской стилистике редупликации соответствует палилогия.

ратива (редупликация императива), наречия образа действия (редупликация наречия образа действия префиксальная), а также выделяется редупликация слова как средство уверения, уточнения [Романова, Филиппов, 2009: 339]. Например: Глухо-наглухо; веселый-веселый; Как по морю, морю синему; Заходите-заходите! и т.д.

Повторению слова подряд, без разрыва, в контактной позиции также соответствует такое стилистическое средство, как эпизевксис (*épiZeuxe*). Однако оно не определяет позицию этого повтора, что немаловажно при разграничении многих стилистических понятий. Для повтора слов в контактной позиции (чаще в начале предложения) целесообразно применять понятие **редупликации**, а для контактного повтора слов между частями предложения или между предложениями в рамках ритмической единицы – понятие **анадиплозиса**.

Редупликация, как и анадиплозис выявлялись при помощи приложения «Rythmanalyse»:

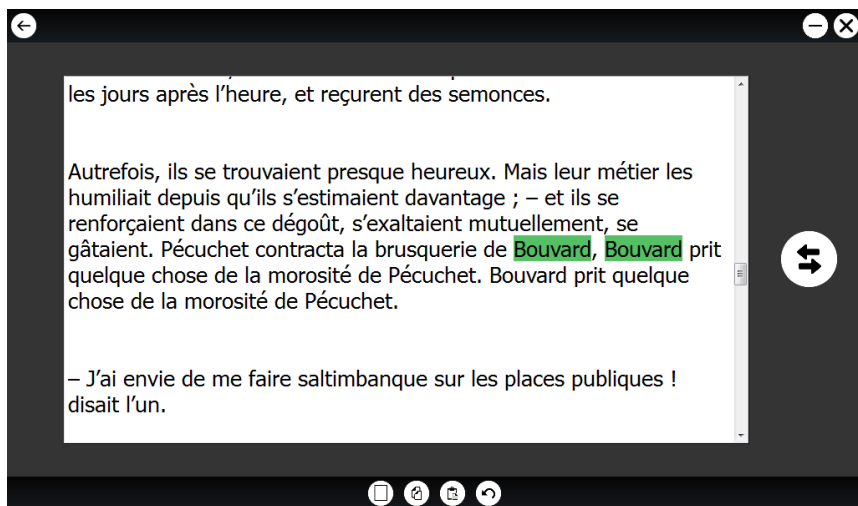

Рис. 1.5. Анадиплозис в романе Г. Флобера «Бувар и Пекюше»

Структура данных средств включает два и более элемента. Вычисление золотого сечения возможно при помощи подсчета соотношения фонетических слов до первого элемента анадиплозиса и после него.

Для вычисления анадиплозиса, который появляется на стыке предложений или частей предложения, необходимо рассматривать в качестве ритмической единицы совокупность этих предложений:

Soyez bonne pour lui, remettons à causer de cela demain. Demain, voyez-vous, tout sera sans doute officiel, vous pourrez être officieuse à coup sûr. – $\Phi - 1,8$ (O. de Balzac, *Le Père Goriot*, p. 64);

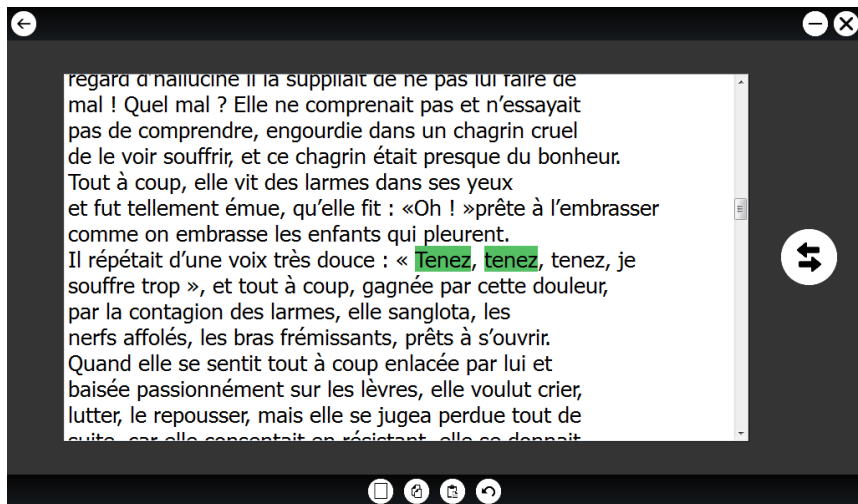

Рис. 1.6. Редупликация в романе Г. де Мопассана «Сильна как смерть»

*Alors, ce n'est pas un **oncle**, l'oncle est essentiellement égrillard.* – $\Phi - 1$ (O. de Balzac, *La Peau de Chagrin*, p. 29);

*Quand ils ont adopté un **livre**, le livre devient à la mode.* – $\Phi - 2$ (O. de Balzac, *La Peau de Chagrin*, p. 57);

*Ici dit le comte je sème des **turneps**. Le **turnep** est la base de ma culture quadriennale et il entamait la démonstration du semoir.* – $\Phi - 1,8$ (G. Flaubert, *Bouvard et Pécuchet*, p. 32);

*Rendre **la cuve**, la cuve aux sacrifices?* – $\Phi - 1$ (G. Flaubert, *Bouvard et Pécuchet*, p. 138);

*Duroy s'assit et **attendit**. Il **attendit** longtemps.* – $\Phi - 2$ (G. de Maupassant, *Bel Ami*, p. 58);

*Il y eut un long **silence**; un **silence** douloureux et profond.* – $\Phi - 1,5$ (G. de Maupassant, *Bel Ami*, p. 122);

*Mais non, il fallait **rentrer**, **rentrer** dans la maison paternelle et se coucher dans son lit.* – $\Phi - 0,8$ (G. de Maupassant, *Pierre et Jean*, p. 88);

*Sa vie fut le ciel et l'**enfer**: l'enfer quand elle ne voyait pas Julien, le ciel quand elle était à ses pieds.* – $\Phi - 0,3$ (Stendhal, *Le Rouge et le Noir*, p. 108).

Приведенные примеры показывают, что средний диапазон соотношения фонетических слов ритмической единицы до первого элемента анадиплозиса и после второго составляет 0,3 – 2 единицы. Это соотношение в некотором роде приближается к числу Φ (1,618), однако не имеет предельной точности.

Редупликация в большинстве случаев обеспечивает употребление первого и второго элементов последовательности. Такое расположение элементов

далеко от того, чтобы считать его проявлением последовательности чисел Φ , хотя совпадение двух первых элементов последовательности соблюдается:

Bien, bien ! *on y va, dit Deslauriers; il ne découchera pas.* (G. Flaubert, *Education Sentimentale*, p. 14);

Allons, allons, *la soupe est cuite.* (G. de Maupassant, *Bel Ami*, p. 149);

Vois, vois *ce sourire gracieux au moment où elle figure seule dans cette contredanse.* (Stendhal, *Le Rouge et le Noir*, p. 267);

Fuyez, fuyez, *lui dit-elle avec l'accent de la plus vive colère.* (Stendhal, *Le Rouge et le Noir*, p. 184).

Для эпаналепсиса в отличие от анадиплосиса представляется возможным вычисление золотого сечения при помощи последовательности чисел Φ в рамках предложения. Связано это с тем, что структура эпаналепсиса предполагает наличие компонента или компонентов, находящихся в интерпозиции между его элементами. Данный компонент не может быть рассмотрен как единое целое с элементами ритмического средства. Интерпозицию между элементами эпаналепсиса может занимать одна лексема (чаще выраженная прилагательным и в меньшей степени наречием, существительным, глаголом) или целый фразовый компонент (компонент сложного предложения). В большинстве случаев структура эпаналепсиса включает два элемента. При этом элементы чаще выражены именем существительным, но могут выполнять разные функции в предложении, например, дополнения именной части сказуемого:

Citer comme preuve le témoignage des foules, mauvaise preuve. 3-7 (G. Flaubert, *Bouvard et Pécuchet*, p. 150);

обстоятельства (места) и дополнения:

Regimbar, au contraire, ne voyait dans les faits que les faits. 5-7 (G. Flaubert *Education Sentimentale*, p. 43);

Кроме того, несмотря на взаимосвязи лексических повторов и однородных членов, как разноуровневых категорий, элементы эпаналепсиса могут выступать в качестве последних:

Entre le joueur du matin et le joueur du soir il existe la différence qui distingue le mari nonchalant de l'amant pâmé sous les fenêtres de sa belle. 2-4 (O. de Balzac, *La Peau de Chagrin*, p. 2). В данном примере это объясняется, прежде всего, наличием определения, выраженного существительным с предлогом, которое противопоставляет по значению одно другому.

В других случаях в большинстве своем элементы эпаналепсиса выступают в качестве распространенного лексического повтора:

Nous sommes la branche cadette, branche d'autant plus pauvre que mon grandoncle, vice-amiral, a tout perdu au service du Roi. 3-5 (O. de Balzac *Le Père Goriot*, p.52);

Mais il y a eu quelque chose de plus horrible que les cris, un silence que je n'ai jamais retrouvé nulle part, le vrai silence du tombeau. 11-20 (O. de Balzac *Le Colonel Chabert*, p. 19);

*Il amena successivement David devant une **presse** à satiner; une **presse** à rogner pour faire les ouvrages de ville, et il lui en vanta l'usage et la solidité. 6-8 (O. de Balzac Les Illusions Perdues, p. 11);*

*Il avait les **maïns** de l'homme bien né, des **maïns** élégantes, à un signe desquelles les hommes devaient obéir et que les femmes aiment à baiser. 3-7 (O. de Balzac Les Illusions Perdues, p. 20);*

*Elle était debout, et me jetait son **sourire** banal, le détestable **sourire** d'une statue de marbre, sec et poli, paraissant exprimer l'amour; mais froid. 5-8 (O. de Balzac La Peau de Chagrin, p. 66);*

*Et c'était **fini**, pour lui, **fini** pour toujours. 3-5 (G. de Maupassant Bel Ami, p. 129);*

*Je crois que le **sentiment**, vous entendez bien – le **sentiment** – peut faire tout entrer dans l'esprit d'une femme; seulement ça n'y reste pas souvent. 4-8 (G. de Maupassant Notre Coeur, p. 17);*

*Cela avait poussé en elle tout doucement, comme un **instinct** caché qui se développe, l'**instinct** de la guerre et de la conquête. 8-12 (G. de Maupassant Notre Coeur, p. 23);*

*D'un mari j'ai dû tout supporter; mais d'un **ami**, d'un simple **ami**, je ne veux accepter aucune de ces tyrannies d'affection qui sont les calamités des relations cordiales. 7-9 (G. de Maupassant Notre Coeur, p. 30).*

*Elle semait partout des **souvenirs** comme on jette des graines en terre, de ces **souvenirs** dont les racines tiennent jusqu'à la mort 4-10 (G. de Maupassant Une Vie p. 25);*

*La tyrannie de l'**opinion**, et quelle **opinion** ! 2-4 (Stendhal Le Rouge et le Noir, p. 5).*

В приведенных примерах наиболее близкими к последовательности чисел Ф являются следующие цепочки фонетических слов: 3-5, 5-8. Однако они немногочисленны, случайны и представляют собой проявление отдельных элементов последовательности чисел Ф, в том числе и в частности на начальном этапе.

Однородные члены предложения.

Их употребление имеет определенную специфику в рамках анализа ритмики текста. Французские словари стилистических терминов различных авторов (Ж.-Ж. Робрие, К. Фромилаг, П. Бакри) рассматривают понятие энумерации (*énumération*) или перечисления как последовательного употребления нескольких синтаксических элементов, соединенных сочинительной связью.

Исследование показало, что наиболее продуктивными с точки зрения ритмики являются конструкции, включающие два и более однородных члена, соединенных между собой как союзной, так и бессоюзной связью. При этом в большей степени ритмику обеспечивают конструкции, элементы которых соединены посредством соединительных и в некоторых случаях раз-

делительных союзов. Основным критерием выделения данных типов связи является возможность включения в структуру неограниченного количества компонентов с небольшим слоговым объемом, что на фоне интонационного единства (перечислительной интонации) усиливает восприятие ритмического повтора. В качестве однородных членов как компонентов ритмической структуры рассматриваются **однородные подлежащие, сказуемые, именные части сказуемого, дополнения, определения, обстоятельства, приложения**. Необходимо отметить, что наибольшую степень ритмизации создают неосложненные однородные члены с бессоюзной связью.

Следует подчеркнуть важность удаленности однородных членов друг от друга: чем короче дистанция между «повторяющимися» элементами конструкции, тем выше степень ритмизации:

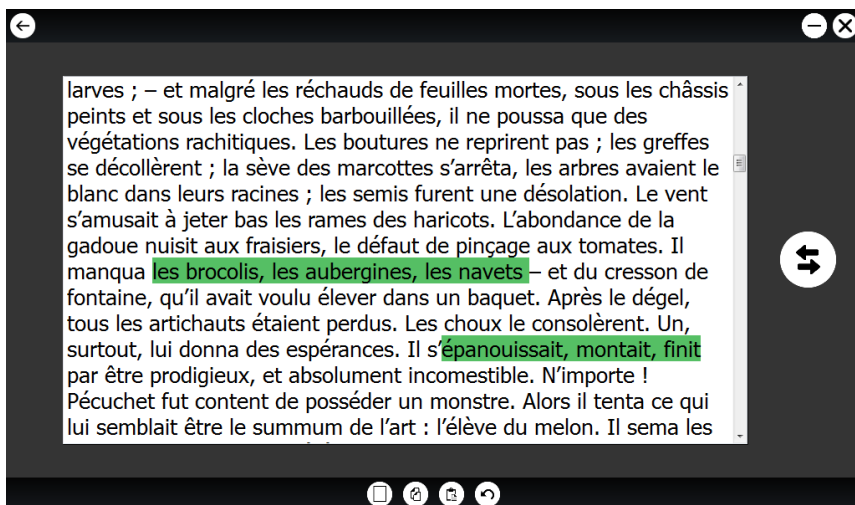

Рис. 1.7. Однородные члены в романе Г. Флобера «Бувар и Пекюше»

В таком случае цепочка однородных членов будет соответствовать последовательности чисел Ф только на самом начальном этапе (1-2-3). Наличие первого элемента является довольно редким (в большинстве случаев при употреблении однородных подлежащих), что связано с синтаксическими особенностями французского предложения:

L'audition, la phonation, la vision furent expédiées lestement (G. Flaubert, Bouvard et Pécuchet, p. 78.)

Другие конструкции, элементы которых в большей степени удалены друг от друга, менее ритмичны, и предположительно имеют некоторую вероятность соответствия последовательности. Однако исследование показало, что наиболее часто с последовательностью чисел Ф совпадает употреб-

ление однородных членов на 2, 3 и 5 позициях. При этом «правильность» последовательности часто ограничивается двумя элементами конструкции:

Un sourire d'espérance illumina son visage, glissa de ses lèvres sur ses traits, sur son front, fit briller de joie ses yeux et ses joues sombres. (O. de Balzac, *Le Père Goriot*, p. 9). 3-5-9; 7-8; 11-12;

Bouvard fumait la pipe, aimait le fromage, prenait régulièrement sa demi-tasse. Pécuchet prisait, ne mangeait au dessert que des confitures et trempait un morceau de sucre dans le café. (G. Flaubert, *Bouvard et Pécuchet*, p. 23). 2-4-6 / 2-3-6.

В вопросе определения взаимосвязи однородных членов и последовательности чисел Ф существует множество проблем, в частности зависимость последовательности от функций, выполняемых элементами конструкции, от степени распространения однородных членов, а также от позиции конструкции с однородными членами в предложении и употребления нескольких конструкций в рамках одного предложения. Все эти проблемы требуют дальнейшего изучения.

Подводя итог, можно утверждать, что основным результатом проведенного исследования является отрицательный результат, то есть отсутствие зависимости проявления рассмотренных ритмических средств в прозе от формулы «Золотого сечения». Большинство примеров подтвердило хаотичность проявления чисел Ф в составе ритмических средств. Однако в тех случаях, когда мы имели положительный результат, совпадение наблюдалось лишь на начальных элементах последовательности. Более явно правило ЗС действует в рамках сюжетной структуры произведения, однако это достаточно субъективный фактор. Для каждого читателя в произведении найдется свой кульминационный момент, свое кульминационное слово. И все же не следует быть категоричными в суждениях. Исследований по данному вопросу на материале французской прозы не проводилось, и вполне вероятно ошибочное определение критериев выявления ЗС, способа его определения или единиц текста... В таком случае необходимы дальнейшие исследования и поиски истины.

Библиографический список к главе 1

1. Bacry P. Les Figures de style et autres procédés stylistiques. – P.: Armand Colin, coll. « Collection Sujets » 1992.
2. Bergez D. Géraud V., Robrieux J.-J. Vocabulaire de l'analyse littéraire. – 2e édition. – P.: Armand Colin, 2010. – 274 p.
3. Boychuk E.I., Paramonov I.V., Kozhemyakin N.I., Kasatkina N.N. Automated Approach for Rhythm Analysis of French Literary Texts // Proceedings of the 15th Conference of Open Innovations Association FRUCT. Saint-Petersburg, Russia, 21-25 April 2014. – Publisher: ITMO university publisher house. – P. 15-24.

4. Fromilhague C., Sancier-Chateau A. Introduction à l'analyse stylistique. – P.: Dunod, 1996. – 273 p.
5. Molinié G., Aquien M. Dictionnaire de rhétorique et de poétique. – P.: «La Pochothèque», 1999. – 753 p.
6. Morier H. Dictionnaire de poétique et de rhétorique. – P.: Presses universitaires de France, coll. «Grands Dictionnaires», 1998.
7. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. – М.: Советская Энциклопедия, 1969. – 608 с.
8. Бойчук Е.И. Ритм прозы (на материале французского языка): монография. – 2013. – 223 с.
9. Васильева Н.М. Сочетание самостоятельных предложений с союзом «et» во французском языке (структурно-семантическая и прагматическая характеристика) // Функционально-структурные особенности романских языков. – М.: Изд-во МГОУ, 2013. – С. 16-24.
10. Грамматика и семантика прилагательного (на материале иберо-романских языков). – М.: Наука, 1974. – 224 с.
11. Илия Л.И. Грамматика французского языка. – М.: Учпедгиз, 1963. – 248 с.
12. Квятковский А.П. Поэтический словарь. – М.: Сов. Энцикл., 1966. – 347 с.
13. Литературная энциклопедия: Словарь литературных терминов: в 2-х т. / Под ред. Н. Бродского, А. Лаврецкого, Э. Лунина, В. Львова-Рогачевского, М. Розанова, В. Чешихина-Ветринского. – М.; Л.: Изд-во Л.Д. Френкель, 1925.
14. Мусинова Н.Е. Принцип «Золотого сечения» в поэзии акмеизма // Мир науки, культуры, образования. – 2009. – № 5 (17).
15. Розенов Э.К. Закон золотого сечения в поэзии и в музыке. – М., 1982. – С. 119-245.
16. Романова Н.Н., Филиппов А.В. Стилистика и стили: учебное пособие. – М.: Издательство «Флинта», 2009. – 405 с.
17. Холопова В.Н. Музыкальный ритм. – М.: Музыка, 1980. – 71 с.
18. Шевелев И.Ш. Золотое сечение: Три взгляда на природу гармонии. Научное издание. – М.: Стройиздат, 1990. – 343 с.

**ИМЯ СОБСТВЕННОЕ КАК ЕДИНИЦА
ОБЩЕЙ И СПЕЦИАЛЬНОЙ НОМИНАЦИИ:
ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ ОБЗОР**

Для современной лингвистики характерно сосуществование множества частных парадигм при общем доминировании антропоцентрического подхода.

Каждый период развития того или иного общества характеризуется появлением новых понятий, отражающих экономические, юридические, политические, социальные, культурные, религиозные изменения в его жизни, что приводит к изменениям в системе языка, поскольку язык представляет собой развивающуюся, открытую систему, которая постоянно выражает новые и новые смыслы. Еще в конце XIX – начале XX века Ф. де Соссюр писал: «Если кто-нибудь станет предполагать наличие в языке каких-то постоянных признаков, над которыми не властно ни пространство, ни время, тот посягнет на основные принципы эволюционной лингвистики» [32, с. 266].

Имя собственное (далее – ИС), используемое в любом виде дискурса, – явление, которое позволяет проследить изменения в системе языка, обусловленные историческими, социальными и культурными событиями, характерными для данного общества или имеющими значение для некоей области знания.

В истории языкознания первыми семантическое деление лексики по характеру номинации на имена собственные и нарицательные осуществили еще античные философы-стоики. В античной филологии выделялись: у греков – *ONOMATA KYPIA* vs *ПРОΕΝΓΟΡΙΑΙ*, у римлян – *NOMINA PROPRIA* vs *APPELATIVA*.

Античные понятия послужили основой для появления соответствующих терминов в европейских языках: англ. “proper name”, “onomastics”; фр. “nom propre”, “onomastique”; нем. “Eigenname”, “Onomastic”; исп. “nombre propio”, “onomastica”; в русск. «оним», «ономастика», «ономастикон».

Упоминание имен собственных можно найти в работах Аристотеля, Платона, Т. Гоббса, Дж. Милля, Б. Рассэла, О. Есперсена и др. как характеристики особого слова, именующего отдельный, определенный объект, входящий в известный, определенный класс объектов. Ф.Ф. Фортунатов, проводя границу между названиями общими, т.е. нарицательными именами, и названиями собственными, т.е. собственными именами, определяет последние как обозначающие «... индивидуальные вещи, предметы без отношения к их признакам, в самой их индивидуальности, поскольку такое обозначение предметов представляет интерес для говорящих» [45, с. 166].

Несмотря на давнюю традицию описания, и в современной науке существуют различные мнения, касающиеся вопроса разделения имен на собственные и нарицательные. Так, например, А.В. Суперанская подчеркивает, что «... деление лексического состава языка на имена собственные и нарицательные – одно из кардинальных делений лексики» [34, с. 15]. Фоякова О.И. отмечает, что в современной лингвистике формируется новый раздел лексической семантики – ономастическая семасиология, рассматривающая вопросы теории, типологии и структуры ономастических значений имен собственных в их отличии от имен нарицательных [44, с. 11].

Другие же исследователи отстаивают иную позицию. О. Есперсен считает, что «... с лингвистической точки зрения совершенно невозможно провести четкую демаркационную линию между именами собственными и нарицательными... поскольку различие между ними количественное, а не качественное» [12, с.76]. Ташицкий В. отмечает, что «... никакой существенной разницы между ономастическими и нарицательными словами нет» [30, с. 11].

Проблема выделения ИС как самостоятельного класса обусловлена в немалой степени различием в подходах к решению центральной проблемы ономастиологии – проблемы значения имени собственного.

В теории имен собственных одним из самых сложных вопросов является вопрос о наличии / отсутствии значения у онимов. Одни авторы утверждают, что онимы лишены значения, другие считают их значение неполноценным или лежащим в ином, нежели у апеллятивов, информационном плане, а третьи приписывают им еще более содержательное значение, чем нарицательным именам.

Можно выделить три вполне сложившихся подхода к семантике онимов, а следовательно, и определения их специфики как единицы номинации.

Самая традиционная трактовка вопроса о своеобразии значения ИС восходит к английскому логикку Джону Стюарту Миллю, который считал, что онимы (имена собственные) не обладают значением, так как не говорят о свойствах предмета, носящего это имя, а только выделяют его среди других.

«Когда мы произносим имя собственное и, указывая на человека, говорим: это Браун или Шмидт либо, указывая на город, это Йорк, тем самым мы не сообщаем слушателю никаких сведений, никакой информации, кроме имен» [62, с. 41 – цит. по 3, с. 7].

Данный подход получил развитие в трудах как зарубежных, так и отечественных лингвистов (см., например, труды А. Гардинера, Л. Стеббинга, В. Брендалья, А.А. Реформатского, А.А. Уфимцевой, О.С. Ахмановой, Н.И. Толстого и др.). Именно при такой трактовке онимы определялись как «ущербные», «пустые», «полые», «асемантические» слова, знаки-метки. Например, А. Гардинер подчеркивал, что «... обычные слова, среди которых большую роль играют обобщенные названия (т.е. имена нарицательные),

непосредственно передают информацию, имена собственные только снабжают ключом к информации», и предложил следующее определение: «Имя собственное – это слово (группа слов), осознаваемое как указывающее (или склонное указывать) на объект (объекты), с которыми оно соотносится исключительно посредством дистинктивного звучания, безотносительно любого значения, изначально присущего этому звуковому комплексу или приобретенного им через ассоциацию с указанным объектом или группой объектов» [58, с. 48]. Уфимцева А.А. считает, что имена собственные – это «лексически неполнозначные слова, не обладающие никакой смысловой структурой, выполняющие в языке лишь одну – номинативно-опознавательную функцию» [43, с. 72]. Этот подход сформировался на основе анализа собственно языковой семантики единиц, вне речевого употребления.

Второй подход, на наш взгляд, восходит к трудам О. Есперсена, отмечавшего, что «Милль и его последователи слишком много внимания уделяли тому, что можно назвать словарным значением имени, и очень мало занимались его контекстуальным значением в той конкретной ситуации, в которой оно произносится или пишется» [12, с. 71]. Далее он приходит к выводу о том, что в «реальном употреблении» ИС (онимы) «коннотируют наибольшее количество признаков» [12, с. 71].

Близки именно к такой трактовке Г. Серенсен, Г. Суит, В.И. Болотов, С.И. Зинин, А.В. Суперанская и др. Так, А.В. Суперанская пишет: «Ономастическая семантика – совершенно особый тип семантики, по-разному проявляющийся на уровне языка и речи». В языке, по мнению А.В. Суперанской, семантика ИС сводится к тому, что это – ИС, а в речи семантика ИС «... складывается из объектно-номинативной связи и сопровождается комплексом субъективных сведений и эмоциональных обертонов, индивидуальных для каждого носителя языка» [34, с. 322-323].

Третий подход базируется на утверждении о том, что онимы имеют значение и в языке, и в речи. Эту точку зрения отстаивают Ю.А. Карпенко, В.А. Никонов, Ф.Травничек, О.И. Фоянкова, Л.В. Щерба и др.

Так, Л.В. Щерба отмечал, что «... поскольку собственные имена, будучи употребляемы в речи, не могут не иметь никакого смысла, постольку мы должны их считать словами, хотя бы и глубоко отличными от нарицательных... Весь вопрос состоит в том, что в языке является значением собственных имен» [51, с. 278].

Никонов В.А., определяя специфику семантики онимов, предлагает разграничивать три плана значения ИС: 1) этимологическое значение основы, т.е. значение дономастическое; 2) собственно-ономастическое; 3) отономастическое [27, с. 12-13].

Часть лингвистов полагает, что лексическое значение ИС базируется на тех же типах отношений, что и значение нарицательных, а, следовательно, сигнификативная функция онимов характеризуется двойственностью: в

языке имя обнаруживает общее понятие, в речи же – конкретное, единичное, частное.

Третий подход, который заключается в том, что онимы обладают значением как в языке, так и в речи, характеризуется интегративностью и может служить, на наш взгляд, основой для анализа специфики функционирования онимов в дискурсе.

На основе разграничения значения и смысла Г. Фреге предложил следующую трактовку имени: всякое имя называет некий предмет (значение, денотат или референт имени) и выражает некоторый смысл, характеризующий значение имени. В соответствии с концепцией Г. Фреге в семантической структуре наименования необходимо различать значение как отношение к обозначаемому предмету и смысл – информацию, заключенную в имени. При этом наименование информативно, так как оно отражает один из признаков обозначаемого предмета и сообщает о нем. В соответствии с этим он предлагает следующее определение: «Под “знаком” или “именем” я понимаю любое обозначение, выступающее в роли имени собственного, значением которого является определенный предмет (в самом широком смысле этого слова), а не понятие и не отношение... Обозначение одного предмета может состоять также из нескольких слов и иных знаков. Для краткости каждое такое обозначение может быть названо именем собственным» [46, с. 358-379]. Таким образом, термин «имя собственное» используется в широком значении – и в качестве простого знака, обозначающего отдельный предмет, и в отношении сложных обозначений предметов – описаний, дескрипций.

Опираясь на эту концепцию, можно считать, что онимы обладают специфической семантикой, включающей обязательную соотнесенность с дискретными объектами действительности.

Обобщая исследования многих ученых по проблемам ономастической семасиологии и устанавливая ряд дифференциальных признаков значения и функционирования онимов, О.И. Фоякова рассматривает:

- 1) содержание денотативного значения онимов, подчеркивая, что оно включает все признаки единичного понятия, особенно на уровне речи. Именно эта особенность, как отмечал еще О. Есперсен, и объясняет возможность деонимизации. Дополнительным аргументом в пользу наличия у онимов денотативного значения может служить и то, что «... связь *potinā prorgia* с системой данного языка проявляется в оформлении *pot.pr.* как грамматических и словообразовательных категорий того языка, реализации в *pot.pr.* лексем данного языка. Вместе с тем *pot.pr.*, конституирующиеся на основе апеллятивов, представляют собой самостоятельную сферу со свойственными ей закономерностями»;

- 2) объем денотативного значения онимов, который, по мнению исследователя, реально равен единице или стремится к ней, так как имя всегда обозначает в языке один, отдельно взятый предмет (в том числе и *pluralia tantum*). В речи же возможно использование единицы по отношению к нескольким предметам или в связи со спецификацией одного предмета;
- 3) прагматическое значение онима, считая, что оно ограничено только речью или текстом, но является постоянным;
- 4) коннотативное значение онимов, отмечая, что оно шире и разнообразнее, чем у имен нарицательных, и передается за счет функционирования системы эмоционально-стилистических вариантов, при этом каждый из вариантов может передавать те или иные элементы коннотативного значения онима [44, с. 16-17].

Голомидова М.В. предпринимает попытку разработать концепт имени собственного на основе моделирования именно семантики данной единицы. Концептуальность имени трактуется как совокупный объем представлений о возможностях его использования носителями языка в соответствии со сформированной системой знаний и представлений. Концептуальная модель представлена следующими уровнями: 1) общая категориальная семантика имени, выявляемая на основе оппозиции оним – апеллатив. Оним является знаком-индивидуализатором, который и на речевом, и на языковом уровне устанавливает необходимость вербального выделения отдельной реалии; 2) частная категориальная семантика, опирающаяся на взаимосвязь онима и нарицательного термина. Это позволяет разграничивать разряд собственных имен в онимической системе языка; 3) частная характеризующая и индивидуализирующая семантика, базирующаяся на денотативной отнесенности и мотивировочном значении; 4) фреймы, отражающие значимые для языкового коллектива когнитии о специфике использования имени [9, с. 16-28].

Карпенко Ю.А. подчеркивает, что «... форма и содержание СИ в речи идентифицированы, а в языке эта индивидуализация отсутствует» [16, с. 83]. При этом для онимов дифференцирующим признаком является функциональная закрепленность за одним объектом. Важнейшими функциями для онимов, с точки зрения исследователя, являются номинация, идентификация и дифференциация. Рассматривая особенности внутренней формы онимов, их мотивированности данным признаком, Ю.А. Карпенко подчеркивает, что «... во многих классах собственных имен буквально вслед за номинацией шагает деэтимологизация», но «... для некоторых разрядов собственных имен внутренняя форма оказывается нужной и даже запрограммированной в названии, выполняющем информативную, рекламную, мемориальную либо агитационную функцию» [18, с. 10].

На наш взгляд, приводимый исследователем перечень подобных онимов может быть существенно дополнен, в частности за счет дискурсивно-обуслов-

ленных онимов. Так, для ряда единиц юридического дискурса справедливым является утверждение, что «... здесь внутренняя форма является обязательным компонентом семантической структуры собственного имени» [17, с. 9-10].

Список онимов с прозрачной внутренней формой значительно расширяет А.В. Суперанская: 1) древнерусские имена; 2) названия крупных физико-географических объектов; 3) вторые имена святых; 4) добавочные имена монархов; 5) названия орденов и медалей; 6) заглавия книг, статей, стихов; 7) прозвища; 8) имена сказочных персонажей [36, с. 11]. В качестве важнейшего критерия для двух последних групп избирается переводимость онима.

Для характеристики семантической специфики онима в целом удачным представляется предложенное О.И. Фонаковой определение: «Имя собственное – это универсальная, функционально-семантическая категория имен существительных, особый тип словесных знаков, предназначенный для выделения и идентификации единичных объектов (одушевленных и неодушевленных), выражающих единичные понятия и общие представления об этих объектах в языке, речи и культуре народа» [44, с. 21].

Рассматривая прагматический аспект имени собственного, М.В. Малащенко подчеркивает: «Вокруг каждого известного имени собственного складывается целый ореол всевозможных ассоциаций, подчас спонтанных и неосознанных. Слово вообще обладает средством массовой воспроизводимости, и имя собственное может быть устойчиво известно всем членам национально-культурной языковой общности. Имена собственные... способствуют выявлению национально-культурных особенностей определенного этноса» [22, с. 101].

Доминирование антропоцентрической парадигмы в современной лингвистике привело к смене принципов и методов исследования языковых явлений: интересы учёных переориентировались в сторону «внешней» лингвистики.

Именно в конкретных речевых произведениях актуализируются элементы языка как системы. Это предопределило обращение лингвистов к проблемам типологии дискурса, в особенности к профессиональным дискурсам. В современных лингвистических изысканиях все чаще поднимается проблема профессиональной обусловленности познавательной и коммуникативной деятельности индивида в процессе структурирования действительности.

Разные профессиональные дискурсы конструируют и репрезентируют социальную действительность как за счет особого комплекса языковых единиц, так и путем специализированного отбора средств системы языка.

Перспективным, на наш взгляд, представляется исследование специфики онимов в конкретном дискурсе на основе комплексного анализа, включающего и лингвокультурологический аспект. Вполне справедливо утверждение: «Имена собственные *sui generis* “являют” национальную культуру в максимальной степени: средства географической и личной номинации есть путь прослеживания таксономической деятельности человеческого разума,

интернирующего национальную культуру. Функционирование имен представляет собой, с одной стороны, аспект лингвокультурологии, когнитивной лингвистики, так как имена символизируют, имплицитуют и социальные переменные, и культурные стереотипы, и популярную мифологию, с другой же стороны, невозможно обойти такой вопрос, как имена в дискурсе, в реальной стихии речи» [29, с. 161-171]. Семиотичность ономастических систем замкнутых коллективов связывает имена как слова с очень широким кругом социальных, идеологических, биологических и прочих явлений, воспринимаемых лишь членами данных коллективов и не всегда понятных лицам непосвященным [35, с. 5].

К наиболее изученным разновидностям онимов, безусловно, можно отнести именно антропонимы и топонимы. Однако не менее важны особенности функционирования и других разрядов. Кроме того, в перспективе представляется необходимым установление корреляций между всей системой онимов в языке и речи и ее дискурсивной (для конкретных дискурсов или типов дискурсов) проекцией.

Термин «ономастическое (топономастическое) пространство» в представлении В.Н. Топорова может использоваться для обозначения всей совокупности ономастических названий [41, с. 455-515]. Ономастическое пространство всегда конкретно, но имеет различное наполнение, причем онимизируются и различные денотаты. Это определяется такими признаками, как принадлежность к определенному лингвокультурологическому сообществу, этап развития социума и др. Термин «ономастическое пространство» в современной лингвистике употребляется: 1) как общелингвистическая категория, т.е. как система ономастических единиц, служащих для специального (более конкретного, индивидуализированного) выделения предметов действительности (реальных и воображаемых); 2) как категория определенного языка в тот или иной период его истории, (например, ономастическое пространство русского языка, испанского, английского и т.д.).

Ономастическое пространство динамично и представляет собой именной континуум, непрерывный ряд незаметно сменяющихся составляющих. Неслучайный набор языковых единиц, их структурированная совокупность могут быть рассмотрены как поле. Термином «поле» Л.А. Новиков обозначает «... некоторое организованное пространство частиц, множество элементов, единиц, внутри которого реализуются закономерности их систематизации и функционирования» [28, с. 6].

По содержанию термины «пространство» и «поле» не могут рассматриваться как равнозначные. Термином «ономастическое пространство» обозначается вся совокупность ИС как таковая, безотносительно к ее внутреннему устройству, без учета организации, закономерностей функционирования входящих единиц. Поле же представляет собой упорядоченную, иерархизированную совокупность его составляющих и предполагает наличие

системно-структурных отношений и связей. Эта структура достаточно устойчива, хотя и обладает некоторыми чертами переменчивости, функциональной подвижности, если принять во внимание ее функционально-речевое проявление [37, с.12].

Любую совокупность лексических единиц можно представить как поле, а все употребляющиеся в конкретном языке ИС – как ономастическое пространство данного языка.

Определение поля в ономастическом пространстве сформулировала А.В. Суперанская: «Поле в ономастике – это, прежде всего, определенная сфера соотнесенности имени» [34, с.280]. Имена, входящие в каждое поле, представляют собой систему, каждый член которой связан с другими по ряду параметров: тема, территория, время и т.п., имена смежных ономастических полей связаны и зависят друг от друга, поэтому часто, взятые отдельно, оказываются непонятными, немотивированными. Для участников речевой ситуации сфера соотнесенности имени обычно бывает определена экстралингвистически.

Наиболее логичной представляется трактовка В.И. Супруна, согласно которой ономастическое поле является реально выделяемой языковой структурой, обладающей единими для всей совокупности входящих в него единиц и отдельно для каждого конституента характеристиками: 1) наличие ядерно-периферийных отношений; 2) семантическую общность, предполагающую сходную семантическую структуру слова (наличие / отсутствие дифференциальных и потенциальных сем); 3) частотность; 4) стилистическую окрашенность; 5) словообразовательную активность. Эти признаки поля действуют в совокупности, дополняя друг друга; некоторые из них могут актуализироваться или нейтрализоваться [37, с. 16].

Проблему определения «ономастическое пространство» затрагивает в своих работах А.В. Суперанская, в частности в книге «Общая теория имени собственного». Предложенная ею классификация содержит обозначение классов называемых объектов и соответствующих им ономастических разрядов: люди – антропонимы, географические объекты – топонимы, растения – фитонимы и т.д. Анализируя ономастическое пространство в целом, А.В. Суперанская выделяет:

- 1) имена реальных предметов;
- 2) имена вымышленных предметов;
- 3) имена гипотетических предметов [34, с. 173-205].

Каждая из этих групп подразделяется на несколько разрядов. Традиционная для современной лингвистики классификация онимов включает следующие разряды: антропонимы, топонимы, фитонимы, зоонимы, хрематонимы и т.д. В свою очередь каждый из разрядов допускает дальнейшую спецификацию. Так, топонимы могут подразделяться на разновидности по типу называемого предмета, объекта и т.д.: наименования городов, рек, гор и

т.п. Данная классификация постепенно дополняется. Так, исследователи разграничивают урбанонимы, прагматонимы и прагмонимы и другие разряды. Данные разряды выделяются не только на ставших уже традиционными основаниях (например, тип обозначаемого предмета), они не имеют единообразного толкования, что, безусловно, требует уточнения границ каждого из разрядов, критериев их выделения, специфики семантики и функционирования.

Рассуждая о тенденциях современного культурного сознания, Т.В. Шмелева отмечает, что «... онимический взрыв ... взрывообразный рост числа объектов, требующих собственных имен, вызывает увеличение ономастикона ... и расширение диапазона ономастической техники, или языковых средств производства онимов» [53, с. 6].

Разные ономастические разряды имеют различную степень частотности процентной соотнесенности с числом словоупотреблений в тексте, что обусловливается как лингвопрагматическими характеристиками, так и лингвокоммуникативной ценностью единиц и разрядов в целом.

Номинация традиционно делится на первичную и вторичную. Первичная номинация – это вычленение и называние фрагментов действительности с помощью непроемных слов, или говоря иначе, слов с непроемной основой. Непроемными признаются слова, которые в синхронном плане осознаются носителями языка как первообразные, т.е. не образованные от других слов. Такие слова обозначают фрагменты окружающей действительности непосредственно, условно и (с точки зрения современный семантико-словообразовательных связей) немотивированно [13, с. 47-50].

Вторичная номинация – это вычленение и называние фрагментов действительности с помощью производных лексико-семантических единиц. Вторичная номинация реализуется в форме словообразовательной и семантической номинации. В ономастике, по мнению А.В. Суперанской, целесообразно говорить об именах первичной номинации (новые личные имена: Снежана, Ревдит) и об именах непервичной номинации (фамилия *Петров* от имени *Петр*; поселок *Петровский* – от фамилии *Петров*), поскольку все звенья переосмысления порой бывает очень трудно выявить [34, с. 242]. Остановимся последовательно на обоих указанных видах вторичной номинации.

Новые наименования могут создаваться в результате различных семантических сдвигов, путем «семантического развития» слова.

К явлению «семантической деривации» относится широкий круг семантических преобразований, в первую очередь разные типы переносов (метафорические, метонимические, функциональные), изменение семантического объема слова (расширение и сужение, специализация значений), семантические кальки. В отличие от словообразовательной деривации, в качестве результата которой появляются новые по морфемному составу и/или грамматическим свойствам слова, семантическая деривация состоит в замене содержательной части уже существующих слов, что приводит к появлению

номинативных единиц, соотносимых с другими фрагментами действительности. Итак, семантическую деривацию можно определить как вид вторичной номинации, состоящий в использовании фонетического облика (материальной оболочки) уже существующего слова в качестве имени для нового обозначаемого (нового фрагмента действительности). Таким образом, в основе семантической деривации лежат разнообразные семантические сдвиги, возникновение новых, переносных значений, основанных на соотносительности одного предмета (явления) с другим через какой-либо признак [25, с. 3].

Поскольку данный способ обогащения номинативных возможностей языка квалифицируется как деривация, т.е. как процесс создания одних языковых единиц на основе других, принимаемых за исходные, он предполагает наличие производящего (мотивирующего, первичного, исходного) элемента и элемента производного (мотивированного, вторичного, выводимого), причем оба эти элемента находятся между собой в деривационных отношениях [24, с. 47]. Следует подчеркнуть, что о семантической деривации можно говорить только тогда, когда есть возможность восстановить деривационную историю производных единиц, т.е. выявить процессы, приведшие к их появлению.

Для исследователей проблемы номинации в ономастическом пространстве также важно деление номинаций на сложившиеся естественным путем и специально введенные для обозначения и различения фрагментов действительности. Под естественной номинацией мы вслед за М.В. Голомидовой понимаем процесс стихийного выбора языковым коллективом оптимального варианта содержания и формы языковой единицы в ходе использования ее в актах речевой коммуникации. Искусственная номинация трактуется как осознанный и целенаправленный номинативный акт, ориентированный на априорную узуализацию созданной номинативной единицы [9, с. 5-6].

Структуру созданного номинативного знака образуют три составляющих – денотат, форма, значение. Форма и денотат соотносятся между собой не прямо, а через значение: денотат отражается в значении, значение придает знаковость форме.

ИС и имена нарицательные имели или имеют свою мотивировку. Все они социальны и историчны, поскольку отражают общественные вкусы той или иной эпохи, характеризуют мировоззрение людей, их общественные взаимоотношения, общественную традицию [34, с. 242].

Набор мотивировочных признаков онима чаще всего согласован с традиционными характеристиками объектов. Так, например, в топонимах отражаются какие-либо особенности формы, размера, месторасположения объекта, а также окружающей растительности. Кроме того, может учитываться производимое впечатление и т.п. Для антропонимов совокупность фактов, лежащих в основе мотивировок, представляет физическую, психическую, моральную, биологическую, интеллектуальную характеристику лица, его социальную, этническую принадлежность и т.д.

Разряды онимов отличаются по степени регулярности, частотности, в том числе частотности процентной соотношенности с числом словоупотреблений в тексте.

По специфике денотативного значения имени в ономастическом пространстве делятся на антропонимы, топонимы, зоонимы, фитонимы и т.д., а также на разряды, которые могут не входить в ономастическое пространство языка, например, названия камней, оружия и т.п.

Традиционно понятие аллюзивности связано с художественным текстом. При этом аллюзивные ИС делятся по степени известности на: 1) получившие мировую известность; 2) широко известные среди носителей языка художественного текста и практически не известные носителям других языков; 3) не имеющие широкой известности даже у носителей языка.

На наш взгляд, аллюзивность присуща онимам не только в художественном, но и в других типах текста, а также собственно в дискурсе. Наиболее ярко данный признак проявляется при функционировании онимов в юридическом дискурсе. Степень аллюзивности онимов в юридическом дискурсе различна. Так, кодекс Наполеона включает эпоним, известный во всем мире, в то время как другие имена собственные известны лишь узкому кругу юристов в странах с англо-американской системой права. В качестве примера можно рассмотреть прецедентное решение суда, принятое по делу малоизвестного Антона Пиллера в 1976 и послужившее образованию юридического понятия «предписание / судебный приказ Антона Пиллера» (Anton Piller order), на основании которого истцу разрешается проникнуть в здание ответчика для осмотра документов и товаров, а при необходимости и для их изъятия [42].

Суперанская А.В. отмечает, что «... имена собственные сближаются с терминами, а ономастика как наука – с терминологией (терминоведением)... Как и ономастика, терминология занимается специальным лексическим сектором. Как и онимы, многие термины активно употребляются лишь узким кругом специалистов, и установление их лингвистического статуса как слов невозможно без участия специалистов тех отраслей, к которым эти термины относятся... Термин всегда член какой-нибудь терминологии, в пределах которой он однозначен, как и имя собственное – всегда достояние какого-нибудь коллектива, внутри которого понятна не только его объектно-номинативная связь, но и связанная с ним информация» [35, с. 5].

Однако необходимо более четкое разграничение между онимами, терминами и другими видами специальной лексики.

По степени терминологизации традиционно выделяют термины и терминоиды, к последним относят лексические единицы либо еще не ставшие терминами, либо не удовлетворяющие требованиям, предъявляемым к терминам [48, с. 30]. Татаринцов В.А. пишет, что «... специфика отражения ... понятий в специальных словах позволяет выделить 4 типа терминологических

единиц: термины, номены, терминимы и профессионализмы» [38, с. 7], и определяет терминоиды как терминоподобные специальные лексические единицы с нечетким статусом [39, с. 260]. Имена собственные часто используются как компоненты наименования в так называемых «фамильных» терминах. Поэтому исследователь предлагает рассматривать терминимы как имена собственные, употребляемые в специальном тексте, которые выполняют терминологические функции или являются терминообразующими лексическими единицами, например, «болезнь Альцгеймера», «теорема Пифагора», «Miranda warning». В таких случаях имена собственные могут подвергаться процессу деонимизации, описанному в ряде работ, например, Е.В. Кравченко [20], Л.Н. Исаковой [14]. При этом имена собственные либо становятся собственно терминами, либо существенно расширяют сферу функционирования, выходят за пределы конкретного типа дискурса. Терминоиды и терминимы часть исследователей не включает в состав терминологии. Однако данное разграничение значимо при описании терминологии. Если рассматривать специальную лексику и терминологическую систему в их дискурсивной проекции, более важной является способность данных единиц обозначать специальные понятия и маркировать конкретный тип дискурса, например закон Ньютона является бесспорным маркером физического дискурса, закон Паркинсона – медицинского.

К единицам специальной лексики относятся и номены. Номен, по определению Г.Г. Шпета, есть эмпирическая, чувственно воспринимаемая вещь, знак, связанный с называемой вещью не в акте мысли, а в акте восприятия и представления [54, с. 3]. Номен рассматривается как лексическая единица, называющая предмет без реализации его точного места в системе классификаций. Исследователи отмечают, что у номенов в отличие от термина ослаблена связь с понятиями. В частности, В.А. Татаринов считает, что номены соотносятся с номенклатурными названиями и служат основой формирования терминологии. При таком подходе номен, обозначая единичное конкретное понятие, как правило, является онимом, но может быть и нарицательным существительным; в этом случае номены представляют собой простой перечень специальных объектов, не отражают существенных взаимосвязей между ними [39, с. 253-260]. Номены функционируют и в качестве специальных товарных знаков. В этом случае можно говорить как о собственно процессе онимизации, так и о вторичной онимизации. Номен, являясь единицей специальной лексики, способен маркировать конкретный тип дискурса. Устанавливая корреляции между онимами и единицами специальной лексики, следует отметить, что оним может функционировать как собственно термин. К таким единицам, например, в юридической терминологии можно отнести полные наименования законов, например, «Закон об образовании», наименования кодексов, «Закон о государственном языке Российской Федерации» и т.п. Терминимы всегда мотивируются онимами, отражают специальное понятие, являют-

ся составными наименованиями. Номены, как правило, являются именами собственными, служат наименованиями единичных уникальных понятий.

В лингвистике онимы рассматриваются в рамках семасиологической, когнитивной, лингвокультурологической парадигм. Преимущественно внимание исследователей направлено на семантику онимов, однако вопрос о специфике онимов и особенностях их функционирования до сих пор остается дискуссионным. В частности, В.М. Лейчик, затрагивая проблему целесообразности использования имени собственного в специальных терминологиях, относил вопрос «принятия и дальнейшего распространения или отклонения терминов-эпонимов ... и замены их обозначения, представленными именами нарицательными» к проблемам «нерешенным, но требующим скорейшего обсуждения и решения» [21, с. 29].

В связи с этим возникает необходимость рассмотрения имени собственного как элемента ономастического пространства в рамках дискурсивного подхода. Подобный подход позволяет рассматривать социокультурные и прагматические особенности употребления онимов как в собственно отдельном взятом типе дискурса, так и в случаях его пересечения с другими видами дискурса.

Представляется необходимым дальнейшее исследование функционирования онимов как единиц общей и специальной номинации в конкретном типе дискурса, характерных для конкретных специальных языков. В современной лингвистике все чаще появляются исследования, посвященные различным проблемам ономастики как в русском, так и в английском, немецком, испанском языках, рассматриваемых с точки зрения дискурсивного подхода. В частности, исследованию личных собственных имен в составе журналистских произведений, их характеру, их смысловой роли в узком и широком контекстах, посвящена диссертация Г.В. Соколовой [30]. Прецедентные имена собственные в немецком газетном дискурсе послужили предметом исследования в работе Ю.А. Блиновой [2]. Диссертация Е.А. Нахимовой посвящена теоретическому обоснованию эффективности использования идей, эвристик и методов современной когнитивной лингвистики в сочетании с достижениями традиционной лингвистики при исследовании имени собственного в дискурсе современной российской массовой коммуникации [26]. Ряд работ посвящен вопросам функционирования онимов в экономическом дискурсе, например, диссертации Е.А. Сотниковой [31], Н.А. Стадильской [33], К.А. Дзюбы [11]; проблеме функционирования онимов в медицинском дискурсе посвящена диссертация Е.В. Варнавской [5]; система онимов юридического дискурса описана в работе О.В. Косоноговой [19], онимы в художественном дискурсе рассматривались в работах Л.М. Хамитовой [47], В.П. Хохловой [50].

Все больше появляется работ, посвященных исследованиям этнокультурной семантике имени собственного в языках народов Российской Федера-

ции, в частности, диссертация М.Р. Багомедова, в которой автор рассматривает структуру и семантику топонимии в языке драга [1], и работа Г.Р. Галиуллиной, посвященная вопросам антропонимии в татарском языке [7]. Ряд работ посвящен вопросам региональной ономастики, например, диссертация А.А. Казанковой посвящена описанию топонимов в региональной ономастической системе на материале Жердевского района Тамбовской области [15]. Таким образом, в современных изысканиях исследование ономастики приобретает междисциплинарный характер в силу экстралингвистических факторов, «... которые являются для нее обязательными, так как для всестороннего изучения имен собственных в ономастических исследованиях необходимо учитывать данные многих других наук» [23, с.37]. В ономастических исследованиях неизбежно обращение к знаниям географии, истории, биологии, этнографии, антропологии, астрономии, химии, медицины и т.д., что выводит ономастику далеко за пределы лингвистики и делает имя собственное предметом перспективного многоаспектного комплексного междисциплинарного исследования, необходимость которого обусловлено «чрезвычайной комплексностью» предмета ономастики, которая возникла «на стыке» наук [34, с. 56].

В заключении хотелось бы отметить, что несмотря на появление ряда обобщающих работ по вопросам ономастики как в зарубежной лингвистике [59, 60, 61, 56, 64, 57], так и в отечественной [23, 49, 52, 55], теория имени собственного остается одной из самых динамично развивающихся областей лингвистики, нуждающихся в дальнейшем тщательном изучении с позиций психолингвистики, лингвокультурологии, этнолингвистики и других областей знаний.

Библиографический список к главе 2

1. Багомедов М.Р. Топонимия дарга: структурно-семантический аспект: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Махачкала, 2013. – 26 с.
2. Блинова Ю.А. Прецедентные имена собственные в немецком газетном дискурсе: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Самара, 2007. – 17 с.
3. Бюлер К. Теория языка. – М.: ИГ «Прогресс», 2001. – С. 7-8.
4. Валиева М. З. Историко-лингвистический анализ татарских женских личных имен: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Казань, 2007. – 17 с.
5. Варнавская Е.В. Статус и функционирование эпонимов в медицинской терминологии испанского языка: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Воронеж, 2009. – 17 с.
6. Гаврикова Э.О. Формирование антропонимии в детском речевом сознании: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Тюмень, 2005. – 17 с.
7. Галиуллина Г. Р. Татарская антропонимия в лингвокультурологическом аспекте: автореф. дис. ... докт. филол. наук. – Казань, 2009. – 24 с.

8. Головина Р. В. Антропонимы в русской народной лирической песне: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Орел, 2001. – 16 с.
9. Голомидова М. В. Искусственная номинация в русской ономастике: дис. ... канд. филол. наук. – Екатеринбург, 1998. – 216 с.
10. Гурская Ю.А. Имя собственное: этимология, национально-культурный потенциал, концептуализация: автореф. дис. ... докт. филол. наук. – Минск, 2009. – 26 с.
11. Дзюба К.А. Способы формирования наименований торговых марок (на материале английского, русского и французского языков): автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Тамбов, 2014. – 17 с.
12. Есперсен О. Философия грамматика. – М.: Русский перевод, 1958. – С. 76.
13. Журавлев А.Ф. Технические возможности русского языка в области предметной номинации // Способы номинации в современном русском языке. – М.: Наука, 1982. – С. 45-109.
14. Исакова Л.Н. Антропонеми в русских словарях науки, производства и социально-политической жизни России XVIII-XX веков: дис. ... канд. филол. наук. – Тула, 2004. – 202 с.
15. Казанкова А.А. Топонимы в региональной ономастической системе (на материале Жердевского района Тамбовской области): автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Тамбов, 2013. – 17 с.
16. Карпенко Ю.А. Пушкинский ономастикон: «Повести Белкина» // Русское языкознание. – Киев, 1981. – Вып. 2. – С. 80-87.
17. Карпенко Ю.А. Специфика ономастики // Русская ономастика. – Одесса: Изд-во Одес. гос. ун-та, 1984. – С. 3-18.
18. Карпенко Ю.А. Общие вопросы ономастики // Актуальные вопросы русской ономастики: Сб. науч. трудов. – Киев: УМКВО, 1988. – С. 10.
19. Косоногова О.В. Онимы в юридическом дискурсе: система и функционирование: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Ростов-на-Дону, 2011. – 17 с.
20. Кравченко Е.В. Деонимизация иноязычных имен собственных в английском языке (на материале антропонимов и топонимов): автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Владивосток, 2004. – 26 с.
21. Лейчик В.М. Проблемы отечественного терминоведения в конце XXвека // Вопросы филологии. – 2000. – № 2 (5). – С. 29.
22. Малащенко М.В. Имя в парадигмах лингвопрагматики: монография. – Ростов н/Д: РГУ, 2003. – С. 101.
23. Миньяр-Белоручева А.П., Плотникова А.В. Эволюция восприятия имени собственного в западноевропейской культуре // Вестник ЮУрГУ. – 2008. – № 16 (116). – С. 37-41.
24. Морковкин В.В. Основы теории учебной лексикографии: дис. ... докт. филол. наук. – М., 1990. – С. 47.

25. Москалёва М.В. Семантическая деривация имён существительных в современном русском языке второй половины 20 – начала 21 вв.: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Москва, 2009. – 17 с.
26. Нахимова Е.А. Теория и методика когнитивно-дискурсивного исследования прецедентных онимов в современной российской массовой коммуникации: автореф. дис. ... докт. филол. наук. – Екатеринбург, 2011. – 26 с.
27. Никонов В.А. Краткий топонимический словарь. – М., 1966. – 509 с.
28. Новиков Л.А. Семантическое поле как текстовая структура // Теория поля в современном языкознании: Материалы науч.-теор. семинара / Башго-суниверситет. – Уфа, 1997. – Ч. 4. – С. 3-6.
29. Пак С.М. Личное имя в лингвокогнитивном освещении // Вестник МГУ. Серия 9: Филология. – 2004. – № 1. – С. 161-171.
30. Соколова Г.В. Публицистическая корреляция «факт-оценка» как условие функционирования имени собственного в текстах СМИ: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Краснодар, 2006. – 16 с.
31. Сотникова Е.А. Ономастическое пространство названий парфюмерной продукции в русском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Елец, 2006. – 17 с.
32. Соссюр Ф., де. Курс общей лингвистики // Труды по языкознанию. – М.: Прогресс, 1977. – С. 266.
33. Стадульская Н.А. Товарные знаки в языке и внеязыковой действительности Великобритании и США: дисс. ... докт. филол. наук. – Пятигорск, 2014. – 202 с.
34. Суперанская А.В. Общая теория имени собственного. – М.: Наука, 1973. – С. 30.
35. Суперанская А.В. Общая теория имени собственного. – Изд. 2. – М. УРСС, 2007. – 368 с.
36. Суперанская А.В. Эволюция имен собственных в Европе // Вопросы языкознания. – 2002. – № 3 – С. 5-17.
37. Супрун В.И. Ономастическое поле русского языка и его художественно-эстетический потенциал: монография [Текст] / В.И. Супрун. – Волгоград: Перемена, 2000. – 172 с.
38. Татаринов В.А. Лексико-семантическое варьирование терминологических единиц и проблемы терминографии: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 1988. – С. 7.
39. Татаринов В.А. Теория терминоведения. – М., 1996. – Т. 1. – С. 253-260.
40. Тащицкий В. Место ономастики среди гуманитарных наук // ВЯ. – 1961. – № 2. – С. 11.
41. Топоров В.Н. Пространство и текст // Из забот московского семиотического круга. – М. 1997. – С. 455-515.
42. Универсальный англо-русский словарь [Электрон. ресурс]. – Режим доступа: http://universal_en_ru.academic.ru (дата обращения: 10.02.2015).

43. Уфимцева А.А. Слово в лексико-семантической системе языка. – М., 1968. – С. 72.
44. Фоянкова О.И. Имена собственные в художественном контексте. – Л., 1990. – С. 16-17.
45. Фортунатов Ф.Ф. Сравнительное языковедение. Общий курс // Введение в языковедение: Хрестоматия: уч. пособие для вузов / Сост. А.В. Блинов и др. – М.: Аспект Пресс, 2001. – 342 с.
46. Фреге Г. Смысл и денотат // Семиотика и информатика. – М., 1977. – С. 358-379.
47. Хамитова Л.М. Поэтический ономастикон в татарских детских стихотворениях (на материале художественных текстов Ш. Галиева и Р. Миннуллина): автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Елабуга, 2007. – 17 с.
48. Хаютин А.Д. Термин, терминология, номенклатура: учебное пособие). – Самарканд, 1972. – С. 30.
49. Хвесько Т.В. Дихотомия апеллятив / онама в языке и речи (на материале русского и английского языков): автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Челябинск, 2008. – 17с.
50. Хохлова В.П. Реминисцентные онимы в произведениях французских писателей-экзистенциалистов: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Воронеж, 2010. – 17 с.
51. Щерба Л.В. Языковая система и речевая деятельность. – М., 1974. – С. 265-304.
52. Щербак А.С. Когнитивные основы региональной ономастики: автореф. дис. ... докт. филол. наук. – Тамбов, 2008. – 24 с.
53. Шмелева Т.В. Алфавит в ономастиконе // Российский лингвистический ежегодник. – Красноярск, 2006. – Вып. 1 (8). – С. 6-12.
54. Шпет Г.Г. Эстетические фрагменты [Электрон. ресурс]. – М.: Изд-во «Правда», 1989. – С. 3 – Режим доступа: <http://biblio-teka.org.ua/book> (дата обращения: 12.05.2015).
55. Ююкина Л.В. Ономастический генезис дескрипции как имени собственного: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Кемерово, 2013. – 17 с.
56. Aksholakova A. (2014). Proper Name as a clue symbol of identity. Procedia [Электронный ресурс]. – Elsevier, 112. – P. 465-471. – Режим доступа: <https://docviewer.yandex.ru> (дата обращения: 1.05.2015).
57. Butler, J.O. (2013) Name, place, and emotional space: themed semantics in literary onomastic research [Электрон. ресурс]. University of Glasgow. PhD thesis. – Режим доступа: <http://theses.gla.ac.uk/4165/1/2013ButlerPhD.pdf> (дата обращения: 1.11.2015).
58. Gardiner A.H. The theory of proper names. – London, 1910. – P. 32.
59. Gammeltoft P. In search of the motives behind naming. A discussion of a name-semantic model of categorisation [Электрон. ресурс] // Proceedings of the 21st International Congress of Onomastic Sciences. Uppsala 19-24 August 2002, vol. 1. – Режим доступа: <http://www.academia.edu> (дата обращения: 21.11.2015).

60. Kovarski S.L. (2002). Anthroponyms, acronyms and allocutives in interpreting from Russian [Электрон. ресурс] // In: G. Garzone & M. Viezzi (eds.) *Interpreting in the 21st century: Challenges and opportunities*, Amsterdam & Philadelphia: John Benjamins. – Режим доступа: <https://www.academia.edu> (дата обращения: 21.11.2015).

61. Langendonck, W.van. (2007). *Theory and Typology of Proper Names*. Trends in Linguistics: Studies and Monographs. Berlin and New York: Mouton de Gruyter. – 378 pp.

62. Mill J.St. *A System of Logic*. – London: Parker, 1843. – P. 41.

63. Shokhenmayer E. (2010). Controversial article on geonomastics [Электрон. ресурс] // *Journal for Theoretical Cartography*. Vol. 3. – Режим доступа: https://docviewer.yandex.ru/?url=http%3A%2F%2Fmeta-carto-semiotics.org%2Fuploads%2Fmcs_vol3_2010%2FMCS_2010_3_shokhenmayer.pdf&name=MCS_2010_3_shokhenmayer.pdf (дата обращения: 21.11.2015).

64. Pfu kwa Ch.Sh. (2008). Description of Diurnal Time: An Onomastic Perspective [Электрон. ресурс] // *Journal of Language & Communication*. – V. 2, Issue 1. – P. 58. – Режим доступа: <http://connection.ebscohost.com/c/articles/34146402/shona-description-diurnal-time-onomastic-perspective> (дата обращения: 21.11.2015).

65. Teuffel J. (2013). Doctrine of the NAME Instead of Onto-Theology [Электрон. ресурс] // *THEOLOGY & LIFE Annual Theological Journal*. – Режим доступа: <https://www.academia.edu> (дата обращения: 21.11.2015).

**МЕХАНИЗМ ПОСТРОЕНИЯ
СТРУКТУРНО-СЛОЖНЫХ ЭПИТЕТОВ**

3.1. Структурно-сложные эпитеты.

**Эпитеты, образованные путем соединения двух
прилагательных**

Данная статья посвящена структурно-сложным эпитетам, образованным путем соединения нескольких слов. Материалом нашего исследования служат поэтические тексты К. Бальмонта.

Структурно-сложные эпитеты по своему строению похожи на сложные прилагательные. Части сложных эпитетов также, как и части сложных прилагательных, объединяются при помощи соединительных гласных. В состав сложных эпитетов также входят корни слов, принадлежащих различным частям речи. Следует отметить, что в своём исследовании мы опираемся на динамическую теорию частей речи, созданную профессором В.Г. Руделевым [1], где части речи понимаются как грамматические и семантические классы слов. Части речи составляют оппозиции и могут подвергаться нейтрализации. Так, например, слово "изумрудная" в словосочетании "изумрудная листва" будет являться эпитетом, настоящим качественно-предикативным словом, а слово "изумрудный" в словосочетании "изумрудный браслет" будет рассматриваться как адъективная форма существительного.

Итак, рассмотрим, каким образом объединяются части сложных эпитетов. Можно отметить, что "образование прилагательных путем сложения двух и более основ, а также самостоятельных слов – очень давний способ обогащения лексики русского языка" [2, с. 1]. Но, в отличие от обычных сложных прилагательных, части сложных эпитетов имеют метафорическое значение.

Структурно-сложные эпитеты по своему составу – те же сложные прилагательные. Сложным прилагательным в научной литературе уделяется достаточно большое внимание. Среди работ, посвященных данной теме, ведущее место принадлежит исследованиям, в которых анализируются конкретные словообразовательные процессы, устанавливаются способы, по которым создается эта категория слов [2; 3; 4; 5; 6]. Изучались также структурные типы сложных прилагательных и их функция в художественных произведениях [7; 8].

Беликова С.Г. в своей работе анализирует способы образования сложных прилагательных, выделяя чистое сложение, сращение и сложение слов,

сложение, сопровождаемое префиксацией и т.д. [3]. Брысина В.М. пишет о “типах подчинительно построенных сложных прилагательных”, о разновидности сложений в зависимости от того, слова каких частей речи входят в состав сложного прилагательного [4, с. 9]. Донова З.П. также проводит классификацию сложных прилагательных в зависимости от их состава. Она замечает: “Между компонентами сложного слова устанавливаются те или иные смысловые взаимоотношения в зависимости от лексических значений соединяемых слов. <...> Основы различных частей речи, носители вещественных значений, комбинируясь в известных сочетаниях, образуют определенные структурно-семантические типы слов, по образцу которых продолжают создаваться слова. <...> В состав сложных прилагательных могут входить основы всех знаменательных слов. В качестве первого компонента могут выступать основы всех знаменательных слов, за исключением основ глагола, в качестве второго – основы имен существительных, прилагательных и глаголов” [5, с. 5]. Донова З.П. выделяет основные типы сложных прилагательных: прилагательные, состоящие из основы прилагательного и основы существительного; из основ существительного и прилагательного; из основ существительного и глагола; из двух основ существительных, а также – из основ числительного и существительного; из основ местоимения и существительного; из основ наречия и прилагательного (или отглагольного образования); из двух основ прилагательных [5, с. 5-6].

Что же касается сложных эпитетов, то здесь мы также разделяем их на основании того, к каким частеречным классам относятся входящие в их состав слова. По этому принципу можно выделить следующие основные типы: эпитеты, состоящие из двух прилагательных; из прилагательного и существительного; из числительного и существительного; из двух существительных.

Но не подобная классификация и не описание различных вариантов объединения частей сложных эпитетов является нашей целью. Мы хотим проанализировать способы организации структурно-сложных эпитетов. Для этого необходимо, на наш взгляд, определить характер связей, соединяющих элементы (составные части) сложного эпитета друг с другом и с определяемым словом. Нам также представляется интересным вопрос о степени совпадения смысловых значений исходной (непроанализированной) формы эпитета и формы, разложенной на составные части (проанализированной). (Термины “проанализированный” и “непроанализированный”, применительно к языковым единицам, позаимствованы нами у известного австрийского философа, представителя аналитической философии – Людвига Витгенштейна, уделявшего большое внимание проблемам языка.)

Структурно-сложные эпитеты мы разделили на три основные группы в зависимости от способа их организации. В первую группу входят сложные эпитеты, состоящие из таких элементов (т.е. составных частей), как два прилагательных. Во вторую – эпитеты, состоящие из прилагательного и суще-

существительного, числительного и существительного, а также – двух существительных, если только одно из этих существительных выступает в роли метафоры по отношению к определяемому слову. В третью группу входят эпитеты, состоящие из двух существительных (при этом оба существительных являются метафорами по отношению к определяемому слову).

Данное деление эпитетов на группы обусловлено характером связей элементов сложных эпитетов друг с другом и с определяемым словом. Первой группе соответствуют внешние параллельные связи, второй – внутренняя и внешняя последовательные связи, а третьей – опосредованная внутренняя связь.

В данной статье мы рассмотрим отдельно все три группы структурно-сложных эпитетов. Но сначала следует сказать еще несколько слов о структурно-сложных эпитетах в целом.

Сложные эпитеты состоят в основном из двух корней. Так, например, З.П. Донова отмечает: “Для русского языка является характерным двухкомпонентность сложных слов. Встречается некоторое количество слов и с большим числом компонентов, но это преимущественно термины или поэтические слова (например, “электро-свето-грязелечебный”, “стотысячесабельная конница” – Маяковский)” [5, с. 5].

Что касается К. Бальмонта, то в его поэзии практически не встречаются трехкомпонентные эпитеты, для его текстов характерны эпитеты, состоящие из двух компонентов. Приведем примеры структурно-сложных эпитетов: “**желтоогромная** луна” (эпитет, состоящий из двух прилагательных); “**круторогие** луны” (из прилагательного и существительного); “**тысячецветная** радуга” (из числительного и существительного); “**серполика** луна” (из двух существительных). Все эти исходные синтетические формы эпитетов могут быть представлены своими аналогами – аналитическими формами, т.е. сочетанием нескольких слов. Например, можно объяснить эпитет “**круторогие** луны” как “луна с крутыми (округлыми) рогами”, а “**желтоогромная** луна” – как “луна желтая и огромная”. Исходные синтетические формы будем называть непроанализированными формами эпитетов, а аналитические – проанализированными формами. Следует сказать, что отношения между данными формами не так просты и однозначны, как кажется на первый взгляд. Так, например, З.П. Донова замечает: “Значение сложного слова не равно простой сумме значений его составных частей. Таким образом, составные части сложного слова не могут быть оторваны друг от друга ни с точки зрения реальных значений, ни с точки зрения способа их взаимной связи. Сложное слово, как и простое слово, обозначает отдельное понятие, отличное от других понятий. <...> Сложное слово – качественно новое лексическое образование. <...> Сложное слово можно определить как лексическое образование, значение которого не равно сумме значений его компонентов, но в то же время не стирает лексических значений последних, а выраста-

ет из них, образуя качественно новое целое” [5, с. 4]. К вышесказанному можно добавить, что хотя “значение слова и не равно простой сумме значений его составных частей”, но тем не менее бывают и редкие исключения, когда части сложного слова объединяются в одно целое только для того, чтобы определенным образом вписаться в структуру поэтической строки с целью сделать более органичной мелодику стиха.

*Там нет ветров свиреподышащих,
Там нет ни друга, ни врага,
Там нет морей, себя не слышащих
И гулко бьющих в берега.*

(“Влияние Луны”.)

Здесь эпитет “свиреподышащий” объединен формально. В других же случаях сложные эпитеты, действительно, по своему значению не равны сумме своих составляющих. Появление нового значения от сложения каких-либо элементов – это объективная закономерность. Но существует своего рода градация соотношений значения сложного эпитета в целом и суммы значений его составных частей. В одном случае значения эти очень приближены друг к другу и различаются минимально, а в другом случае – различие очень велико. Это зависит от характера связей между элементами сложного эпитета и определяемым словом. Если это параллельные или последовательные связи, то различие в значениях будет невелико. Если же это опосредованная связь, то данное различие будет гораздо больше.

Итак, рассмотрим первую группу структурно-сложных эпитетов, которые образуются путем соединения двух прилагательных. В эпитете, который состоит из двух прилагательных, присутствуют два качественных признака. Из всех групп эпитетов эти эпитеты – самые качественные, т.к. они не содержат в себе никаких других частей речи. В то же время, данная группа эпитетов встречается у К. Бальмонта довольно редко, потому что она требует от поэта так соединить признаки, чтобы они идеально подходили друг другу. Гораздо проще создавать определения путем соединения прилагательного и существительного: субстантив объединяется с каким-либо качественным словом, и все это сразу превращается в сложный эпитет. В случае же соединения двух качественных признаков дело обстоит гораздо сложнее.

*Медвяная тишь от луны округлой и желтоогромной
В сосновом лесу разлилась, дремотный безмолвствует бор.*

(“Медвяная тишь”)

В эпитете “желтоогромная” – два прилагательных (“желтая” и “огромная”), а следовательно, два качественных признака. Луна – огромная и желтая. Какой признак здесь важнее? Одно качество обозначает цвет, другое –

размер. Перед ними в стихотворной строке стоит еще одно слово – “округлой”, – это уже форма. В данном случае она не очень существенна. Луна может быть только круглая. Полная луна, но необычайно большого размера – “огромная”. С чисто грамматической точки зрения, это слово “огромная” и будет детерминирующим, т.к. у него, в отличие от слова “желтая”, сохранена флексия. Но вполне естественно, что флексия сохранена лишь у одного прилагательного. Вопрос состоит в том, указывает ли это окончание на то, что прилагательное, у которого оно имеется, важнее того, у которого флексия не сохранилась. Так, например, В.М. Брысина пишет о сложном слове: “Сложному слову, в отличие от словосочетания, присуща строгая последовательность в расположении составных частей – постановка зависимого слова на первом месте, а главного – на втором ...” [4, с. 5]. Но мы имеем дело не с обычным сложным словом, а с эпитетом. Если эпитет состоит из двух прилагательных, то бывает трудно отдать предпочтение какой-либо из его частей, поскольку части эти в своем отношении к определяемому слову – равноправны, т.к. они объединяются в одно целое исключительно для придания речи некоего стиля, изысканности, подчеркнутой красоты. Структурно-сложный эпитет является индивидуально-авторским словом, употребленным лишь единожды, а не обычным банальным определением, сотни раз встречающимся в повседневной речи. Когда же, в отличие от эпитетов, мы имеем дело просто со сложными прилагательными, то очень редко их составные части действительно представляют собой соединение двух качественных прилагательных. Объединение частей в одно слово здесь служит иным целям – сокращению речи или созданию новых удобных наименований (“работоспособный”, “теплолюбивый”, “жароупорный”). В любом случае, сложные прилагательные для того и создаются, чтобы употребляться не единожды, а активно использоваться в повседневной речи. Отсюда и соотношение между частями сложного прилагательного (зачастую данные части вовсе не являются настоящими прилагательными) – они неравноправны. О неравноправии же составных частей сложного эпитета, на наш взгляд, можно говорить тогда, когда речь идет об эпитетах, состоящих из прилагательного и существительного, из числительного и существительного, а также – из двух существительных, при условии, что только одно из них выступает в роли метафоры по отношению к определяемому слову. В случае же, когда эпитет состоит из двух прилагательных, трудно отдать предпочтение какой-либо одной части сложного эпитета.

Вернемся к примеру “**желтоогромная** луна”. Качественные признаки “желтая” и “огромная”, на наш взгляд, здесь не зависят одно от другого. Можно было бы даже сделать предположение, что поскольку прилагательное “желтая” стоит на первом месте, то оно тем самым больше обращает на себя внимание. Но вряд ли это является верным, хотя цвет всегда вызывает яркие зрительные ассоциации. У К. Бальмонта луна может быть разного цве-

та – белой, снежной, серебряной, опаловой, золотой, красной, зеленоватой. Но в данном случае поэт из всех оттенков выбирает желтый. Эпитет “**желтоогромная** луна” можно объяснить и разложить на составляющие следующим образом: “желтая и огромная луна” или, наоборот – “огромная и желтая луна”. Смысл стихотворной строки от этого не меняется.

Итак, элементы (или части) сложного эпитета “желтоогромная (луна)” являются равноправными. Каждый элемент данного сложного эпитета отдельно присоединяется к определяемому существительному. Между собой же элементы сложного эпитета никак дополнительно не связаны. Поэтому в данном случае мы говорим о внешних параллельных связях. Проиллюстрируем это с помощью схемы – рис. 3.1.

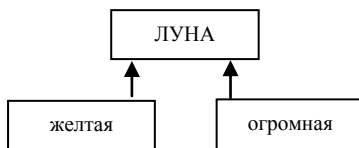

Рис. 3.1. Эпитет “желтоогромная (луна)”

Эпитет “желтоогромная” достаточно прост в том плане, что элементы данного эпитета не вызывают никаких сомнений относительно того, что они являются прилагательными. Но можно найти и другие, более сложные примеры.

В стихотворении, взятом из книги К. Бальмонта “Поэзия как волшебство”, поэт называет дым костра “**сребролунным** зверем”, вышедшим из пещеры. Обе части сложного эпитета “сребролунный” обозначают цвет. “Серебряный” в данном случае – не адъективная форма существительного, а качественное прилагательное. То же и в отношении слова “лунный”, которое также является качественным прилагательным, хотя это и более редкая форма, чем “серебряный” или “золотой”. Поэт весьма часто употреблял, например, форму “лунно” как качественное слово.

*Чтоб глаз тех враждебных, но спящих,
И тускло, и лунно глядящих,
Я тайную повесть прочел...*

(“Зачарование”)

Таким образом, мы можем истолковать сложный эпитет “сребролунный” как эпитет, состоящий из двух прилагательных. Значение этого эпитета – не такое однозначное, как, например, у формы “желтоогромная”, но все же данный эпитет вызывает вполне определенные ассоциации. Поэт очень часто называл луну “серебряной”, а серебро – “лунным” (“Он острый, – край **серебряного** круга”; “Но вот изменится игра – и нежит **лунность** серебра”). Данные эпитеты для К. Бальмонта обозначают почти одно и то же –

определенный цвет. Можно было бы сказать, что части сложного эпитета “сребролунный” являются своеобразными поэтическими синонимами.

Аналогичный пример со сложным эпитетом (тоже обозначающим цвет), структурные части которого можно также отнести к поэтическим синонимам, находим в поэме “Фата Моргана”:

Мне снилось множество цветов,

Багряных, алых, золотистых,

Сапфирно-синих лепестков,

И снов, застывших в аметистах.

(“Фата Моргана” (“Фиолетовый”))

Эпитеты, написанные через дефис, мы также относим к структурно-сложным эпитетам. Обе части эпитета “сапфирно-синие” обозначают синий цвет. Элемент “сапфирный” здесь выступает как поэтическое украшение, как своеобразный оригинальный повтор.

Конечно же, в двух вышеуказанных случаях мы говорим о поэтической синонимии лишь в условном, фигуральном смысле. Речь идет о том, насколько по своему значению близки друг другу части сложного эпитета. Элементы сложного эпитета трудно представить себе как единый качественный признак, как нечто нерасчлененное. Части так называемых поэтических синонимов (“сребролунный”, “сапфирно-синий”) – это два самостоятельных признака. Не существует в прямом смысле, например, “бело-желтого” цвета, не существует и “сапфирно-синего” или “сребролунного”.

В любом случае, признаки являются расчлененными. Но все же прилагательные типа “бело-желтый” (части которых обозначают однородные признаки) отличаются от прилагательных, части которых обозначают разнородные признаки. Интересно то, что именно в случае соединения слов однородных, семантически очень близких (а особенно – поэтических синонимов), можно говорить о намечающемся новом качестве, в то время как при соединении разнородных, различных по значению слов, происходит просто механическое объединение двух признаков.

Но подобные соотношения однородных или неоднородных признаков едва ли влияет на способы организации структурно-сложных эпитетов, так как и в том, и в другом случае сложный эпитет строится из двух самостоятельных прилагательных, каждое из которых непосредственно присоединяется к определяемому слову. Поэтому мы называем такие словообразования структурно-сложными эпитетами с внешними параллельными связями. Проиллюстрируем способ организации структурно-сложных эпитетов “сребролунный зверь” и “сапфирно-синие лепестки” с помощью схем. Они будут аналогичны схеме эпитета “желтоогромная луна” – рис. 3.2.

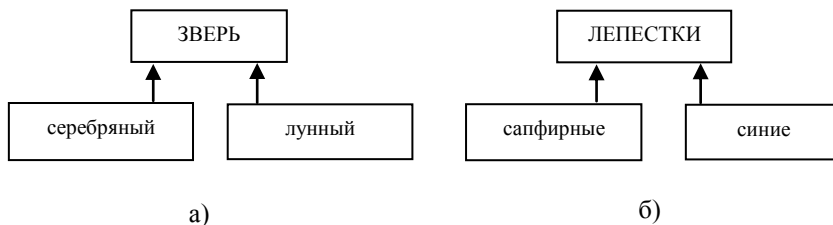

Рис. 3.2. Эпитеты: а) "сребролунный (зверь)";
б) "сапфирно-синие (лепестки)"

Приведем еще примеры эпитетов, образованных с помощью соединения двух прилагательных.

*Волх Всеславич многоликий, оборачиваться мог,
Волхом рыскал, был он сокол, тур был красный, златорог.
Солнцеликий, змеегибкий, бесомудрый чародей...*

(“Волх”)

В последней строке находятся три структурно-сложных эпитета. Что касается первого, то он получен путем соединения двух существительных. А последние два следует отнести к эпитетам, образованным с помощью двух прилагательных. Определение “бесомудрый” можно было бы принять за соединение существительного и прилагательного. Но при объединении в одно слово, прилагательное обычно ставится на первое место, существительное – на второе, а никак не наоборот. К тому же, первая часть сложного эпитета “бесомудрый”, скорее, обозначает не существительное “бес”, а некое качественное прилагательное, например, “бесовский”. Поэтому можно сказать, что эпитет “бесомудрый” – это соединение двух прилагательных. Такую же организацию имеет и эпитет “змеегибкий”. Принадлежность слова “гибкий” к классу прилагательных не вызывает сомнения. Что же касается первого элемента эпитета, то следует вспомнить, что К. Бальмонт неоднократно употреблял слово “змеиный” или “змеиность” как качественное прилагательное или как субстантивную форму прилагательного (“О, души женские, плененные мечтой, / Вы, сочетавшие **змеиность** с красотой ...”; “Кто изменился – кто это свился – в полный **змеиности** жгут?”).

На этом основании первую часть сложного эпитета “змеегибкий”, на наш взгляд, можно отнести к качественному прилагательному. Следовательно, эпитет “змеегибкий”, также как и эпитет “бесомудрый”, получен путем соединения двух прилагательных. Данные эпитеты относятся к одной группе структурно-сложных эпитетов с внешними параллельными связями. Покажем это на схеме – рис. 3.3.

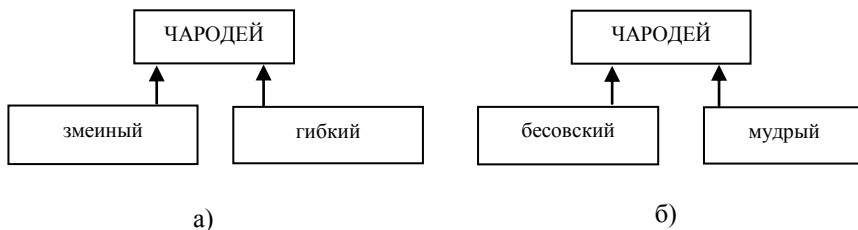

Рис. 3.3. Эпитеты: а) "змеегибкий (чародей)";
б) "бесомудрый (чародей)"

Аналогичный случай можно найти и в стихотворении "Зачарование":

*От вещи, во тьме приходящей,
Змеиности, тайно скользкой,
Всевышней, меня сохрани,
Зловражеской силе молчащей
Скажи: "Зачаруйся. Усни".*

Эпитет "зловражеский" также состоит из двух прилагательных – "злой" и "вражеский" (в значении "враждебный"). Покажем это на схеме – рис. 3.4.

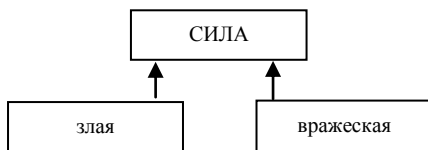

Рис. 3.4. Эпитет "зловражеская (сила)".

Итак, мы рассмотрели структурно-сложные эпитеты, состоящие из двух прилагательных. Элементы данных эпитетов соединены с определяемым словом при помощи внешних параллельных связей.

Каждый элемент сложного эпитета присоединяется к определяемому слову самостоятельно, независимо от другого элемента. Что же касается соотношения между непроанализированной формой структурно-сложного эпитета ("желтоогромная луна") и проанализированной формой ("желтая и огромная луна"), в которой выявлены отдельные элементы ("желтая" и "огромная"), а также – внешние параллельные связи между элементами эпитета и определяемым существительным "луна", то различие в значениях данных форм является минимальным. Разница в выражениях "желтоогромная луна" и "желтая и огромная луна" очень мала. Исходная, непроанализированная форма отличается от проанализированной не оттенком значения, а принадлежностью к иному, более возвышенному стилю. Первая форма воз-

можно только в стихотворном тексте, тогда как вторая – и в стихотворном, и в прозаическом.

Следует отметить, что эпитеты, полученные путем соединения двух прилагательных, являются эпитетами в полном смысле этого слова, т.к. обе их части обозначают качественный признак. Данные словообразования нисколько не похожи на видоизмененную, сжатую метафору, что мы можем наблюдать в эпитетах, полученных путем соединения двух существительных.

3.2. Структурно-сложные эпитеты, образованные путем соединения прилагательного и существительного, а также – числительного и существительного

В отличие от эпитетов, которые получены путем соединения двух прилагательных, эпитеты, состоящие из прилагательного и существительного, встречаются не только в стихотворном тексте, но и в прозе.

Обычные определения, полученные таким же образом, активно употребляются в повседневной речи. Очень часто используются определения типа “сероглазый”, “светловолосый”, “чернокожий”. Такие синтетические формы можно представить в виде следующих аналитических форм: “человек с серыми глазами”, “человек со светлыми волосами” и т.д. В поэзии подобные прилагательные приобретают необычную, изысканную форму и становятся эпитетами.

В поэзии, например, могут обращаться в эпитет слова “черный хлеб”. В стихотворении “Всю жизнь” встречается выражение “**чернохлебный** колос ржи”. Соединенные вместе корни прилагательного и существительного превратились в оригинальный эпитет. Здесь – и цвет, и предчувствие урожая в спелых колосьях ржи.

*Нам зерна эти светлые, о духи светловзорные,
Вечерняя, рассветная послала вышина.*

(“Золотые зерна”)

“Светловзорные” – это своеобразный вариант определения “светлоглазые”. Используя в качестве отправной точки вполне обычные прилагательные, поэт переделывает их на свой манер, придавая им необычную форму. Так автор создает свои оригинальные тексты.

Похожий пример – в стихотворении “Свадьба Воды и Огня”.

*Это зеленые храмы растений,
При всемирных свечах светлоглазого Дня...*

Здесь все намеренно перепутано: свет – это глаза Дня, которые горят при “всемирных свечах”. И хотя само по себе определение “светлоглазый” вполне обычно и часто употребляется в повседневной речи, но в подобном контексте оно выглядит весьма оригинально и поэтому имеет право называться эпитетом.

В обычной речи не употребляются определения типа “сероокий” или “зеленоокий”. Но в поэзии все возможно.

Стая змей

*Собралась, свилась, как лента, как дракон **зеленоокий**...*

(“Чернобыль”)

В стихотворении “Вещанье” находим эпитет “златоокий”. Но он идет не как обозначение цвета. “Златоокий” – это “неземной”, “лучезарный”, “всезнающий”.

*Сидел у руля **златоокий** Пророк,*

И был он как будто совсем одинок ...

Наиболее частотными среди эпитетов, состоящих из прилагательного и существительного, являются эпитеты, обозначающие цвет, поэтому прилагательные типа “жемчужный”, “изумрудный”, “серебряный”, “золотой” очень активно включаются в состав таких сложных эпитетов. Но это могут быть не только прилагательные подобного рода, но и любые другие.

Рассмотрим подробнее структуру сложных эпитетов, состоящих из прилагательного и существительного. В отличие от эпитетов, которые состоят из двух прилагательных и, соответственно, содержат в себе два качественных признака, эпитеты, полученные путем соединения прилагательного и существительного, содержат лишь одно качество. Фактически, вторая часть определения, выраженная существительным, эпитетом не является. Вторую часть следует назвать определяемым существительным по отношению к первой части эпитета. Но тем не менее объединенные в одно целое, обе части сложного слова имеют форму прилагательного и воспринимаются как целый эпитет, у которого также есть свое определяемое существительное. Рассмотрим конкретный пример. Для того, чтобы наглядно была видна разница между эпитетами, состоящими из двух прилагательных (“**желтоогромная** луна”) и эпитетами, состоящими из прилагательного и существительного, возьмем определение, также относящееся к “луне”.

*И луны, в страсти – **крутороги***

Ведут венчальный хоровод.

(“Комета”)

Второй элемент сложного эпитета “круторогие” мы называем существительным, т.к. слово “рогатая” – не прилагательное, а адъективная форма существительного.

По аналогии с определениями, употребляющимися в повседневной речи, мы можем представить этот эпитет как выражение “луны с крутыми (округлыми) рогами”.

Выше было сказано, что вторая часть подобных определений в строгом смысле не является эпитетом, т.к. не обозначает качества. Но очень часто бывает так, что данное существительное несет в себе определенный оттенок метафоричности. Например, – в данном случае или в примере “светлоглазый День”. Однако подобная метафоричность не является обязательной.

Итак, если говорить о связях элементов сложного эпитета “круторогие” друг с другом и с определяемым существительным “луны”, то данные связи будут отличаться от связей эпитета “желтоогромная (луна)”. Части (элементы) эпитета “круторогие” не будут подсоединяться параллельно к определяемому существительному “луны”. Непосредственно к нему будет подсоединяться только один элемент – “рогатые”, а первый элемент сможет “подойти” к существительному не сразу, а лишь последовательно, присоединившись сначала к элементу “рогатые”, и лишь после этого – к существительному “луны”. Нельзя сказать, что “круторогие луны” – это “крутые (округлые) луны с рогами”, – создалось бы впечатление, что у полной луны вдруг сверху появляются рога. Когда же говорим – “луны с крутыми (округлыми) рогами”, то сразу становится понятно, что речь идет о месяце, т.е. признак “крутой (округлый)” в данном случае не принадлежит непосредственно луне: рога – лишь часть месяца, но не он сам. Месяц же может казаться нам не таким округлым и выгнутым, как его рога. Таким образом, первая часть сложного эпитета присоединяется к существительному “луны” после второй части – “рогатые”. Поэтому в данном случае, на наш взгляд, следует говорить о внутренней и внешней связях, осуществляющихся последовательно. Проиллюстрируем данные связи на схеме – рис. 3.5.

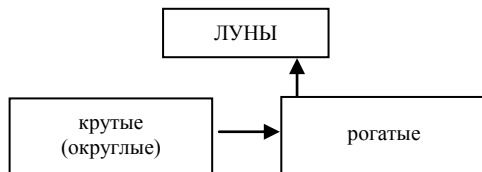

Рис. 3.5. Эпитет "круторогие (луны)"

Рассмотрим еще несколько аналогичных примеров.

*Размаха – взреял вихрь, рокочет – громокрылый
И зыбь свечения он сеткой взнес, златой,*

В Утес Молчая – бьет златоклювой вилой...

...

*И – преломленье дня. Диск солнца золотой –
Еще блаженствует, – еще он златокрылый...*

(“Но я люблю тебя!”)

Здесь присутствуют сразу три сложных эпитета – “златокрылый”, “громокрылый” и “златоклювый”. Первые элементы данных эпитетов являются качественными прилагательными, вторые – существительными. Но все эти существительные здесь несут метафорическую функцию по отношению к определяемым существительным “диск (солнца)”, “вихрь”, “вила”. Что же касается существительного “вила”, то оно само является метафорой. Поэт называет солнце “златокрылым диском”, ветер также представляется ему в виде “громокрылой птицы”, бьющей вилой золотого клюва в скалы. Таким образом, в данных примерах обнаруживается многоступенчатая организация тропов. Но сама структура эпитетов – довольно проста. Данные эпитеты можно превратить в соответствующие аналитические формы – “вихрь с громкими (громыхающими) крыльями”, “вила с золотым клювом”, “диск с золотыми крыльями”. Это сложные эпитеты, элементы которых соединены с определяемыми словами при помощи внутренней и внешней последовательных связей. Проиллюстрируем это схемами – рис. 3.б.

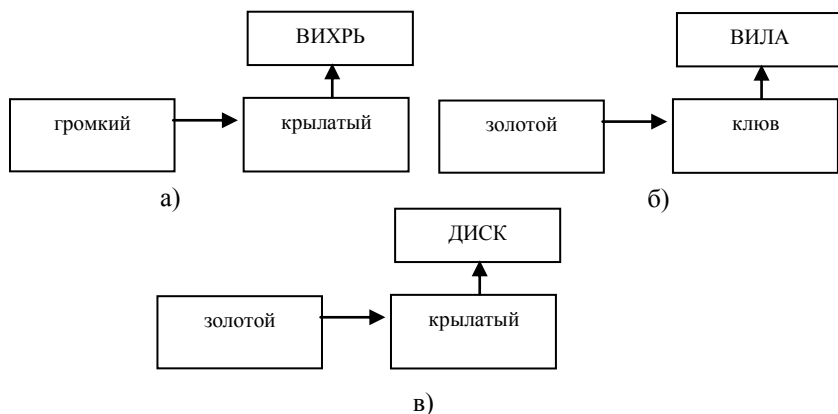

Рис. 3.б. Эпитеты: а) "громокрылый (вихрь)"; б) "златоклювая (вила)"; в) "златокрылый (диск)".

*В этих травах тонкий яд,
Самоцветности горят,
В них глубокий, змеокий, нелюдской берущий взгляд.*

(“Руны ночи”)

Первая часть эпитета “змееокий” является качественным прилагательным, т.к. означает не принадлежность змее, а нечто колдовское, призрачное, коварное. Необычное сочетание “змееокий взгляд” можно воспринимать как поэтический повтор.

Схема этого эпитета – такая же, как и в предыдущих примерах – рис. 3.7.

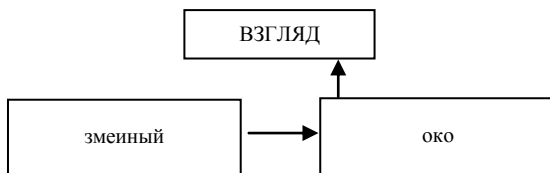

Рис. 3.7. Эпитет "змееокий (взгляд)"

К рассматриваемой нами группе эпитетов с последовательными связями относятся и эпитеты, полученные путем соединения числительного и существительного. И хотя числительное не обозначает качественный признак, тем не менее подобные определения можно считать эпитетами, т.к. числительные в необычном поэтическом контексте могут приобретать метафорический смысл. В подтверждение этому – слова А.И. Кайдаловой, которая говорит, что возможны такие сложные прилагательные, “в которых основы числительного имеют метафорическое значение” [3, с. 6].

В поэзии подобные определения выглядят следующим образом.

*Над этими пространствами, то бурными, то мирными,
 Душою ощущается в Эдем ведущий мост.
 Зовется ли он Радугой, навек **тысячецветною**,
 Зовется ли иначе как, значения в том нет.*

(“Фата Моргана” (“Синий”))

В определении “тысячецветная” числительное приобретает метафорический оттенок. Способ организации эпитетов, состоящих из числительного и существительного – такой же, как и у эпитетов, в состав которых входят прилагательное и существительное – рис. 3.8.

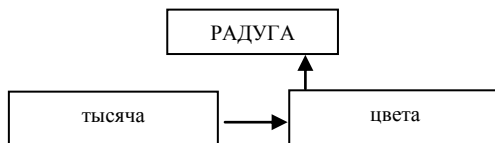

Рис. 3.8. Эпитет "тысячецветная (радуга)"

Итак, в рассмотренной нами группе эпитетов элементы соединены с определяемым существительным с помощью внутренней и внешней после-

довательных связей. Исходным, непроанализированным формам таких эпитетов (“**круторогие** луны”, “**тысячецветная** радуга”) соответствуют проанализированные (“луны с крутыми (округлыми) рогами”, “радуга из тысячи цветов”). Казалось бы, значение синтетических и аналитических форм в данном случае – одно и то же, но в аналитической форме все же теряется нечто важное – скомпрессированность, быстрота и легкость передачи образа, что и составляет главную красоту и поэтичность высказывания.

3.3. Структурно-сложные эпитеты, образованные путем соединения двух существительных

Наиболее редкую и малочисленную группу в поэзии К. Бальмонта составляют сложные эпитеты, полученные путем соединения двух существительных. Такие эпитеты практически не встречаются в прозаических текстах и тем более – в повседневной речи. В поэзии же, достаточно много эпитетов, которые, на первый взгляд, можно принять за соединение двух существительных, но на поверку они оказываются соединением прилагательного и существительного. Это особенно часто бывает в тех случаях, когда первую часть эпитетов составляют слова типа “серебро”, “золото”, “изумруд” и т.п. Нашей же целью является анализ сложных эпитетов, состоящих из настоящих существительных, а не из субстантивных форм прилагательного. Так, например, В.М. Брысина говорит о подобных сложных определениях: “По способу согласования построены очень продуктивные слова из основы имени прилагательного и основы имени существительного. <...> Вместо обычной основы имени прилагательного в первой части можно встретить иногда в индивидуальных стилях и в терминологических словах имя существительное: “солнцеокий осетр”, “серпокогтистый зверь”, “лаполистый клен” (Г.Р. Державин)...” [4, с. 9].

Определения, состоящие из двух существительных, можно называть эпитетами лишь с некоторой натяжкой, так как они все же ближе к метафоре. У эпитетов, состоящих из прилагательного и существительного, вторая часть иногда выступает в роли метафоры к определяемому слову. В группе же эпитетов, состоящих из двух существительных, порой случается так, что оба этих существительных являются метафорами по отношению к определяемому слову. Иногда бывает, что только первая часть выступает в роли метафоры, а вторая является простым существительным без какого-либо намека на метафоричность. Но и в том, и в другом случае, определения, состоящие из двух существительных, не могут обозначать качественный признак. Поэтому мы говорим о том, что такие определения по своему значению приближаются к метафоре.

Рассмотрим конкретный пример. В стихотворении К. Бальмонта “Всю жизнь” находим эпитет “**серполикая** луна”. Качественный признак в этом

определении фактически отсутствует. Перед нами – три субстантива: “луна”, “серп” и “лик”. При этом последние два – являются метафорами по отношению к первому. Трудно определить, какой из элементов сложного эпитета здесь является главным, как и в случае с эпитетом “желтоогромная луна”. Но эпитет “серполикакая (луна)” по способу своей организации вовсе не похож на эпитет “желтоогромная (луна)”, – части сложного эпитета “серполикакая” не подсоединяются к определяемому существительному с помощью параллельных связей. Не подсоединяются и последовательно. Здесь – третий вид связи – опосредованная внутренняя связь. Поскольку определение “серполикакая” представляет собой соединение двух метафорических слов, стоящих в позиции принадлежности к одному существительному, то данное определение может быть представлено в виде двух аналитических форм, причем обе эти формы будут равноправны. Так как существует возможность превратить любую метафору в сравнение, можно сказать, что эпитет “**серполикакая** луна” имеет следующие аналитические формы: “серп луны как лик” и “лик луны как серп”.

Подобные определения, состоящие из двух существительных, выполняющих функцию метафор, являются как бы двусторонними, одинаково действующими в обе стороны. При их анализе мы непременно апеллируем к содержащемуся в них скрытому сравнению, обязательно используя при этом ключевое слово “как”. На наш взгляд, нельзя представить эпитет “**серполикакая** луна” иначе. Если пытаться объяснить его по модели второй группы эпитетов, состоящих из прилагательного и существительного, то получится нечто вроде выражения “лик луны с серпом”, – и это будет просто комично. В эпитете “серполикакая” и слово “серп”, и слово “лик” непосредственно подсоединяются к существительному “луна”. Но, в отличие от эпитета с параллельными связями (“**желтоогромная** луна”), где слова “желтая” и “огромная” между собой не связаны, слова “серп” и “лик” связаны друг с другом через существительное “луна” опосредованной связью, что видно по аналитическим формам, имеющим вид сравнений. Подобный тип опосредованной внутренней связи можно проиллюстрировать следующим образом – рис. 3.9.

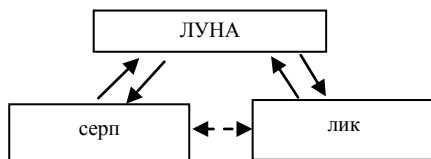

Рис. 3.9. Эпитет “серполикакая (луна)”

Приведем аналогичные примеры эпитетов подобного рода. В стихотворении “Царица балтийских вод” сказочный витязь молнией разрушил янтарные чертоги, скрытые под водой.

*И однажды метнул **молнеглазые** громы,
И янтарные он опрокинул хоромы,
Разметал он обломками их.*

Здесь и первую, и вторую части сложного эпитета “молнеглазые” можно считать метафорами к существительному “громы”, так как гром в реальности не обладает ни молниями, ни глазами. Поэтому, также как и в предыдущем примере, можно представить этот эпитет в виде двух аналитических форм (двух сравнений) – “молнии громов как глаза”, “глаза громов как молнии”. Проиллюстрируем опосредованную внутреннюю связь элементов сложного эпитета и определяемого существительного с помощью схемы – рис. 3.10.

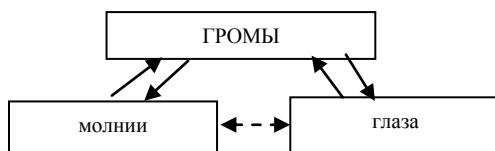

Рис. 3.10. Эпитет "молнеглазые (громы)"

У К. Бальмонта можно найти еще один очень похожий пример, но уже не в поэзии, а в прозе. Однако даже стиль литературно-критических статей К. Бальмонта – метафоричен. Таковы строки из статьи “Голос прилива”: “Как в глубинностях Моря, в глубинах Народной души – скрываются чудохоромы – там таятся, среди жемчугов, **огнеглазые** громы. – Миг синих расцветов, спешите!”

Эпитет “**огнеглазые** громы” аналогичен эпитету “**молнеглазые** громы”. Его также можно представить в виде двух аналитических форм: “огонь громов как глаза” и “глаза громов как огонь”. Соответствующей будет и схема – рис. 3.11.

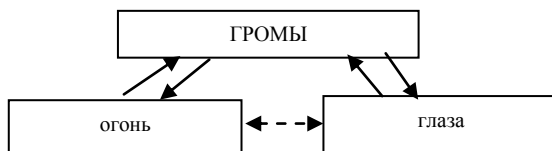

Рис. 3.11. Эпитет "огнеглазые (громы)"

Мы проанализировали эпитеты, в которых оба элемента, выраженных существительными, являются метафорами по отношению к определяемому слову, и установили, что для данной группы эпитетов характерна опосредованная внутренняя связь. Но встречаются и такие сложные эпитеты, которые также состоят из двух существительных, но при этом метафорой по отношению к определяемому слову является только одно существительное.

*Лунноликий, Солнцеокий,
Отвечал Агурамазда.*

(“Воскресенье”)

Слова “луна” и “солнце” в составе данных эпитетов вполне могут называться метафорами. Но вторые элементы этих сложных эпитетов метафорами считать нельзя, поскольку Агурамазда реально, а не в переносном смысле обладает ликом и очами. По этой причине, на наш взгляд, части таких сложных эпитетов не могут считаться равноправными и, следовательно, не могут быть связаны друг с другом через определяемое слово опосредованной связью. Нельзя, например, представить эпитет “лунноликий (Агурамазда)” в виде двух равноправных сравнений типа “луна Агурамазды как лик” и “лик Агурамазды как луна”. Следует употребить только одно, последнее сравнение. Метафора “луна” относится не к самому определяемому слову Агурамазда, а лишь – ко второй части сложного эпитета – к слову “лик”. Покажем внутреннюю и внешнюю последовательные связи структурно-сложных эпитетов “лунноликий” и “солнцеокий” на схемах – рис. 3.12.

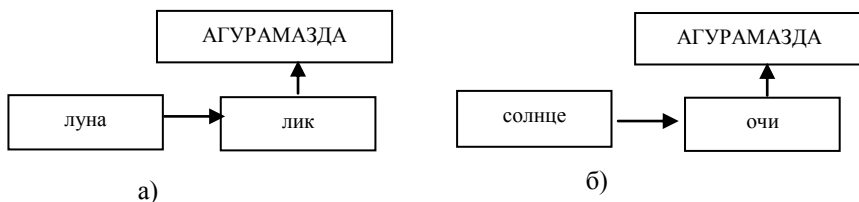

Рис. 3.12. Эпитеты: а) "лунноликий (Агурамазда)";
б) "солнцеокий (Агурамазда)"

Итак, опосредованная связь характерна для тех сложных эпитетов, которые состоят из двух существительных, причем необходимо, чтобы оба элемента сложного эпитета выступали в роли метафор по отношению к определяемому слову. Если метафорой является лишь одно существительное, входящее в состав сложного эпитета, то в данном случае мы констатируем последовательные связи.

Вернемся к сложным эпитетам с опосредованной связью. В этой группе эпитетов очень сильно проявляется различие между исходной (непроанализированной) формой и аналитическими (проанализированными) формами. Рассмотрим это подробно.

Понимание механизма создания эпитета требует его анализа, т.е. сначала эпитет раскладывается на составные части, а затем устанавливаются те связи, благодаря которым части сложного эпитета объединяются в единое целое. Вышеуказанные действия предполагают, что мы понимаем, каким

образом из проанализированной формы вновь появляется первоначальная, исходная, непроанализированная форма. Данное положение является верным, если речь идет об эпитетах второй и тем более – первой группы, так как проанализированные и непроанализированные формы здесь практически нечем не отличаются друг от друга и являются взаимозаменяемыми (“желтоогромная луна” – это “желтая и огромная луна”; “круторогие луны” – это “луны с крутыми (округлыми) рогами”). Но когда подвергаются анализу эпитеты третьей группы (“серполикая луна”), то приходится сталкиваться со многими трудностями. Например, следует ли выбрать одну из двух аналитических форм (“серп луны как лик”, “лик луны как серп”) и если – да, то какую? И возможна ли в данном случае замена исходной формы аналитической, если последняя – столь неопределенна? На первый вопрос следует ответить отрицательно, так как обе аналитические формы являются равноправными, поскольку равноправны обе части сложного эпитета. Что же касается того, возможна ли замена исходной формы аналитической, то этот вопрос гораздо сложнее. Разложив эпитет на составляющие и установив тип связи, нельзя точно сказать, чем же конкретно исходный эпитет отличается от проанализированного, что нового появляется в нем, когда его составные части посредством вполне определенных связей объединяются в одно целое, – словно в нашем анализе пропущено какое-то звено, некий важный этап, через который должна пройти аналитическая форма, прежде чем она вновь станет исходной. Однако восстановить данное звено не представляется возможным. Формальный анализ структурно-сложных эпитетов третьей группы, таким образом, нужно дополнить неформальным, т.е. прибегнуть к помощи аналогий, сравнений, пояснений и примеров, косвенно раскрывающих содержание пропущенного звена анализа, который лежит за пределами логического описания. В этом и состоит специфика поэтического языка. Его нельзя полностью описать с помощью схем. В подобных эпитетах просто содержится некая неопределенность, неточность, что вполне допустимо в поэзии. Например, В.Н. Вовк говорит о сложности метафоры следующее: “Постигая смысловую сложность, раскрывая завуалированный образ, читатель как бы разгадывает тайну, зашифрованную метафорой. Чем сложнее загадка, тем больше активности и интеллектуального напряжения она требует от читателя, тем она выразительнее. В некоторых случаях, когда образ представляет абстрактное многомерное понятие, от читателя требуется богатое воображение, и здесь уже определенная роль возлагается на индивидуально-читательские особенности и опыт. Автор в таком случае создает своего рода метафорическую модель и предлагает ее заполнить читателю” [9, с. 52]. Поэтический язык – это не язык науки. В стихотворных текстах не требуется четких формулировок. Более того, достижения этой четкости не всегда желательно, поэтому читателю вовсе не обязательно объяснять себе структурно-сложный эпитет, раскладывая его на составные части.

Проблема проанализированных и непроанализированных языковых форм интересовала многих исследователей. Так, например, философ Л. Витгенштейн замечает по этому поводу: “Мы видим составные части чего-то сложного. ... Мы также видим целое, которое изменяется (разрушается), в то время как его составные части остаются неизменными. Все это материалы, из которых конструируем ... картину реальности. ... Мы рассуждаем примерно так: располагая лишь непроанализированной формой, испытываешь нехватку анализа. Зная же аналитическую форму, тем самым обладаешь всем. – Но разве нельзя сказать, что и в этом, и в том случае теряется из виду та или иная сторона дела?” [10, с. 108, 110]. Действительно, в то время как при анализе составные части сложного эпитета сохраняются, сам эпитет разрушается, и аналитическая форма, таким образом, не равна исходной. Витгенштейн Л. отмечает также, что иногда бывает невозможным передать расплывчатое изображение четким. И даже если это возможно, то не всегда целесообразно: “Всегда ли целесообразно заменять нечеткое изображение четким? Разве неотчетливое не является часто как раз тем, что нам нужно?” Философ говорит, что “степень возможного сходства отчетливого и размытого изображений зависит от степени неопределенности последнего”. Чем неопределеннее структурно-сложный эпитет (например, эпитеты третьей группы), тем труднее объяснить его с помощью аналитических форм. Иногда мы не в силах конкретно определить, чем непроанализированная структура отличается от проанализированной. Трудно объяснить, что же именно появляется в структурно-сложном эпитете, когда мы воспринимаем его в целом, не разделяя на составные части. Витгенштейн Л. замечает: “Что значит: знать ... и быть не в состоянии это сказать? Не эквивалентно ли такое знание несформулированному определению?” Философ отмечает, что наше знание о чем-либо не всегда выражается в четком определении, оно может отражаться в наших объяснениях и соответствующих примерах, подобранных определенным образом. В ряду этих примеров следует увидеть то общее, что по каким-то причинам нельзя выразить точно и однозначно. “Приведение примеров ... не косвенное средство пояснения, – к которому мы прибегаем за неимением лучшего. Ведь любое общее определение также может быть неверно понято” [10, с. 113, 115].

Таким образом, подводя итог рассуждениям о проанализированных и непроанализированных формах, можно сказать, что для читателя, воспринимающего стихотворный текст, структурно-сложный эпитет – это монолитная структура, которую вовсе не обязательно разбивать на части и анализировать. Но для исследователя анализ необходим, так как выявление отдельных элементов сложного эпитета, а также – характера связей между элементами эпитета и определяемым словом, позволяет непосредственно выявить механизм построения структурно-сложных эпитетов.

Библиографический список к главе 3

1. Руделев В.Г. Динамическая теория частей речи русского языка // Вестник Тамбовск. ун-та. – 1996. – Вып. 1 – С. 83-89.
2. Кайдалова А. И. Лексико-грамматическая характеристика сложных прилагательных. (На материале некоторых групп сложных качественных образований современного русского языка): автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – М., 1970. – 17 с.
3. Беликова С.Г. Новые прилагательные, образованные способом чистого сложения, с сочинительным отношением мотивирующих слов (на материале словарей новых слов и периодики 1985-1989 гг.): автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – Л., 1990. – 25 с.
4. Брысина В.М. Сложные прилагательные в современном русском литературном языке: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – Саратов, 1954. – 16 с.
5. Донова З.П. Сложные прилагательные в современном русском литературном языке: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – М., 1950. – 18 с.
6. Алтаева А.Ш. Словообразовательные парадигмы сложных прилагательных // Актуальные проблемы русского словообразования. – Ташкент: Укитувчи, 1985. – С. 165-168.
7. Григорьев В.П. Заметки о сложном слове // Вопросы языкознания. – 1958. – № 5. – С. 102-104.
8. Сидорец В.С. Структурно-семантическая характеристика прилагательных в прозе И.А. Бунина: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – Минск, 1971. – 23с.
9. Вовк В.Н. Языковая метафора в художественной речи. – Киев: Наукова думка, 1986. – 141с.
10. Витгенштейн Л. Философские исследования // Философские работы. – М.: Гнозис, 1994. – С. 80-322.

К ВОПРОСУ ОБ ИСТОРИИ КОРЕЙСКОГО ЯЗЫКА

Современное состояние любого языка – это следствие его развития. Фонетические, грамматические, лексические явления современного корейского языка представляют собой результат длительной эволюции. Состояние тех или иных моделей становится более понятным и мотивированным, если изучить историю их развития и становления. История языка – это история его изменений с давних времен до современного периода. Все изменения, которые претерпевал язык, можно проследить по древним письменным произведениям. Изучение истории корейского языка дает возможность глубже познать современный язык, понять его как результат сложного процесса развития и взаимодействия различных факторов, определить его место среди других языков, выявить типологические особенности.

Изучению истории корейского языка посвящены ряд работ российских корееведов. В первой главе проведен анализ работ российских исследователей корейского языка, затронута проблема периодизации развития корейского языка, как в русском, так и в зарубежном корееведении. Во второй главе дана характеристика двух работ, Е.Н. Кондратьевой «Грамматика предикатива ранненовокорейского языка: От средневекового к новокорейскому» и Е.С. Логуновой «Грамматика новокорейского языка по памятникам XVIII–XIX вв. (Фонология, морфонология, морфология)» в которых проводится анализ корейских текстов разных периодов, на основе которого был проведен авторский анализ отрывка произведения XVIIв. «Повесть о хон Гильдоне». Для изучения особенностей данного письменного источника был использован перевод М. Никитиной, Большой корейско-русский словарь под редакцией Л.Б. Никольского, а так же ксилограф данного произведения. Были сделаны выводы о грамматическом строе корейского языка на рубеже веков, выявлены грамматические особенности корейского языка того периода. Благодаря исследованию стало возможно описать язык в данную историческую эпоху, воссоздать морфологию и составить представление о лексике. Лингвистическое изучение языка одного памятника – явление относительно редкое не только в отечественном, но и в мировом корееведении. Между тем, описание языка отдельного памятника – исследование, имеющее большое значение для лингвистов, изучающих язык в историческом аспекте. Только такое описание позволяет построить систематическую историю изменения языка. У литературного памятника, как правило, один автор, поэтому мы при рассмотрении языка отдельного памятника будем иметь дело с единой системой. Данные, полученные при таком анализе, представляют

собой единую законченную систему – грамматическое описание языка в определенный исторический момент. А это, в свою очередь, позволяет нам описать язык в отдельную историческую эпоху, помогает зафиксировать изменения в языке, наметить общие тенденции изменения и развития языка, что необходимо для установления точной периодизации языка.

Результаты проведенного исследования могут быть использованы при подготовке вузовских курсов по истории корейского языка, теоретической грамматики корейского языка, а также могут быть использованы как пример грамматическому анализу текстов.

4.1. Исследование истории корейского языка и проблема периодизации его развития

Корейский язык – один из древнейших языков мира, который, несмотря на многовековое китайское культурное влияние, японскую оккупацию и американское присутствие после окончания второй мировой войны, сумел сохранить свою самобытность и оригинальность, отражающие национальные характер страны, а также многовековые традиции и внутренний мир каждого корейца и корейского народа в целом.

Традиционно в истории языка большое развитие получили фонологический и морфологический аспекты языка, именно их большинство ученых анализируют в своих работах.

Основными методами истории языка являются:

- метод внутренней реконструкции (изучение языковых явлений на основе одного языка, с целью объяснить синхроническое варьирование как следствие исторического изменения);
- метод аналогий (унифицирование изменений произошедших в системе того или иного языка);
- метод контактной лингвистики (исследование языковых изменений, в результате влияния языков друг на друга: заимствование слов, письменности, способов выражения грамматических значений);
- сравнительно-исторический метод (выявление сходств и различий материального плана, т.е. регулярных соответствий и несоответствий в фонетике и морфологии) [8].

В ходе изучения истории корейского языка устанавливается связь между общими принципами языкознания и фактами современного корейского языка. К соответствующим явлениям корейского языка прилагаются и такие понятия как развитие грамматического строя, фонетической системы и т.п.

Зарождение и становление любого языка период сложный и длительный, поэтому часто вызывает непонимание и критику. Такая же ситуация сложилась и в древней Корее. Долгое время в Корее не было своей собственной

письменности, но развивающемуся государству необходима система письма. Поэтому на корейском полуострове стало широко использоваться заимствованное из Китая иероглифическое письмо. Оно использовалось для записи научных и исторических документов. Но иероглифическое письмо не существовало в чистом виде, а со временем адаптировалось. Тем не менее, потребность в своем собственно-корейском письме не пропала, поэтому в XV веке был отдан приказ о создании корейского алфавита. И уже в 1446 году был опубликован труд, сыгравший в корейской истории огромную роль – «Хунминчоным» («Наставление народу о правильном произношении»), содержащий эдикт короля Седжона Великого о введении корейского алфавита, предисловие к эдикту и обширный комментарий, что было первым шагом в развитии корейского языка. Возникнув, язык всегда претерпевает изменения, однако они происходят не внезапно, а затрагивают достаточно долгий период времени и, как правило, исследуя даже 100-летний период развития языка, можно и не увидеть кардинальных перемен в его строе, особенно на грамматическом уровне, в то время как лексический состав языка может изменяться довольно быстро.

Существуют несколько подходов к периодизации корейской лингвистики.

- 1) история корейского языка заменяется историей развития корейской письменности (김윤경, 최현배, 김수경);
- 2) история корейской лингвистики (вместе с историей корейского языка как наукой) соотносится с общей корейской периодизацией истории страны (박병채);
- 3) история лингвистики рассматривается в рамках культурно-исторической периодизации мировой истории, а также соотносится либо с корейскими королевствами и правящими династиями (김형규, 류렬, 유창균), либо с периодами развития самого корейского языка (이기문).
Например периодизация Ю.Н. Мазура:

1. Эпоха глубокой древности.
2. Эпоха Древнего Чосона (VIII-VII – II в. до н.э.).
3. Эпоха Трех государств (I в. до н.э. – X в. н.э.).
4. Эпоха династии Корё (918-1392).
5. Эпоха династии Чосон (1392-1910).
6. Современная эпоха [7, с. 366-368].

- 4) историческое развитие корейского языка соотносится с развитием корейской лингвистической мыслью (이승녕, 유창균, 강신항). Например Ким Минсу (김민수), так же основываясь на исторических и лингвистических фактах, выделял следующие периоды в истории корейского языка [31]:

1. Традиционный корейский язык эпохи трех государств (реформа Кабо):
 - А) древнекорейский (эпоха трех государств – эпоха Корё);

- Б) ранний среднекорейский (эпоха Корё – изобретение корейского буквенного письма Хунминчоньым);
 - С) поздний среднекорейский (изобретение Хунминчоньым – Имджинская война);
 - Д) новокорейский (Имджинская война – реформа Кабо).
2. Поздний новокорейский язык (реформа Кабо – освобождение от японского колониального господства).
 3. Современный корейский язык (освобождение от японского колониального господства – наши дни).
 - 5) периодизация развития корейской лингвистики соотносится с развитием нормативного и литературного языка (Nikolsky, 김영황) или с историческими материалами (최범훈);
 - б) некоторые ученые настаивают на периодизации, основанной на различных аспектах корейского языка, например на истории фонологической системы (송민) [5, с. 15].

Многие исследователи выделяют в истории корейского языка следующие периоды:

- древний (고대국어, 古代國語);
- средневековый (중세국어, 中世國語);
- период нового времени (근대국어, 近代國語);
- современный(현대국어 – 現代語言).

Именно такой классификации придерживался Ли Гимун (이기문) в 1961 году. Подобным образом обычно рассматривают историю западноевропейских языков (английский, французский и т.п.).

Некоторые корейские исследователи, например, Ким Хёнгу (김형구) в 1975 году анализируют историю языка в рамках пяти периодов:

- древний (고대국어, 古代國語);
- 1-я половина средневекового (중고국어, 使用的語言);
- 2-я половина средневекового (중기국어, 中期語言);
- новый (근대국어, 近代國語);
- новейший (современный) – (현대국어 – 現代語言) [5, с. 17].

Подобную периодизацию использовали в своей работе «История корейского языка» (Lee Ki-Moon, S.Robert Ramsey «A History of the Korean Language», 2011) Ли Гимун и Роберт Рамси. Авторы достаточно подробно описывают каждый период развития корейского языка в отдельности, приводя источники, по которым может рассматриваться данный период, описывая орфографические особенности языка, фонологию, грамматику, синтаксис и лексический состав каждого периода. Согласно их периодизации выделено 5 периодов развития корейского языка

1. Древнекорейский язык (VII в. – X в.). Авторы описывают его как язык эпохи Трёх государств. Три государства, образовавшихся на территории Корейского полуострова в I в. до н.э., – Когурё (37 г. до

- н.э. – 668 г. н.э.), Пэкче (18 г. до н.э. – 660 г. н.э) и Силла (57 г. до н.э. – 935 г. н.э.). Знания об этом периоде в истории корейского языка считаются фрагментарными. Источником знаний о данном периоде развития корейского языка является Самгук саги («Исторические записи Трех государств», 1145 г.). Различия между языками Когурё и Силла являлись значительными, однако, отмечается сходство некоторых когурёских слов со старояпонским языком и с тунгусо-маньчжурскими. Таким образом, можно сделать вывод о том, что в эпоху Трех государств на территории Корейского полуострова не было единого языка, который можно было бы назвать древнекорейским (что и нашло отражение в периодизации) [25].
2. Раннесреднекорейский язык (VII в. – XIV в.) – язык государства Корё (913-1392). Однако сведений о раннесреднекорейском так же мало. Наряду с письмом Иду, в Корё использовался Кугель – запись мелким шрифтом корейских грамматических форм, сокращенными или составными иероглифами непосредственно к китайскому тексту.
 3. Позднесреднекорейский язык (XV в. – XVI в.) – язык династии Чосон XV-XVI в. В данный период происходит важнейшее событие в истории корейского языка – изобретение корейского фонетического алфавита (хангыль). Первыми памятниками, написанными с использованием новой письменности являются Хунминчоньымхэре («Наставление народу о правильном произношении, с объяснениями и примерами», 1446); Тонгукчоньун («Правильные рифмы Восточного государства», 1447; Ёнбиочхонга («Ода о драконах, летящих к небу», 1447); Сокпосанчжоль («Родословная Будды. Главы с толкованиями», 1447); Воринчхонганджи кок («Луна, запечатленная в тысячах рек», 1449) [25].
 4. Новокорейский язык (XVII в. – XIX в.). Данный период является переходным от среднекорейского к современному корейскому языку. Именно этот период обычно связывают с Имджинской войной, которая повлекла за собой не только разорение страны, но и упадок культуры Кореи. Язык новокорейского периода сильно отличался от языка среднекорейского периода. Основными различиями двух периодов является исчезновение диакритических точек, обозначающих тоны, исчезновение ряда букв, в том числе буквы Δ . Следует также отметить, что с возрождением книгопечатания, пришедшего в упадок после войны, корейская письменная традиция стала отражать изменения произошедшие в языке на протяжении полутора веков. Главной характерной чертой данного периода являлось нестабильность и отсутствие единообразия орфографии, что привело к вариативным написаниям. До нашего времени сохранилось большое количество памятников данного периода, разнообразных по

жанру и содержанию. К сожалению, у большинства дошедших до нас произведений не известен автор и точное время создания. Многие произведения, созданные в XVII-XVIII вв., дошли до нас либо в ксилографических изданиях, либо в рукописях конца XIX в. в сильно измененном виде. Помимо литературных произведений, важные источники новокорейского периода – учебники иностранных языков (Чхопхэсино (1676) – учебник разговорного японского языка) и комментированные переводы онхэ (букв. ‘разъяснение на онмуне’), например, Пак тхоньсаонхэ (1677) и Ногольтэонхэ (1670) [25].

5. Современный корейский язык (XX в. – наше время). История современного корейского языка начинается с появления Кореи на мировой арене в конце XIX в. В данный период была проведена реформа языка, тем самым начав «период просвещения». [25].

Наиболее подробное описание периодов истории корейского языка можно найти в статье Л.Р. Концевича «Проблемы периодизации истории науки о языке в Корее» [5, с. 36-68]. В данной работе автор отмечает, причины разнообразия периодизаций состоят в разрозненности критериев и принципов периодизации, а также в расхождении относительно исторических рамок каждого периода. Таким образом, можно сделать вывод о том, что периодизация этапов развития корейского языка является проблемным вопросом в современном корееведении. В тоже время, при изучении различных классификаций в работах по истории языка, то до сих пор не установлены характерные особенности системы языка на различных периодах его становления и развития, что безусловно является причиной данной проблемы.

Общепризнанным является факт, что корейский язык представляет собой новую систему графики, однако, судя по данным летописи «Чосонванджосиллок» (조선왕조 실록朝鮮王朝紀事), корейцы ко времени изобретения своего алфавита были знакомы с различными системами письма. В середине XV в. в Корее были известны силлабо-идеографические письменности неханьских народностей Китая (китайское – X в.; тангугское – 1-я пол. XI в.; чжурчжэньское письмо двух разновидностей – 1-я пол. XII в.; возможно, вьетнамский тьы-ном – середина XIV в.), силлабические письменности (японская кана двух разновидностей – X в.; письменности индийского происхождения, проникшие вместе с буддизмом в Корею через Китай, – брахми и его разновидности, VII в. до н.э.: тибетское письмо – VII в. н.э.; монгольский квадратный алфавит пагба – 1269 г.) и буквенно-звуковые системы письма (уйгурское – VIII в.; старомонгольское – начало XIII в. др.). Данная информация подробно изложена в работах Л.Р. Концевича [5, с. 7].

До появления корейского письма на корейском полуострове также широко использовалось китайское иероглифическое письмо. Системы корейизированного китайского письма (이두 吏讀, 구결 口訣, 향찰 鄕札) получили широкое распространение уже в III в. н.э., а в IV-V вв. была в ходу во всех трех ко-

рейских государствах того времени – Когурё, Пэкче и Силла (고구려, 백제, 신라) [5, с. 64].

С момента появления на корейском полуострове китайская письменность использовалась для чтения конфуцианских канонов и другой литературы из Китая, для записи текстов официальных документов, текстов художественной литературы и т.п. [14, с. 125-143]. В тоже время народно-разговорным языком был корейский, который, несмотря на пренебрежительное отношение к нему правящей элиты, продолжал выполнять функцию общения. Между тем эта огромная речевая стихия не имела своего простого и легкого в употреблении способа письменного выражения. Системы письменности Иду, Кугёль, Хянчхаль представляли собой попытки приспособить китайское иероглифическое письмо к корейскому агглютинативному языку. Именно эти привели к созданию в V-VI вв. ряда разновидностей силлабоморфемного письма Иду (дословно «чиновничье письмо»). Иду (이두吏讀) – один из вариантов кореезированной иероглифического письма, который основывается на звучании и значении иероглифа. Система Иду имеет очень долгую историю. Самый ранний пример использования данной системы, относящийся к эпохе Силла, это памятник 인신서기석 (壬申誓記石). Этот древнейший вид корейской письменности представлял собой сложную систему передачи корейских слов и грамматических формантов с помощью специально отобранных и упрощенных китайских иероглифов, использовавшихся преимущественно как слоговые знаки.

Самый умеренный способ письма известен под названием Кугёль (구결口訣). Самым радикальным и эффективным способом записи корейского языка китайскими иероглифами считался Хянчхаль (향찰 鄉札). Кугёль определяют как один из вариантов иероглифического корейского письма, в котором используются ключи китайских иероглифов для передачи корейских грамматических формантов. Разница между Кугёль и Иду заключается в том, что в Иду для передачи грамматических значений используются иероглифы, однако в Кугёль эту функцию выполняют ключи иероглифов: 宀 (爲) 匕 (尼) 彡 (也) 口 (古) т.д.

Хянчхаль использовался в эпоху Силла для записи песен Хянга и также содержал в себе китайские иероглифы. Однако принципиально Хянчхаль не имеет новых черт, отличающих его от Кугёль и Иду: он является своего рода развитием обоих указанных систем. В Хянчхаль иероглифические знаки применялись как в качестве самостоятельных слов, так и в качестве грамматических формантов, где они использовались соответственно своему произношению – то есть, вспомогательные элементы типа аффиксов, окончаний и частиц записывались по звучанию, в то же время, именные и глагольные основы, как правило, записывались по их значениям [14, с. 125-143].

В 1444 г. по правительственному заданию был разработан, а в 1446 г. опубликован корейский алфавит, специфика которого была описана в «Хун-

минчоныме» (훈민정음 訓民正音 «Наставление народу о правильном произношении» 1446 г.). Изначально этот алфавит включал 28 буквенно-звуковых знаков, в том числе 17 для согласных и 11 для гласных.

Ким Ф.З. в своей работе «Из истории развития корейского алфавитного письма Хунминчоным» (1957) подробно описывает изменения, произошедшие в корейском алфавите с момента его создания в 1444 г. и до современного периода развития языка, он указывает причины, вызвавшие эти изменения, а также связь письма с языком в процессе его развития.

Перед Кореей XV в. выдвигалась задача полной записи корейского языка и дальнейшего изучения иероглифов. Создание письма засвидетельствовано памятником «Хунминчоным», в котором на китайском языке дан перечень звуков китайского и корейского языков, графем корейского письма, изложена структура нового алфавитного письма [3, с. 53]. Здесь же приводится графическое обозначение 17 согласных и 11 гласных.

Ким Ф.З. представляет и анализирует правила чтения согласных букв. В заимствованных и реже исконно корейских словах одна и та же буква могла читаться различными способами. К примеру ㄱ, ㅂ, ㅅ в конце китайских слогов читались как [к], [п], [т]. ㄷ в начале заимствованных и в конце корейских слов читалась как [л] или [ль] – для корейского плавного звука, а вот в конце заимствованных слов она читалась вероятно как [т], что скорее всего обуславливалось тем, что в конце корейских слов [ль] существует, а в китайском языке отсутствует. Между гласными в корейских словах ㄷ читалась как [р] [3, с. 64].

В своей работе Ф.З. Ким приводит примеры употребления, а также анализирует фонологические особенности геминант и суффокал, букв, которые постепенно вышли из употребления (XXV–XVII вв.). Буквы ㄲ, ㅃ, ㅆ, ㅈ в начале и середине слов корейского происхождения обозначали в XV в. смычные геминанты [кк], [тт], [пп], [чч], ㅅ, ㅎ – щелевые согласные [сс], [хх], а в заимствованных словах эти же буквы обозначали соответствующие звонкие согласные. Существовали буквы, которые употреблялись в XV в. для более точной передачи звуков в заимствованных словах. Такими буквами являлись ㅁ, ㅂ, ㅅ, ㅈ (они встречаются в «Хунминчонымхэре» 훈민정음 해례본 訓民正音 解例本, «Хунминчонымонхэ» 훈민정음 언해본 訓民正音 諺解本). Однако буква ㅊ встречается в конце и середине корейских слов, передавая звук [ш] с озвончением. Буква ㅊ также встречается на стыке корейских слов [3, с. 64].

Ким Ф.З. отмечает использование в «Хунминчоныме» четырех тонов, которые представляли собой особенную систему определения долготы и краткости гласных в корейском языке и обозначались на письме «разными точками рядом со сгруппированными по слога́м буквами» [3, с. 65].

После создания корейского письма для его популяризации создавались научные учреждения – Академия Наук Чипхёнджон (집현전 集賢殿) и специаль-

ное учреждение Омунчхон (어문전語文典). И в результате трудов ученых эти учреждений (Чон Ин Джи, Цой Хан, Сон Сам Мун и др.) был издан трактат «Хунминчонымхэре» 훈민정음해례 – комментарий к документу «Хунминчоным». В нем изложены основные принципы изображения графем, начертания пяти основных графем для обозначения согласных звуков и трех основных графем для обозначения гласных. Затем был создан «Тонгугчонун» (동국정운東國正韻 1447 г.), был издан ряд книг на корейском языке «Ода о драконах, летящих в небе» (1445 г.), «Луна, отраженная в тысяче рек» (1447 г.), «Удивительное соединение двух браслетов» (вторая половина XVII в.).

Однако, несмотря на эти успехи, популяризация корейского алфавита происходила в условиях ожесточенной борьбы между прогрессивными и реакционными учеными. Некоторые ученые выступали против популяризации корейского письма и всячески старались остановить его распространение.

В XVI в. правящие круги начали выступать против алфавитного письма. Дворяне опасались, что новое письмо станет стимулом пробуждения сознания народа [3, с. 66]. Ён Сангун также видел в данном письме угрозу своей власти, и именно поэтому в 1504 г. был издан его указ о запрете корейского алфавитного письма, но, не смотря на это, письмо продолжало распространяться и через три года указ был отменен [3, с. 66]. В XIX в. встал вопрос об обозначении сильных согласных удвоенным написанием букв, так как согласные, ранее употребляемые только на стыке морфем, в XV в. стали употребляться в начале корейских слов [3, с. 67].

XIX в. отмечается ростом борьбы за усиление корейского языка и восстановление его как государственной письменности. Известный лингвист Чу Сигён (주시경) призывал бороться за признание корейской письменности и изучение корейского языка. В своих опубликованных работах «Чосономунджонимхак» (조선어 문전 음학 1908 г.), «Чосономунпоп» (조선어 문법 (1909 г.) «Урималь сори» (우리 말소리 1914 г.) Чу Сигён рассматривает проблемы, сопутствующие развитию языка: переход от фонетического принципа письма к морфологическому и переход от сгруппированному по слогам расположению букв к горизонтальному расположению букв [3, с. 70].

Первая проблема, выдвинутая Чу Сигёном, была решена с введением в 1954 г. «Правил унифицированной орфографии корейского письма», которые были основаны на морфологическом принципе правописания. Вторая же проблема находится в стадии изучения, из-за того, что переход на линейное написание букв требует разрушения прежней комбинации букв. Идея Чу Сигёна нашла сторонников в 1907 г. и было создано «Общество по изучению Кунмуна» [3, с. 67].

В годы японского колониального режима, несмотря на запрет корейского языка, ученые продолжали заниматься развитием орфографии и письменности. В состав алфавита были введены все буквы, обозначающие сильные согласные; буквам, которые в XV в. употреблялись в начале и середине слова,

были даны новые названия; из гласных была изъята буква • и введены буквы ㅏ(э), ㅑ(ǣ), ㅓ(е), ㅕ(ǣе), ㅗ(ва), ㅛ(вэ), ㅜ(ве, ө), ㅠ(во), ㅠ(ве), ㅟ(ви, у), ㅠ(ыи).

Ким Ф.З. приходит к выводу, что буквы корейского алфавита изменялись медленно, но непрерывно. Процессы выхода из употребления некоторых букв не сразу влиял на изменения в грамматике и лексике языка.

Еще одним выдающимся ученым, занимавшимся проблемами корейского языка, был Е.Д. Поливанов. Вопросами, которых касался ученый в своих работах, были описание фонологической системы гласных корейского языка и установление генетических связей данного языка с алтайской семьей. В своей статье «Гласные корейского языка» (1916 г.) автор дал научный анализ системы корейского вокализма в ее современном и историческом состоянии. В литературном корейском языке ученый выделяет 10 гласных фонем, а при описании специфических корейских гласных он впервые в русском корееведении дает их точную артикуляционно-акустическую характеристику, в основном подтверждаемую современными экспериментально-фонетическими исследованиями. Поливанов Е.Д. не признавал наличие долгих гласных в корейском языке. Именно не наличие сингармонизма, а наличие некоторых корейско-алтайских лексических соответствий привели ученого к мысли о родстве корейского языка с языками алтайской языковой семьи. В его трудах были широко применены методы сравнительно исторического и типологического языкознания [11]. Среди лингвистических особенностей автор выделяет исключительно суффиксальный характер морфологии корейского языка, устойчивое ударение, приблизительные сходства в типичном количественном в составе лексической морфемы, сингармонизм, а также сходства общего характера в составе фонетической системы гласных и согласных. Кроме этого Е.Д. Поливанов уделял большое внимание изучению особенностей китайских заимствований в корейском языке. Китайский вариант корейского языка ханмун он считал иностранным письменным диалектом китайского языка [11].

Исследованием корейского языка периода его создания занимался Л.Р. Концевич, который внес огромный вклад в изучение истории создания «Хунминчоньма». Данное произведение сохранился в различных видах как на ханмуне, так истолкованием на корейском языке. Автор отмечал, что лингвистическая теория данного произведения основана на 4 опорах:

- философской основе (классификация звуков и принципов построения корейских графем в «Хунминчоньм» составляют метафизические построения натурфилософии, восходящие к учению о пяти стихиях);
- лингвистической концепции (изобретатели письма были хорошо знакомы с достижениями в области китайской фонетики);
- фонологической основе (была создана благодаря непосредственному наблюдению корейских ученых над общенародным разговор-

ным языком, глубокого изучения его фонологической системы, контрастного исследований китайского и корейского чтения китайских иероглифов);

- теория письма (авторы «Хунминчоныма» при создании корейских букв опирались на древнекитайское учение об образах, которое лежит в основе шести категорий иероглифов) [5].

По свидетельствам памятника корейского алфавита «Хунминчонъымхэре», по мнению ученого, в основу создания корейских букв были положены не сами изображения органов произношения, а их условные символично-артикуляционные референты [5]. В своей работе автор описывает принципы создания букв, изложенные в комментарии к «Хунминчоныму». Буквы для начальных звуков подразделялись на исходные и производные. Производные буквы образуются двумя способами: добавлением черт к исходным буквам либо специфическим изменением формы исходной буквы. Создание букв для срединных звуков (гласных) по мнению автора, было одним из важных достижений изобретателей алфавита, что явилось скачком от иероглифов к корейскому письму. Буквы для начальных звуков могли соединяться друг с другом, образуя сочетания букв путем удвоения или сочетания двух разных букв, путем написания буквы одной под другой. Буквы для срединных звуков, так же как и буквы для начальных звуков, могли соединяться друг с другом в пределах письменного слога. В своих исследованиях Л.Р. Концевич отмечает плюсы и минусы корейской письменности: фонематичность корейского письма, высокую функциональность в отношении передачи фонемного состава корейского языка, и в отношении письменной репрезентации лингвистических единиц, систематичность и логичность принципов создания букв и буквосочетаний [5, с. 9]. Автор выделяет основные элементы корейских букв: черты (горизонтальную, вертикальную, короткую черту), угол, квадрат, окружность разных размеров, точки разных размеров и треугольник.

Первой работой в российском корееведении посвященной описанию грамматики и фонетики средневекового корейского языка является рукопись А.А. Холодовича «Грамматика корейского языка XV века (по материалам «Оды о драконах, летящих в небе» 1986 г.). Работа состоит из двух разделов «Фонетика» и «Морфология» и является описанием первого памятника написанного корейской письменностью. Ученый описал систему гласных и согласных средневекового корейского языка, на примерах исследовал основные показатели грамматических категорий, затронул некоторые лексические особенности языка того периода. В работе предпринимается первая попытка систематического описания первого литературного памятника XV в. [21, с. 8]. Описывая фонетику данного произведения, А.А. Холодович выявляет различия между современным и средневековым корейским языком в количестве щелинных согласных, а также описывает произошедшие с ними изменения. Автор отмечает, что количество сонорных согласных в «Оде...»

совпадает с числом сонорных в современном языке. Говоря о составе гласных букв и дифтонгов, А.А. Холодович выделяет восходящие, нисходящие и восходяще-нисходящие дифтонги. Так же в работе дано описание фонетических явлений в данном произведении, среди которых редукция (возникла на стыке морфем, при присоединении аффиксов и окончаний к корню), аспирация согласного. При описании звукового строя корейского корня ученый отмечает, что «подавляющее большинство корней в «Оде...» односложны и двухсложны» [21, с. 16], однако есть и трехсложные корни (около 20, представляют собой как сложные слова, так и производные формы). К отличительным особенностям от корней современного языка автор относит то, что корни слов могли начинаться, помимо гласного, с согласного, либо «скопление двух или трех гласных, кончаться же корень мог, как и в современном языке, либо одним согласным, либо скоплением двух согласных» [21, с. 16]. В данной работе рассматривается и морфология «Оды...». Автор подробно описывает макроклассы имя и предикатив. Имя изменялось по падежам (основной – признак данного падежа нулевое окончание, именительный – окончание «-ㅇ»); винительный «-을/를», «-를/을»; творительный «-으로», «-로», «-로»; совместный «-와/과»; родительно-дательный «-이», «-이», «-의», «-의» (в данном произведении используется для выражения атрибутивного отношения одного имени к другому). Функционируя в предложении, имя может сопровождаться выделительной частицей «-은/은», которая встречается в «Оде...» преимущественно после основного падежа в функции подлежащего [21].

Говоря о чередовании конечных согласных имени, А.А. Холодович отмечает, что, несмотря на то, что в современном языке ряд имен имеет чередующиеся корни, материалы «Оды...» не содержат убедительных данных. Небольшое количество исконно корейских имен в произведении не позволяет сделать вывод о словообразовательных возможностях языка того времени, однако автор выделяет лишь два словообразовательных аффикса. В своей работе ученый описывает предикатив. Отмечается, что предикатив имеет в своем составе корень (распадется на два класса в зависимости от качества последнего звука корня), основообразующие гласные («ㅏ, ㅑ, ㅓ, ㅕ, ㅗ, ㅛ, ㅜ, ㅠ, ㅡ»), которые вместе с корнем образуют сложную морфему – основу), аффикс и окончание, описываются такие формы предикатива, как деепричастие (позиционная форма предикатива, сигнализирующая о том, что предикатив выполняет функцию слова, находящегося в зависимости от другого предикатива [21, с. 39], и причастие (форма предикатива, которые употребляются в качестве определения к имени, таким образом, это атрибутивные формы [21, с. 43]. Среди окончаний деепричастий А.А. Холодович выделяет окончание «-거» (устанавливает отношение равноценности двух действий или признаков) [21, с. 39], «-며» (выражает те же отношения, что и «-거») [21, с. 39], «-든» (устанавливает временные отношения, употребляется в предикативе

аффикса прошедшего заверщенного времени) [21, с. 39], «- 다가» (указывает на прерванность действия) [21, с. 39], «-러» (выражает целевые отношения между предикативами) [21, с. 40], «-면» (условные отношения) [21, с. 40], «-나» (выражение противительного значения) [21, с. 41], «-ㄴ들» (противительно-уступительные отношения) [21, с. 41], «-ㄹ» (противительно-уступительные отношения) [21, с. 42]. Среди окончаний причастий ученый выделяет две причастные формы: «-ㄴ» (используется как определение к полнозначному имени, как определение к неполнозначному, служебному корню, в сочетании с падежными окончаниями) [21, с. 44], «-ㄹ» (используется как определение к полнозначному имени существительному, как определение к неполнозначному имени, перед вопросительной частицей «-가») [21, с. 46].

Среди форм предикативности ученый выделяет вежливые (повествовательная «-이다», вопросительные «-잇가», «-잇고»), средневежливые (с нулевой морфемой) и нейтральные (повествовательная «-라», вопросительные «-아», «-오») [21, с. 46]. Сказуемое в Оде было составным, оно состояло из местоименного имени и связки. Такое сказуемое называлось формальным, т.к. не передавало лексического содержания предиката. Таким образом, работа А.А. Холодовича стала первой в своем роде попыткой полного описания грамматики и фонетики конкретного произведения.

Следует также отметить ученых, которые занимались исследованием исторического развития отдельных грамматических форм в определенный исторический период. Особое место здесь занимает описание грамматической категории предикатива среднекорейского и новокорейского языка, представленное в диссертационном исследовании В.В. Верхоляка («Грамматические категории предикатива в корейском языке XVII в.: на материале "Пак тхонъсаонхэ"», 1989 г.). Автор подробно анализирует грамматические категории, примеры маркеров основных категорий предикативов. В работе исследователь определяет понятие предикатива слова, выступающее в предложении в функции сказуемого. Глаголы состоят из корня, основообразующего гласного, суффикса и окончания. Некоторые морфемы могут иметь не только сингармонические варианты, но и алломорфы, употребление которых зависит от фонетических свойств предшествующего слога. Аффиксация, по мнению автора, является наиболее распространенным способом передачи грамматического значения, но не единственным [1, с. 5]. В работе исследователь приводит ряд особенностей прилагательных, которые роднят их с глаголами (структура прилагательного, грамматические категории наклонения и значительная часть деепричастных форм). Автор рассматривает категорию вежливости (почтительное отношение говорящего к объекту речи) и делает вывод о том, что в целом она совпадает с современной. Среди позиционных категорий предикатива В.В. Верхоляк выделяет категорию конечной сказуемости, категорию наклонения (изъявительное, повелительное, категоричное). Причастие в языке данного произведения выступает как

причастие в собственном смысле этого слова и как форма времени [1, с. 13]. Так же автор отмечает, что язык «Пак тхоньсаонхэ» богат деепричастными формами. В исследуемом материале выделяется три формы инфинитива представленные окончаниями «-□», «- 가)», «-ㄷ)». Исследователь делает вывод о том, что язык данного произведения отличается от языка первых памятников на корейском языке и приобретает черты современного корейского языка.

Следует отметить диссертационное исследование Е.Н. Кондратьевой («Грамматика предикатива в ранненовокорейском языке на материалах «Оды о драконах летящих к небу» и «Удивительном соединении двух браслетов» (вторая половина XVIIIв.). Автор описывает особенности предикативов данного периода. В работе исследователь отмечает, что язык XVIII в. имеет больше черт современного языка, нежели средневекового корейского языка, делает вывод о том, что система времен корейского языка представляет собой результат развития от «аспектуально-временных форм к чисто временным» [4, с. 162]. В работе отмечается, что по сравнению с языком «Оды...» формы конечной сказуемости, зафиксированные в произведении XVIII в., «свидетельствуют об эволюции данной системы и приближении ее к современному состоянию», в работе отмечается переход некоторых показателей из одной грамматической категории в другую (некоторые бывшие аспектуальные показатели перфекта и антиперфекта (по А.А. Холодовичу) перешли в показатель эвиденциального наклонения), автор считает, что процесс формирования нынешней системы деепричастий в ранненовокорейском языке можно считать уже завершенным [4, с. 165]. Кондратьева Е.Н. определяет общий характер развития грамматического строя корейского языка «как взаимовлияние двух тенденций: унификация окончаний и прекращение действия закона гармонии гласных, что выражается в потере вариативности некоторых показателей» [4, с. 165].

Следует отметить работу О.А. Трофименко «История корейского языка (фонетика, морфология)» (2011 г.), в которой систематизировано описаны фонологические и морфологические особенности корейского языка (древний период – до X-XI вв., средневековый период XI- XVII вв., период нового времени- с XVII в.). Автор выделил и на примерах показал процесс фонематических изменений в корейском языке XV-XIX вв.; подробно исследованы морфологические категории имен и предикативов средневекового и новокорейского периода языка [15]. В работе «Специфика наклонений корейского языка периода нового времени (17-19 вв.)» О.А. Трофименко рассматривает систему наклонений корейского языка периода нового времени. Система наклонений изменяется с ходом истории и изменения происходят как в плане выражения, так и в плане содержания. В данной работе автор отмечает такие изменения как упрощение системы суффиксов (план выражения) и переориентация системы наклонений от модально-темпоральных

к модальным (план содержания) [17, с. 299]. Глагольная словоформа имела четкий порядок следования аффиксов в средневековом корейском языке, однако в период нового времени стало происходить упрощение системы грамматических показателей. «Аспектуальные и темпоральные показатели выделились в самостоятельные формы, а вот среди маркеров категории наклонения наблюдалась тенденция их закрепления в составе форм конечной сказуемости» [17, с. 299]. Система наклонений была представлена суффиксами «-나» (показатель категории изъявительного наклонения, настоящего времени и продолженного вида) [8, с. 300], «-거»(показатель прошедшего времени, завершеного вида и результативного наклонения) [18, с. 301], «-리» (показатель категории прогностического наклонения и будущего времени) [18, с. 302], «-듯»(показатель адмиративного наклонения) [18, с. 303], «-니»(показатель подтвердительного наклонения) [18, с. 304]. Автор отмечает, что процесс упрощения состава грамматических форм продолжался вплоть до конца XVIII века и постепенно показатели наклонений утрачивали свои значения и образовывали сложные формы финитных окончаний.

История корейского языка в работах российских исследователей изучена фрагментарно. Ученые в своих работах рассматривают корейский язык рамках одного исторического периода (Е.Н. Кондратьева), подробно описывают язык конкретного произведения (А.А. Холодович, В.В. Верхоляк), дают характеристику определенного аспекта языка (Л.Р. Концевич, Ф.З. Ким, Е.Д. Поливанов), либо дают описание фонологии и морфологии каждого периода развития корейского языка (О.А. Трофименко).

Таким образом, мы можем сделать вывод, что история корейского языка остается мало изученной областью корейского языкознания в российском корееведении. В тоже время проблема периодизации истории корейского языка остается нерешенным вопросом не только для российских, но и для зарубежных корееведов. Памятники разных периодов корейского языка дают нам возможность разобраться в вопросах появления и функционирования различных грамматических форм, однако некоторые вопросы истории корейского языка все еще остаются не полностью раскрытыми.

4.2. К вопросу о лингвистическом изучении языка памятников разных периодов в работах российских исследователей

Лингвистическое изучение языка одного памятника – это явление редкое не только в отечественной, но и в мировой науке. Однако такого рода исследование имеет большую ценность для лингвистов, изучающих язык в его историческом аспекте. Только такое описание позволяет построить систематическую историю изменения языка. У литературного памятника, как правило, один автор, поэтому мы при рассмотрении языка отдельного па-

мятника будем иметь дело с единой системой. Данные, полученные при таком анализе, представляют собой единую законченную систему – грамматическое описание языка в определенный исторический момент. А это, в свою очередь, позволяет нам описать язык в отдельную историческую эпоху, помогает зафиксировать изменения в языке, наметить общие тенденции изменения и развития языка, что необходимо для установления точной периодизации языка. В данной главе рассматривается анализ языка отдельных памятников корейской письменности разных периодах в диссертационных исследованиях Е.Н. Кондратьевой «Грамматика предикатива в ранненовокорейском языке: от средневекового к новокорейскому» [4] и Е.С. Логуновой «Грамматика новокорейского языка по памятникам XVIII-XIX вв. (Фонология, морфонология, морфология)» [6], а также приведем свой авторский отрывка произведения XVII в. «Повести о Хон Гильдоне».

Следует отметить, что два данных исследования различны, т.к. в работе Е.Н. Кондратьевой рассматривается только грамматика предикатива: общие сведения о них в средневековом и ранненовокорейском языке, их морфонология; затем автор рассматривает аффиксы (аффиксы вежливости, времени и аспекта), окончания (окончания финитных форм предикатива, окончания нефинитных форм (деепричастий), окончания атрибутивных форм (причастий) и окончания отглагольного имени действия), далее рассматриваются аспект, модальность, залоговые значения и отрицание [4]. Все это рассматривается на примере произведения XVIII в. «Ссянхонкыйбон» (Удивительное соединение двух браслетов) 1961 г., рукопись которого хранится в отделе рукописей Санкт-Петербургского отделения Востоковедения РАН. В качестве вторичных источников ученый в своей работе привлекает грамматику XV в. А.А. Холодовича, а также другую литературу о формировании среднекорейского языка. Кондратьева Е.Н. отмечает, что в своей работе опирается на работы отечественных корееведов и специалистов по общему языкознанию. Описывая методологию исследования автор отмечает, что в своей работе использует главным образом классификационный метод, в лингвистической же части своей работы автор использует структурно-типологический, а также историко-сравнительный методы – описание и последующее сопоставление синхронных срезов языка, произведенных на разных хронологических уровнях [4].

В работе же Е.С. Логуновой рассматривается не только грамматика, но подробно описывает морфологию и морфонологию двух памятников: основного источника «Жизнеописание королевы Инхен» (Инхёнванъхучон) – историческая биография XVIII в. и вспомогательного источника «Удивительная судьба пары жемчужин» (Ссанъджукиён) – роман XIX в. [6]. Текст основного источника автор рассматривает в факсимильном издании рукописи фонда Карам библиотеки Кюджангак Сеульского университета. Текст вспомогательного источника рассматривается в ксилографическом издании Национальной библиотеки Сеула. Оба памятника написаны корейским бук-

венным письмом (без использования иероглифов). В качестве основного источника автором выбран один из памятников (Инхёнванъхучон). Лингвистический анализ языкового материала отдельного памятника представляет данные, необходимые для того, чтобы построить грамматическое описание языковой системы в определенный момент времени. Изучение и описание одного памятника отвечает методу синхронических срезов, приему лингвистических исследований в области истории языка, утвердившемуся в 80-х годах прошлого столетия [6]. Множество словоформ текста «Жизнеописание королевы Инхен» (Инхёнванъхучон) составляет контрольный корпус словоформ, для которого автор выстраивает исчерпывающее описание графики, фонологии, морфонологии и морфологии. Материал вспомогательного источника «Удивительная судьба пары жемчужин» (Санъджукиён) привлекается в данной работе с целью проведения сравнительного анализа, для определения общих и различных черт памятников одного периода. Для описания наблюдаемых различий между текстами (равно как и для описания различного рода колебаний внутри одного текста) используется такой прием грамматического описания, как установление условного эталона: все наблюдаемое разнообразие описывается как отступления от этого условного эталона. Для иллюстрации некоторых языковых явлений привлекаются также данные современного корейского языка, с одной стороны, и среднекорейского языка (XV-XVI вв.) – с другой. Основные источники – существующие грамматики и словари. Источниками по среднекорейскому языку послужили также грамматическое описание первого литературного памятника XV в. Ёнбиочхон ка («Ода о драконах, летящих к небу»), составленное А.А. Холодовичем, и данные Этимологического словаря алтайских языков [6].

Оба автора перед непосредственным анализом текстов произведений дают характеристику периода языка, к которому относится то или иное произведение. А также, поскольку каждой из исследований представляет собой описание языка конкретных литературных памятников, в работах приведен филологический анализ исследуемых памятников.

Огромную роль в понимании языка произведения играет место данного произведения в литературе. Таким образом, необходимо дать краткое описание биографии автора произведения, а также истории его создания и краткое содержание «Повести о Хон Гильдоне». Историю корейской литературы XVII-XVIII века можно условно разделить на два периода. Первый – сразу же за Имджинскими событиями и маньчжурским нашествием (XVII – начало XVIII века) – охватывает время зарождения сирхакистского движения. Второй период – середина – конец XVIII века – совпадает с эпохой расцвета сирхакистского движения [2, с. 32]. Литература первого периода формируется под непосредственным воздействием Имджинских событий. Освободительная война корейского народа с японскими захватчиками в конце XVI в. пробудила патриотизм и национальное самосознание корейского народа [20].

В данный период появляется множество поэтических произведений на родном языке, проникнутых чувством любви к Родине, готовностью биться за ее свободу с врагами, народные массы, сыгравшие самую активную роль в Имджинской войне, особенно ясно сознавали свою силу. Потребность выразить на родном языке мысли и чувства, волновавшие весь народ, так, чтобы они были понятны каждому, вызвала к жизни новую повествовательную литературу. Непосредственное влияние события Имджинской освободительной войны оказали на формировавшийся в первой половине XVII в. самый популярный прозаический жанр этого времени – повесть. В своём классическом виде – произведение, в центре которого судьба одного, главного героя, чьим именем и называется сама повесть. Условно эти повести можно разделить на несколько групп. Во-первых, это группа героических повестей, таких как «Повесть о Хон Гильдоне» (홍길동전) и «Повесть о Чон Учи» (전우치전). Во-вторых, можно назвать также группы социально бытовых, сатирических и сказочных повестей.

Для героических повестей характерно активное отношение главного действующего лица к окружающей действительности, его борьба с существующими порядками. Герои этих повестей наделены чертами сказочных богатырей, защитников обездоленных. Так, в «Повести о Хон Гильдоне» рядом с проблемой борьбы против феодального гнета выдвигается проблема феодальной семьи. В это время впервые в истории корейской литературы в начале XVII в. ставится проблема освобождения народа от феодального гнета. Намеченный ранее в повести поэта-патриота Пак Ин Но (1561-1642 гг.) «Песнь о Ённам», этот вопрос открыто поднимается в «Повести о Хон Гильдоне» [25, с. 398-402].

Хо Гюн (1569-1618) – видный поэт и прозаик. Семья писателя – отец, три сына и дочь – известна в истории корейской литературы как «пять мастеров изящного слова» [19, с. 148]. Необходимо отметить, что мужская часть семьи состояла на государственной службе и принимала активное участие в борьбе придворных группировок, особенно младший сын – Хо Гюн [25]. В 1617 г. разгорелась дискуссия по поводу низложения наложницы государя Сончжо (1568-1608), которую государь Кванхэ-гун и его сторонники обвинили в поддержке заговорщиков. Выступавшие против низложения были разжалованы и сосланы, а некоторых приговорили к смерти. В их числе был и Хо Гюн, которого казнили в 1618 г. [19, с. 149]. В его смертном приговоре говорилось: «Разбойник Хо Гюн имел большой талант, но в его сочинениях была сокрыта злоба. Он и раньше имел злые помыслы, теперь же его вина окончательно доказана» [19, с. 149].

Хо Гюн написал пять биографических произведений чон, одно из которых посвящено реальному лицу, поэту Ли Талю (1539-1612), жившему в семье Хо и учившему поэтическому мастерству самого Хо Гюна и его сестру. Биография называется 선격 산인 전 «Отшельник Сонгок». Герои же других

четырёх биографий, предположительно, выдуманные персонажи. Каждый из них жил в нищете, занимали самое низкое положение в обществе и своим трудом зарабатывали себе на жизнь. С другой стороны все эти персонажи были даосами, владели искусством волшебства и обладали поистине большой ученостью [19, с. 151].

Хо Гюна принято считать одним из крупнейших мастеров своего дела. В его произведениях причудливо сочетаются острая критика феодальных порядков и вера в идеальное устройство общества и государства [13, с. 98]. Однако, в историю литературы Хо Гюн вошел прежде всего как автор «Повести о Хон Гильдоне».

По результатам научных исследований письменных памятников Чосон-ванчжосиллок «Летописи правления династии Ли» и «Чунджонсиллок» «Летописи правления короля Чунчжона» выяснилось, что у легендарного корейского героя Хон Гильдона был реальный прототип и что этот человек родился в уезде Чансон.

Все корейцы знают легенду о Хон Гильдоне, которая была положена в основу *홍길동전* «Повести о Хон Гильдоне» – первого литературного произведения, написанного на корейском языке с использованием алфавита хангыль. Создано это сказание было в 17 веке, но повествуется в нем о событиях, которые имели место в 15 веке.

Хон Кильдончон «Повесть о Хон Гильдоне» – центральное произведение Хо Гюна. Действительно, именно благодаря популярности этой повести имя автора так хорошо известно в Корее. Хо Гюн писал свои произведения, в том числе и эту повесть, на китайском языке, но широко известным стало только её переложение на корейский язык [19, с. 149]. В своей повести Хо Гюн затрагивает вопрос о социальном неравенстве и ценности человеческой личности. Основная проблема повести – положение народных масс и их борьба с угнетателями. Герой повести – Хон Гильдон – бунтарь, объявивший войну несправедливости в обществе, сын министра и наложницы, и потому неполноправный член общества. Его унижают и оскорбляют, несмотря на то, что он обладает немалыми талантами Герой Хо Гюна отвергает установленные правила отношений как несправедливые, нарушающие гармонию в космосе. Хон Гильдон освобождает себя от общественных обязательств и выбирает путь естественного поведения: карает злодеев, помогает обездоленным – восстанавливает справедливость.

«Повесть о Хон Гильдоне» можно разделить на три части. В первой части описывается систем семейных отношений, в которых главный герой не может называть «отца отцом, а брата – братом», так как Хон Гильдон – незаконно рожденный сын; во второй части – он действует как глава банды разбойников, грабящих богатых и раздающих деньги бедным; в третьей части автор описывает утопическое государство, созданное Хон Гильдоном вместе с разбойниками на далеком острове.

Троцевич А.Ф. отмечает, что изолированное селение разбойников весьма напоминает счастливую страну, описанную китайским поэтом Тао Юаньмином (365–427) в его знаменитой утопии «Персиковый источник» [19, с. 150]. Утопическое царство Хон Гильдона – мир разбойников, который из идеального сообщества, пренебрегающего официальными государственными порядками, превращается в гармоническое сообщество, под управлением мудрого монарха. Народ в царстве Хон Гильдона процветает, потому что все здесь занимаются простым и полезным трудом. Толстокулаков И.А. отмечает, что это было одно из первых в Корее утопических произведений, отразивших протест народных масс против угнетения и социального неравенства и их наивную веру в «добродетель государя» [13, с. 98].

В данной повести, впервые в корейской литературе, феодальная действительность признана несправедливой, и ей противопоставлен некий идеал справедливого общества. В «Повести о Хон Гильдоне» идеи социальной утопии в некоторой мере переплелись с даосским отрицанием социальной жизни как зла и поисками совершенного мира, который должен находиться вдали от несправедливого, несовершенного государственного устройства, здесь в пример можно привести «острова блаженных», которые по даосским представлениям, расположены где-то в южных морях. Образцовый герой биографии Хо Гюна не демонстрирует свою ученость, а наоборот выбирает даосский путь в противоположность автору, который всегда был социально активен, что в результате привело его к гибели. Путь даоса, независимой личности, ничего мудреца и идеальное царство справедливости относились всего лишь к мечтам писателя. Хо Гюн возглавил передовое направление в корейской литературе, выражавшее прогрессивные тенденции эпохи, отвечавшее интересам народа. Характерным для этого направления было активное отношение к жизни, стремление воздействовать на действительность, улучшить ее. Социально-обличительная тематика, критика феодального строя, отстаивание интересов простого народа, гуманистическая направленность – все это свойственно повести Хо Гюна. Хон Гильдон – это сам корейский народ, с особой остротой ощутивший после Имчжинской войны тяжесть своего положения.

Для наибольшего понимания языка данного произведения, необходимо обратить внимание на особенности языка периода написания данного произведения, т.е. периода нового времени. К новому времени в развитии корейского языка относится, как уже было выше сказано, период XVII–XIX веков. Границей между двумя периодами, средневековым и периодом нового времени, служит Имджинская война. Данный период характеризуется снижением роли аристократии и повышением роли простого народа не только в истории страны, но и в трансформациях языка. Ещё одним из важных событий данного периода, значительно повлиявшим на язык, стало возникновение сирхак – движения за реальные знания.

Источников этого периода довольно много, даже несмотря на утрату многих произведений литературы и науки в войнах. Это появившиеся во многом благодаря сирхак (실학) труды по медицине, сельскому хозяйству, онхэ конфуцианских и буддийских произведений, словари и рифмовники иероглифов; литература (каса (가사), сиджо (시조), очерки, повести и романы); учебники и словари иностранных языков (китайского, японского, монгольского, маньчжурского), а в конце периода – и словари европейских языков. Система частей речи в период нового времени расширилась по сравнению со средневековым языком и насчитывала 9 частей речи. В целом за весь период развития корейского языка части речи не претерпели сильных изменений. Теперь имена (существительные, местоимения, числительные) можно было дифференцировать по их морфологическим особенностям, установились грамматические формы предикативов.

К явным различиям между грамматикой средневекового языка и языка периода нового времени можно отнести упрощение системы падежных форм, окончаний и суффиксов предикативов, многие из них вышли из употребления, а их значения закрепились за финитными окончаниями. Особенно это касается предикативных суффиксов: в период нового времени их количество значительно сократилось. Финитные окончания стали представлять собой неделимое целое в отличие от средневекового периода [15, с. 55].

Как и в средневековый период, в период нового времени не было единой, стандартизированной орфографии. Именно разноречивостью в написаниях того или иного слова часто позволяет нам отследить процессы трансформации, появления или исчезновения звуков. Происходило постепенное движение от записи слов «как слышится» к разбиению на слоги сообразно с разбиением слова на морфемы. Это самый важный процесс в орфографии нового периода. Во многом на развитие стандартов орфографии повлияло движение сирхак, которое привело к развитию лингвистики корейского языка. Ещё одним обоснованием такого изменения считается активное использование смешанной записи иероглифических слов и корейских грамматических формантов. Оно просто требовало упорядочивания именно согласно разбиению на морфемы. Такое написание корейских слов было окончательно закреплено проектом унификации орфографии 1933 года.

В течение 17 века исчезли и точки, обозначающие тон. В более поздний период их можно обнаружить лишь в отдельных специфичных источниках. В 1909 году в «Онмун» Чи Сокёнъя (언문, 지석영) пишется не о 4 тонах, а о делении звуков на высокие и низкие, а также на долгие и краткие. И для обозначения высоких звуков в его трудах применяется кружок над слогом. Этот источник дает нам довольно точное представление о восприятии тонов в конце периода нового времени.

В грамматике корейского языка периода нового времени выделяется строгий порядок расположения суффиксов и окончаний в словоформе:

- 1) показатель категории депрещиативности;
- 2) показатель категории гоноратива;
- 3) показатель категории прошедшего времени;
- 4) показатель категории настоящего времени;
- 5) показатель категории будущего времени;
- 6) суффикс категории адрессива;
- 7) окончание [15, с. 63].

Для периода нового времени, как и для предыдущих, характерно большое количество лексических заимствований. В основном это связано с большими социальными изменениями, научно-техническим прогрессом и нарушением режима внешнеполитической изоляции в конце периода. Этот процесс сопровождался выходом из употребления некоторых корейских слов. В словообразовании выросла роль словосложения. В этот период так же наблюдается изменение значений некоторых слов.

В ходе анализа нами было проанализировано 2381 печатный знак оригинального произведения. Для проведения данного анализа отрывка «Повести о Хон Гильдоне» мы использовали факсимиле ксилографа повести (рис. 4.1), перевод, выполненный М. Никитиной, Большой корейско-русский словарь под редакцией Л.Б. Никольского и Цой Ден Ху [Никольский, 1976], сборник корейских классических повестей XVII-XIX веков Верная Чхунян, а также толковый словарь 17 века [17 세기 국어사전 1995].

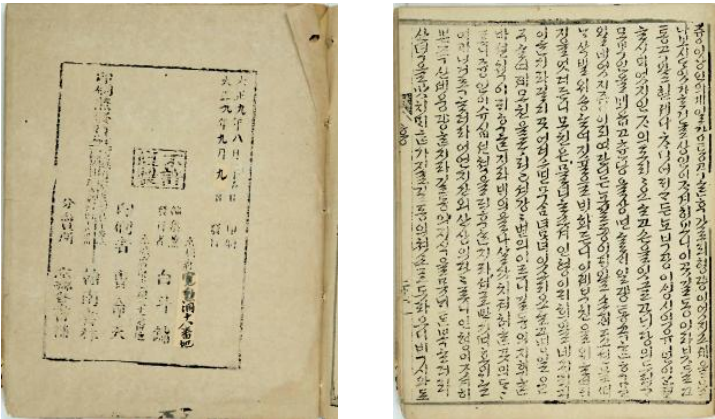

Рис. 4.1. Обложка ксилографа и одна из страниц текста

Для более поступательного анализа мы работали с текстом в 5 этапов. На первом этапе проводилась работа с ксилографом текста.

원문: 뒤덕 명문거족으로 쇼년등과하여 벼술이 니쵸판서의 니르미, 물망이 도야의 웃듬이오, 충효겸비하기로 일홈이 일국의 진봉허더라.

На втором этапе давались иероглифические пояснения к тексту.

해석: 대대(代代)명문거족(名門巨族)으로 소년등과(少年登科)하여 벼슬이 이조판서(吏曹判書)에 이르매 물망(物望)이 조야(朝野)의 으뜸이요, 충효겸비(忠孝兼備)하기로 이름이 일국(一國)에 진동(振動)하더라.

Третий этап – это непосредственно современная интерпретация текста.

현대어: 대대명문거족의후예로서어린나이에 급제해벼슬이이조판서에까지이르렀다. 물망이 조야에 으뜸인데다 충효까지 갖추어 그 이름을 온 나라에 떨쳤다.

Затем давался перевод данного отрывка на русский язык.

현대어번역: *Знатен и родовит был этот Хон. Еще юношей сдал он государственные экзамены и дослужился до Главы палаты чинов. Имя Хона гремело по всем городам и селам, и шла о нем слава как о преданном сыне и верном слуге государя.*

Далее мы подробно разбирали каждое слово в данном отрывке. Старому слову давался иероглифический вариант и его современное написание. Затем описывались фонетические трансформации, произошедшие в данном слове и указывалась их причина. Если к слову присоединялись какие-либо грамматические форманты – они также подробно описывались.

분석:

1) 딕딕:대대

대대 (代代 *из поколения в поколение*). Трансформации произошли в результате стяжения гласных (딕딕 – 대대)

2) 명문거족으로: 명문거족으로

명문 (名門 *прославленный род, знатный род*) + 거족 (巨族 – *всенародный, общенациональный*) + 으로 окончание творительного падежа

3) 소년등과하여:소년등과하여

소년 (少年 *мальчик, юноша*) + 등과+ 하+ 여 *деепричастие предшествования*. Трансформации произошли в результате монофтонгизации (소년 – 소년). Лексема “소년등과” имеет значение *в юношестве успешно сдать государственные экзамены*

4) 벼슬이:벼슬이

벼슬 (*существительное должность чиновника, чин*) + 이 окончание именительного падежа

5) 니조판서의:이조판서에, 이조판서에까지

니조판서 (이조판서 吏曹判書 *существительное глава палаты*) + 의 окончание дательного падежа. Трансформации произошли в результате монофтонгизации (니조판서 – 이조판서).

6) 니르미: 이르매

Исходная форма глагол 이루다 *создавать, достигать, добиваться*. Анализ словоформы: 니르 (이르) основа глагола + 미 *деепричастие причины*. Фонетические изменения в слове произошли в результате ограничения использования букв в начальной позиции (акрофонический принцип). Необходимо заметить, что начиная с 18 века 'ㄴ' перед 'ㅣ' или дифтонгами типа 'j' трансформировался в 'ㅇ [zero]' (니르미 – 이르매).

7) 물망이:물망이

물망 (물망物望 *общественное признание*) + 이 окончание именительного падежа.

8) 도야의:조야의

도야 (조야 朝野 – *вульгарность, пошлость, слава*) + 의 окончание дательного падежа. Трансформации произошли в результате палатализации (도야 – 조야) и монофтонгизации (도야 – 조야).

9) 으뜸이오:으뜸이요

есть (으뜸 *первый, лучший, главный*) + 이 глагол – связка + 오 вежливое окончание формы конечной сказуемости. Трансформации произошли в результате глоттализиции (отвердения) согласных (есть – 으뜸).

10) 충효겸비히기로:충효겸비하기로

충효 (충효忠孝 *преданность монарху и сыновья почтительность*) + 겸비 (겸비兼備 *сочетаться, совмещаться*) + 히 глагол 하다 в значении *делать* + ги окончание субстантива + 로 окончание творительного падежа. Трансформации произошли в результате монофтонгизации (충효 – 충효).

11) 일흠이:이름이

Начальная форма 일흠. 일 основа слова + конечный ㅎ + 음 показатель субстантива + 이 окончание именительного падежа. В процессе превращения в словоформу 이름 выпал ㅎ и образовалась форма 일음. Затем гласный 우 был заменен на неогубленный гласный 으, что привело к современной форме 이름. Таким образом, процесс преобразования был следующим 일흠>일음>이름

12) 일국의: 일국에

일국 (一國 существительное *вся страна*) + 의 окончание дательного-местного падежа

13) 진동히더라: 진동하더라

진동 (основа глагола 振動 *сотрясаться, греметь*) + 히 глагол 하다 в значении *делать* + 더 аффикс прошедшего незавершенного времени + 라 окончание повествовательной целеустановки.

Проведя лингвистический анализ первой части повести о Хон Гильдоне мы можем сделать следующие выводы. На проанализированном нами отрывке встречались как полные, осложненные, так и простые предложения. Также присутствует большое количество окончаний форм конечной сказуемости: вежливое окончание «-오» (3), окончание «-다» (1) и его алломорф – окончание «-라» (12), окончание «-로소이다» (1), «-니» (4), «- 더라» (1), «-논지라» (1), «-르지라» (1), «-으리오» (1), «-논다» (1), «- 오리잇가» (1) и «-잇가».

В проанализированном нами отрывке преобладают существительные китайского происхождения (천덕, 부인, 추구월 и др.), встречается также личное местоимение «나» (1), притяжательные местоимения «네» (2) и «너» (1), указательные местоимения «그» (6) и «이» (1), а также вопросительное местоимение «무슨» (2).

Что касается падежных форм, то нами были отмечены следующие окончания: окончание именительного падежа «-이» (40), окончание родительного

падежа «- 의» (12), окончание дательного падежа «-의» (14), «-의게» (3), окончание творительного падежа «-으로» (2), «- 로» (3), окончание винительного падежа «-을» (36), «-를» (5), окончание совместного падежа «-와» (1), также встречается усилительно-выделительная частица «-은» (4), «-는» (3), разделительная частица «-나» в значении выбора (1) и частица указания на направленности действия «-의서» (1).

Необходимо отметить соединительные гласные «-으-» (5), «-어-» (3), «-아-» (1). В ходе анализа мы встретили окончания сочинительно-соединительного деепричастия «-니-» (9), деепричастия причины «-니-» (8), деепричастия предшествования «-어-» (7), «-아-» (1), «-여-» (13), деепричастия стремления «-고져-» (2), деепричастия причины «-거늘-» (8), деепричастия причины «-떡-» (2), деепричастия условия «-면» (3), деепричастия результата «-도록» (3), деепричастия прерванного действия «-다가» (2), деепричастия уступки «-아니와» (1), деепричастия одновременности «-며» (2), соединительного деепричастия «-고» (17), деепричастия уступки «-나» (4) и деепричастия уступки «-되» (1).

В проанализированном нами отрывке также встретились суффикс гоноратива «-시» (3), депрециативный суффикс «-스으-» (2), «-읍-» (1), «-오-» (2), суффикс персонализации «-오-» (2), наречный суффикс «-이» (4), суффикс наречия «-로» (1), а также окончание субстантива «-기» (2), «-ㅁ» (9), «-음» (5).

Далее мы хотим отметить использование суффикса прошедшего времени «-터-» (5), «-어-» (1), окончание суффикса будущего времени «- 리-» (3), окончания причастия «- 을» (1), «-르» (1), «-는» (1), «-ㄴ» (5). В данной работе также встречается окончание преднегатива «-지» (7) и отрицательная частица «-못» (8), глагол-связка «-이» (18), «-아니» (3), вспомогательный глагол «-하다».

Таким образом, анализ грамматики данного произведения является важным элементом в изучении грамматики всего корейского языка. Он дает нам возможность сопоставить грамматику двух периодов в развитии языка, выявить их сходства и различия. В ходе анализа отрывка «Повести о Хон Гильдоне» было приведено современное чтение, перевод, выявлены особенности грамматики корейского языка XVII в.

На основе проведенного нами анализа отрывка произведения «Повесть о Хон Гильдоне», сделаны следующие выводы: в тексте произведения преобладают существительные китайского происхождения, окончания именительного, дательного, творительного, родительного и винительного падежей. В тексте можно увидеть частое употребление деепричастных окончаний, соединительных гласных, и глаголов-связок.

Подводя итоги, мы видим, что данный анализ, необходим для того, чтобы описать грамматические особенности корейского языка, частотность и правила использования грамматических формантов. Кроме того, произведение, написанное на рубеже веков, показывает переход от среднекорейского

языка к периоду новокорейского. Между тем описание языка отдельного памятника – исследование, имеющее большое значение для лингвистов, изучающих язык в его историческом аспекте. Данные полученные в ходе такого анализа, представляют собой законченную единую систему, что позволяет нам описать язык в отдельную историческую эпоху.

Библиографический список к главе 4

1. Верхоляк В.В. Грамматические категории предикатива в корейском языке 17 в. (на материале «Пак тхоньсаонхэ»): автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – Ленинград, 1989. – 16 с.
2. История о верности Чхун Хян. Средневековые корейские повести. – М.: Издательство восточной литературы, 1960. – 684 с.
3. Ким Ф.З. Из истории развития корейского алфавитного письма хунминчоньым // Вопр. филологии. – М., 1957. – С. 63-78.
4. Кондратьева Е.Н. Грамматика предикатива в ранненовокорейском языке: от среднекорейского к новокорейскому [Текст]: дис. ... канд. фил. наук: 10.02.20 / Кондратьева Елена Николаевна. – Москва, 2005. – 174 с.
5. Концевич Л.Р. Корееведение. Избранные работы. – М.: ИД Муравей-Гайд, 2001. – 640 с.
6. Логунова Е.С. Грамматика новокорейского языка по памятникам XVIII-XIX вв. (Фонология, морфонология, морфология) [Текст]: дис. ... канд. фил. наук: 10.02.22 / Логунова Екатерина Сергеевна. – Москва, 2013. – 156 с.
7. Мазур Ю.Н. Корейский язык // Языки мира: Монгольские языки. Тунгусо-маньчжурские языки. Японский язык. Корейский язык. – М., 1997. – С. 366-368.
8. Мечковская Н.Б. Общее языкознание: Структурная и социальная типология языков: учебное пособие для студентов филологических и лингвистических специальностей. – 2-е изд. – М.: Флинта: Наука, 2001. – 312 с.
9. Никольский Л.Б. Из истории становления национального литературного языка в Корее // Проблемы востоковедения. – М.: Наука, 1960. – № 6. – С. 59-69.
10. Никольский Л.Б. Нормирование национального литературного языка в Корее // Современные литературные языки стран Азии. – М.: Наука, 1965. – 316 с.
11. Поливанов Е.Д. Статьи по общему языкознанию. Избранные работы. – М.: Главн. Ред. Восточной лит-ры, 1968. – 376 с.
12. Сухинин В.Е. Корея // Зарубежный Восток: языковая ситуация и языковая политика. – М.: Наука, 1986. – С. 228-235.
13. Толстокулаков И.А. Очерк истории корейской культуры. – Владивосток: Дальневосточный Университет, 2002. – 238 с.

14. Трофименко О.А. Анализ видов кореезированной иероглифической письменности / О.А. Трофименко, Чжан Юйланы // Актуальные вопросы востоковедения: проблемы и перспективы: сборник материалов V международной заочной научно-практической конференции / ДВФУ. – Владивосток, 2014. – С. 125-143.
15. Трофименко О.А. История корейского языка. – Уссурийск: Изд-во УГПИ, 2011. – 118 с.
16. Трофименко О.А. Корейско-русско-англо-иероглифический словарь лингвистических терминов. – Уссурийск: Изд-во УГПИ, 2009. – 492 с.
17. Трофименко О.А. Особенности функционирования показателей категории наклонения и финитных окончаний в грамматике средневекового корейского языка (XV-XVI вв.) // Российское корееведение. Альманах. Вып. 5. – М.: Восток-Запад, 2007. – 480 с.
18. Трофименко О.А. Специфика наклонений корейского языка периода нового времени (17-19 вв.) / О.А. Трофименко // Корееведение Казахстана. Вып. 1. – Алматы, 2013. – С. 289-306.
19. Троцевич А.Ф. История корейской традиционной литературы (до XX века): учебное пособие. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 2004. – 323 с.
20. Фольклор и литература корейцев [Электронный ресурс] // Этнографический блог о народах и странах мира, их истории и культуре. – Режим доступа: <http://lib7.com/aziaty/345-folklor-korea.html> (дата обращения: 10 ноября 2012 г.).
21. Холодович А.А. Материалы по грамматике корейского языка 15 века (по материалам «Оды...») // Фонетика. Выпуск 5. – М.: Изд-во Наука, 1986. – 19 с.
22. Холодович А.А. Грамматика корейского языка 15 века (по материалам «Оды ...») // Морфология. – Институт востоковедения АН СССР, 1986. – С. 3-57.
23. Хо Гюн. Достойный Хон Кильдон // Верная Чхунян. Корейские классические повести XVII-XIX веков. – М.: Изд-во «Художественная литература», 1990. – С. 145-238.
24. Хунминчоньым (Наставление народу о правильном произношении) / Исследование и пер. с ханмуна Л.Р. Концевича (Серия «Памятники письменности Востока». Вып. 58). – М., Наука, 1979. – 530 с.
25. Lee Ki-moon, R. Ramsey. A history of the Korean language. – Cambridge University Press, 2011. – 435 с.
26. Lee 2010 – P.H. Lee. A history of Korean literature. – Cambridge, 2010.
27. Martin, S.O. A Reference Grammar of Korean: a complete Guide to the Grammar and History of the Korean Language. – Cambridge University Press, 1992. – 414 p.
28. 17 세기 국어사전. (Толковый словарь 17 в.). 상하권, 1995. 2944 쪽.

29. 국어사전 (Толковый словарь «Даум») [Электронный ресурс] // Daum. – Режим доступа: <http://philologos.narod.net/index.do?dic=kor> (дата обращения: 17.11.2014).
30. 국어사전 (Толковый словарь «Навер») [Электронный ресурс] // Naver. – Режим доступа: <http://krdic.naver.com> (дата обращения: 17.11.2014).
31. 김민수신국어학사 (Новая история отечественного языкознания). 일조각, 1989. 324 쪽.
32. 정종목홍길동전 (Повесть о Хон Гильдоне). – Changbi Publishers, 2003. – 148 p.
33. 한국민족문화대백과사전 (Большой энциклопедический словарь культуры корейского народа). 25 권. 한국정신문화연구원, 1991. 788 쪽.
34. 홍길동전 (Повесть о Хон Гильдоне) [Электронный ресурс] // Seelotus. – Режим доступа: <http://www.seelotus.com/gojeon/gojeon/so-seol/hong-kil-dong-kyeong-pan-bon.htm> (дата обращения: 14.12.2014).

**СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ
ОСОБЕННОСТИ И ПРАГМАТИКА УПОТРЕБЛЕНИЯ
ОПРЕДЕЛЕННЫХ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ
В НЕМЕЦКИХ ГАЗЕТНЫХ ТЕКСТАХ**

Наличие формально выраженной категории определенности / неопределенности (далее О/Н) как одной из основных отличительных черт немецкого существительного, а также вопрос об употреблении артикля в немецком языке и его эквивалентности в русском, представляют особую трудность при изучении данной категории.

При сопоставлении категории О/Н в русском и немецком языках важно указать на два обстоятельства. Во-первых, употребление артиклей *der*, *ein*, \emptyset (нулевой артикль) в немецком языке. Их употребление не всегда связано с оппозицией О/Н, поскольку выражение данных значений при их референтном употреблении является важной, но не единственной функцией артиклей *der* и *ein*. Отсюда и недостаточность всего объема тех смысловых оттенков самих названий Определенность/Неопределенность, которые могут быть переданы системой артиклей в немецком языке. Во-вторых, не только сами артикли могут служить точкой отсчета при рассмотрении О/Н, но и мотивы употребления существительного в конкретном тексте или конкретной ситуации, соответствующим замыслу автора.

Категория О/Н в немецком языке, как и в русском, характеризуется рядом особенностей. Например, в то время как категория рода свойственна самому имени, категория О/Н выступает только при употреблении существительного в речи, значения О/Н всегда связаны с участниками процесса коммуникации, с их отношением к обсуждаемым предметам. Еще одной немаловажной особенностью, является то, что данные значения не вытекают из соотношений между разными компонентами одного предложения, а раскрываются в рамках текста.

Небезынтересен тот факт, что касательно артикля в немецком языке существуют различные точки зрения, иногда абсолютно противоречивые. Это заключается, прежде всего, в вопросе о выражении определенным и неопределенным артиклями грамматической категории или же только отдельных лексических значений имени существительного, а равно и в вопросе содержания самих значений. Таким образом, остается спорным вопрос о функции немецкого артикля, выполняемой его соотносительными формами (определенный и неопределенный, а также нулевой).

Немало противоречий существует и в определении статуса артикля. Е.А. Долгина, занимаясь проблемой статуса артикля в когнитивном освещении, утверждает, что артикль – неотъемлемая часть существительного, и при анализе языка необходимо рассматривать комплекс «артикль + существительное», представляющий грамматическую форму имени существительного, которая «указывает на результат совершения определенной мыслительной операции в сознании» носителя иностранного языка и на тип категориального значения имени существительного. В зависимости от формы артикля оно может быть абстрактным классифицированным или индивидуализированным» [2]. Артикли можно считать средствами выражения логико-грамматической категории абстракции-конкретизации существительных.

При сопоставительном изучении двух языков (русского и немецкого) очевидными становятся следующие факты:

- 1) имя существительное в немецком языке в большинстве случаев употребляется с артиклем, поскольку без него оно теряет статус существительного;
- 2) формы артикля выражают значения, которые входят в грамматическую характеристику существительного;
- 3) значения артиклей связаны с общей семантикой существительного как части речи, они характеризуют предмет как определенный или неопределенный;
- 4) определенность и неопределенность являются антитезами, оппозитивными.

Значения определенности / неопределенности в буквальном смысле слова представляют собой ядро грамматического значения артикля, имеющего историческую основу, когда определенные артикли *ther, thiu, thaz*, аналоги современных *der, die, das*, имели значение указательного местоимения. Когда речь шла о незнакомом предмете или лице, употреблялся преимущественно нулевой артикль.

Достойна внимания работа К.Г. Крушельницкой, посвященная сопоставительному анализу категории О/Н в русском и немецком языках. В «Очерках по сопоставительной грамматике немецкого и русского языков» (1961) представлено системное описание основных грамматических явлений немецкого языка в сопоставлении с русским языком, сущности категории О/Н, случаев употребления артикля «(мотивированное и немотивированное), степени унификации значений определенного и неопределенного (нулевого) артиклей» [4].

Специфика значений артикля, по мнению ученого, заключается в том, что они отражают не отношения между предметами и явлениями, существующие независимо от говорящих, а выражают отношение к предметам и явлениям говорящего и слушающего. Сущность этого отношения в том, что говорящий характеризует предмет или лицо, обозначаемые существительным как данный (известный) или новый (неизвестный) для адресата, учитывая осведомлен-

ность последнего о данном предмете (лице). Приоритетным в выборе того или иного артикля, является факт иллюкутивного намерения адресанта подать предмет (лицо) как известное или же неизвестное. Отсюда следует, что, если предмет известен читателю и автору, то употребляется определенный артикль, если неизвестен обоим коммуникантам – неопределенный или нулевой. Возможны случаи употребления определенного артикля и в случае, если предмет (лицо) известен только одному участнику акта общения (в частности, автору). Значения соотносительных форм артикля особенно четко выступают в разговорной речи, которая заметно представлена и в немецких газетных текстах в таких жанрах, как интервью, комментарии, фельетон.

Например:

1) “– *Wir haben uns den Film angesehen. Total interessant.*” (*Мы посмотрели фильм. Очень интересный*) (Nordwest-Zeitung, 26.09.2008);

2) “– *Ihm kam die Idee, einen Film mit mir zu machen, ...*” (*Ему пришла идея снять со мной фильм*) (Berliner Umschau, 27.09.2008).

В первом случае говорящий характеризует существительное «фильм» как известный. Естественно предположить, что участники коммуникации знают, о каком фильме идет речь, во всяком случае, адресант, наверняка, знает, поэтому и употребляет определенный артикль перед существительным “*der Film*”. Во втором примере речь идет просто о фильме (об идее снять какой-нибудь фильм), поэтому выбор неопределенного артикля очевиден.

При рассмотрении категории О/Н в сопоставительном плане необходимо учитывать возможность факультативного выражения сходных значений в русском языке, а также наличие в обоих языках категории «данного» и «нового». В некоторых исследовательских работах в области сопоставительной грамматики русского и немецкого языков проводится известная аналогия между определенным артиклем и русским указательным местоимением «*этот*», а также между неопределенным артиклем и русским неопределенным местоимением «*какой-то*», «*любой*». Но такие параллели не всегда оправданы и обоснованы, хотя указанные соответствия иногда имеют место. Трудность аналогии заключается в том, что русские местоимения «*этот*», «*какой-то*», «*любой*», будучи лексическими единицами, имеют более конкретные значения, чем формы немецкого артикля, выражающие грамматически-обобщенные значения. Поэтому о соответствии вышеперечисленных местоимений в русском языке немецкому определенному или неопределенному артиклю можно говорить лишь в случае, если они заменяют соответствующие немецкие местоимения “*dieser*”, “*einer*”, “*irgendein*”, “*jeder*”, обладающие в основном значениями указательности или неизвестности для говорящего.

Обратимся к примерам:

а) “*Brigitta Sirny hat ein Buch veröffentlicht...*” (Berliner Kurier, 22.08.08);

б) “*Das Konzert beginnt erst in einer Stunde...*” (Rheinischer Merkur, 28.07.2008).

При переводе на русский язык в данных примерах возможно употребление соответствующих местоимений:

- а) «Бригитта Сёрни опубликовала (одну) какую-то книгу»;
- б) «Этот концерт начнется только через час».

Проведение аналогии между русскими местоимениями и немецким артиклем представляет собой основную трудность для объяснения значения артикля. Наиболее эффективно и целесообразно исходить из конкретной ситуации общения, коммуникативного задания, которое в русском языке выражается при помощи интонации и порядка слов. Это позволяет лучше осознать само отношение, находящееся в основе определенности и неопределенности.

В нашем исследовании функционально-семантической основой для сравнения служат средства выражения значений О/Н на материале языка немецких газетных текстов. Язык газет очень специфичен и разнообразен, в связи с жанровыми характеристиками авторского текста. Язык печатных СМИ отражает и создает ту или иную картину мира, и в этом смысле прагматический и когнитивный аспекты становятся одними из главных.

Правомерно говорить в данном отношении и о проблеме «доступности», «читабельности» современной газеты, обусловленной выбором языковых средств и уровнем языковой компетенции журналиста. Очень часто в последнее время обсуждается вопрос «упрощения», «краткости» и «максимального воздействия» печатных СМИ. Примечательна в этом смысле работа Karin Pyc “*Pressesprache*” (2004), где дается глубокий анализ языка современной германской прессы, в частности, проблемы ее «читабельности». Читатель, считает она, как никто другой (зритель или слушатель), несмотря на имеющуюся возможность вернуться к той информации, которую он не понял, желает вникнуть в суть дела сразу, не теряя при этом интереса до конца статьи. Закон газеты – „*sich nicht klüger als sein Käufer zu geben*” («держаться себя (быть) не умнее, чем покупатель»), а также упрощать, делать доступным, при этом, не потеряв «понятности» и существенности [7]. Автор выделяет три важных явления в языке газеты: зачин, информативное движение и кульминация, что говорит об очевидности динамического аспекта языка газеты. Для журналиста (по сути дела) к тому моменту, когда он начинает повествование, в подавляющем большинстве случаев известно уже то, что войдет в состав данного предложения. Для читателя же, напротив, какая-то часть того, что сообщается предложением, должна быть, как правило, неизвестна, иначе не будет никаких мотивов для того, чтобы употреблять это предложение: не о чем было бы сообщать. С точки зрения читателя, в составе подаваемой журналистом информации, имеются, как правило, компоненты известные (определенные) и неизвестные (неопределенные). Читатель должен понимать не только содержательную и формальную стороны информации, но и то, каким образом сам журналист влияет своим «словом» на читателя, насколько он осведомлен о том, что пишет.

Определенный артикль выражает более общее значение, чем неопределенный. Основным значением его является указание на то, что данный предмет или лицо выделяется из вида однородных предметов, лиц, является для говорящего и собеседника единственно возможным, как бы единственным в своем роде. Это выделение происходит по разным причинам. Вот основные из них: 1) предмет знаком собеседникам, так как он уже упоминался, т.е. когда при первом упоминании существительное употребляется с неопределенным артиклем, а при дальнейшем развертывании текста оно приобретает значение определенности. В большинстве случаев, подобная трансформация (сначала неопределенное существительное, затем определенное), в целом характерная для грамматики немецкого языка, проявляет себя и в текстах печатных СМИ:

“Im Kongo ist eine Frachmaschine auf ein Wohngebiet der Hauptstadt Kinshasa gestürzt. Die Maschine hat Häuser getroffen” (Berliner Morgenpost, 04.10.2007);

или: “Ich brauchte einen Beruf, um mir den Lebensunterhalt zu sichern. So ergab sich der Beruf des Marktführers“ (Rheinischer Merkur, 19.09.2007).

2) происходит актуализация смысла компонентов высказывания путем повтора (лексического или семантического).

Например (новости): “ Mehrere Stunden suchten Polizei, Taxizentrale und das Ordnungsamt nach einem verschwundenen 77-jährigen Chauffeur. Der Mann hatte eine Ausfahrt räumen müssen, wo er auf einen Kollegen wartete, und fand den Weg nicht mehr zurück” (Bild, 26.08.07) (концепты – «шофер» и «мужчина»);

или: “Touristen im Bucegi-Gebirge haben eine Bärin mit Blitzlichtern verschreckt und anschließend mit Hunden gehetzt und verjagt. Wenig später stieß das Tier auf eine Gruppe Wanderer. Für die Urlauber bedeutete dies den Tod” (там же) (концепты – “eine Bärin“(медведица) и „, das Tier“(животное).

Повторное употребление концептов осуществлено в иной форме (семантический повтор), чем исходное имя существительное, но в итоге являющееся определенным.

Другой пример (репортаж):

«Ein schweres Erdbeben der Stärke 6,8 hat die Menschen in weiten Teilen Mittelamerikas in Panik versetzt. Menschen kamen offenbar nicht zu Schaden“ (Bild, 04.08.2007) (лексический повтор) (слово «люди» во втором предложении употребляется без артикля).

В немецких печатных СМИ явление повтора представляет собой довольно распространенное явление. Жанровый круг весьма разнообразен. Это и комментарий, и репортаж, и новостные жанры.

3) предмет обладает признаками, свойственными только ему. Эти признаки могут быть:

а) указанием на принадлежность предмета, лица кому-то или чему-то, выраженным определением в Род.пад. или предложной группой с *von*.

Например: “*Steuerlich kann das Mitglied der Fahrgemeinschaft beim Finanzamt die Kilometer zwischen Wohnung und Arbeitsplatz als Werbungskosten absetzen*“ (Süddeutsche Zeitung, 01.12.2007);

или: „Für die Eltern wird es unruhig werden in ihrem Zimmer, das auch das Spielzimmer von Kindern ist“ (там же).

В первом примере существительное “*das Mitglied*” (член) связано с существительным “*die Fahrgemeinschaft*” (автомобильное общество) отношениями принадлежности. Опускание одной из составных частей ведет к смысловому разрыву. Алогично предложение – «Из суммы налога каждый член (автообщества) может вычесть у финансового ведомства километры от дома до работы как расходы на рекламу».

Второй пример демонстрирует отношения принадлежности, выраженные с помощью предложной группы с *von*.

Говоря об отношениях отчуждаемости / неотчуждаемости, характерных для русских определенных / неопределенных существительных, можно констатировать то факт, что, в целом, это явление характерно и для немецкого языка. Достаточно распространенными являются так называемые “Substantivgruppen” (субстантивные словосочетания), где ведущее слово имеет форму Им. пад., а составной его частью могут выступать существительное + прилагательное, существительное + существительное (с предлогом и без), существительное + наречие и т.д. Зависимое слово (в Род. пад.) может иметь значение принадлежности (*der Bruder meines Freundes*), отношение целого к части (*der erste Teil des Buches*).

Употребление в немецких печатных СМИ существительных, характеризующихся отношениями неотчуждаемости, сопряжено с рядом особенностей, имеющих непосредственное отношение к грамматике немецкого языка. В русском языке, к примеру, если одно существительное при неотчуждаемости является неопределенным, то и другое несет семантику неопределенности, и наоборот, семантика определенности одного существительного распространяется на другое. В целом сходное положение наблюдается и в немецком языке. Однако встречаются и противоречивые случаи. Вот информация (новость), где речь идет о результатах обыска одной из квартир в немецком городе Хафенлор, о найденном автомате Калашникова у 20-летнего молодого человека:

“Bei einer Wohnungsdurchsuchung in Hafenlohr haben Polizisten *eine Kalaschnikov* sichergestellt. *Das Maschinengewehr* russischer Produktion wurde im Zimmer eines 20-Jährigen gefunden, wie die Polizei am Freitag mitteilte....Die Wohnung des Mannes und seines Bruders war eigentlich nach Rauschgift durchsucht worden“ (Süddeutsche Zeitung, 1.12.08).

Первое словосочетание во втором предложении “*im Zimmer eines 20-Jährigen*” характеризуется отношениями принадлежности (комната 20-летнего молодого человека). Первое упоминание о нем дает право считать

именную группу (ИГ) «20-летний молодой человек» неопределенной, что в предложении и показано (неопределенный артикль перед существительным). В таком случае, справедливости ради, неотъемлемая часть словосочетания «комната» *“im (in+dem) Zimmer”* должна была бы иметь при себе неопределенный артикль, ибо это неизвестный пока читателю молодой человек и неясно какая именно комната. Второе субстантивное словосочетание *“Die Wohnung des Mannes...”* объективно и оправдано отражает семантику определенности существительных «квартира» и «мужчина». Быть может, этот пример вовсе не представляет трудности, а лишний раз подтверждает тот факт, что в употреблении артикля есть свои сложности. Проанализировав данный случай, приходим к выводу, что употребление определенного артикля перед словом «комната» объясняется возможным отнесением его к словосочетанию «обыск квартиры» в самом начале текста, наталкивая читателя на мысль о том, что сообщается о «комнате квартиры», где был произведен обыск. Стоящее же рядом существительное «20-летний молодой человек» является неопределенным, поскольку никакой предшествующей информации о нем еще нет. Употребление автором перед существительным «комната» неопределенного артикля можно объяснить его семантико-стилистическими признаками, когда артикль несет значение выбора из множества, т.е. «одной из комнат».

Сравним: *“In einem Zimmer eines 20-Jährigen...”* («В одной из комнат 20-летнего молодого человека...»).

Такой вариант несколько отягощает информацию, являясь более тяжеловесным и избыточным, нежели просто «в комнате 20-летнего молодого человека». Корреспондент четко, грамотно и логично распределяет свой материал, избегая длинных лишних фраз, не теряя при этом строгости, актуальности и важности информации.

б) лексическим способом уточнения при помощи определений к имени существительному, часто используемых печатными СМИ.

Например: *„Abends nervten der Fernsehlärm des schwerhörigen Opas nebenan und Technorhythmen aus der Wohnung unter Ihnen“* (Frankfurter Rundschau, 11.09.2009);

или: *“Der Abteilungsleiter des Bundesarchivs zweifelte diese Darstellungen jedoch indirekt an...”* (die Zeit, 2.07.09).

Употребление определенного артикля обусловлено и наличием лексических средств уточнения, а также в случае отсутствия при существительном определений, когда предмет или лицо, обозначаемые этим именем, тем не менее, известны слушающему (читателю), находятся в поле его зрения либо связаны концептуальными связями, известны из контекста.

Например: *„Noch immer will Hans-Jürgen R. (36) nicht glauben, dass sein Sohn Tom und seine Verlobte Wiebke im Dachgeschoss des Hauses erstickt sind“* (Berliner Kurier, 21.08.07) («das Dachgeschoss des Hauses» «крыша дома» –

отношения принадлежности или же, как в русском языке, отношения неотчуждаемости);

или: *“Das Auto fährt mit hoher Geschwindigkeit. Bei der nächsten Ausfahrt verlässt er die Autobahn, fährt zu einem kleinen See. Er hält an, schließt die Tür hinter sich...”* (там же) (существительные – *“das Auto”*, *“die Autobahn”*, *“die Tür”* – общеизвестны, «дверь» и «автомобиль» – неотчуждаемые отношения, «дверь» – часть целого).

в) указанием на высшую степень качества (превосходная степень) либо на порядок следования (порядковое числительное).

Например: *“Im Mädchenzimmer steht der größte Schreibtisch”* (Berliner Zeitung, 28.01.08);

или: *“Aber Armut schließt aus und beeinträchtigt damit die Entwicklungschancen von Kindern, wie die erste Reportage des „Adventskalender für gute Werke der Süddeutschen Zeitung“ an diesem Wochenende zeigt”* (Süddeutsche Zeitung, 01.12.2007).

г) указанием на связь за счет именованной профессии, занятий лица, имя которого названо ранее.

Например: *“Karin Pohle betreute monatelang ihren todkranken Schüler. Auf die Lehrerin kann Berlin stolz sein”* (Berliner Zeitung, 1.02.2008);

„Philipp Jescheck inszeniert den „Macbeth“ am Volkstheater. Es gibt Momente an diesem Abend, in denen spürt man das wahre Alter des Regisseurs“ (Süddeutsche Zeitung, 1.12.2007).

4) предмет, лицо являются для слушателя определенными, если они общеизвестны или известны определенному кругу людей (когнитивные знания собеседников).

Например: *„Der Medizinnobelpreis 2007 geht an drei Forscher, die es schaffen“* (Berliner Zeitung, 9.10.2007);

или: *„Der Richter und die Geschworenen aus dem Londoner Verfahren um den Tod von Lady Diana gaben sich persönlich ein Bild von den letzten Stunden der Prinzessin gemacht“* (там же).

Как и в русском языке, содержание понятия «определенность» в немецком требует определенных когнитивных знаний о мире.

5) предмет, единственный в своем роде. Это названия предметов, типа: *die Sonne, die Erde, der Himmel* и т.д. В немецком языке уникальные предметы употребляются только с определенным артиклем. В русском языке они тоже определенные.

Например: *“Die Erde ist eben doch ein Klumpen heißer, flüssiger Steinmasse mit ein bisschen fester Kruste drum herum”* (Rheinischer Merkur, 28.07. 2005).

Определенный артикль «в разных жанрах немецких газет служит целям избежать избыточности уточнения, которое обычно осуществляется за счет указательных местоимений» [3]. Этот факт представляет собой определенное стилистическое его использование.

Рассмотрим следующие примеры:

1) *“Der Werbeeffekt für die Beckmann-Ausstellung dürfte sich in Grenzen halten. Selbst wenn mit der Aktion darauf verwiesen werden soll, dass seine Bilder 1937 an gleicher Stelle in der „Entarteten-Ausstellung der Nazis“ hingen“* (Nord-bayerischer Kurier, 28.09.2007) (Рекламный эффект для выставки Бэкмана мог бы держаться в рамках. Даже если этой акцией нужно было указать на то, что его картины висели на той же «вырождающейся» выставке нацистов);

2) *“Das Verhältnis zwischen Deutschen und Ausländern ist selten so harmonisch wie während der Fußball-WM. So wird inzwischen meist von Zuwanderern und nicht von Einwanderern gesprochen. Die Debatte beginnt schon mit den Begriffen“* (Zeit, 14.06.2007) (Отношения между немцами и иностранцами редко бывают такими гармоничными, как во время чемпионата мира по футболу. Тем временем часто говорят о «приезжих», а не об иммигрантах. Дебаты начинаются уже с *этих* понятий).

Дело в том, что в ряде случаев, артикли *der* и *ein*, сохраняя формальные признаки артикля (безударность, формы склонения), являются заменителями местоимений. При этом наблюдаются следующие закономерности. Во-первых, формы артикля в таких случаях не всегда выражают коммуникативную нагрузку существительного как данного и нового. Во-вторых, артикль может иметь лексические соответствия в русском языке, его можно, а иногда и необходимо переводить.

Определенный артикль может иметь ярко выраженное указательно-анафорическое значение. Тогда *der* употребляется вместо местоимения *dieser*. При этом он выражает известность с указанием на ее источник – вышеупомянутость. При переводе на русский язык он обязательно передается при помощи местоимения «этот», если «идентичность предмета, обозначаемого данным существительным, с вышеупомянутым предметом недостаточно ясна из контекста» [4].

Выбор определенного артикля вместо вполне допустимого, а иногда и не нужного указательного местоимения, объясняется стремлением печатных СМИ к экономии места и времени, столь типичной для прессы, а также стремлением избегать избыточных указаний. Особенно часто подобные трансформы встречаются в жанре интервью. Возьмем отрывок из интервью-диалога газеты “Süddeutsche Zeitung” (1.12.2007) с председателем одного строительного предприятия господином Klaus Wiesenhügel:

SZ: “Ist die Lohnforderung nach 30 Prozent mehr Geld auch nicht in Ordnung? (С требованием о повышении заработной платы на 30 % не все в порядке?)

Respondent: “Mit der Forderung habe ich kein Problem” (У меня с *этим* требованием нет проблем).

Общий обзор имени существительного дает право считать, что охарактеризовать его с точки зрения определенности / неопределенности представляется возможным только с учетом обобщающего характера слова, прису-

шего всем именам существительным. Одно и то же слово, к примеру, *der Baum*, может выражать понятие *дерева* (вообще), но может служить и названием конкретного *дерева* (например, дуба, растущего у нас во дворе). Отсюда и возникает потребность в процессе речи уточнить, конкретизировать, о каком именно предмете или лице идет речь.

Несомненно, при употреблении артикля функция выражения О/Н имени существительного и функция выражения коммуникативной роли в предложении тесно связаны между собой. И то и другое «определяется конкретной ситуацией, осведомленностью слушающего о предметах и явлениях, о которых идет речь, целью сообщения» [5]. Часто бывает, что эти функции в предложении полностью совпадают, выступают как единое значение артикля.

Например: *“Ganz anders ist die Situation in Deutschland. Der junge Akademiker hat Wunsch, den anderen auf dem Arbeitsmarkt behilflich zu sein“* (Иначе обстоит дело в Германии. Молодой академик хочет помочь другим с работой на рынке труда) (Berliner Morgenpost, Dezember, 2007);

Определенный артикль при существительном *“Akademiker”* объясняет его определенность, одновременно указывая на то, что в составе сообщения это существительное выступает как его исходный момент. Упоминание о наличии этого лица не является в данном предложении целью сообщения, а служит его исходным моментом, темой высказывания.

Говоря о не всегда возможном совпадении значения определенности и роли существительного в предложении как исходного момента сообщения, а, следовательно, о невозможности их отождествления в печатных СМИ, следует учитывать следующие моменты:

а) значение О/Н в собственном смысле слова как уточнение, о каком именно предмете данного рода (известном или неизвестном слушателю / читателю) идет речь. Это необходимо, прежде всего, при употреблении существительных как названий отдельных предметов и явлений;

б) «генерализованное» употребление имен существительных, обозначающих отвлеченные понятия. При употреблении существительных типа *“die Schönheit”, “die Freundschaft”, „die Liebe”* и др., для обозначения явления в целом, а не отдельных частных его проявлений. Употребление определенного или неопределенного артикля связано в подобных случаях только с выражением коммуникативной роли имени существительного;

в) употребление конкретных существительных для обозначения отдельных предметов, лиц данного рода. Существительное, обозначающее известный читателю предмет или лицо, определяемый в предложении указанием на его отличительные свойства, может вместе с тем входить в состав нового.

Например: *“Mein Aba starb am 10. Januar 1944 mütterseelenallein in seinem Haus, der Freund meines Vaters“* (Frankfurter Allgemeine Zeitung, 25.11.2004) (Мой Аба, друг моего отца, умер совсем один-одинёшенек 10 января 1944 г. в своем доме).

В этом случае артикль имеет две функции: функцию выражения определенности и функцию выражения коммуникативной роли имени существительного. Они не совпадают и не сливаются в одну, но вступают в противоречие друг с другом. Определенный артикль в данном случае выступает только как показатель определенности. Он употреблен вопреки тому, что с точки зрения актуального членения предложения существительное *“der Freund”* входит в состав ремы. Коммуникативная роль имени существительного выражается другими средствами: порядком слов и интонацией. Правомерно будет подчеркнуть коммуникативно-познавательную функцию, которую наряду с другими выполняет порядок слов. Она состоит, по мнению Адмони В.Г., «в выявлении в предложении той познавательной установки, с позиции которой в процессе коммуникации строится данное предложение» [1].

Расхождение в употреблении артикля прослеживается в предложениях тождества, высказываниях типа «А тождественно Б». Адмони В.Г. считает их близкими к предложениям, в которых выявляется связь единичного и целого, где определенный артикль характерен и для предикативного существительного, что связано с его соответствующей семантикой.

Например: *“Der Mann, der in Berlin ein Büro mit sieben Kollegen leitet, war früher der Kellner”* (Zeit, 7.04. 2007).

Ревзин И.И. считает, что значение тождества складывается из двух независимых признаков: а) факта установления тождества объема двух понятий или включения одного понятия в объем другого; б) константности либо переходящего характера сопоставления двух понятий» [6]. Он анализирует различные типы предложений тождества, такие как, собственно предложения тождества (*“Der Morgenstern ist der Abendstern”* = «Утренняя звезда есть вечерняя звезда»), предложения условного тождества (*“Ich bin das Schwert, ich bin die Flamme”* = «Я меч и пламя»), предложения с семантикой константного включения (*“Puschkin war Dichter”* = Пушкин был поэт) и предложения с семантикой переходящего включения; признак, который в немецком языке не отличается от предыдущего, в то время как в русском он играет значительную роль, ибо эта семантика, отражается, главным образом, чередованием И.п. и Т.п. («Пушкин был лицеистом»), а также возможностью эксплицитного употребления связки – «Тополь (есть) дерево», «Роза (есть) цветок», но «Он студент».

В немецких печатных СМИ предложения тождества имеют то же оформление, что и предложения включения.

Анализируя предложения с предикативом (*“Der Mann ist ein Arbeiter”* = «мужчина – рабочий») и предложения тождества (*“Paul ist Saul”* = «Павел есть Савл»), И.И. Ревзин приходит к выводу, что эти, на первый взгляд, внешне схожие предложения, имеют разную синтаксическую структуру. В первом типе представлена субъектно-предикатная структура, а предложения тождества являются двухподлежащими. Таким образом, категория О/Н на данном синтаксическом фрагменте проявляет себя следующим образом: а) в

предикативе не употребляется определенный артикль; б) в предложениях тождества может употребляться любой артикль.

Возьмем примеры из газет:

1) „*Marcus Urban ist ein Spieler. Er sticht allerdings durch sein Können hervor*“ (die Zeit, 14.06. 2007) (неопределенный артикль);

2) “ – *Statt dessen erlebten die Regionen eine Renaissance. Kultur ist also Geschichte* “ (die Welt, 2.07. 2006) (нулевой артикль).

Весьма интересными и важными для понимания многоуровневости и многоплановости исследуемой нами категории являются наблюдения учебного над тем, как согласование вспомогательного глагола в роли связки с подлежащим или именным сказуемым может повлиять на выражение значений О/Н. Здесь вводится понятие «допустимой вставки», а точнее, возможность вставки слова в предложение, если получившееся предложение является лишь специализацией (уточнением) исходного предложения.

В синтаксическом плане определенный артикль встречается не только в простых, но и в сложных предложениях, в различных видах СПП. Сложноподчиненные предложения составляют огромный пласт, отличающийся своей спецификой и распространенностью. Видимо, это явление характеризует в целом и язык немецкой прессы. Несмотря на то, что в последнее время наблюдается тяготение к «упрощению» структуры предложения, когда журналисты стремятся писать более простым языком, употребляя меньше сложных конструкций, сложные предложения сами по себе являются неотъемлемой частью языка публицистики. Жанровые приоритеты тяготеют к более фундаментальным, таким, как отчет, комментарий, глоссарий, фельетон.

Однако употребление определенного артикля напрямую не зависит от типа придаточного, как это наблюдается в русском языке, тем не менее, можно наметить некоторые сходства и различия:

1) придаточные определительно-выделительные.

Сравним: “ *Er besitzt eine Bahncard, mit der er zu allen Strecken und in allen Zügen freie Fahrt hat* “ (Süddeutsche Zeitung, 1.12.2008);

и “ *Für die Kinder, die frierend warten, muss reichen, was gerade da ist* “ (там же).

Определяющим фактором в выборе определенного/неопределенного артикля в данных примерах является контекст, где в первом случае речь идет о каком-то проездном билете (одном из...), а во втором о конкретно мерзнувших на остановке детях.

2) придаточные изъяснительные.

Сравним: “ *Nur Franzosen haben ein Problem damit, dass Frau zwei verschiedene Namen hat* “ (Rheinischer Merkur, 28.07.2007);

и “ – *Eigentlich freue ich mich darauf, dass ich die schönen Sachen geschenkt bekomme* “ (Bild, 16.12.2007).

В первом примере употребление нулевого артикля объясняется признаком «неизвестности» женщины, у которой два имени. Во втором случае

респондент подчеркивает «определенность» красивых вещей, которые он получает в подарок (артиклъ “*die*” эквивалентен местоимению «такие»).

Таким образом, значения О/Н наиболее полно раскрываются в газетных текстах при употреблении имени существительного в предложении, в соответствии с контекстно-ситуативными условиями. А характеристика предмета или лица как определенного или неопределенного обуславливается (в большей степени) отношением к нему автора и читателя в процессе коммуникации, а также учетом говорящего (пишущего) степени осведомленности слушающего (читающего) о данном предмете. Определенный артиклъ отличается от лексических средств уточнения абстрактностью значения. Артиклъ абстрагирован от характеристик лексического характера; выражение определенности не носит характер обобщенности. В текстах СМИ он указывает на то, что речь идет о предмете или лице, знакомом читателю и находится в поле его зрения. Другая, пожалуй, самая главная черта артиклъа, это его обязательное (в большинстве случаев) сопровождение имени существительного: каждое существительное (если это имя нарицательное) характеризуется как определенное или неопределенное. Лексические же средства не всегда сопровождают имя существительное. Целью автора, употребляющего в тексте определенный артиклъ, является избежание избыточности уточнений, реализуемых за счет указательных местоимений.

При анализе употребления определенного артиклъа в газетных текстах важно учитывать и когнитивные особенности семантики имен существительных.

Библиографический список к главе 5

1. Адмони В.Г. Синтаксис современного немецкого языка: Система отношений и система построения. – Л., 1973.
2. Долгина Е.А. Системный статус английских артиклъей в когнитивном освещении // Филологические науки. – 2008. – № 3.
3. Кацитадзе И.М. Категория определенности / неопределенности существительных: функционально-семантический анализ средств ее выражения в русских и немецких газетных текстах: автореф. дисс. ... к. филол. н. – Ростов н/Д, 2008. – 21 с.
4. Крушельницкая К.Г. Очерки по сопоставительной грамматике немецкого и русского языков. – М., 1961.
5. Москальская О.И. Артиклъ в немецком языке // ИЯШ. – 1956. – № 5.
6. Ревзин И.И. О роли коммуникативного аспекта языка в современной лингвистике // Вопросы философии. – 1972. – № 11.
7. Karin Pyc. Pressesprache. Crin Verlag, 2004.

ПРАГМАТИКА ЯПОНСКИХ КОММУНИКАТИВОВ
СОГЛАСИЯ: ДАННЫЕ КОРПУСА

6.1. Реплики согласия в японском языке: постановка проблемы

В построении типологии высказываний на лингвопрагматических основаниях особая роль принадлежит коммуникативам, способным в сжатой форме метко выражать интенцию говорящего, а значит – однозначно задавать иллокутивный статус высказывания. В настоящей статье мы рассмотрим основные прагматические характеристики употребления японских слов-реплик со значением согласия¹.

Семантически отчленяемые от других коммуникативов, выражающих несогласие, удивление, восторг и другие эмоциональные состояния и оценочные реакции говорящего, по своим прагматическим характеристикам данные единицы относятся к реактивным (в отличие от инициативных, им предшествует речевой или невербальный стимул), являются конвергентными – в противоположность дивергентным выражениям несогласия, осуждения, выполняют эмотивную (как выражение позиции говорящего, его оценок и эмоционального состояния) и фатическую (контактоподдерживающую) функцию [8]. В свою очередь, по характеру речевого стимула реплики согласия могут быть подразделены на Согласие с мнением, Согласие сделать что-либо, Согласие – разрешение, Согласие – подтверждение и т.д. [6].

При общей фокусировке современной лингвистики на живой среде использования языка, субъекте речевой деятельности в последние десятилетия интерес к коммуникативам значительно повысился, появились такие значимые авторы и работы, как [7]. В российской японистике смежная с обозначенной тема подробно была рассмотрена Т. Н. Гороховой [2]. Однако именно прагматический анализ японских коммуникативов на основе исследования параметров ситуации общения, интенций, когнитивных и социальных статусов коммуникантов в целом пока не проводился.

Для выполнения этой задачи мы пользуемся данными общедоступного взвешенного корпуса современного японского языка, включающего как письменные, так и устные источники (стенограммы заседаний парламента).

¹ Принадлежность этих единиц к частеречевому классу по разному оценивается исследователями: в [12] они включены в междометия, тогда как [1] относит их к разряду обособленных. Мы используем термин «коммуникатив» не из желания сказать своё слово в этой дискуссии, а лишь стремясь к простоте изложения.

При этом помимо собственно семантического толкования ситуаций, а также выяснения положения высказываний с местоимениями в речеактовой цепочке, по [13], мы используем и такой метод, как «построение схемы эмоциональной ситуации из набора признаков..., разбросанных в контексте» [7, с. 24]. Всего рассматривается шесть единиц: *hai*, *ee*, *un*, *soo*, *aa*, *haa*, а также производные-редупликации *haihai*, *un-un* и другие.

6.2. Семантико-прагматическая характеристика коммуникатива *hai*

Базовым словом-реакцией с утвердительным значением согласия является *hai*. Именно оно употребляется в контекстах простейшего выбора между «да» и «нет» (например, в освещении результатов опросов или как название кнопки на панели управления):

ユーザーが「はい」を押したときだけ、メッセージダイアログを表示する // Пользователю достаточно нажать на кнопку «да» – и появляется диалоговое окно [18, М. Такахаси, «Использовать Java – просто!», 2002]

Корпус содержит примеры употребления в контекстах реакции как на фактивность пропозиции: Подтверждение на вопрос о внешнем мире; Признание на вопрос о собственных действиях отвечающего, – так и успешность предшествующего речевого акта: Акцепт обязательства в ответ на реквестив, суггестив, Позволение; Разрешение после Запроса разрешения; Просьба в ответ на Предложение. Соответствующие типы иллокутивной силы фиксируются в примерах речеактовыми глаголами *mitomeru* = признавать, *hikiukeru* = взяться, поведенческим *shitagai* = послушаться. Заметим, что в первом случае подтверждается в основном фактическая информация, не затрагивающая суждений и оценок коммуникантов:

「これで全員ですか？」 つい確認してしまった。陰木は「はい」と認めつつ、こちらの不安を見越したように説明した。// «Теперь все в сборе?» – перепроверил он. Кагэки подтвердил: «Да!» – и, видя нашу тревогу, приступил к объяснениям [18, Т. Вагаи, «Разбойники на гастролях», 2005], ср. также:

(山口 (那) 委員「平成三年の四月二十二日です」と呼ぶ) はい、お答えいたします。私は、平成三年の一月の七日に発令ベースでは顧問になりまして、// (выкрик с места, депутат Ямагучи: «Речь идёт о 22 апреля 1991 года!») «Хорошо, я отвечу. С 7 января 1991 года я был назначен консультантом... [18, стенограмма заседания японского парламента, 1995]

「はい確かに。...ではおつりを...。領収証は年末にまとめてお渡ししますから」「はい、お願いします」「ええっと、では、次はいつになさいますか」// «Так, всё правильно. А вот ваша сдача... Общую расписку мы передадим в конце года за все суммы вместе» «Хорошо, так и сделаем» «Отлично. В таком случае когда встретимся в следующий раз?» [18, Ц. Адзумано, «Работа за компьютером», 2005]

「いいから、何本か持って来てくれよ」 「はい、すぐに」 // «Ладно, ты давай принеси что-нибудь, а что – можешь выбрать сам» «*Слушаюсь, сейчас буду*» [18, Дз. Акагава, «Любовь призрака», 2002]

Вообще говоря, круг значений высказывания с *hai* более широк, чем согласие как таковое. Скорее, употребляя это слово, говорящий подтверждает приём предыдущего сигнала, даёт собеседнику знать, что понял сказанное. Этим с прагматической точки зрения можно объяснить возможность ответа *hai* на вопрос с отрицанием, что получает и грамматическое объяснение в работах [16; 15]. При этом, как замечает Дз. Тогаши, степень внимания к содержанию сказанного выше чем в других репликах согласия, а понимания более целостно и требует определённой законченности предшествующего высказывания, как справедливо замечает сказанного выше [17]. Суть же отклика вовсе не обязательно состоит в солидаризации с пропозициональным содержанием услышанного, на что указывают и примеры с ремарочным употреблением речеактового глагола *oojigi* = *отреагировать* (а не оставить без ответа):

早乙女は呼びかける。息子は静かに、「はい」と応じた。// *Саотомэ позвала. Сын тихо откликнулся: да!* [18, ежеквартальное приложение к журналу «Бунгэй сьондзю», № 235, весна 2001]

Таким же образом *hai* фиксирует получение Приказа, Команды, Распоряжения, удостоверяя перед собеседником, что действие будет исполнено. Интонационно для такого употребления свойственен ровный высокий тон – в отличие от понижательного контура в «подтверждающих» репликах. Тем самым в контекстах, где самого побудительного высказывания в силу особенностей коммуникативной ситуации достаточно, чтобы ожидать выполнения действия (возражений не предусматривается), одиночное употребление этого слова соответствует известным постулатам «способа» (выражаться ясно) и «количества» (не предоставлять больше информации, чем требуется) по П. Грайсу [10], на что обращает внимание и Т. Китагава [11]. В подобных контекстах за *hai* может следовать и вербализация подчинения, причём в корпусе мы не находим коллокаций таких выражений с другими коммуникативами. Это говорит о том, что, похоже, данная функция зарезервирована исключительно для *hai*:

{はい/*ええ/*うん/*そう}, 分かりました // *Да, понятно/хорошо.*

{はい/*ええ/*うん/*そう}, 畏まりました // *Да, слушаюсь.*

Единственным из рассматриваемых лексем *hai* сопровождается вокативом, но только в переводном тексте или подражании ему:

「はい、大統領閣下...今や国務省の判断は、間違いだと判明しました」 ドノバンは冷静な口調で // «*Да, господин президент... Уже ясно, что решение министерства обороны было ошибочным*», – спокойно проговорил Донован [18, Ф. Такануки «Отвлекающий манёвр союзного флота» 2002]

Стимул для реплики может быть и не речевым, а состоять в осознании некоторого положения вещей, восприятия действий партнёра. Такой харак-

тер имеет *hai*, например, в ситуации ответа на телефонный звонок ли стук (ср. рус. *да!*):

とんとんと、船倉の扉が叩かれた。「はい、なんでしょう？」ディエンデッタが返事をする。// *В дверь кабины негромко постучали. «Да, что такое?» – отвечает Диендетта* [18, С. Томоно «Приключения по дороге в ад» 1997]

Производным от этого варианта употребления, по-видимому, можно считать вопросительное *hai*, сопровождающееся изменением интонационного контура (тон не понижательный, а повышательный), где имеет место реакция более серьёзная, чем простой переспрос – отказ понимать (или принимать как руководство к действию) целостную наличную ситуацию, все элементы которой, по мнению говорящего, уже ясны ему: отсюда возмущённая, слегка скандальная нотка в таком вопросе.

Указанные особенности увязываются с основной дискурсивной ролью *hai* – обозначение перехода очереди реплик. Именно так можно объяснить случаи препозитивного употребления его перед Командой, в вопросе – «сигнал принят, требуется подтверждение кода», перед извинениями, благодарностями, ответом на предварительный вопрос перед основным вопросом, обмене репликами по кругу:

「はい、オーケー」「はい、こっちもオーケー」// *«Так, всё в порядке» «Ага, у меня тоже порядок»* [18, Х. Умэдзава «Механика обмана» 2003]

「はい、カット、そこまで。// *«Так, хорошо, снято* [18, А. Асано «SOS на все времена» 2002]

誰か偉いリーダーがいて、「はい、あなたはこれしてね！あなたはそれあなたはそれね！」と命令していたならば// *Если бы был великий лидер, который бы скомандовал: «Так, ты делаешь это, а ты – то»... хорошо, снято* [18, Р. Кобаяси «О солидарности волонтеров» 1999]

Фатическая функция *hai* проявляется в последовательности реплик после окликов *ne, oi* (ср. рус. ..., *a?* *эй!*):

清水と西田は、無言でいた。「ね」「はい」西田が、こたえた。// *Симидзу и Нусида молчали. «Ну так что» «Ага» – сказал тогда Нусида* [18, Ё. Катаока «Мэйн тема» 1984]

В постпозитивном положении наряду с обычной для коммуникативов в такой позиции усилению функцией высказывания ([5; 14, с. 200]) *hai* обозначает уступку очереди для реплики собеседнику. Сходно с этим, даже протягивая вещь, японец говорит *hai*:

としちゃんは三つ重ねのきれいなお重箱を出した。「はい、お弁当」// *Тоси вытащил красивую тройную коробочку: «Вот, это вам в дорогу»* [18, К. Кикура «Любимый Исао» 1982]

Из комментарийной части цитат в примерах корпуса видно, как расценивается использование *hai* в речи. Мы видим здесь эпитеты 真面目に = *серьёзно*, しっかり = *твёрдо*, おとなしく = *послушно* (ответить), 素直な = *покорный* (ответ). Употребление *hai* в начале сообщения (с целью обозначить переход

права реплики, например, перед началом доклада) описывается через глагол *собраться* (息を整え) Реакция с *hai* описывается, с одной стороны, как вежливая (愛想良く挨拶を返し), доброжелательная (明るい返事), с другой – как холодная (冷やかな声で).

Подтверждающее высказывание с *hai* (но не с другими единицами), по данным корпуса, сопровождается глубоким кивком (大きく頷いた, тжк. 俯いてしまった = *низко опустил голову*), причём этот жест может передавать робость (小さく肯いた) или сопровождаться принуждённой улыбкой (苦笑しながら).

Что *hai* рассматривается как минимальный вариант ответа, следует из примеров, где с ним используются обороты «*лишь сказав...*», *остатётся только сказать...*». При несогласии этого достаточно, чтобы отреагировать, не соглашаясь (другие слова в этой функции не встречены):

見原はなんだか不服な感じで「はい」と呟き、いやな間を開けて電話を切った。// Михара, явно несогласный, проворчал: «*Хорошо*». Повисла пауза. Потом он положил трубку. [18, Т. Накаи «Quarter mo@n» 1999]

Описанный так «языковой образ» *hai* хорошо согласуется с наблюдениями Л. Танаки о том, что для подтверждения это слово редко используется в одиночном виде при неформальном общении [14; с. 192].

6.3. Семантико-прагматическая характеристика *in*

По нашим наблюдениям, *in* в первую очередь частотен в иллюкутивных контекстах, характеризующихся бенефактивностью для отвечающего: в ответе на Совет, Предложение, Приглашение. При этом выражение побуждения гораздо менее формально и учтиво, а дистанция между коммуникантами меньше, чем в случае *hai*, что, в частности, отражается в закономерностях распределения обязательных для японской речи маркеров социальной дистанции – адрессивов и гонорифических форм:

「アスピリンでも飲む？」僕は頭で「うん」という意思を示した。// «*Может, выпьешь аспирин?*» Я одним движением головы согласился: *Ага!* [18, Б. де Стабенрат, пер. К. Такахаси «Кавалькада» 2002] (глагол в суггестивном высказывании – в форме без адрессива)

私は、中学の時に好きな人が花火に誘ってくれたのに「うん」と肯けなかったことかなあ。// *Если бы меня в школе парень, который нравится, позвал вместе полюбоваться фейерверками, я бы, наверное, не смогла бы просто так ответить: мол, ага, давай!* [18, блог полезных советов сайта «Яху» 2005]

Как подтверждение истинности пропозиции *in* типично появляется в ответе на инференционный вопрос с достаточной степенью убеждённости спрашивающего, когда исходя из характера ситуации достаточно краткого подтверждения. Это подтверждается и выбором речеактового глагола:

今度は方言でそう尋ねた。ふたりは互いに何度か目で確認し合い、「うん」と同時に肯いた。// *Потом тот же вопрос задали на диалекте. Они встретились взглядами, ища подтверждения друг у друга, и одновременно кивнули: «Ага!»* [18, С. Ёсида «Воскресенье за воскресеньем» 1999]

Примеры согласия с суждением имеются, однако они носят отпечаток растерянности, неокончательного убеждения:

「それにこの子をこれ以上、マギョアとの危険な戦いに巻き込むわけにはいかない。そうだろう？」 ヒカルは俯き、やがて小さな声で「うん」と言った。 // *«Да и не стоит больше втягивать ребёнка в это опасное соперничество, ведь верно?» Хикару помолчал, опустил голову, и потом тихо сказал: «Угу».* [18, М. Ёнэмура «Цубаса и Хикару: №17» 2002]

В комментарийных отрывках примеров с употреблением *и* мы находим прямое подтверждение такой оценки:

一緒にどこかに行こう」 「... きょとんとした純子の顔に、微笑みが浮かんだ。「うん」と素直にうなづくことができた。 // *«Давай сходим куда-нибудь?» «...» – Дзюнко растерянно улыбнулась, но взяла себя в руки и смогла вежливо сказать: «Ага»* [18, А. Тамура «Мы ещё увидимся» 1995]

Такая реакция также оценивается как «послушная» (素直に), «поспешная» (素早く), «торопливая» (あわてて), «лёгкая» (あっさりと), «невольная» (思わず). Можно предположить, что эти черты учитываются при выборе варианта ответа на Просьбу, Запрос Разрешения, Обращение (предвопрос, в том числе *и* или вокатив) – ведь «лёгкость» *и* при акценте просьбы позволяет сохранить лицо просящего. Аналогично и в запросе коррекции вопроса уже не содержится столько скандальности, как с *hai*:

あら、まだ飲まないの？じゃあ私が飲むね」と母さんが言うと、「うん」と頭を大きく縦に振る。// *«Так ты не будешь?» – спросила мать. «Тогда я выпью!» – «Да-да», наклонила голову она.* [18, С. Кобаяси «День, когда выяснилось, что у отца рак» 2003] (в ответ на Предложение), ср. также после Обращения:

「先生」「うん？」 「一つだけ聞きたいことがあるんですけど」「なんだろう」 // *«Учитель!» «А?» «Можно вас кое о чём спросить?» «Ну, о чём?»* [18, Р. Цуримаки «Погибшие семена» 1999]

В то же время краткость, простота ответа может не отвечать ожиданиям спрашивающего, если этикетные нормы требуют большего:

「楽しかった？」と聞いても「うん」としか言ってくれません。// *Спросишь её: «Понравилось тебе?» – так только и скажет: «Угу!»* [18, сайт полезных советов «Яху!» 2005]

В постпозиции *и* характеризует припоминаемое, только что сделанный вывод (говорящий как бы некоторое время колеблется, верно ли он сказал, и заканчивает реплику утверждением):

朗くんはちらっと腕時計を見て、「あ、そうか。そうだよ、うん」と、あわててうなづいた。// *Ро взглянул на часы: «А, ну да. Ну конечно. Ага!» – он торопливо кивнул* [18, А. Харада «Шикарная любовь» 1993]

Опираясь на ремарочный текст, можно утверждать, что эмоциональный фон, сопровождающий реплику с *in*, предполагает доброжелательность (明るく) и допускает как уверенность (自信たっぷり), так и смущение (恥じらった様子で), что сказывается на диапазоне сопровождающих жестов – от отчётливого кивка до лёгкого, неуверенного.

Данный коммуникатив является одним из основных выражений т. н. каналов обратной связи, или «айдзути» [2], причём в отличие от *hai*, он вовсе не подразумевает, что коммуникант впитал некий оформленный, законченный кусок информации, а скорее что он просто сигнализирует о внимании к сообщению и поощряет говорящего продолжить высказывание. Так, по данным Л. Танаки, на радио *in* гораздо чаще употребляется ведущим (кому достаточно побуждать собеседника продолжать высказываться), тогда как в речи гостей передача преобладает *hai* [14].

Отсутствие глубокого осмысления содержания воспринимаемой речи у субъекта реплики определяет местонахождение *in* в синонимическом ряду с коммуникативом другого типа – регистрирующей реакцией на входящее сообщение, при котором отношении субъекта пока остаётся зарезервированным, см. метаязыковой комментарий:

野本氏はだまって彼の話聴いていた。はじめのうちは「うん」とか「なるほど」とか受け答えの言葉を挟んでいたが、だんだん物を言わなくなって行った // *Homoto молча слушал его. Вначале он ещё откликался словечками вроде «Ага!» и «Аа, понятно», но постепенно перестал реагировать вовсе.* [18, Р.Эдогава «Что ручные счёты могут рассказать о любви» 1995]

С вопросительной (повышательной) интонацией *in* функционирует как переспрос или отклик на обращение. Видимо, в силу фрагментарности, допускаемой в восприятии «входящей» пропозиции, такая реакция может восприниматься как рассеянная, несерьёзная, даже как попытка потянуть время, – что, конечно, было бы невозможно для «чёткого ответа» с *hai*:

「何しに来たの」「うん?」「なにか、用?」「ああ、ちょっと...な」 // «*Чего ты пришел-то?*» «*A?*» «*Дело какое у тебя?*» «*A-a, да тут это...*» [18, А. Хигути «Друг» 2002]

6.4. Семантика и прагматика коммуникатива *ee*

Сфера применения *ee*, если судить по нашим данным, более узка. Так, реакций с этим словом на невопросительные высказывания мы видим гораздо меньше, что говорит о затруднительности использования этого слова для оценки успешности речевых актов. При этом примеры употребления обнаруживают гораздо большую, чем для других единиц, ориентацию на сотрудничество и гармоничное общение. Многие из вопросов, предшествующих реплике с *ee* в диалогах корпуса, оформлены ориентированными на

поиск взаимопонимания коммуникативными частицами *ne* и *na*, выражены незаконченными предложениями, представляют собой Наводящий вопрос. В таких случаях *hai* как чересчур ясный и чёткий ответ разобьёт сплетаемую взаимными усилиями атмосферу понимания, совместного нащупывания истины, обычно (по крайней мере, в идеале) изображаемую при японском общении:

「雑誌の仕事も大変なんだな」「ええ」と、亜矢は、背いてから... // «Тяжело, наверное, работать в журнале?» «Да, это так» – сказала Ая и... [18, К. Нисимура «Убийство на линии Атами-Югавара» 2003]

「それに菊枝さんだって」「ええ」と菊枝は声を高くする。「常さんがお帰りになったのは十時過ぎ... // «Да потом и госпожа Кикүэ ведь тоже ...» «Да-да» – подала голос Кикүэ. «Госпожа Цунэ вернулась уже после десяти... // «Тяжело, наверное, работать в журнале?» «Да, это так» – сказала Ая и... [18, Ф. Оно «Странные новости из Токио» 1999], ср. тж. в вопросе-перифразе с неопределённым местоимением вместо специального:

その日に、望月さんが亡くなった知らせを聞くなんて「何か関係が?」「ええ」と、園長は肯いた。「望月俊夫という子がいました。// «Надо же, в чтобы в этот самый день узнать о кончине господина Мотидзуки» «А что, есть какая-нибудь связь?» «Да», – кивнул директор: «Был у нас здесь такой Тосио Мотидзуки... [18, Дз. Акагава «Убийство по книжке» 2003]

Указанное свойство вполне вяжется с отмечаемым в указанной работе Л. Танаки характером *ee* как сигнала о том, что реагирующий исходит в своих мыслях из тех же положений, что и собеседник. Недаром это слово традиционно считается более свойственным женской речи, чем мужской, в условиях преобладания в мужской речи принципа соревновательности, а женской – облегчения коммуникации и достижения гармонии [4]:

「なんだって、おまえの頭にや大きな禿があるぜ。知ってるか。」「ええ」と細君は、依然として仕事の手をやめずに答える。べつだん露見をおそれたようすもない。// «А у тебя на голове, между прочим, огромная плешь! Знаешь?» «Да-да» – отвечает жена, не оставляя рукоделие. И непохоже, чтобы это открытие её сильно смутило. [18, С. Нацумэ «Ваш покорный слуга кот» 1996]

Эту особенность, как показывает корпус, использует и переводчик, когда, конструируя в целевом языке атмосферу общения, передаёт через *ee* интонацию женской реплики в языках, где формальные особенности такой могут и отсутствовать:

羽織るものを一枚取ってきてちょうだい」とすると娘がうなずき、草の茎を口にくわえたまま「ええ」と言って、足早に少し両腕をふりながらホテルに戻っていった。

「うちの娘、綺麗でしょ // «Принеси-ка мне что-нибудь накинуть на плечи» – попросила она, и девочка, кивнув, не вынимая стебелька из рта, бросила «Хорошо!» и размахивая руками побежала к отелю. «Красавица у нас дочка!.. [18, В. Набоков, пер. М. Вакасимы «Защита Лужина» 1999]

Правда, в некоторых контекстах, как подчёркивает Л. Танака, говорящий может и манипулировать таким согласием на фундаментальном уров-

не, если угодно, единством взглядов, чтобы под покровом внешнего стремления к гармоничному общению уклониться от акцепта просьбы или уйти от признания в ответе на прямой вопрос:

「あなたは、それを知ってたの？」市山は、ルミから目をそらして、「ええ」と言った。// *«И ты знал об этом?» Итияма отвёл глаза от Руми: «Да, верно»* [18, Дз. Акагава «Великолепные сыщики» 1984]

В имеющихся случаях ответа на директив также создаётся ощущение скорее «внутреннего согласия», чем «безоговорочного подчинения»:

「もう、出よう。遅いよ」「ええ」と、言って... // *«Пойдём уже, опоздаем же!» «Да, конечно»* [18, К. Накадзава «Чувство моря» 1978], ср. то же с гостивым:

「そうそう。安宅先生がいっちゃってるわよ。ご挨拶してきたら？」「えー」
「応接間。お兄ちゃまといえるから。お邪魔にならないようにね」 // *«Кстати, доктор Атака уже здесь. Может, пойдёшь поздороваешься» «Да, конечно» «В гостиной. Они там с братом. Постарайся не мешать!»* [18, Э. Аояма «История поцелуев, которая начинается от любви» 1993]

Случаи, где *ее* используются для согласия с суждением, наводят на мысль, что отвечающий, внешне не противореча собеседнику, вовсе не обязательно готов полностью согласиться с ним. Это видно из примера:

心情描写など書きすぎる傾向がある。要らない、削れと言うことが多い。ひとみさんは「えー」と言いながらも「そうかー」と耳を傾けた。文章を書くことによって自分の存在意義を探る娘。// *...Вы склонны слишком подробно описывать душевные состояния. Часто это бывает ненужно». Хитоми ответила: «Да-да», – но сама прислушалась повнимательнее: «Ах вот оно что!»* *Писать для этой девушки означало поиск смысла своего существования* [18, газета «Нисин-Симбун» 15. 02. 2004]

Соответствует направленности высказывания и сопровождающая его жестикация, отражаемая в ремарках, – лёгкая улыбка, полупоклон. Везде в подобных контекстах употребить *hai* породило бы эффект чрезмерного «вставания во фрунт», рвякающего, резкого языка. Но использующий *ее* коммуникант вовсе не стремится к гармонии общения любой ценой. Скорее наоборот, как мы увидели, он более независим, поскольку не ангажируется на выполнение воли собеседника, оставаясь притом корректен и доброжелателен – впрочем, не более того. Так, в ответ на Критику, Претензию *hai* звучало бы просто как грубость:

松淵 (売春地帯) は、駄目かよ「ええ」と、彼は硬い表情で応えた。// *«А что, в борделях Мацубути нельзя поискать?» «Так и есть» – ответил он с каменным лицом.* [18, Т. Масанобу «Китобои» 1997]

Пример ниже демонстрирует ещё одно свойство, сближающее *ее* с *ип* – в чём-то пассивное отношение отвечающего к предмету обсуждения:

感情を満たすことで、人間関係を円滑に進める作用もあります。ただし、ただ「ウン」「ええ」と受け身になるだけの姿勢をいうのではありません。// *«Щадить чувства людей – значит строить хорошие отношения с ними. Но это не значит, что*

нужно лишь пассивно соглашаться с ними: «ага», мол, да «угу» [18, О. Мукуноки «Укрепляем память за 30 секунд» 2002]

Добавить к перечислению *hai* здесь было бы неестественно, и из следующего примера можно предположить, почему. Откликаясь как на приказ на целостное суждение или побуждение собеседника, коммуникант возлагает и на него часть ответственности за ведение словесного обмена, что может прозвучать в известном смысле даже требовательно, – тогда как *in* и *ee* лишь фиксируют внимание и сочувствие к собеседнику, не накладывая при этом на него никаких особых обязательств:

「そうか...」 「ええ」と、靖子は背いて、「弥生の父親は、弓削春夫先生だったんです」 // «Так вот оно что!» «Ну да» (*hai* дало бы эффект: «вот-вот», мол, «и что вы теперь намерены предпринять»?) Ясуко кивнула и продолжила: «Дело в том, что отцом Яёи был учитель Харуо Югэ» [18, Дз. Акагава «45 свершений трёхцветного Холмса» 2001]

6.5. Особенности прагматики коммуникатива *soo*

Лишь переходя к коммуникативу *soo*, мы наконец встречаем единицу, с помощью которой можно ясно выразить согласие с суждением собеседника. Этимологически происходящее от омонимичного местоименного наречия со значением «так» (точнее, речь идёт о компрессии предложения, где оно оформлено связкой *desu/da* с возможным дополнением коммуникативных частиц *na/ne*), *soo* может использоваться как для подтверждения фактивности пропозиции в вопросе, так и для солидаризации с суждением собеседника. Другое дело, что данное выражение налагает значительные ограничения на статус говорящего, который должен быть в неформальных, близких отношениях с адресатом.

Каноническая ситуация употребления *soo* – инференционный вопрос, догадка собеседника, с которой с силой, с энтузиазмом солидаризируется говорящий. Во многих примерах за коммуникативом следуют выражения *tashika = определённо, sono toori = именно так, soo da = верно*. Следует признать, что *soo* не только этимологически, но и функционально близко к выражениям последнего типа, однако в данном случае, выделяя его, мы руководствуемся формально-синтаксическим критерием выделения коммуникативов как не имеющих возможности быть встроенными в синтаксическую структуру предложения. Кроме того, примеры совместного использования говорят о возможности существования иерархических отношений между данными выражениями.

Частотно *soo* в ответах на уточняющие вопросы типа «идёт ли речь о том-то и том-то» с конструкциями ... *koto / wake (desu) ka*:

それで奥さん、すっかり減入っちゃったらしくて...」 「いちじくのことか」 「そう」 「あんなの迷信だ。気にするなって、行ってやれよ」 // «Так жена совершенно рас-

строилась» *«В смысле, из-за инжира?» «Ну да!» «Это всё предрассудок. Не надо обращать внимания, вы бы сказали ей»* [18, М. Сайто «Поломанная расчёска» 1988]

「ここをくぐり抜けるわけですね？」と私は訊いてみた。「そう」と男は言った。そしてそれ以上の何の説明を加えることもなくどンドン滝の方に進んで、// *«Имеется в виду, что тут нужно подлезть?» – спросил я. «Ага» – ответил он. И, не объясняя больше ничего, удалился к водопаду* [18, Х. Мураками «Страна чудес без тормозов и конец света» 1985]

Примеры употребления в Признании не показывают такого самоустранения, как в *ее*. Говорящий понимает, что собеседник сочувствует ему, заодно с ним, и ожидает понимания и помощи. Конечно, при таком раскладе «холодные» реакции невозможны, то есть *soo* (в отличие даже от развёрнутых своих «родственников») – не этикетно:

弟にはもう?」「お会いしました」「犬にもね」とキリエが口をささむ。「そう」といって彼女はほほえみ、また会釈をして階段を離れていった。// *«С братом-то уже...?» «Да, виделась» «И с собакой, поди?» – вернула словечко Кириэ. «А то!» – она улыбнулась, кивнула и направилась к лестнице.* [18, Я. Цухара «Добро пожаловать в снежный дворец» 1995]

Имеются случаи, когда второй коммуникант присоединяется к проблемному вопросу, заданному первым, или к его призыву:

「なぜ?って、私の世界ではそう考えるのよ」 私が目をそらしがちにして言うと、「そう、どうしてかな? 誰かと空間をともにするってことは、何かを助け合える気がして... // *«В моём мире тоже задаются вопросом: а почему, собственно?» Я говорил нерешительно, отводя глаза, но он подхватил мою мысль: «Вот-вот, почему, интересно? Ведь, живя вместе, мы вроде бы должны помогать друг другу...»* [18, К. Юи «Путешествие в мечтах» 2005]

「さあ見てごらん。ここにあるよ。目を開けて見てみよう」「そう、もっとしっかり目を開いて。ここだよ、ここ」// *«Ну-ка, посмотрим. Вот здесь! Давайте-ка хорошенько разуем глаза и взглядимся!» «Да, да, ещё внимательнее взглядимся, разуем глаза! Вот сюда»* [18, Т. Итикава «Иду к тебе» 2003]

6.6. Прагматика коммуникативов *haa* и *aa*

Коммуникатив *haa* имеет омоним – онома топ, изображающий звук вздоха и получающий расширение справа на артикуляционный глагол *tameiki-o tsuku* = *вдохнуть*. Его в данной работе мы не касаемся, равно как и *haa* удивления (отличается повышением тона из нижней точки), хотя возможна трактовка, по которой по крайней мере с последней единицей *haa* согласия (понижательный тон) образует единый континуум.

Интересующее нас *haa* согласия, вероятно, можно также рассматривать и как производный фонетический вариант *hai*, от которого данную единицу отличает прежде всего психологическое состояние говорящего – ответ даёт-

ся менее собранно (и меньше подходит для формальных, служебных речевых ситуаций), без энтузиазма, реакция неопределённая (曖昧に), растерянная, вялая, и уклончивая, как подтверждают и ремарки (например, 不得要領な = *невыразительный*). Указанные нюансы сопровождают употребление в речевых актах подтверждения приёма сигнала (перед ответом на вопрос), отклика (на обращение), признания, характерных и для *hai*. Но в отличие от чёткого, собранного *hai*, здесь говорящему ещё самому неясно, что следует ответить. Подтверждение в ответ на инференционный вопрос может сопровождаться оговорками. Акцепт директива звучит как неохотный. В целом речевое действие осмысливается как минимальное, недостаточное:

一緒に食べに行こう。抜群にうまい料理を出してくれる店だから。きつと氣にいるよ」**はあ**、と私は言い、他に応えようがなかったので、黙ってコーヒーを飲んだ。// «*Давай вместе ходим в этот ресторан. Вкусно там – такого нигде больше не найдёшь! Тебе наверняка понравится!*» – *Ага... И поскольку мне больше ничего не оставалось сказать, я просто сидел и пил кофе.* [18, М. Коикэ «Любовь» 1995]

Безынициативная реакция такого рода фактически сводится к поддакиванию – «айдзути»:

「キャプテン・クックによってハワイが発見されたのは一七七八年」**はあ**、と答えると、叔父はどンドン続けた。「三年後、ハーシェルによって天王星が発見される // «*Гавайи открыл капитан Кук в 1778 году*» Я откликнулся: **ага!** так что отец продолжал, уже не останавливаясь: «*Через три года был открыт Уран...*» [18, Х. Каваками «Господи боже» 2001]

Нюанс растерянности может быть использован говорящим для этикетных целей, например, для того, чтобы разыграть неожиданность благодарения, – после чего следует благодарность (*hai* дало бы понять, что действие собеседника принимается как должное), выражаемая или эксплицитным *arigatai*, или недоговоркой типа *dooto...*

Ещё более безвольной, вялой рисуется реплика с *aa* – в ремарках видим выражения 力のない声で答えた = *ответил слабым голосом*, 弱々しく相槌を打った = *слабо поддакнул*, 照れた = *засмутился*, あいまいな返事 = *расплывчатый ответ*. Согласие в этом случае даётся либо неохотно, медленно, как бы в раздумьях, либо в растерянности перед нажимом со стороны собеседника:

「そのう...下島のほうに篤郎さんという人がおったでしょう」「**ああ**」と、大江は思い当たったように頷いた。「死んだ兄貴のちょっと上の」「*созвучно*。// «*У этой Симодзимы же был какой-то Ацую, верно?*» «*Угу*», – *Оэ закивал, как будто сам только что додумался об этом: «Который чуть постарше её старшего брата*» «*Вот-вот...*» [18, Ф. Оно «Остров Курохокора» 2004], ср.:

「必ず通しますよ、あの議案」劉輝の表情が引き締まる。「**ああ**」と彼は言い切った。// «*Вот увидите, он обязательно пройдёт, этот проект!*» *Лицо Лю Гуя стало строгим, напряжённым.* «*Угу*», – *только и сказал он.* [18, С. Юкино «История страны Сайункоку» 2004]

Выше мы вроде бы видим случай согласия с суждением, но насколько меньше в этом согласии уверенности, чем в случае с *soo!* О зыбкости позиции говорящего в ответе с *aa* говорит и его поведение:

「外れた」と、せつらは娘の肩をそっと叩いた。「本当に!？」「ああ」と答えて娘に背を向け、せつらは裏口から家へ入った。// *«Не получилось», – Сэцура легонько похлопал дочь по плечу. «Неужели правда?!» «Угу», – откликнулся он и, повернувшись к ней спиной, пошёл в дом.* [18, Х. Кикиuti «Адский блюз» 1996] (такое вряд ли возможно после ответа с *hai* или *ee*)

В полную противоположность *soo*, здесь говорящий, как видно из контекста, отказывается поддержать настрой собеседника, развить его мысль, так что обмен репликами на этом и заканчивается:

ルネと視線をあわせ、「あの娘には敵も味方もないらしいや」といって笑ったが、「ああ」とルネも応じた。「女だからな」しばらく俊市は窓枠に頬づえをつきながら戦闘をぼんやりと // *Встретившись взглядом с Рене, он с улыбкой проговорил: «А вот для неё нет ни своих, ни врагов!» Но Рене только и сказал что «угу», а потом добавил: «женщина, что вы хотите». Сюньити ещё некоторое время смотрел из окна на битву, подперев щеку рукой* [18, К. Маки «Салют созвездию дельфина» 1997]

Такие особенности смысла высказывания с данным коммуникативом коррелируют и со смежными вариантами его употребления как самопроизвольного возгласа от удивления, растерянности:

宮殿に参内する人間ではないということだ。「ああ」と、ダルタニヤンは声に出した。唐突な独り言に小心な従者は狼狽の目を向けた // *Этот человек вряд ли вхож во дворец. Д'Артаньян невольно воскликнул: «Ага!» и тут же поймал на себе хитрые взгляды осторожных придворных, привлечённые неожиданно вырвавшимся возгласом.* [18, К. Сато «Два гасконца» 2001]

Провести чёткую границу между случаями употребления *aa* для подтверждения / согласия и удивления / растерянности вряд ли возможно.

Конечно, такие ответы будут часто восприниматься собеседниками как недостаточные о чём свидетельствует наличие в ремарках фраз с ограничительными частицами. Как нарушающие постулат количества Грайса они звучат грубо (ぶっきらぼうに). Комментарийный текст содержит и указания на синонимические отношения *haa* и *aa* с коммуникативами смежных классов, регистрирующими приём сигнала или выражающими удивление: *soo ka = вот как?* и *shikashi = однако!* Это также указывает на определённую неполноту их как выражений согласия.

6.7. Семантико-прагматические особенности редупликатов

Развитие смысла при редупликации коммуникативов представляет собой чрезвычайно интересное явление в языках разных типов. Как вновь показывают примеры употребления удвоенных вариантов коммуникативов

согласия в японском языке, далеко не всегда при этом происходит просто экстенсивное усиление исходного значения, хотя более яркая по сравнению с исходными вариантами диверсификация значений позволяет говорить и о развитии именно характерных, отличительных сем исходных вариантов.

Так, в случае *hahaa* ← *haa* можно говорить о более глубоком, вдумчивом способе регистрации сообщения, «следующем шаге» в «растерянном», «неторопливом» восприятии, что иконически изображается добавлением слога:

そういう事情は警察関係者なんかでないと判らないことだろう」女は「ははあ」とうなずいた。「それでさっきから怪訝な顔してたわけね。// *«По одному этому уже понятно, что перед вами не полицейский, правда же?» Женица кивала: «Ага, ага». «К тому же он уже давно тут ошивается... [18, К. Ямамото «Бэд блад» 1997]*

По сравнению с некончателным, неуверенным восприятием, передаваемым односложным коммуникативом, «следующий шаг» может оказаться достаточным, чтобы привести к ясной догадке или послушанию:

柿の木の上のいたやつが器用に降りてきた。ははあ、とぼくは理解した。あいつは、ぼくの家の近所に住んでいる三田だ。// *Человек ловко спустился с хурмы. Ага, – догадался я. Это же сосед, Мита. [18, А. Такаити «Имидж-тренинг. 10-дневный курс» 2003], ср. тжж. :*

小泉さんは、ブッシュのやっていることに、「ごもっともです。ははあ」と従っているだけです。// *Койдзуми соглашается со всем, что говорит Буш: «Вы правы, да-да!» [18, сайт полезных советов «Яху» 2005]*

Аналогично удвоение *in-in* ← *in* не просто изображает более активную, энергичную поддержку слушающим звучащего высказывания (в ремарочном тексте видим *大きくうなずいた, 深くうなずいた = глубоко кивнула, しみじみうなずく = энергично кивает, даже 盛り上がってしまった = вдруг пришёл в возбуждение*), но используется при более веском согласии (с суждением), подтверждении фактов, принятии гипотезы, о чём говорят ремарки *納得したかのような表情を見せた = с видом полностью согласного, わかった顔をする = изображая всем своим видом понимание*. Если при одиночном *in* субъект в целом следует доводам говорящего, но активно не вовлекается в рассуждение, то с редупликатом его участие становится более активным и заметным, хотя и здесь сохраняется различие с *hai*, когда слушающий как бы отмечает про себя этапы развития мысли, воспринимает сказанное структурированно, поэтапно.

То же видим в реакции на директивы:

もつと座頭市らしく「うん、うん」と榊原はうなづいて、その演技をやると、おかみか上手に褒める。// *Давай, давай, больше как слепой странник Затойчи!» «Да, да» – Сакакибара кивает и старается изо всех сил, и тогда его лицедейство удостаивается умелых комплиментов хозяйки [18, С. Маруя «Женица в расцвете лет» 1993]*

Гораздо больше энтузиазма, чем нередуплицированный вариант, передаёт *in-in* при принятии приглашения, предложения услуги.

И тем не менее, поскольку речь идёт лишь о кратких словах-репликах, даже удвоенный вариант в определённых ситуациях будет восприниматься как недостаточный, неискренний:

京子は児童福祉司の前では一応言われるごとに「うん、うん」とうなずいてみせるが、学園に戻ると「なんで私があんな人の言うことかなきやなんねー// *Перед социальным работником Кэйко выказывает согласие, всё кивает: да, да! – но вернувшись в садик, не понимает, почему она должна слушаться этих людей* [18, «Обзор детских учреждений и приютов» 1992]

競馬中継中に話しかけても、空返事で、「うん、うん」というくらいしか、反応がない。あまりに私達兄弟がしつこいと、ギロッ!と一睨みする // *Во время скачек заговоришь с ним – отвечает машинально: ага, ага! Больше ничего от него не добьёшься. Если мы с братом уж слишком надоедаем – глянет так строго...* [18, М. Токумицу «Жизнь Кадзую Токумицу» 2003]

При этом может происходить даже не усиление, а ослабление согласия (если сравнить с употреблением нередуплицированного слова):

時々「タレにしますか、塩にしますか」と聞かれることがあります。父親は、それにもニコニコ笑って「うんうん」と返事します。「オア (o r)」で聞かれているのに、「イエス」で答えているのです。// *Но иногда, когда его спрашивают, со сладкой подливкой подать блюдо или с солёной, отец, улыбаясь, отвечает: да, да. То есть, его спрашивают «или-или», а он – «да»!* [18, А. Накатани «Жуть какой милый» 2004]

На данный эффект указывает и упоминание жестикюляции в комментарийном тексте, где, в частности, упоминается о поддакивании 腕を組んで = *сложив на груди руки* (жест защиты и самоустранения, никоим образом не участвующий на заинтересованное участие с дискуссии). Во всех таких случаях, конечно, высвечивается исходный смысл коммуникатива, передающего вовсе не согласие (и тем более – послушание) субъекта, а лишь регистрацию входящего сигнала.

Ещё более заметный контраст с нередуплицированным вариантом составляет импликатура, возникающая при употреблении *haihai* ← *hai*. Для выражения согласия такая реакция слишком поверхностна. Анализ примеров показывает, что, поддакивая собеседнику, слушающий пропускает мимо ушей даже больше, чем в случае *in-in*. Это уже не исполнительность, а незадумчивость, безразличие:

並の打者なら、一軍に置いてくれるならコーチの言うことは何でもはいはいと聞く。組織にいとそういうことに知らないうちに慣らされてしまう。これが怖い // *Обычный бейсболист, если его поставить на ключевую позицию, будет во всём покорно слушаться тренера. Вообще это всегда возникает при работе в структуре, в команде, и это страшно.* [18, М. Кодама «Уроки профессионала: Итиро Мацуи» 2004]

先生たちがにこやかに「はいはい」と言われるままにしてくれたのを見届けると、安心したように再び「さよなら」をして廊下... // *Убедившись, что от учителей никакой реакции кроме улыбок и «хорошо, хорошо» не последует, он вышел в*

коридор, ещё раз попрощался... [18, Ю. Кирю «Чему я научилась у сына-аутиста» 2001]

Так отвечают на Наказ (субъекту реакции отлично известно его содержание), Просьбу (когда спешат отделаться):

日本では普通、ろくに口もきけない幼い子が親にお菓子をおねだりしたら、「はいはい」と与えるか、「だめ」と諭すかどちらかで“please”や“thank you”を...
... // В Японии, если плохо умеющий говорить ребёнок выпрашивает сладкое, ему просто либо дают её, сказав «да-да», либо не дают, и тогда звучит «нельзя», но ни «пожалуйста», ни «спасибо» сказать не требуют [18, М. Нютани «Как красиво говорить по-японски» 2005]

В ответе с *haihai* на предложение (услуги), прилагание сквозит легковесность, невнимательность, нахальность (ремарки 本気にしていない様子で = как будто о чём-то само собой разумеющемся, うるさい子どもをなだめるような顔で = как будто утихомиривая приставучего ребёнка, 軽く返し = легко откликнулся, 生返事 = нахальный ответ). Отсутствие вербализованной благодарности в дальнейшем речении за предложенную и переданную вещь тоже, конечно, не может не покоробить слушателя. Новые нотки, отсутствовавшие в *hai*, – усталость, раздражение отражаются в ремарках ため息混じりに = со вздохом. В потоке речи за *haihai* часто следует わかった = я понял.

Как мы видели в примерах выше, удвоение коммуникатива обычно несёт функцию энергичного подстёгивания дискурса. Правда, с точки зрения управления очерёдность высказываний функционал редупликатов разнится. Если *soosoo* ← *soo* попутно с выражением воодушевлённого согласия вполне может использоваться для захвата очереди, а *in-in* при самой доброжелательной солидарности с говоримым поощрении остаётся строго в рамках канала обратной связи, поощряющего собеседника продолжать, то *haihai*, собственно говоря, и не преследуя цель перехватить канал, тем не менее подгоняет собеседника к окончанию сообщения (раз содержание его уже известно).

教師の敵は教師。あまりの言葉に私は絶句しましたが、多くの先生方も「そう、そう！」とうなずく。それほど、教師は同僚との人間関係に悩んでいるのです。// *Учитель учителю – враг! На такое радикальное заявление я лично даже не знал как реагировать, но многие педагоги закивали: да, да, да! Вот насколько они натерпелись от своих коллег!* [18, Ё. Моротоми «С родителями сложнее, чем с детьми» 2002].

Некоторые устойчивые стереотипы употребления в речи редупликатов коммуникативов носят, по-видимому, идиосинкратический характер. Так, например, *soosoo* используется перед тем, как озвучить (пока не поздно) чуть было не забытое, невольно вспомнившееся, как правило, в инициативных (если не считать внутреннего внеязыкового стимула) Распоряжениях, Наказах, а *haihai* – для того, что всплывает в памяти под воздействием слов собеседника и сопровождается, таким образом, реактивное высказывание (с высокого тона).

Возможно образование и более длинных цепочек из повторов одиночного коммуникатива. Некоторые из них также передают специфические смыслы. Например, *soosooso* (тон нисходящий к концу с высокого старта) используется для поддержки и ободрения всего хода мысли собеседника. В ситуации близкой к упомянутой применительно к *haihai*, допустимы триплет и квадруплет. Многократное повторение *un* передаёт особенный энтузиазм реакции на предложение или приглашение.

Среди производных вариантов коммуникативов согласия нельзя не отметить *haai*, произносимое ровным, довольно низким тоном. Данный вид реакции чрезвычайно распространился в последние десятилетия в первую очередь среди молодёжи и воспринимается как своего рода облегчённый, немного пародийный вариант *hai*. В отличие от исходного слова, он не осложнён оттенком строгого подчинения и официальности и в силу этого позволяет даже незнакомым японцам в полуигровой форме уклониться от сильного общественного давления, не в последнюю очередь связанного и с речевыми конвенциями. Такого рода проявления «положительной вежливости» с переосмыслением старых «жестких» элементов общения наблюдаются и помимо данного явления, например, в полушутливом использовании в фамильярной речи этикетных формул, насыщенных показателями адрессива и гонорификации, чья изначальная задача – маркировать социальную дистанцию.

6.8. Сравнение японских коммуникативов согласия.

Общие выводы

Проведённый выше анализ корпусных данных в целом подтверждает наблюдения о сфере употребления некоторых коммуникативов согласия в японском языке, приводимые в работе [9]. Как и авторы упомянутого исследования, мы убедились, что с точки зрения возможных контекстов использования базовой из шести лексем является *hai*, которое может и сигнализировать приём сигнала, и подтверждать истинность пропозиции высказывания собеседника, и оценивать успешность речевого акта. Однако, как показали наши данные, *hai* всё же не является универсальной утвердительной лексемой как минимум по двум причинам: низкая частотность в неформальном общении и затруднительность обозначения солидаризации с суждением собеседника.

Активно используя помимо доступного из контекста анализа речевых ситуаций также и текст ремарок и комментариев, окружающих цитаты с коммуникативами, мы установили их основные семантические профили как «собранность», «подчинение» для *hai*, «лёгкость», «поддакивание» для *un*, «доброжелательность», «гармонию» для *ee*, «поддержку», «единомыслие» для *soo*, «растерянность», «раздумья», «уклончивость» для *haa* и *aa*.

Как было показано, данные отличительные черты получают дальнейшее развитие и закрепление в производных редупликативных вариантах коммуникативов. В качестве другой важной семантико-прагматической особенности редупликатов мы выявили их роль в стимулировании продвижения дискурса.

На наш взгляд, с оговоркой о значительной вариативности реальной речевой практики можно говорить о преимущественном употреблении того или иного коммуникатива и в определённых видах речевых ситуаций (скажем, *hai* и в формальном общении, а *soo* и *haihai* в неформальном), и в стандартных речеактовых последовательностях. Так, *hai* лучше других подходит для акцепта реквестива, *in* для регистрации входящего сообщения, согласия на предложение, *ee* для совместного рассуждения как формы диалога и способа приращения знаний, особенно ценимого в японской лингвокультуре, *soo* для выражения фактической достоверности или единства взглядов. Вообще выявившиеся в процессе исследования весьма ограниченные возможности выразить одним словом-репликой на японском согласие с суждением, вероятно, связаны, с одной стороны, с тем, что такие сжатые, синтетические единицы, как коммуникативы и междометия, в принципе не очень то подходят для выражения мыслительных операций [3]. Однако, с другой стороны, налицо и социолингвистический фактор: с учётом требований к неформальности ситуации употребления *soo*, получается, что незнакомые взрослые носители японского языка ограничены в возможности кратко и ёмко высказать своё отношение к суждению.

Как анализ отдельных ситуаций, так и эксплицитные упоминания синонимических отношений указывают на существование непрерывного континуума между выражениями согласия, переспроса и принятия новой информации. Притом что само такое деление всегда в известной мере искусственно и вызвано скорее методологическими соображениями, мы полагаем полезным продолжить изучение их по отдельности. По этой причине на сей раз остались вне поля нашего зрения, а в будущем заслуживают отдельного исследования такие выражения (допускающие трактовку и как согласие, и как удивление), как *naruhodo*, *hoo* и пр.

Библиографический список к главе 6

1. Алпатов В.М., Аркадьев П.М., Подлеская В.И. Теоретическая грамматика японского языка. Т. I-II. – М.: «Наталис», 2008. – 968 с.
2. Горохова Т.Н. Контактподдерживающие слова в японском бытовом диалоге: дисс... канд. филол. наук. – М., 2011. – 199 с.
3. Зарецкая Е.Н. Риторика: Теория и практика речевой коммуникации. – М.: Дело, 2002. – 480 с.

4. Крнета Н. Мужская и женская речь в современном японском языке автореф. дисс... канд. филол. наук. – М., 2003. – 26 с.
5. Мамушкина С.Ю. Семантика и прагматика междометий в современном английском языке: автореф. дисс... канд. филол. наук. – Самара, 2003. – 28 с.
6. Ускова Е.А. Просодия коммуникативов согласия и несогласия при двуязычии: автореф. дисс... канд. филол. наук. – Волгоград, 2011. – 27 с.
7. Шаронов И.А. Междометия в языке, в тексте и в коммуникации: автореф. дисс... докт. филол. наук. – М., 2009. – 38 с.
8. Якобсон Р. Лингвистика и поэтика // Структурализм: «за» и «против». – М.: Прогресс, 1975. – 469 с.
9. Angles J., Nagatomi A., Nakayama M. (2000) Japanese responses *hai*, *ee*, and *un*: Yes, no, and beyond. *Language and Communication* 20: 55-86.
10. Grice H.P. Logic and conversation. In: «Syntax and semantics», v. 3, ed. by P. Cole and J.L. Morgan, N.Y., Academic Press, 1975, p. 41-58
11. Kitagawa, Chisato (1980) Saying 'yes' in Japanese. *Journal of Pragmatics* 4: pp. 105-120.
12. Martin S.E. (1975) *A Reference Grammar of Japanese*. Yale UP, London.
13. Sacks H., Schegloff E., Jefferson G. (1974) A simplest systematics for the organization of turn-taking for conversation. *Language* 50-4: 696-735.
14. Tanaka L. (2010) Is formality relevant? Japanese tokens *hai*, *ee* and *un*. *Pragmatics* 20:2. p. 191-211
15. Yabushita K. Why Do Japanese *Hai* and *Iie* Not Behave Like English Yes and No All the Way? Consequences of the Non-Sentential Operation of the Japanese Negative Morpheme *Nai*. *Kansas working papers in linguistics*, Vol. 23, No. 1, 1998. pp. 59-74 [Электронный ресурс]. URL: <http://kuscholarworks.ku.edu/handle/1808/342> (дата обращения: 28.08.2015)
16. 奥津敬一郎。「応答詞「はい」と「いいえ」の機能」『日本語学』(奥津, К. «Функции ДА и НЕТ» // «Японской язык»). № 8, 1989. С. 4-14
17. 富樫純一。「「はい」と「うん」の関係をめぐって」定延利之(編)『「うん」と「そう」の言語学』ひつじ書房(Тогаши Дз. «О словах ХАЙ и УН» // «Лингвистика АГА и УГУ», ред. Т. Саданобу, Токио, Хицудзи-сёбо) 2002. С. 127-157.
18. 現代日本語書き言葉平均コーパス (Взвешенный корпус письменных источников современного японского языка) [Электронный ресурс]. URL: www.kotonoha.gr.jp/shonagon/search_form (дата обращения: 18.07.2015).

ФАКТОР ДИАЛОГИЗМА В ПРАГМАТИЧЕСКОЙ ПЕРЕСТРОЙКЕ НЕФОРМАЛЬНОГО ИНТЕРВЬЮ

7.1. Неформальное интервью как лингвистический феномен

Лингвистическая прагматика, исследующая речевое общение вообще и, в частности, теорию речевых актов, направлена на рассмотрение эффективности диалогического взаимодействия [Yule, 1996: 36-38]. Именно в лингвопрагматическом аспекте, как представляется, возможным оказывается описание рационального и оптимального использования средств языка в жанрах неформальной коммуникативной деятельности.

Прагматическими особенностями неформальной коммуникации выступают:

- анонимность;
- примат эмоций над разумом;
- несистематизированность транслируемой информации;
- аргументация достоверности или отсутствие аргументации;
- личностный характер информации (т.е. касающийся лично отдельно взятого индивида);
- ориентация на собственный обыденный опыт;
- сиюминутность завершенности информации;
- исчерпывающее (пусть даже ложное) решение;
- нерациональный характер обработки информации;
- сильное влияние социальных стереотипов [Кравченко, 2008].

Макарова И.В. в аспекте социально-философского анализа различает следующие группы неформальной коммуникации:

- неформальные элементы общественного мнения (слухи, толки, байки, молва);
- фальсифицирующие элементы (дезинформация, ложь, обман, доносы, наговоры, клевета);
- интерпретативные элементы (домыслы, догадки);
- фольклорно-ментальные элементы (поверья, легенды, мифы, созданные независимыми от формальных структур субъектами);
- публичные элементы (дискуссии, переговоры, скандалы);
- сатирические элементы (ирония, афоризмы, анекдоты, шутки);
- графические элементы (граффити, шаржи, карикатуры) [Макарова, 2003: 11-12].

К принципиальным аспектам понимания речевого жанра неформального интервью мы относим акцентлируемую М.М. Бахтиным идею диалогичности речевого общения. Рассмотрение любого речевого жанра как высказывания в диалоге [Кожина, 1999; Борисова, 2001], а также привлечение внимания к определяющей роли внеязыковой действительности в построении высказывания: «Ближайшая социальная ситуация и более широкая социальная среда всецело определяют – притом, так сказать, изнутри – структуру высказывания» [Бахтин, 1993: 94].

В данном исследовании при определении термина «речевой жанр» используется понятие, данное К.Ф. Седовым [Седов, 1999: 11], так как исследовать жанр неформальной коммуникации вне реальности коммуникативного существования, «... в отрыве от социальных событий, ситуаций, действий, их неречевых и речевых результатов, в отрыве от материального воплощения значило бы упрощать достаточно сложную картину социально-коммуникативных взаимодействий, ориентироваться в которой коммуникантам помогает жанровая типизация речевых действий и речевых произведений» [Гольдин, Дубровская, 2002: 6]. В типичных коммуникативных ситуациях, которые определяются рядом внеязыковых факторов, используются относительно устойчивые типы и формы речевых произведений (текстов).

Изучение речевого жанра в данном исследовании соотносится с идеями прагматического направления, где язык рассматривается не только в связи с «человеком говорящим», но и непременно в диалогическом контексте коммуникативной ситуации, а также – более широко – в контексте национально-речевой, социальной, духовной культуры, так как рассматриваемый нами жанр направлен на диалогичность. Структура коммуникативной ситуации является одним из ведущих жанрообразующих признаков неформального интервью, именно от характеристик адресата зависит структура жанра.

По своему внутреннему строению неформальная коммуникативная деятельность как структурный компонент социального взаимодействия организована как система. В связи с этим она характеризуется как подсистема социальной коммуникации, под которой понимается движение смыслов (знаний, умений, стимулов, эмоций) в социальном пространстве (коммуникационная деятельность) и времени (социальная память), или как передача и прием социальной информации [Соколов, 2002: 27, 39].

В неформальном интервью собеседники – журналист (интервьюер) и его партнер (интервьюируемый) – участвуют в информационном обмене для информационного насыщения главного, хотя и незримого, третьего участника коммуникации – аудитории, чьим требованиям и потребностям они должны соответствовать. Наиболее точное, на наш взгляд, определение интервью как вида журналистского творчества дал С.Н. Ильченко: «Интервью – целостный акт коммуникации, предполагающий диалогическое общение журналиста с интервьюируемым в ситуации последовательного чередова-

ний вопросов и ответов с целью получения информации, мнений и суждений, представляющих общественный интерес» [Ильченко, 2003: 50].

Неформальное интервью, как создающая мир общность физических и вербальных действий, протекает, стандартным образом, в рамках одного когнитивного сценария. У его участников существует доверие друг к другу, базирующееся на их знании этого общего сценария, делающем их будущие действия более или менее предсказуемыми. Общий сценарий как источник возникновения мира рамирует восприятие: предъявляет ему определенную последовательность видимых картин мира, фиксирующих особенности сосуществования человека с другими людьми, оставляя все картины мира, находящиеся «за рамками», невидимыми [Heritage, 2005: 185]. Такое рамирование, так же как и доверие участников интервью друг к другу в его пределах, думается, крайне важно для процесса диалогической коммуникации, поскольку оно закладывает основу разумного понимания – разделение единых для всех истин об объективном мире.

Относительно всякого высказывания в жанре неформального интервью уместен вопрос: чего желает добиться интервьюер сообщением данной информации в плане воздействия на респондента? При подобной постановке вопроса оказывается, что диктумная составляющая – в отличие от официального интервью – не является в неформальном общении самой существенной составляющей реплики-стимула. Информация реплики-стимула является собой в этом случае средство установления фатического контакта со слушающим с целью добиться от него эмоциональной реакции, представляющей собой особый интерес для читательской аудитории. Другими словами, в ходе неформального интервью информация о частной жизни интервьюируемого «добывается» посредством фатического общения, предполагающего воздействие на модус последнего.

В нашей работе под фатическим общением понимается установление речевого контакта, его протекание и размыкание. Подобная точка зрения соотносится с идеей фатической функции Р. Якобсона [Jacobson, 2000: 335].

Посредством установления фатического контакта интервьюер вынуждает интервьюируемого на реализацию коммуникативной стратегии самопрезентации. Стратегия самопрезентации в той / иной степени присутствует при любых условиях коммуникации в качестве вспомогательной стратегии [Иссерс, 2003: 74]. В этой связи нельзя не отметить суждения А.В. Олянича, продуктивно развивающего презентационную теорию дискурса. Ученый выделяет презентационную функцию в качестве особой функции языка и речи (дискурса). Мы солидарны с мнением А.В. Олянича утверждающего, что «... мир стал ярче, иллюстративнее, демонстративнее, на его просторах возникла реальная опасность затеряться и не получить от него того, что задумала получить конкретная личность. В то же время возникли колоссальные возможности заявить о себе и добиться реализации своих потребно-

стей, «упаковав» намерения в привлекательный образ» [Олянич, 2004: 9]. Таким образом, от успешной реализации коммуникативной стратегии самопрезентации интервьюируемого зависит реализация всех остальных его интенций в интервью. В нашем исследовании понятие «самопрезентация» мы используем в известной степени как синоним понятий «самопредставление», «самоидентификация», «самоподача», «построение своего имиджа». Самопрезентация интерпретируется как эмоциональная «самоподача» интервьюируемого, косвенная демонстрация психических качеств его личности для формирования определенного впечатления о нем самом и его целях со стороны будущих читателей текста интервью [Green, 2007: 42–43; Verity, 2004: 51–56]. Задачи самопрезентации, как представляется, тесно связаны с интенцией интервьюера и с коммуникативной ситуацией неформального интервью в целом.

Коммуникативная стратегия самопрезентации интервьюируемого в жанре неформального интервью неоднородна по своему отражению в коммуникативных тактиках (совокупность практических ходов в реальном процессе речевого взаимодействия). В рамках данной стратегии можно выделить следующие основные тактики:

1. Тактика акцентирования положительной информации о себе. Иссерс О.С. называет эту тактику «игрой на повышение». Суть данной тактики заключается в том, чтобы продемонстрировать себя в наиболее выгодном свете, создать достойный образ, понравиться окружающим. Одним из самых распространенных приемов реализации тактики положительной самопрезентации является выражение жизнеформирующих приоритетов, ценностей, принципов.
2. Тактика акцентирования отрицательной информации о себе («игра на понижение» в терминологии О.С. Иссерс). Тактика направлена на демонстрацию нестандартных индивидуальных качеств личности, призванных привлечь внимание адресата. Реализация данной тактики вызывает огромный интерес у читателей и приносит их адресантам огромную популярность.
3. Тактика акцентирования отрицательной информации о себе близка тактике эпатирования, продиктованной желанием выделиться среди своих конкурентов. Тактика эпатирования реализуется через отрицание привычных схем поведения или отрицание ценностных ориентиров в данном микросоциуме.
4. Тактика привлечения внимания к себе, акцентирующая внимания адресатов на достоинствах и успехах адресантов.
5. Тактика самовозвеличивания, суть которой заключается в том, чтобы минимизировать похвалу себе и максимизировать неудовлетворенность собой. Данный замысел реализуется путем выдвижения определенных положительных характеристик, исходящих из уст ав-

торитетного человека, за которыми следует комментарий автора, призванный якобы опровергнуть то, что было сказано о нем.

Дискурсивный сценарий жанра неформального интервью можно представить следующим образом:

У интервьюера обнаруживается неречевая цель (добиться от интервьюируемого реализации коммуникативной стратегии самопрезентации). К этой цели могут привести несколько цепочек речевых действий; какая из них будет выбрана, зависит от интервьюера.

Схематически структура дискурсивного сценария неформального интервью, включающего в себя понятие стратегии, может быть представлена следующим образом (см. рис. 7.1):

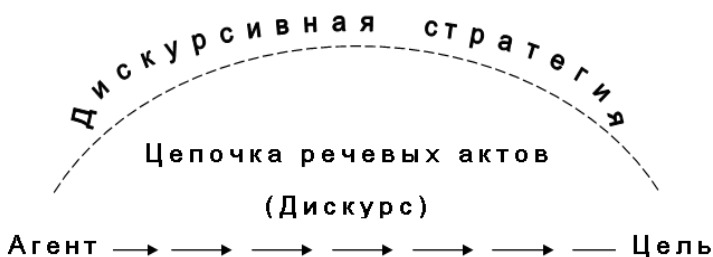

Рис. 7.1. Структура дискурсивного сценария

Данная схема проясняет самостоятельный статус дискурсивной стратегии — она накладывается интервьюером «сверху» на порождаемый им дискурс. Поэтому на одну и ту же речеактовую структуру могут быть наложены разные стратегии. Это приводит к важному выводу о том, что процесс спонтанного порождения неформального интервью идет от общего стратегического смысла к частным смыслам отдельных высказываний. В сознании интервьюера дискурс сразу же порождается как определенный смысловой гештальт, как единый смысл, который будет постепенно им выражен в подходящей для этого речеактовой цепочке. Стратегический смысл не обязательно является осознанным, напротив, чаще всего он носит неосознанный характер.

Неформальное интервью предстает продуктивным жанром, если обмен фатической информацией между собеседниками способствует появлению такой межиндивидуальной основы понимания темы интервью, которая содержит пересекающиеся элементы содержания, присутствующие в точке зрения каждого субъекта коммуникации. Правильность предположения о знании предмета понимания на уровне неформального интервью в значительной степени зависит от прошлого опыта общения между собеседниками. Нужно заметить, что чем более значим предмет для человека, тем глубже он стремится понять его. Поэтому важно спрогнозировать отношение интервьюируемого к объекту беседы. Это отношение напрямую зависит от

взаимоотношений между собеседниками. Только при положительных и нейтральных отношениях происходит ориентация на взаимопонимание.

Взаимопонимание требует не только проникновения во внутренний мир интервьюируемого, построения его модели мира. Интервьюер в свою очередь должен выдвинуть гипотезу о том, как в реципиенте происходит процесс отражения. В ходе взаимного отражения собеседников рефлексия выполняет задачу той обратной связи, которая способствует не только формированию стратегии поведения участников интервью, но и коррекции понимания внутреннего мира каждым из них.

В основе эмпатического условия понимания лежит мысль о том, что невозможно понять другого человека, не вступив с ним в личные отношения. С.Л. Рубинштейн отмечал, что в каждом познавательном процессе «... всегда имеется какое-то отношение личности к миру, субъекта к объекту, сознания к предмету» [Рубинштейн, 1957: 341].

Фатический характер общения предопределяет в жанре неформального интервью частные прагматически маркированные составляющие акта языкового воздействия, в качестве которых выступают, например, подстройка, присоединение поведения воздействующего к поведению реципиента; этап перехода, использующий систему вербальных и паралингвистических средств перевода интервьюируемого из его данного состояния в измененное состояние сознания; установление раппорта – состояния особого контакта между участниками интервью, при котором интервьюируемый чрезвычайно чутко реагирует на слова интервьюера. Для достижения цели диалогической коммуникации в неформальном интервью, т.е. для получения личностной информации, интервьюеру необходимо наладить контакт с респондентом, создать благоприятную атмосферу общения, что, как отмечают исследователи, повышает мотивацию интервьюируемого [Лапшина, 2008: 8].

Главным признаком неформальной коммуникации считается неформальный характер источника информации, роль которого выполняют индивиды или группы, не испытывающие заметного влияния со стороны формальных социальных структур. Ключевыми условиями неформальной обстановки являются:

- преимущественный межличностный характер;
- доверительность;
- метафизичность;
- суждения об информации важнее, чем ее содержание [Дмитриев, Макарова, 2003: 17].

Под «метафизичностью» в данном случае имеется в виду иррациональность (использование в качестве аргументации сверхъестественных факторов), апелляция к авторитету как гаранту истинности, нетеоретичность (не изучение реальности, а выработка представлений о ней) [Дмитриев, Макарова, 2003: 18].

В процессе неформального интервью для адекватного восприятия интервьюируемым передаваемой информации, как мы полагаем, должны выполняться следующие условия:

- реципиент должен иметь представление о существенных качествах объекта;
- информация от интервьюера должна быть на данный момент наиболее актуальной для интервьюируемого из всего потока сведений;
- интервьюируемый в процессе восприятия должен суметь сформировать образ из имеющихся в его распоряжении множеств.

Из этого следует, что для взаимного понимания необходимо, чтобы участники неформального интервью обладали хотя бы приблизительно равными объемами множества смыслов. Наиболее вероятно, что при отсутствии полных совпадений во множествах смыслов собеседников интервьюируемый будет подбирать возможные варианты из имеющихся в наличии. От точности этого подбора и зависит адекватность понимания, степень приближения к тому, что сообщал интервьюер.

Многогранность понятия «неформальное интервью» предлагает такое широкое поле деятельности для исследователей, что до сих пор остаются недостаточно изученными многие аспекты, связанные с интервью, в частности одна из важнейших текстообразующих категорий – когезия. Прежде всего необходимо разграничить понятия «когезия» (cohesion) и «когерентность» (coherence). Когерентность означает связность содержания текста любого объема, тогда как когезия предполагает не только смысловую спаянность внутри сверхфразовых единств или между ними, но прежде всего языковые средства осуществления связи между двумя и более элементами в тексте [Taboada, 2004; Rehbein, Hohenstein, Pletsch, 2007: 3-9]. Сходной точки зрения придерживается и профессор Т.В. Милевская, согласно которой когезия – это особые виды внутритекстовых связей, обеспечивающие логическую последовательность и взаимозависимость отдельных сообщений, фактов, действий и пр. [Милевская, 2003 (б): 102-255]. Она задается самой системой текста в ходе его развития и поэтому является неотъемлемым признаком, при-сущим и тексту неформального интервью.

Считаем необходимым отметить прямую зависимость между когезией как одной из наиболее важных категорий текста и дискурсивными маркерами. Различные ученые, в зависимости от подхода к изучению текста (лингвистический или психолингвистический), с различных позиций рассматривают термин «когезия», который был введен М. Халлидеем: «Когезия – это набор значимых отношений, который является общим для всех текстов, который различает текст от “не-текста” и который служит средством обнаружения взаимозависимости содержания отдельных отрезков. Когезия не выявляет, что сообщает текст, она выявляет, как текст организован в семантическое целое» [Халлидей, Хасан, 1979]. Халлидей М. и Хасан Р. выделяют

пять средств когезии: референцию, субституцию, эллипсис, конъюнкцию (соединение) и лексическую когезию, хотя сами авторы указывают, что между данными категориями нет незыблемых границ. Все категории когезии – это явления структурно-грамматической и лексической связи.

7.2. Речевой жанр неформального интервью: основные подходы к прагматической репрезентации

Таким образом, неформальное интервью мы определяем как переходную дискурсивную форму, объединяющую в себе признаки жанра официального интервью, являющегося статусно-ориентированным типом диалогического дискурса и жанра беседы, относящегося к личностно-ориентированному типу дискурса. В связи с данными прагматическими особенностями, как представляется, в жанре неформального интервью усиливается прагматическая значимость моделей повествования, нацеленных на сотрудничество с собеседником, получает большое распространение констативный речевой акт на уровне не только реплики-реакции, но и иницилирующей реплики. Как показали наши наблюдения, чем выше степень сближения интервью и беседы, определяемая коммуникативными качествами участников общения, тем более частотно употребление в данном жанре указанных речевых актов.

Организация диалогических высказываний обусловлена влиянием таких факторов адресанта, как:

- целеустановка;
- стремление оказать влияние на адресата;
- желание эксплицитировать или, наоборот, имплицитировать свое отношение к сообщаемому и к партнеру по диалогической коммуникации;
- соблюдение определенных норм, конвенций речевого поведения;
- особенности эмоционального состояния [Leeuwen, 2008: 24, 56, 125].

Характерным признаком диалога является обязательная смена коммуникативно не тождественных друг другу ролей. Автор инициативных реплик занимает в коммуникативном акте более выгодную позицию: он задает референтную область как тему последующего высказывания [Пирожникова, 2004: 298] и определяет его первичный интенциональный план [Leeuwen, 2005: 248-250]. Другой собеседник, как правило, следует в своих реагирующих репликах заданной теме и интенции. Это свидетельствует о возможности выделения линейно протяженного диалогического высказывания, внутренне объединенного наличием определенного доминирующего смысла.

В связи с актуализацией в современной лингвистике антропоцентрической парадигмы понятию «смысл предложения [Айдукевич, 1999] (высказывания [Андреева, 2005], текста [Дьяченко, 2008; Липин, 2008])» приписывается статус одного из ключевых терминов, проливающего свет на струк-

туру субъективного опыта говорящей личности, возможность индивидуальной структурализации объективного мира и специальных механизмов ее «упаковки» в системе языка и речи. Однако суть данного термина, как представляется, еще не получила однозначной лингвистической интерпретации.

Проблема, на наш взгляд, заключается в том, что номенклатура лингвистических понятий в настоящее время состоит из достаточно изолированных систем понятий, акцентирующих свое внимание на отдельных сторонах речевой жизни говорящей личности и не позволяющих описывать речевую деятельность в целом, в частности из-за трудностей перехода от одной системы к другой. Данные трудности становятся вполне очевидными, если согласиться с тем, что основной феномен речетворческой деятельности индивида состоит в возможности существования индивидуальных картин мира, «расшатывающих» узуальный смысл. Введение в лингвистическую теорию понятий, связанных с подобной структуриацией смысла, позволит замкнуть систему понятий, построить единую систему.

В отдельных работах смысл определяется через термин «семантическая структура» [Chomsky, 1966: 92-105] или его эквиваленты – «образ сознания» [Гаврилина, 2003], «спонтанный семиозис» [Залевская, 2003]. Другими словами, смысл предложения сводится к его семантике.

Другие лингвисты предпринимают попытку отграничить смысл от значения, выявив некоторый набор отличительных признаков, как, например, у Т.В. Милевской: смысл отличается от значения творческим и личностным характером, при этом «... базовые концепты “окутываются” новыми концептуальными слоями, увеличивают и видоизменяют свой объем...» [Милевская, 2003 (а): 22].

Творческий, личностный характер смысла, на наш взгляд, предстает производным следующих постулатов организации диалогического общения:

- примат когнитивного сознания: за речевым актом стоят определенные единицы сознания его продуцента, связанные одновременно с объективной действительностью, способом ее отражения, языковой системой, ситуативной мотивировкой [Агафонов, 2006; Алмаев, 2007];
- тотальность сознания говорящей личности: организующим началом речевого акта, проявляющимся в его содержательной и формальной сущности, является сознание говорящего, представляющее собой «... совокупность внутренне упорядоченных, гомоморфных друг другу когнитивной (информационно-смысловой), семиотической, коммуникативной, эмоциональной систем» [Ускова, 2007: 19], репрезентированных в речевом акте;
- когнитивное моделирование психофизического феномена: осознание адресатом в когнитивных понятиях общих способов отражения (восприятия, категоризации, вербального оформления) говорящим объективной действительности;

- вторичное моделирование: речевой акт – специфический фрагмент существующей в сознании говорящего модели мира;
- предопределенность когнитивной сущности речевого акта действием на этапе довербального замысла: наличие в сознании говорящей личности когнитивного типа «значимой формы» речевого акта;
- доминанты речевого акта: смысловые универсалии речевого акта (неоднократно акцентированные инвариантные смыслы) определены когнитивными доминантами сознания говорящей личности [Подкопаева, 2004: 300]. При всей индивидуальности и разнообразии средств речевого воздействия цель говорящего – ввести знаки, маркирующие когнитивные структуры, т.е. отослать адресата к ним, заставить узнать, подключив свою когнитивную систему.

Наш анализ имеющихся в современной лингвистической литературе определений смысла того или иного речевого произведения позволил нам обнаружить общую тенденцию к интерпретации данного понятия как охватывающего больший круг семантических явлений, нежели значение и семантика. Смысл включает не только те моменты действительности, которые зафиксированы в отдельных значениях слов в зависимостях между ними в структуре предложения, но нечто большее, а именно: роль говорящей личности как продуцента конкретного речевого высказывания [Чухно, 2007; Торлакаян, 2008].

Итак, смысловое содержание высказывания представляет собой сложную когнитивную организацию, «продукт личностного смысла» [Баранов, 2003: 24]. Прежде чем приступить к содержательному анализу смысла с лингвистических позиций, необходимо определить объект исследования, т.е. единицу языка, которая обладает категорией смысла. Такой единицей, на наш взгляд, является речевой акт, т.е. такая функциональная единица, равновеликая высказыванию, но отличающаяся от последнего тем, что анализ ее преследует цель показать, как она связана с ситуацией общения, какими средствами и как эта последняя описывается с иллюкутивной и перлокутивной точки зрения.

В речевом акте в первую очередь должна быть отражена общая структура диалогической ситуации, включающая материальные объекты и их координацию в пространстве и времени [Воронин, 2003: 54-55], «пространственное и временное измерение» [Мащитко, 2004: 294]. Подобные моменты ситуации в речевом произведении выражены набором грамматических и лексических сем. Этот ряд грамматикализованных значений составляет формальную часть смысла, или объективный смысл. Кроме того, в зависимости от композиционного расположения лексико-грамматических компонентов смысла в структуре речевого акта в нем должно быть отражено отношение говорящего к предмету речи с позиции коммуникативной установки, что также является составной частью объективного смысла. Говорящая личность в целях адекватной передачи смысла языковыми средст-

вами использует правила синтаксического расположения формализованных значений, иными словами, правила актуального членения предложения, чтобы речевой акт в полной мере соответствовал денотативной ситуации, отражаемой в когнитивном сознании как адресанта, так и получателя речи.

Синтаксический, формализованный семантический и коммуникативно организующий компоненты составляют пропозицию речевого акта. Пропозиция представляет собой денотативно-референтный (репрезентативный) аспект речевого акта. При этом семантическая структура является стержневым компонентом пропозиции [Зарецкая, 2004].

К настоящему моменту в лингвистической науке еще не существует общей теории о структуре пропозиции. Для большинства ученых понятие пропозиции связано с понятием ситуации, поэтому любое рассмотрение пропозиции связывается с ситуацией. Чаще всего под ситуацией понимается внеязыковой отрезок или фрагмент мира, характеризующийся взаимодействием элементов разных типов – предметов и признаков. Совокупность элементов, присутствующих в сознании говорящего в объективной действительности, обуславливает в момент «сказывания» отбор языковых элементов при формировании самого высказывания [Гак, 1972: 358].

Понятие ситуации имеет для нас первостепенное значение, так как в основе любого суждения о мире, действительном или возможном, лежит ситуация как доступная наблюдению, так и непосредственно не данная в наблюдении. Данная внеязыковая реальность актуализируется с помощью языковых средств, анализ которых позволяет нам охарактеризовать ситуацию в плане возможности, необходимости и действительности и выделить модальные показатели, что позволит адекватно охарактеризовать типологические признаки того или иного типа возможных миров. Мы также оперируем понятием пропозиции, так как анализ актантно-предикатной структуры позволяет в полной мере выявить своеобразие возможного мира.

В большинстве лингвистических работ пропозиция понимается как часть предложения, которая отражает его семантическую структуру (модель) [Арутюнова, 1990], включая признак коммуникативной целеустановки в конкретной ситуации. Подобное толкование пропозиции часто приводит авторов к выводу о несоответствии поверхностной (синтаксической) и внутренней (семантической) структур высказывания. По мнению У. Куайна, способ синтаксического оформления всегда оказывает большее или меньшее влияние на семантическую сторону синтаксических отношений между компонентами предложения [Куайн, 2000: 150-154].

Распопов И.П. также считает, что конструкции «*Студенты выполняют задание – Задание выполняется студентами – Выполнение задания студентами*», различающиеся по своей внешней форме, месте с тем различаются и семантически (поскольку их семантика детерминирована оформлением). Подведение данных конструкций под «общий знаменатель» имеет в ви-

ду некий их инвариантный смысл, но это «огрубленный смысл» по сравнению с тем, который в них самих реально отражен в различных вариантах» [Распопов, 1981: 18]. В несколько иной формулировке подобное обстоятельство подчеркивается и Л.Д. Чесноковой [Чеснокова, 1978: 39].

Таким образом, несоответствия между синтаксической и семантической структурами быть не может, т.к. при условии такого несоответствия нельзя говорить о речевом акте как об осмысленной единице диалогического общения.

Избежать подобного вывода можно при учете коммуникативно организующего момента в речевом акте, т.е. актуального членения, или функциональной перспективы. Являясь синтаксической категорией, актуальное членение органически входит в состав пропозиции речевого акта. Совокупность данных трех компонентов и составляет формальный механизм порождения речевого акта.

Пропозиция представляет собой сплав как объективных, так и субъективных факторов. Последние факторы привносятся в пропозицию ее коммуникативным признаком, который связан с целеустановкой речевого акта, избираемой говорящей личностью. Вместе с тем в процессе использования языка говорящей личностью пропозиция обрастает целым рядом дополнительных смыслов и значений.

Речевой акт как творчество отдельной языковой личности включает в себя такой семантический момент, как эмоциональное отношение говорящего к данному денотату речевого произведения [Красенкова, 2003: 134], т.е. личностное восприятие и понимание им фрагмента объективного мира, отражение которого в когнитивном сознании адресанта, как правило, сопровождается дополнительным смыслом.

Сюда же следует включить момент ориентации говорящего на адресата: для говорящей личности слушающий предстает имманентным компонентом внеязыковой ситуации диалогического общения. Говорящий учитывает интеллектуальную компетентность реципиента его речи в диалогической ситуации: его способности и возможности правильного, однозначного восприятия и понимания конкретного речевого произведения.

И, наконец, побуждающим моментом диалогического речетворчества является прагматическая сторона межличностной коммуникации, воздействие речевого акта на слушающего и, в конечном счете, достижение говорящим коммуникативно-прагматической цели (перлокутивный момент). Все вышеизложенные дополнительные семантические значения, проявляющиеся с разной степенью явности в речевом акте при целевом использовании языка, составляют собой еще одну значительную часть содержания речевого акта, которую можно назвать пресуппозициональным смыслом.

Таким образом, сигнификативный смысл речевого акта как отражение денотативной ситуации в целом представлен двумя содержательными компонентами значения: пропозицией и пресуппозицией.

Пресуппозиция является механизмом связи собственно лингвистических средств диалогической коммуникации с экстралингвистическими факторами – прежде всего с общим фондом предварительных знаний собеседников. Непосредственной данностью для диалога является его вхождение в коммуникативный акт:

адресант → слушающему → о предмете → посредством языка.

При этом особое значение приобретают прагматические факторы, связанные с первыми двумя элементами коммуникативной модели. К ним относится также характеристика участников диалогического общения, степень общности их фоновых знаний, характер их взаимоотношений, условия осуществления диалогической коммуникации, преследуемые цели определенного коммуникативного воздействия: сообщение информации, побуждение к вербальному или невербальному действию, влияние на мысли, чувства, настроение слушающего и т.д. [Radford, Atkinson, Britain, Clahsen, Spencer, 2009: 392-394].

Учет данных факторов при лингвистическом анализе диктуется общим направлением современной лингвистики – перенесением центра внимания с системного описания языка на рассмотрение его функционирования в реальном общении, что связано в свою очередь с антропоцентрическим подходом в научных исследованиях [Леденев, 2003]. Это объясняется тем, что минимальный акт диалогического общения представляет собой сумму трех составляющих, организованных сложным образом: личность говорящего, форма и содержание сообщения, личность слушающего.

В лингвистической литературе под пресуппозицией чаще всего понимается коммуникативно-прагматическая целеустановка, задаваемая говорящей личностью речевому акту в зависимости от его интенции и от ситуации, которая сложилась к моменту свершения коммуникативного акта. В качестве примера можно привести определение пресуппозиции, предложенное Н.Д. Арутюновой: «Под пресуппозицией имеются в виду те предпосылки и предварительные условия высказывания, которые обеспечивают возможность его употребления для достижения цели коммуникативного акта. Пресуппозиция входит в семантику как фонд общих знаний собеседников» [Арутюнова, 1973: 86].

Вслед за Е.В. Падучевой прагматическая пресуппозиция определяется как суждение, которое должно быть известно слушающему, чтобы высказывание было нормативным, т.е. уместным, прагматически оправданным в контексте общения. Под контекстом общения понимается ситуация общения в целом – с ее участниками, характером их взаимоотношений, представлениями, знаниями, жизненным опытом говорящих, физическим окружением коммуникативного акта [Падучева, 1982: 306].

В понимании Р. Карстона пресуппозиция – это пропозиция, имплицитно предполагаемая до того, как наступает время для соответствующих лин-

гвистических действий [Carston, 2002: 64-70]. Р. Карстон ставит знак равенства между пресуппозицией и пропозицией с той лишь разницей, что пресуппозиция наделяется некоторыми невидимыми (неявными) признаками, которые с наступлением лингвистических действий реализуется в пропозиции речевого акта. Тем самым пресуппозиция относится к фактам экстралингвистического порядка, которые, будучи пропущенными через когнитивное сознание говорящей личности, тем не менее входят в семантику предложения. Но сама пресуппозиция в этом случае не может характеризоваться как категория языка и не может являться компонентом семантической структуры речевого акта и рассматриваться наравне с пропозицией, по отношению к которой она (пресуппозиция) при подобном понимании оказывается чем-то первичным, предшествующим пропозиции.

Каждый из участников диалогического общения оперирует собственной моделью мира, в которой «размещается» все, что составляет не только уже освоенный опыт личности, но и столь неуловимый и изменчивый мир желаний, представлений, возможностей, в отношении которого говорящая личность, как правило, чувствует себя весьма неуверенным «хозяином» [Романов, 2004: 423]. При диалогическом взаимодействии непроизвольно взаимодействуют две модели мира – мир говорящего и мир слушающего, причем наличие общего объема в этих двух мирах считается наименьшим необходимым условием успешности коммуникативного акта. Собеседники конструируют мир друг друга [Кулиева, 2004: 247; Сивенкова, 2006: 3].

Прежде чем инициировать речевой акт, говорящий сознательно или подсознательно оценивает ситуацию диалогического общения через призму своего отношения к ней, выделяет в ней элементы, которые являются важными для явной / неявной фиксации их в сигнификате высказывания. В последнем представлена не вся денотативная ситуация целиком, а ее редуцированное отражение в когнитивном сознании говорящего, содержащее не все детали, а лишь те, которые служат опорой в процессах номинации и понимания [Кудряшов, 2004: 217]. Говорящая личность оценивает реципиентов, планирует формы речевого акта таким образом, чтобы смысл его был понят адресату однозначно, т.е. адресует свой речевой ход к знаниям и опыту слушающего, который в свою очередь предстает «... фрагментом сознания, в котором преодолена антитеза субъекта и объекта...» [Барабаш, 2003: 22].

С точки зрения личностных отношений и оценок при соблюдении или нарушении социального равновесия, а также с точки зрения целеполагания различают диалогическое общение кооперативное и конфликтное. При кооперативном общении оценки, отношения, предпочтения, установки собеседников непротиворечивы, находятся в соответствии, поэтому диалогические тексты строятся в тональности согласия. При конфликтном общении оценки как текущей ситуации и сиюминутной темы, так и общих позиций, предпочтений, установок находятся в противоречии, поэтому диалогиче-

ские тексты строятся в тональности несогласия, противоположности. Цели собеседников могут совпадать, а могут быть противоположными. В соответствии со своими целями участники диалогического общения избирают конфликтную или кооперативную стратегии. «Конфликтность» проявляется к теме диалога через реакцию (частичного) неприятия вводимой темы, через интенциональные способы реагирования на вербальные действия партнера [Джандалиева, 2008: 7; Хлебцова, 2008: 5], например: *констатация факта – отрицательная оценка данного факта*. Между двумя этими полюсами располагается богатая гамма переходных видов.

Кроме того, говорящий имеет перед собой определенную цель. Весь данный пресуппозиционный механизм речевого акта обуславливает непосредственное речетворчество, т.е. конструирование и порождение иницирующего / ответного речевого акта, который оформляется по определенным грамматическим правилам языка, суть которых представлена совокупностью синтактики, семантики и коммуникативной организации.

Диапазон обоюдных реакций у партнеров по диалогическому общению можно представить следующим образом:

- согласующая реакция, когда совпадают антиципации собеседников; это полная реакция; ср.: констатация – согласие;
- отсроченная реакция, когда действие партнера принимается как бы мимоходом; ср.: упрек – переспрос, т.е. ставится как бы под сомнение возможность применения в данной диалогической ситуации коммуникативной схемы упрека;
- конкурирующая реакция, т.е. реагирование теми же средствами; ср.: введение одним собеседником одной темы – введение другим собеседником другой темы;
- корректирующая реакция, когда партнер не принимает, а поправляет, указывает на неуместность действия другого партнера; ср.: констатация факта – отрицательная оценка этого факта;
- игнорирующая реакция, когда партнер не принимает вклада другого и не реагирует на него [Сухих, Зеленская, 1998; Гельпей, 2007: 124-135].

Пресуппозиционные моменты в процессе конструирования и порождения конкретного речевого акта – как иницирующего, так и реактивного – находят свое не только имплицитное отражение в пропозиции, тем или иным образом задавая форму пропозиции и привнося дополнительные семантические указания при формировании речевого акта, но и эксплицитное свое выражение – в функционально-прагматической форме речевого акта, его эмоционально-оценочном звучании. Таким образом, пресуппозиция находит свое отражение в поверхностной структуре речевого акта наряду с пропозицией. Оба эти компонента семантики (пропозиция и пресуппозиция) составляют смысл конкретного речевого акта.

Подобная трактовка смысла находится в соответствии с новыми принципами семантико-прагматических исследований языка в современной лингвистической теории, которые предполагают такие основные уровни понимания, как:

- языковое (буквальное и поверхностное значение), выводимое на основе чисто языковых факторов и закономерностей из значений отдельных его составляющих (формальных языковых единиц);
- глубинное (ситуационное), т.е. такое содержание, которое вкладывает говорящая личность в данное речевое произведение, выражает через языковое значение, функционирующее как форма выражения ситуационного значения.

Для выявления последнего уровня понимания требуются не только языковые, но и экстралингвистические знания и «ассоциации» [Горошко, 2003; Долинский, 2003], учет разнообразных факторов речевой ситуации (специфика предметной области, с которой связан речевой акт), условий диалогической коммуникации, когнитивных особенностей инициатора диалогического общения, его представлений о реальных и потенциальных адресатах.

К прагматическим задачам говорящей личности относится и придание закономерной формы выраженному содержанию, включение его в процесс диалогической коммуникации, расстановка необходимых сигналов декодирования речевого акта. Данный процесс связывается с когнитивно-эмоциональной деятельностью особого рода.

Так, в исследовании С.М. Мочалова наряду с так называемыми эмоциями обработки и построения модели представления ситуации выявляются когнитивные процессы, ориентированные на внимание слушающего, связанные со стратегиями говорящего в представлении своего речевого произведения адресату. Маркеры диалогической деятельности говорящего такого типа выявляются на прагматическом уровне речевого акта и, возможно, являются самой важной характеристикой при выявлении уровня его речевой компетентности [Мочалов, 2007].

Неформальная коммуникация, являясь структурным компонентом социальной коммуникации, обладает следующими отличиями от коммуникации официального характера: специфика субъектной и объектной структуры; условия формирования (неформальный характер обстановки протекания – слабое влияние со стороны формальных социальных структур, высокая доля межличностного взаимодействия, доверительность, важность суждения об информации, а не ее содержания); наличие посредника-адресата, читательской аудитории, для которой информация подается в проинтерпретированном виде, в актуальном для данной аудитории контексте.

Жанр неформального интервью представляет реализацию одновременно двух функций: сообщения и воздействия. Как известно, последняя функция наиболее ярко проявляется в публицистическом стиле, где основной

целью является убеждение адресата в своей правоте и принятие им точки зрения отправителя текста. При этом данная цель достигается в публицистике как путем логической аргументации, так и через эмоциональное воздействие. Оба этих способа воздействия широко используются и в жанре неформального интервью, что в этом отношении сближает данный жанр с публицистикой.

Библиографический список к главе 7

1. Агапова С.Г. О некоторых особенностях английской диалогической речи [Текст] / С.Г. Агапова // Язык. Дискурс. Текст: Междунар. науч. конф., посвященная юбилею В.П. Малащенко: Труды и мат-лы. – Ростов н/Д: РГПУ, 2004. – Часть 2. – С. 3-6.

2. Агафонов А.Ю. Феномен сознания в когнитивной деятельности [Текст]: автореф. дис. ... д-ра психол. наук / А.Ю. Агафонов. – СПб., 2006. – 42 с.

3. Алмаев Н.А. Понимание и выражение значений в речи человека [Текст]: автореф. дис. ... д-ра психол. наук / Н.А. Алмаев. – М., 2007. – 49 с.

4. Арутюнова Н.Д. Диалогическая цитация (К проблеме чужой речи) [Текст] / Н.Д. Арутюнова // Вопросы языкознания. – 1986. – № 1. – С. 50-64.

5. Барабаш, О.В. «Другой» в языковом сознании и подсознании [Текст] / О.В. Барабаш // Языковое сознание: устоявшееся и спорное: XIV междунар. симпозиум по психолингвистике и теории коммуникации: Тезисы докладов. – М.: РАН, Институт языкознания, Институт психологии, Российский новый университет, 2003. – С. 22-23.

6. Баранов А.Г. Понимание как семиозис [Текст] / А.Г. Баранов // Языковое сознание: устоявшееся и спорное: XIV междунар. симпозиум по психолингвистике и теории коммуникации: Тезисы докладов. – М.: РАН, Институт языкознания, Институт психологии, Российский новый университет, 2003. – С. 23-24.

7. Бахтин М.М. Проблема речевых жанров [Текст] / М.М. Бахтин // М.М. Бахтин. Собр. соч. в 7 т. Т. 5. – М.: Русские словари, 1997. – 732 с.

8. Богданов, В.В. Классификация речевых актов [Текст] / В.В. Богданов // Личностные аспекты языкового общения: Сб. науч. тр. – Калинин, 1989. – С. 25-37.

9. Воронин Д.И. От языковой модели к моделированию социокультурного взаимодействия [Текст] / Д.И. Воронин // Языковое сознание: устоявшееся и спорное: XIV междунар. симпозиум по психолингвистике и теории коммуникации: Тезисы докладов. – М.: РАН, Институт языкознания, Институт психологии, Российский новый университет, 2003. – С. 54-55.

10. Гаврилина М.В. Образы и структура языкового сознания [Текст] / М.В. Гаврилина // Языковое сознание: устоявшееся и спорное: XIV между-

нар. симпозиум по психолингвистике и теории коммуникации: Тезисы докладов. – М.: РАН, Институт языкознания, Институт психологии, Российский новый университет, 2003. – С. 55-56.

11. Джандалиева Е.Ю. Вербальные реакции адресата на неодобрительные высказывания (на материале немецкого языка) [Текст]: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Е.Ю. Джандалиева. – Волгоград, 2008. – 26 с.

12. Дьяченко Г. Смысл или воплощение смысла в языке [Текст] / Г. Дьяченко // Проблемы смысла в философии и культуре русского серебряного века: мат. междунар. науч. конф. – Дрогобич: ДГПУ им. И. Франко, 2008. – С. 67-72.

13. Залевская А.А. Теоретические аспекты проблемы языкового сознания [Текст] / А.А. Залевская // Языковое сознание: устоявшееся и спорное: XIV междунар. симпозиум по психолингвистике и теории коммуникации: Тезисы докладов. – М.: РАН, Институт языкознания, Институт психологии, Российский новый университет, 2003. – С. 94-96.

14. Зарецкая О.А. Понимание и интерпретация жизненных ситуаций [Текст] / О.А. Зарецкая // Мова і культура. – Вип. 7. Т. 1. Філософія мови і культури. – Київ: Видавничий Дім Дмитра Бураго, 2004. – С. 323-329.

15. Кожина М.Н. Речевой жанр и речевой акт (некоторые аспекты проблемы) [Текст] / М.Н. Кожина // Жанры речи. – Вып. 2. – Саратов: Колледж, 1999. – С. 52-61.

16. Кравченко Я.Ю. Лексико-стилистические и социально-прагматические особенности неформального речевого общения [Текст]: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Я.Ю. Кравченко. – Майкоп, 2008. – 23 с.

17. Куайн У.В.О. Слово и объект [Текст] / У.В.О. Куайн. – М.: Логос, Праксис, 2000. – 386 с.

18. Кудряшов И.А. Языковая личность: косвенные способы представления себя собеседнику в диалогическом дискурсе [Текст] / И.А. Кудряшов // Язык и социум: Мат. VI междунар. науч. конф.: в 2-х ч. Ч. 2. – Минск: РИВШ, 2004. – С. 115-119.

19. Липин Н. Поверхности и глубины смысла [Текст] / Н. Липин // Проблемы смысла в философии и культуре русского серебряного века: Мат. Междунар. науч. конф. – Дрогобич: ДГПУ им. И. Франко, 2008. – С. 26-34.

20. Мащитько О.В. Язык и социальное время в философии О. Розенштока-Хюсси [Текст] / О.В. Мащитько // Язык и социум: Мат. VI междунар. науч. конф.: в 2-х ч. Ч. 2. – Минск: РИВШ, 2004. – С. 291-294.

21. Милевская Т.В. Грамматика дискурса [Текст] / Т.В. Милевская. – Ростов н/Д: Изд-во РГУ, 2003 (б). – 311 с.

22. Мочалов, С.М. Чувственное познание и восприятие реальности окружающей действительности [Текст]: автореф. дис. ... д-ра филос. наук / С.М. Мочалов. – М., 2007. – 47 с.

23. Падучева, Е.В. Прагматические аспекты связности диалога [Текст] / Е.В. Падучева // Известия АН СССР. – Серия лит. и яз. – 1982. – № 4. – С. 305-313.
24. Хлебцова Н.К. Негативные реакции в разных сферах общения [Текст]: автореф. дис. ...канд. филол. наук / Н.К. Хлебцова. – Саратов, 2008. – 23 с.
25. Чеснокова Л.Д. Элементарная синтаксическая единица как компонент семантической структуры предложения [Текст] / Л.Д. Чеснокова // Семантическая структура предложения: Межвуз. сб. науч. тр. – Ростов н/Д: РГПИ, 1978. – С. 37-45.
26. Coats J. Language and Gender: A Reader [Text] / J. Coats. – Oxford: Blackwell, 1998. – 439 p.
27. Hymes D. Models of the Interaction of Language [Text] / D. Hymes // Language, Culture and Society. – Cambridge MA: Winthrop, 1972. – P. 189-223.
28. Yule G. Pragmatics [Text] / G. Yule. – Oxford University Press, 1996. – 139 p.

**КОГНИТИВНО-ФРЕЙМОВОЕ
МОДЕЛИРОВАНИЕ КАТЕГОРИЙ,
ВЕРБАЛИЗУЕМЫХ В АНГЛОЯЗЫЧНОМ
РЕЛИГИОЗНОМ ДИСКУРСЕ: КАТЕГОРИЯ
ОЦЕНКИ, РЕПРЕЗЕНТИРУЕМАЯ ИМЕНАМИ
ПРИЛАГАТЕЛЬНЫМИ¹**

**8.1. Общая характеристика современного англоязычного
религиозного дискурса**

Религия на протяжении тысячелетий является краеугольным камнем, определяющим общественную идеологию и влияющим на все сферы человеческого бытия: культуру, образование, политику, экономику и др.

Религию в самом широком смысле можно определить как мировоззрение и мироощущение индивида, основанные на вере в Бога, в существование высшей сверхъестественной силы.

В энциклопедических изданиях находим, что религия – «одна из форм общественного сознания – совокупность духовных представлений, основывающихся на вере в сверхъестественные силы и существа (богов, духов), которые являются предметом поклонения» [Ожегов, 1997: 456].

Религия, как и язык, представляет собой знаковую систему, наделенную определенным содержанием и располагающую неким набором способов (вербальных и невербальных) передачи этого содержания [Чертов, 2011: 33-43, Аникушина, 2010: 132]. Знаковое пространство религии исследователи делят на группы: а) по способу восприятия: слуховые (акустические, например, звон колокола), оптические (визуальные – позы, жесты), осязательные (вкусовые – различные благовония и т.д.), тактильные, например, поцелуй иконы; б) по степени абстракции: иконы, символы и др. [Мечковская, 1998; Бобырева, 2007].

Емкое понятие «религия» характеризуется наличием целого ряда составляющих его элементов, к числу которых можно отнести: религиозные сообщества, религиозные институты и организации, традиции, ритуалы и

¹ Публикация выполнена в рамках проекта «*Когниолингвистическое и лексикографическое моделирование фрагментов прикладной и фундаментальной научной картины мира (русский и английский языки)*» в соответствии с Государственным заданием Министерства образования и науки РФ ФГБОУ ВПО «Пятигорский государственный лингвистический университет» на 2014-2016 гг. (рук. проекта – докт. филол. наук, проф. *О.А. Алимурадов*).

др. Все указанные элементы находят отражение в религиозном дискурсе, имеющем свою неповторимую специфику.

Религиозный дискурс в узком смысле есть совокупность речевых актов, бытующих в религиозной сфере; в широком смысле – это набор определенных, жестко ритуализированных, действий вербального и невербального характера, нацеленных на приобщение человека к вере и сопровождающих процесс взаимодействия коммуникантов, включая тематические тексты и т.д. [Бобырева, 2007: 10; Салахова, 2010: 109; Аникушина, 2010].

Салахова А.Г. трактует религиозный дискурс как «совокупность устных и письменных текстов, обслуживающих коммуникацию в рамках общественного института церкви и характеризующихся целым рядом определенных признаков, функций, особенностей коммуникативной сферы» [Салахова, 2006: 7].

По мнению Е.А. Кислянской, религиозный дискурс – это один из типов институционального общения в рамках церкви; процесс создания текста религиозного содержания в ситуации реального общения [Кислянская, 2010: 78].

Религиозный дискурс в нашем понимании есть *особый тип институционального общения, совокупность речевых актов, реализующих процесс общения коммуникантов применительно к сфере религии, базирующийся на ряде действий, ритуалов, нацеленных на приобщение человека к вере в Бога / сверхъестественные силы.*

Разделяя точку зрения Н.Б. Мечковской относительно того, что религия как особая коммуникативная система маркирована двумя векторами коммуникации: 1) от Бога – через пророка (священника) – к людям; 2) от людей – через пророка (священника) – к Богу [Мечковская, 1998: 224], считаем возможным говорить о двойственной природе англоязычного религиозного дискурса, реализуемой как невербально, так и вербально. Назовем это невербальный религиозный дискурс (I тип) и вербальный религиозный дискурс (II тип).

Далее рассмотрим детально каждый из представленных типов. Начнем с модели невербального религиозного дискурса (I тип), имеющей следующий вид (рис. 8.1):

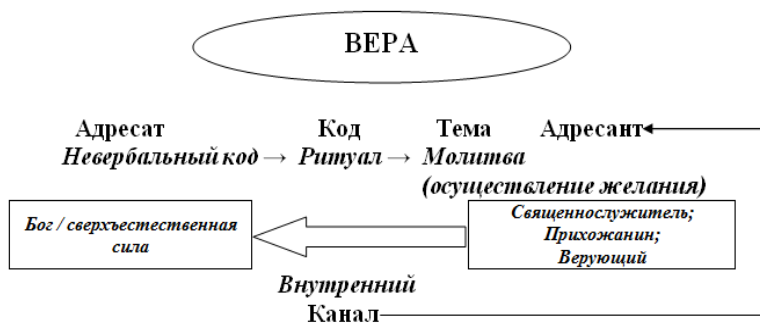

Рис. 8.1. Невербальный религиозный дискурс (I тип)

Рассмотрим приведенную схему несколько подробнее. Как представляется, ключевым концептом религиозной сферы является «Вера», поскольку именно вера в существование Высшей силы, в ее сверхъестественные возможности и способности заставляет адресанта в лице священнослужителя как посредника и просителя перед Богом за простого смертного на Земле, прихожанина и верующего, пребывающих в постоянном ожидании чуда, вновь и вновь обращаться к Всевышнему в бесконечных мольбах и чаяниях. Так как время и пространство разделяют адресанта и адресата, коммуникация здесь имеет одностороннюю связь, при которой эксплицитная (вербально выраженная) ответная реакция Бога отсутствует. Исходя из этого, считаем логичным утверждать, что невербальный религиозный дискурс (I тип) подразумевает общение с самим собой, поэтому единственно возможный канал связи – внутренний. Мы уже отмечали тот факт, что религиозный дискурс как никакой другой тип дискурса подчинен ритуалу. Однако на невербальном этапе, реализуемом преимущественно в виде молитвы или прошения осуществить те или иные желания, наблюдается более свободный, порой выходящий за рамки языковых норм (грамматических, стилистических и др.), посыл идей и мыслей адресанта, при этом ритуал отходит на второй план.

В контексте нашего исследования особую значимость приобретает вербальный религиозный дискурс (II тип), который можно представить в виде следующей схемы (рис. 8.2):

Рис. 8.2. Вербальный религиозный дискурс (II тип)

Согласно схеме, коммуникацию на вербальном уровне реализуют адресант, в качестве которого выступает Бог, существующий вне времени и пространства, и адресат в лице прихожанина и верующего. Однако в силу того, что адресант неосязаем, возникает необходимость вовлечения в процесс общения посредника, «говорящего» устами божьими и несущего свою «миссию». В роли подобного рода посредника выступают священнослужитель, пророк и богослов, каждый из которых своей высшей целью видит приобщение человека к вере и утверждение системы ценностей, бытующей в пределах определенной религии, конфессии. Кроме этого, вербальный тип религиозного дискурса характеризуется четким соблюдением ритуала, возводимого в абсолют, поскольку каждый жанр религиозных текстов (устных / письменных) имеет свою специфику и подчинен определенным канонам. В рамках II типа религиозного дискурса мы выделяем два канала связи: прямой (устный) и опосредованный (письменный). Безусловно, вне зависимости от типа коммуникации краеугольным камнем сферы религии служит базовый концепт «Вера».

Анализируя религиозный дискурс, нельзя обойти проблему его статуса и места в общей парадигме англоязычного дискурса. На наш взгляд, выделение англоязычного религиозного дискурса в отдельный вид дискурса имеет смысл по ряду причин.

Во-первых, религиозный дискурс маркирован наличием *предмета* и *объекта* изучения, которыми служат тематические тексты по религии (устные / письменные) и Бог (его учения, заповеди, постулаты, выраженные опосредованно в вербальной форме). Очевидно, что в религиозном дискурсе протекает *полноценная коммуникация*, осуществляемая ее участниками (адресант, адресат, тема, код и др.).

Во-вторых, религиозный дискурс как и любой другой тип дискурса (в том числе – и институционального) имеет свои *цели*, а именно, передать мольбы, надежды верующего человека и найти поддержку в лице приверженцев определенной веры или самого Всевышнего. Реализация данных задач осуществляется посредством достижения ряда *более частных задач*, к числу которых относят: 1) получить поддержку у Бога; 2) очистить душу; 3) призвать ближних к вере и покаянию; 4) утвердить верующих в вере и добродетели; 5) через ритуал осознать свою принадлежность к той или иной конфессии [см. об этом, в частности: Карасик, 2002: 325].

Размышляя о природе религиозного дискурса, многие ученые справедливо отмечают его *институциональный характер* [Чаусов, 2013: 34; Блуверберг, 2007: 224], определяя при этом институциональный дискурс как «статусно-ориентированное общение, то есть речевое взаимодействие представителей социальных групп или институтов друг с другом, с людьми, реализующими свои статусно-ролевые возможности в рамках сложившихся общественных институтов, число которых определяется потребностями обще-

ства на конкретном этапе его развития. Этот тип дискурса представляет собой специализированную клишированную разновидность общения между людьми, которые могут не знать друг друга, но должны общаться в соответствии с нормами данного социума» [Карасик, 1998: 186].

Говоря об общественном институте применительно к религиозному дискурсу, многие ученые, прежде всего, подразумевают церковь как основной социальный институт [Smart, 1958; Kort, 1992 и др.]. Однако здесь следует сделать оговорку о том, что сегодня границы религиозного дискурса выходят далеко за рамки церкви и могут предполагать не только общение верующих в малых религиозных группах, но и персональное общение, выражающее мольбы и чаяния верующих.

Исходя из этого, можно выделить несколько сфер функционирования религиозного дискурса:

1. *Традиционное общение в рамках церкви*, при котором особое значение приобретает различный рода ритуалы, клише, и наблюдается четкое разграничение ролей между участниками коммуникации: священнослужитель – прихожанин. В отношении данного вида общения вполне применима традиционная коммуникативная модель (Якобсон, 1975), маркированная наличием адресанта (Бог) и адресата (прихожанин / верующий), где официальный представитель института церкви выступает своего рода посредником в связке Бог – Человек.
2. *Общение в рамках малых религиозных групп* подразумевает коммуникацию вне стен храма: сюда относятся встречи верующих между собой, беседы по интересующим их вопросам и проблемам, собрания приверженцев различных религиозных течений и сект. Очевидно, что данная форма общения не ставит своей приоритетной задачей соблюдение ритуалов, канонов, хотя и подчинено им, однако, основной акцент делается на создание благоприятного эмоционального фона, снятие психологических трудностей, препятствующих полноценному общению коммуникантов.
3. *Общение человека с Богом* – общение без посредников, прямое обращение к Богу. Самой распространенной формой подобного общения является молитва, которая может быть реализована как вербально в виде коллективной молитвы, так и невербально в виде индивидуальной молитвы верующего.

Безусловно, вне зависимости от сферы функционирования религиозного дискурса, рассматриваемая область знаний имеет свою специфику и неповторимость, что, в свою очередь, позволяет говорить о нем как об особом типе институционального общения, существующем в пределах англоязычного дискурса.

Специфика религиозного дискурса сводится к тому, что к числу основных участников, осуществляющих процесс коммуникации в сфере религии,

относится Бог – сверхъестественное существо, к которому обращается верующий в своих мольбах и чаяниях [см., в частности: Ширяева, 2007: 107].

Следует отметить, что коммуникация в сфере религии имеет свой *хроно-топ* (место и время действия) и разворачивается, как правило, в фиксированные часы в стенах социального института – церкви / храма, т.е. специального сооружения, используемого для богослужений и религиозных обрядов.

Особое значение в религиозном дискурсе приобретает *система ценностей* как абстрактная система, которая помогает управлять действиями индивида и регламентировать их [Jackendoff, 2007: 302], сформировавшаяся в результате влияния фундаментальных идей и доктрин той или иной религии, а также целого ряда норм, бытующих в обществе, применительно к каждому индивиду в отдельности и человечеству в целом. Сразу сделаем оговорку о том, что универсальной классификации ценностей сферы религии нет. Бобырева Е.В. выделяет четыре базовых класса ценностей – суперморальные, моральные, утилитарные, субутилитарные и подчеркивает версимость в религиозном дискурсе суперморальных и моральных ценностей [Бобырева, 2007: 134]. Очевидно, что все ценности религиозного дискурса сводятся к ценностям веры, таким как: признание Бога, понятие греха, добродетели, спасения души, соблюдение обрядов и др. Отличительной особенностью религиозной коммуникации выступает открытое утверждение ценностей. Ярким примером в данном случае служит ключевой постулат христианства о том, что существует Бог, он един, вечен, всемогущ и милосерден. Полагаем, что не будет преувеличением сказать, что религиозные ценности представляют собой смысл всей жизни верующего человека.

Наконец, прагматическая сторона религиозного дискурса, а именно, выполняемые им *функции*, служит веским основанием в пользу идеи о его независимом статусе. Следует отметить, что функциональная специфика религиозной коммуникации многогранна, в связи с чем считаем логичным охарактеризовать наиболее значимые функции англоязычного религиозного дискурса: *коммуникативная функция* нацелена на установление контакта человека с Богом [Бобырева, 2013: 100], проявляется вербально в виде молитвы, исповеди и т.д.; *функция распространения информации* сводится к толкованию и распространению библейских текстов, основных религиозных канонов и их передаче из поколения в поколение; *прескриптивная функция* подразумевает безусловное следование определенным нормам, религиозным канонам; *магическая функция* зиждется на идее о мистическом начале любой религии и реализуется с помощью клятв, заговоров и др. [Кислянская, 2010].

Во всех видах дискурса, и религиозный дискурс не является тут исключением, наблюдается явление, при котором автор, стремясь обогатить создаваемый им текст, использует фрагменты существовавших ранее текстов, получивших название прецедентных. Под *прецедентным текстом* понимают «любую характеризующуюся цельностью и связностью последовательность

знаковых единиц, обладающую ценностной значимостью для определенной культурной группы» [Слышкин, 2000: 28]. Следует сказать, что прецедентные тексты религиозного дискурса служат своего рода фундаментом, базой, без которой коммуникация в сфере религии немыслима и невозможна. Когда речь идет о прецедентных текстах религиозного дискурса, прежде всего, имеется в виду Библия, выступающая «смысловым ядром, силовое поле которого порождает новые смыслы и новые тексты» [Мечковская, 1998: 148; Carey, 2004; Ramsey et al., 1957].

Кроме этого, исследователи выделяют еще одну особенность рассматриваемого типа дискурса, позволяющую говорить о его уникальности, подразумеваемая при этом *ритуал*. Так, Е.В. Бобырева подчеркивает тот факт, что в любом другом типе дискурса речевая деятельность выступает на передний план, в религиозном же дискурсе ритуал возводится в абсолюте, представляя собой базу религиозной коммуникации [Бобырева, 2007: 12].

Анализ религиозного дискурса был бы неполным без освещения его жанровой специфики. Жанры англоязычного религиозного дискурса как относительно устойчивые типы высказываний весьма разнообразны.

Следует сказать, что среди ученых нет единодушия относительно определения общих критериев классификации религиозных текстов. Так, В.И. Карасик подчеркивает важность типовых действий участников коммуникации, предмета речи, излагаемого адресантом и воспринимаемого адресатом, и выделяет четыре жанра религиозного дискурса: молитва, проповедь, исповедь и обрядовое действие [Карасик, 1999: 7].

Характерной особенностью молитвы является ее односторонняя связь, так как эта форма общения не подразумевает обратную реакцию и нацелена на единение души с Богом, это своего рода внутреннее общение. Особую значимость здесь имеет адресат – высшая сила, существующая в своем измерении и разведенная во времени и пространстве с адресантом [Ицкович, 2011: 114; Гуторова, 2011: 91-92].

Особым коммуникативным жанром религиозного дискурса выступает проповедь, в ходе которой священнослужитель доводит необходимую информацию до прихожан, изъясняясь на родном и понятном языке, демонстрируя, тем самым, навыки владения ораторским искусством. Специфика проповеди заключается в том, что данный жанр религиозного дискурса имеет адресата, в качестве которого может служить как отдельный индивид, так и целая группа людей.

Исповедь как таинство покаяния и мольба о прощении и спасении грешника реализуется, как правило, вербально. При этом священнослужитель является своего рода просителем перед Богом, поскольку именно ему человек сообщает о своих грехах и прегрешениях.

Наконец, обрядовые действия, присутствующие с момента рождения человека и сопровождающие его всю жизнь вплоть до смерти, к которым относят: крещение, венчание, отпевание и др.

Очевидно, что для формирования жанрового пространства религиозно-го дискурса, адекватно отображающего реалии языка религии, необходимо учитывать коммуникативную цель текста, его воздействие и влияние на адресата, план адресанта и т.д. Исходя из этого, считаем возможным дополнить классификацию, предложенную В.И. Карасиком, выделив богословские тексты в отдельный жанр англоязычного религиозного дискурса.

Опираясь на материал выборки, зафиксированный в англоязычных теологических журналах, считаем необходимым разбить богословские тексты на два класса: диалоги и толкования, каждый из которых имеет свою специфику, цели и задачи.

Разделяя точку зрения Платона, согласно которому диалог есть «произведение в прозе (*logos aneu metroy*), состоящее из вопросов и ответов...» [Платон, 1986: 489], говорим о существовании аналогичного жанра в пределах англоязычного религиозного дискурса. Полагаем, что цель обозначенного жанра религиозных текстов сводится к попытке автора найти объяснение и разгадку к вопросам, зачастую не имеющим однозначного ответа. Языковой материал нашей выборки свидетельствует об изобилии в диалогах риторических вопросов типа: Существует ли Бог? В чем смысл человеческого бытия? Почему столь жесток и ужасен мир, созданный Богом и др.? Приведем пример:

1) *Does God exist? Is there a specific God, one that we can identify by name? Is he active, not some epiphenomenon of human culture? Can Christians, for instance, truly know and have confidence in Christ's atoning work on the cross?* For many, religious beliefs are outside the boundaries of knowledge; *verification is futile*. When it comes to the realities of the heavenly realm, those who bow the knee to Reason cannot – or perhaps should not – make a definitive decision. *God is beyond their reasonable limits* [www.atjournal.org].

В приведенном примере отмечаем наличие ряда риторических вопросов (*Does God exist? Is there a specific God ...? Is he active ...?*), тревожащих человечество не одно тысячелетие, тем не менее, не имеющих по сей день разгадки. Считаем справедливой мысль, высказанную автором текста, о том, что любая проверка не имеет смысла (*verification is futile*); данная мысль реализуется семантикой прилагательного *futile* – *having no useful purpose; completely ineffective* [www.merriam-webster.com], поскольку вера живет в самом человеке, и только ему она подвластна.

В свою очередь, толкование как жанр религиозного дискурса нацелено на субъективную интерпретацию библейских сюжетов, явлений и ситуаций, относящихся к сфере религии. Основное отличие толкования от диалога, на наш взгляд, заключается в уверенности адресанта при передаче информации, а также степени воздействия на адресата. Если в диалогах предпринимается лишь попытка объяснения того или иного феномена, то в толковании открыто звучит мысль, которая не вызывает сомнения у адресата и подкрепляется незыблемым авторитетом автора текста. Например:

2) *If time is a physical property, then God created time when he created the rest of the physical universe. God is not limited by the physical properties of this creation* and is as a logical consequence, neither subject to or limited by created time as we experience and know it. Having created it, He can "stand" outside of it, and interact within it whenever and wherever He chooses. *He is before time (pretemporal), He is above time (supertemporal), and He is after time (posttemporal)*. Let us also add that *God works in and through created time*. Because of this latter argument *God is not "timeless"* as some argue, and *He is not dead* as some "theothanatologists" would argue. It is difficult to attain any conception of the mode of existence which is thus ascribed to Him. It is so different from our own. Yet, a brief consideration of what is involved in the nature of God must convince us that the idea which we express by these statements is just and true. *In order to identify this quality of eternity as "just and true," let us continue to develop and refer to this resulting, eternal, attribute of God as His omnitemporality. God is omnitemporal. Just as our omniscient God sees and knows all things that take place in the universe He has created, He also sees and knows all things that transpire in that creation from its revealed beginning to its prophesied end* [www.biblicaltheology.com].

Здесь автор с высокой степенью уверенности характеризует Бога как всемогущую, всезнающую, всевидящую силу, которая не ограничивает себя временными и пространственными рамками. Особую значимость в контексте приобретают утвердительные предложения типа *God is omnitemporal*, служащие средством, используемым для констатации фактов и качественная лексика, а именно, имена прилагательные (*pretemporal, supertemporal, posttemporal, timeless, dead, just, true, eternal* и др.), способствующие созданию эмоционального фона всего повествования.

Рассматривая англоязычный религиозный дискурс, нельзя не отметить его интердискурсивность [Бобырева, 2007 и др], т. е. тесную взаимосвязь с другими типами дискурса, например, педагогическим, политическим, искусствоведческим, философским.

Педагогический и религиозный типы дискурсов подчинены некоему стандарту, ритуалу, подразумевающему четкое соблюдение правил поведения и общения, нормы морали в пределах соответствующего института. В религиозном дискурсе, как и в педагогическом, присутствует ярко выраженный *хронотоп* – место (церковь, школа) и время действия (фиксированные часы), в рамках которого участники осуществляют коммуникацию [Mills, 2004; Chimombo, Roseberry, 1998; Howarth, 2000]. Следует отметить, что задачи коммуникантов (Бог → Священнослужитель → Верующий и Учитель → Ученик) и выполняемые ими роли схожи и сводятся к передаче новых знаний, истин, норм, которые не вызывают сомнения у адресата (верующий / прихожанин и ученик) и базируются на доверии и незыблемом авторитете адресанта (Бог / священнослужитель и Учитель). Очевидно, что

отождествление Бога с учителем, наблюдаемое в библейских писаниях, неслучайно и имеет свое логическое объяснение, поскольку в данных типах дискурса адресант наделен неоспоримым авторитетом и любое его указание, наставление должно исполняться беспрекословно и не подвергаться сомнению. Полагаем, что не будет преувеличением сказать, что Бог, как и учитель, выступает своего рода маяком, демонстрирующим собой пример для подражания и послушания, на который должен ориентироваться каждый. Подтверждение этой мысли находим в следующем фрагменте религиозного текста:

3) *Christ's supernatural work is seen in the lives of many Christians across the ages, manifested in the infused virtues. The moral transformation of so many people in so many different cultures is so impressive and attractive that it requires an extraordinary explanation* [www.atijournal.org].

В представленном фрагменте речь идет о сверхъестественной работе Христа, результатом которой стал значительно изменившийся моральный облик всего человечества, ориентированный на доброе начало. Вновь отметим особую роль и значимость имен прилагательных (*supernatural, impressive, attractive*), служащих экспрессивным средством передачи идеи и отношения автора текста.

В религиозном дискурсе, как и в политическом, весьма актуально доведение до адресата необходимой информации посредством внушения как эффективного способа влияния на его эмоциональное состояние, сознание и психику. Ярким примером, иллюстрирующим тесную связь политики и религии, может служить политическая агитация, поскольку представленные типы общения объединяют людей в единстве веры: в религиозном – существование сверхъестественных сил применительно к конкретной религии, конфессии; в политическом – общая идеология, политические взгляды. Например:

4) *There is only one God. He is eternal, and not limited by the properties of His creation. He has revealed Himself to us through the person of God the Father, the Son, and the Holy Spirit* [www.biblicaltheology.com].

Здесь звучит утверждение о том, что Бог действительно существует, он един и вечен. Кроме этого, актуальной и значимой видится мысль о триедином начале, согласно которой Бог предстает перед нами в трех равновеликих ипостасях: Бог Отец, Бог Сын, Бог Святой Дух. Очевидно, что религия, как и политика, предназначена для людей, достаточно хорошо владеющих определенной информацией и способных к адекватному восприятию передаваемых фрагментов знаний.

Религия и философия стремятся говорить от имени абсолютов, с той лишь разницей, что религия полагается на веру, а философия – на разум. Философия как система научного знания изучает объективную реальность и базируется на определенных законах, религия же верит в существование сверхъестественного, понимаемого как недоступное сознанию, непознанное. Рассмотрим пример:

5) *The feminine aspect of God* is to be identified particularly with the Holy Spirit. It is doubtful, however, that we should settle for a *concept* of the Trinity that consists of two male and one female 'persons.' Such a concept of God falls easily into an *androcentric or male-dominant perspective*. The *female side of God* then becomes a *subordinate principle* underneath *the dominant image* of male divine sovereignty... In such a concept, the *feminine side of God*, as a secondary or mediating principle, [acts] in the same *subordinate* and limited roles in which females are allowed to act in *the patriarchal* social order. The feminine can be *mediator or recipient of divine power* in relation to creaturely reality. She can be God's daughter, the bride of the (male) soul. But she can never represent divine transcendence in all fullness [www.atijournal.org].

В примере (5) автор текста размышляет о существовании Бога в трех равновеликих ипостасях: Бог Отец, Бог Сын, Бог Святой Дух, последняя из которых ассоциируется с женским началом. Очевидно, что религиозная составляющая фрагмента зиждется на постулатах христианского учения о триединой природе Всевышнего и вербально актуализируется с помощью средств языка (*mediator or recipient of divine power, male divine sovereignty, divine transcendence* и др.). С философской же точки зрения, подчиненной разуму, первостепенной здесь видится мысль о главенстве и безоговорочном превосходстве мужского начала над женским.

В контексте нашего исследования особую значимость приобретает взаимодействие религиозного и искусствоведческого дискурсов. На протяжении долгих тысячелетий между религией и искусством наблюдались тесные связи, в силу чего многие сюжеты и образы сферы искусства заимствовались из религиозной мифологии, и наоборот, произведения искусства (скульптуры, фрески, иконы) включались в систему религиозного культа. Несмотря на родство рассматриваемых нами областей знаний, имеются и явные отличия, а именно искусство базируется на творческом подходе и реализуется усилиями стараний и умений мастера, в то время как религия зиждется на вере в существование Бога / сверхъестественной силы. Следующий фрагмент текста служит ярким подтверждением данной мысли:

6) *Divine presence in art*, therefore – its “sacredness”, must be perceived at a level beyond subject matter. When the final product is a creative work assimilating characteristics of reality through factors such as *skillful use of form, evident integrity, harmony of order, due proportion, control of movement and emotion, and intelligent design, then art will “speak of God”* by means of these qualities which endure permanently in the work and independently of the artist's self. Herein lays theology's connection to art, the *recta ratio factibilium* without which the artist does little more than represent or duplicate material forms.

As a result, *art becomes an eminently human and religious enterprise*. It envisions the world as an act of creation and in itself reflects this basic endeavor. *So one need not be a believer to paint a crucifixion scene, though one must be*

an artist to paint such a scene well. Thus the problem of subject matter and content is easily solved and that *crucifixion scene will speak the language of its own creative genius.* It will affirm a sacrality of the art that surpasses any subjective or exterior criteria only. *Whether an artwork be supposedly sacred or profane, contemporary or antique, Renaissance or Cubist, whether subjectively nominated "good" or "bad" (moral categories that art cannot objectively embrace), it will always "speak of God" through excellence in craftsmanship and the ontological status of the artist's creative act* [www.atijournal.org].

В примере (6) автор текста рассуждает о присутствии в искусстве произведений, в основу которых легли библейские сюжеты, а именно, сцена распятия Христа. При этом красной нитью проходит мысль о том, что успех произведения, «говорящего» устами Всевышнего, независим от религиозных взглядов автора, а целиком и полностью определяется мастерством художника, выражающим свое субъективное понимание проблемы. Связь религии и искусства на вербальном уровне реализуется посредством употребления единиц языка, имеющих отношение к религии и искусству, соответственно, например: *divine, "speak of God", believer, crucifixion; skillful use of form, evident integrity, harmony of order, proportion, control of movement and emotion, intelligent design, creative genius* и др. Вновь акцентируем внимание на роли и значимости имен прилагательных, выступающих ярким и экспрессивным средством передачи идеи автора текста.

Представленный фрагмент служит яркой иллюстрацией имеющихся на данный момент тенденций в лингвистике, сводящихся к тому, что сегодня исследователь пытается заглянуть «внутри» текста, прочесть «между строк», найти тонкую, с трудом заметную связь языка с таинственными процессами умственной и психической деятельности человека [см. Olyan, Nussbaum, 1998; Slone, 2004 и др.]. Очевидно, что для решения этой непростой задачи необходим особый инструментарий, в качестве которого активно используется теория фреймового моделирования, прочно закрепившаяся в недрах когнитивного направления в науке и более подробно рассматриваемая в следующем разделе главы.

8.2. Лингвистические особенности современного англоязычного религиозного дискурса

Изучение лингвистических особенностей религиозного дискурса весьма актуально на сегодняшний день, поскольку в пределах рассматриваемой дискурсивной сферы функционирует ряд интересных в лексическом плане единиц и сочетаний, без знания и понимания значения и смысла которых невозможна полная и правильная интерпретация определенных жанровых образцов религиозного дискурса [Бобырева, 2007: 284].

Религиозный дискурс, его лексико-грамматическая наполняемость, стилистические средства в целом ориентированы на передачу широкого спектра эмоций и чувств. В силу своей специфики язык религии и все переживания, связанные с ним, не могут быть в полной мере отражены знаковым пространством того или иного языка, поскольку зачастую религия подразумевает наличие мистического компонента, вербализация которого носит условный и / или приблизительный характер [Кожемякин, 2013: 70].

Сложности, связанные с адекватной передачей необходимой информации в пределах религиозной коммуникации, решаются с помощью различных средств языка, позволяющих достичь психологического воздействия на адресата и понимания с его стороны на интуитивном уровне. Среди основных приемов, используемых авторами религиозных текстов, отметим следующие: эмоционально-оценочная лексика, возвышенная лексика и др. Рассмотрим более подробно эти и другие лингвистические особенности англоязычного религиозного дискурса.

Первоисточником и своеобразным фундаментом порождения религиозной коммуникации служит текст Священного Писания [Мухамедова, 2011; Буянова, 2012: 27; Шибаев, 2013: 280, Шамарова, 2011: 131 и др.]. Безусловно, Библия не является единственным образцом религиозного дискурса, поскольку религиозные тексты не ограничиваются лишь Библией, однако, все жанровое разнообразие данного типа дискурса в той или иной степени строится на ее основе, интерпретируя и разъясняя ее содержание.

В силу того, что рассмотреть данный вид дискурса во всей его жанровой специфике представляется невозможным, наше исследование мы замкнем на двух наиболее значимых, на наш взгляд, жанрах, а именно, диалогах и толкованиях. Выбор этих двух разновидностей религиозных текстов случаен и объясняется рядом причин. Во-первых, данные жанры являются на сегодняшний день наименее изученными с позиции лингвистики, во-вторых, диалоги и толкования выступают богатейшим ресурсом, в пределах которого находит свое практическое применение категория оценки, понимаемая в широком смысле как положительная или отрицательная характеристика человека, предмета или явления [Цолер, 1996] и вербализуемая при помощи имен прилагательных, служащих предметом наших исследовательских интересов. Приведем примеры:

7) ... many Christians are confused about the criteria for redemption and salvation. Is one saved by faith alone, or must one become an *active* agent in living out the *moral* maxims of Christ? How many Christians truly consider and weigh these maxims in their decision-making and relationships? How many view them as the *chief* ingredients necessary to know God and connect with God? These questions, I believe, may lead to a *greater* awareness of Christ's love. This awareness may be the impetus for *authentic philosophical* (theological) and *behavioral* change. This *spiritual* illumination may foster a willingness to transcend our *selfish* ego and genuinely accept the *awe-inspiring* mystery of God [www.biblicaltheology.com].

В представленном фрагменте диалога автор текста задается вопросом о том, что же необходимо простому смертному, чтобы искупить все грехи и получить спасение, отойдя в мир иной, и указывает на две составляющие успеха человека – гармония мыслей и поступков и их соответствие канонам христианского учения. Показательна роль прилагательных (*selfish, awe-inspiring*), с помощью которых передается оценка сущности людей и Господа, и создается особый эмоциональный фон повествования. Очевидно, что в паре с определяемыми существительными (*ego, mystery*) именно на прилагательные ложится основная смысловая нагрузка, что позволяет нам, вслед за Т.Б. Заграевской, говорить о полевой структуре оценки [Заграевская, 2006: 33], маркированной наличием ядра оценки, в данном контексте – прилагательные, и ее периферии – существительные.

8) As we have pointed out before, Jesus Christ is God *incarnate* uniting *divine and human* nature and thus atoning reconciliation takes place within the personal Being of Christ. Thus there can be no separation of His Person and Work – they are one. What he is is what he does. His own *incarnate* Person is not something *separate* from the "*mighty* Acts of God's love for our salvation."... Thus the Gospel and Christ are *inseparable* and belong ontologically together. Christ's *atoning* sacrifice is not some kind of *superficial socio-moral or judicial* transaction between God and humanity, which would be the case if he were a created and *temporal* center ontologically *external* to God. But since *atoning* reconciliation took place within the personal existence of Christ as the Mediator between God and humanity, it must be understood as having taken place within the *ontological* roots and *actual* condition of the *human* creaturely existence he assumed to save humanity [www2.luthersem.edu].

Считаем логичным начать обзор лингвистических особенностей англоязычного религиозного дискурса с анализа его *терминосистемы*.

Лексическую базу религиозного дискурса мы делим на несколько классов: 1) собственно термины; 2) специализированная лексика / профессионализмы религиозной сферы; 3) общеупотребительная лексика, регулярно применяемая в сфере религиозной коммуникации. Рассмотрим каждый пласт религиозной лексики подробно.

Собственно термины в нашем понимании есть единицы языка, служащие для номинации определенных понятий, явлений в сфере религии, которые, в свою очередь, могут быть одноядерными и двухядерными; при этом в образовании последних особую роль играют имена прилагательные [Eggert, Holscher]. Профессионализмы сферы религии включают в себя лексику, понятную широкой аудитории, тем не менее, функционирующую в пределах конкретной области знаний [Taves, 2009] и нацеленную на человека, хорошо осведомленного и демонстрирующего интерес к предмету теологии или же находящегося в смятении и в поиске ответов на вечные вопросы. Приведем примеры:

9) *Evil* is the absence of *God*, that is, the good, life, appropriate relationships, meaning, and truth. All of humanity shares in the irrational evil that killed *Christ*. The Christian interpretation of this history of *sin* is that eternally planned to commune in love with the world. *Salvation* is one great mystery comprised of the three moments of *creation, redemption*, and future consummation through the activity of the *Logos and the Spirit*. Redemption comes as a divine gift of liberation from alienation, death, and ignorance [www.biblicaltheology.com].

Представленный фрагмент чрезвычайно интересен для анализа, поскольку маркирован наличием как религиозных терминов, так и профессионализмов сферы религии. Очевидно, что лексема *Salvation* входит в состав корпуса одноядерных терминов сферы религии и имеет прямое отношение к религиозному дискурсу, что подтверждается соответствующими дефинициями: *Salvation* – the act of saving someone from sin or evil in Christianity [www.merriam-webster.com].

Однако в контексте также фиксируем употребление и другой специализированной религиозной лексики, к которой мы причисляем слова *sin* – an immoral act considered to be a transgression against divine law; *redemption* – the action of saving or being saved from sin, error, or evil [www.oxforddictionaries.com], передающие определенные фрагменты информации в пределах конкретной области знания.

Особого внимания здесь заслуживают имена собственные (*Evil, God, Christ, Logos, Spirit*), весьма частотно используемые в религиозных текстах, что, на наш взгляд, свидетельствует об интенции автора текста подчеркнуть значимость, индивидуальность, уникальность природы и миссии каждого, а также о необходимости расставить акценты в пределах сферы религии, обозначив ее весомость и авторитетность.

Приведем пример, в котором употребляются двоядерные термины, образованные с участием имен прилагательных:

10) The biblical description of the *antediluvian world* as ‘full of violence’ connotes a structural collapse, whereas the law and tabernacle begin to restore the created order in terms of divine-human and human-human relationships. Likewise, the new Creation is also a temple that fully reestablishes the created order. In this light, although natural beauty mysteriously integrates with natural evil, beauty is still a created and ordered reality that is profoundly ‘right’ in the world, and can therefore oppose evil artistically. Thus, by an artistic modality, beautiful harmony with nature begins to speak of a *triune God* who is harmony, and in whose harmony we can hope for an ultimate repose not yet possible in nature [www.atijournal.org].

В примере (10) фиксируем наличие религиозных терминов *antediluvian world* и *triune God*, в создании которых участвуют прилагательные *antediluvian* и *triune*, играющие важную роль в контексте и передающие ключевую, смысловоразличительную информацию, поскольку автор повествует о суще-

ствовании мира, именно того мира – до библейского потопа, и именно о триедином Господе в его ипостасях, что подтверждают соответствующие словарные дефиниции: *antediluvian* – of or relating to the period before the flood described in the Bible [www.merriam-webster.com]; *triune* – consisting of three in one (used especially with reference to the Trinity) [www.oxforddictionaries.com]. Исходя из этого, мы можем говорить о том, что прилагательные *antediluvian* и *triune* вербализуют именно **ядерные области** рассматриваемых терминов, что в целом для имен прилагательных нетипично, поскольку зачастую они вербализуют семантическую периферию терминологических единиц в силу того, что они лишь уточняют семантическое ядро термина, которое на вербальном уровне обычно представлено словами других частей речи. Как показывает приведенный выше пример, в рамках англоязычного религиозного дискурса стандартная ситуация меняется на противоположную.

Кроме этого, в религиозных текстах весьма частотно использование общеупотребительной лексики, преимущественно, глагольной, например:

11) God is persistently looking for the opportunity *to bless you, to provide for you, to heal you, to restore you, to save you, to empower you, to fulfill your personal and professional life and bring you into a lasting and intimate relationship with Him* that will take you places you haven't even dreamed of [www.secondadventchristian.org].

Здесь отмечаем особую роль глагольных форм, с помощью которых автор текста повествует о предназначении Всевышнего. Очевидно, что посредством целого ряда лексем (*to bless, to provide, to heal, to restore, to save, to empower, to fulfill* и др.) вербализуется мысль о бесконечных возможностях и способностях Бога, подчеркивается его усердие и трудолюбие на благо человечества.

В ходе анализа материала выборки мы определили, что в англоязычных религиозных текстах широко представлены слова латинского и греческого происхождения. Данная особенность подчеркивает огромную значимость прецедентных сакральных текстов и цитирований, претендующих на передачу истинного знания [Смолина, Лубкина, 2012: 269]. Обратимся к примерам:

12) In the midst of the gathered community, preachers herald the pneumatic word-revelation of God in Christ and it goes forth and raises people from death to life and conforms them to the image of Christ. It is here that the ***communio sanctorum***, the communion of the saints, comes to the fore in the doctrine of sanctification [www.atijournal.org].

Здесь фиксируем употребление латинского *communio sanctorum* / *общение святых*, с помощью чего автор текста в очередной раз заявляет об авторитетности института церкви, о догматическом характере религиозной коммуникации, о том, что многие исследователи трактуют как «консервация» знаний [Романченко, 2008 и др.], подразумевая при этом тесную связь с прошлым, практически полное отсутствие каких-либо изменений в учении и чет-

кое следование канонам и постулатам в рамках конкретной веры. На наш взгляд, фразу *communio sanctorum* следует рассматривать как интернациональный термин христианства, в силу того, что данное сочетание обнаруживает принадлежность к определенной области знаний, в данном случае – религии и активно используется профессионалами, религиозными деятелями и т.д.

В следующем примере фиксируем наличие греческого наречия *ἐντός* / *внутри*, используя которое, богослов, вероятнее всего, пытается подчеркнуть авторитетность и незыблемость священных текстов в их оригинальной первостепенной форме. Полагаем, что присутствие лексемы *ἐντός* в контексте объясняется невыразимостью средствами языка перевода, в данном случае, английского языка, уникального фрагмента знаний, столь весомого в христианском учении с прагматической точки зрения.

13) The correct location of the Kingdom of God would seem to be an issue central to Christian theology – so central, in fact, that a resolution of the *ἐντός* question is imperative, if Christians are truly to be one body of believers. Perhaps the easiest and maybe the most attractive, resolution of the meaning of *ἐντός* would be to suggest that all three translations are correct: that the Kingdom of God is both “within” the deep recesses of the Christian’s heart and “among” or “in the midst of” Christians working for God in the world. One might think that the Holy Spirit deliberately breathed into the mind of Luke an ambiguous word, so that both connotations might be thought of as being correct. That resolution, however, attractive as it may be to some, begs the question of whether *ἐντός* truly is an ambiguous word [www.biblicaltheology.com].

Анализ материала выборки показал, что применительно к толкованиям имеет место интенция автора установить контакт с читателем / адресатом, преследуя своей главной задачей воздействие на психологическое и эмоциональное состояние последнего. Например:

14) God is a righteous judge who loves **you**. God doesn’t dismiss **your** problems, He gives **you** the ability to overcome them. God doesn’t ignore **your** flaws, He empowers **you** to grow beyond them. God doesn’t excuse **your** mistakes, He puts them behind **you**. God doesn’t erase **your** history, He shows **you** how **you** can stand on its foundation and leverage the good and the bad from **your** past to find new life and discover all of the blessings that He has in store for **you**. God is not afraid of what He knows about **you**. God loves **you**. There is no challenge to hard, no problem to big, no flaw to deep, no mistake to great for God. God is ready to take on everything that **you** are facing today and give **you** the abundant life that He has planned for **you** [www.secondadventchristian.org].

Представленный фрагмент религиозного текста служит яркой иллюстрацией того, как реализуется диалогичность в пределах англоязычного специализированного дискурса [Мишланов, Салимовский, 2010: 28; Regan, 2010; Howarth, 2000]. Сразу отметим, что диалогичность здесь носит формальный характер, и, по сути, имеет один вектор движения коммуникации,

поскольку обратная связь весьма условна, лишь подразумевается. Однако мы говорим о диалоге коммуникантов и считаем, что для этого есть веские основания. Прежде всего, мы имеем в виду изобилие форм 1-го и 2-го лица множественного числа, подчеркивающих посыл идей автора на массового адресата и воздействие на него на интуитивном уровне.

Следующим основанием, говорящим в пользу диалогичности сферы религии, является использование обращения, восклицания, форм императива, зачастую с лексемой *let*. Приведем пример:

15) Jesus is ready to work with you today. He knows who you are. He knows where you come from. He knows everything that you have ever done. And He is calling you on purpose, for a purpose. You are uniquely gifted for a mission that He has planned for you and there is no else who can accomplish it. ***Get ready to experience all of God's promises. Get ready to receive blessings and super-abundant favor.*** Jesus Christ, the one and only God, has chosen you to achieve great things. ***Let's go!*** [www.secondadventchristian.org].

Здесь открыто звучит призыв автора ко всем верующим, согласно которому любой грешный на планете должен быть готов к общению с Господом, к испытаниям, исходящим от Всевышнего, чтобы обеспечить себя безграничной любовью и благодатью со стороны Бога. В приведенном примере особенно показательна роль императива и восклицания, в совокупности оказывающих значительное воздействие на эмоциональное и психологическое состояние адресата и придающих всему контексту особую экспрессию.

Следует отметить, что в случае с диалогами особую значимость приобретают многочисленные вопросы, включая риторические, посредством которых богослов пытается найти ответ на вечные темы, тревожащие умы людей не одно столетие. Например:

16) ***What of God's children who have been driven away by abuse and condemnation? Will they remain outsiders forever? What of those who avoid a Being whose representatives proclaim harsh judgments and issue hateful edicts? Are agnostics and atheists doomed for doubting — when they've never seen any evidence of this "loving, merciful God" in their world?***

We do not know for certain who will live eternally with the Beloved; that decision is God's alone. But Jesus gave us a strong hint about the outcome in the parable of the Prodigal Son [www.tentmaker.org].

Здесь автор текста размышляет над тем, что же происходит с теми созданиями Господа, которые имели неосторожность послушаться Всевышнего и совершить некое деяние, подразумевающее строгое наказание. Фиксируем наличие массы вопросов о дальнейшей судьбе грешника и его перспективах после смерти: имеет ли он право надеяться на милость Бога, на его прощение и понимание, что, безусловно, находится во власти самого Господа, и именно об этом повествует данный фрагмент текста. Следует отметить, что несмотря на значительную долю вопросов в религиозных текстах, адресат не

получает исчерпывающего ответа на терзающие его вопросы – ответа, доказывающего правоту суждений и мыслей адресанта. Данная особенность существенно отличает религиозный дискурс от научного, базирующегося на передаче точных и четких фактов, научных понятий и иных фрагментов знания.

Рассмотрим еще один пример:

17) If we step back for a moment and ask – *Who is able, or what kind of person is able to fulfill all of God's promises, inaugurate his saving rule in this world, and to establish all that is associated with the new covenant including the full forgiveness of sin?* –in biblical thought the answer is clear: it is *God alone* who can do it and no one else. *Is this not the message of the OT? Is this not the message of the covenants?* As the centuries trace the history of Israel, it becomes evident that the Lord alone must act to accomplish his promises; he must initiate in order to save; he must *unilaterally* act if there is going to be redemption at all. *After all, who ultimately can achieve the forgiveness of sin other than God alone? Who can usher in the new creation, final judgment, and salvation?* Certainly none of these great realities will ever come through the previous covenant mediators for they have all, in different ways, failed. Nor will it come through Israel as a nation for her sin has brought about her exile and judgment. If there is to be salvation at all, God *himself* must come and usher in salvation and execute judgment [www.sbts.edu].

В примере (17) тесно сплетаются и образуют единую мысль, чередуясь, ряд вопросов и ответов: сначала автор стремится понять и решить, существует ли кроме Всемогущего Господа иная сила, способная взять на себя все его обещания и воплотить их в жизнь, сразу же отвечая однозначно, что не существует, поскольку *только Бог* имеет полное право и весь необходимый арсенал для того, чтобы делать это и никто другой, затем переходит к ключевым функциям Всевышнего, а именно, таинство сотворения человека, час страшного суда и последующее его спасение, вербализуя все тот же вопрос: кто, если не *Он*? Однако вновь подчеркиваем тактику автора четко следовать канонам религии и воздействовать на адресата простым убеждением относительно состоятельности и уникальности конкретного учения.

Эмпирический анализ языкового материала выявил следующую закономерность: в религиозных текстах, преимущественно толкованиях, активно используется *антитеза*, представляющая собой прямое противопоставление типа «добро-зло», «жизнь-смерть» и т.д., с положительной и отрицательной коннотацией, что позволяет, с одной стороны, более четко охарактеризовать вечную борьбу противоположностей, а с другой стороны – подчеркнуть роль и значимость сверхъестественных сил, предопределяющих ход событий и течение жизни на планете. Рассмотрим данную особенность на примере из выборки:

18) The Gospels are full of narratives in which a colossal war is being waged between *God and Satan*, between *life and death*, between *freedom and bondage*,

health and disease, liberation and demonic possession. Jesus' conflict with Satan and evil spirits is a frequent occurrence [www.atijournal.org].

Здесь отмечаем реализацию в тексте постоянного противоборства между Богом и Сатаной, жизнью и смертью, болезнью и здоровьем и т.д., передаваемого семантикой соответствующих имен собственных (*God – Satan*) и существительных *life – death, health – disease*, что, на наш взгляд, не является случайным, поскольку автор пытается «открыть» глаза адресату на происходящие вокруг явления и процессы и привлечь его пристальное внимание к персоне Всевышнего, его неиссякаемой силе и бесконечным возможностям.

Приведем еще пример:

19) *Aside from the supernatural virtues of faith and hope, the supernatural virtue of love is the foundation of Christian ethics or moral theology. But how do we define, describe, demonstrate, and actualize God's love? How are Christian institutions and individuals honest to God's love totally revealed in Christ? In this sense, religious institutions, forms, and types involve in the contradictions between good and evil, life and death, virtues and vices, love and hatred, humility and pride, selflessness and selfishness, humanization and dehumanization, transformed nonconformist and untransformed nonconformist, etc.* [www.biblicaltheology.com].

В примере (19) вновь фиксируем употребление антитезы, сводящейся к противопоставлению таких понятий, как добро – зло, жизнь – смерть, добродетель – порок, любовь – ненависть и др. Показательна в данном контексте идея автора, передающаяся имплицитно, о бесконечности подобного рода борьбы противоположностей, без которой невозможно существование ни человека, ни целой Вселенной.

В пределах англоязычного религиозного дискурса широко используется метафора, которая, безусловно, делает данный тип дискурса более ярким и привлекательным эстетически. Рассмотрим пример:

20) *As no one would deny that God is sovereign over all things (including Satan), it is God who can change circumstances as He pleases to bring about the desired effect. In this way, we may think we are totally independent from God in the choices we make, but in reality, there is Someone greater than ourselves working behind the scenes to bring about a perfectly orchestrated finale. God is the great conductor who controls and leads men* to respond with a simple wave of His baton [www.tentmaker.org].

В представленном фрагменте толкования речь идет о безграничной власти и силе Господа над всеми существами, включая Сатану, который способен делать все, что пожелает при любых обстоятельствах. Автор текста проводит параллель между жизнью человека в этом бренном мире и выступлением на сцене и сравнивает Всевышнего с дирижером оркестра, которому удается контролировать весь процесс, сохраняя при этом четкую дисциплину

ну. Очевидно, что основная метафорическая нагрузка ложится на существительное *conductor*; однако, препозитивное прилагательное *great* сообщает весьма значимую в контексте информацию и подразумевает величие и мастерство артиста. Более подробно роль метафоры и различные метафорические модели, функционирующие в области религиозного дискурса, будут рассмотрены в пункте 5.3. настоящей работы.

Кроме того, при анализе языкового материала мы обнаружили, что религиозным текстам свойственна градация, как правило, сводящаяся к постепенному нарастанию, нагнетанию всей ситуации при переходе от одного элемента к другому, например:

21) *God loves you – individually, specifically, particularly.* God is passionate about investing in your success... God is not just dedicated to you as a part of the human race, or some nameless cog in the wheel of creation, or some non-specific life force in the flow of energy toward eternity. ***God is dedicated to knowing, understanding, and loving you*** specifically. More than anyone else, God knows your entire history. ***God already understands your story, your baggage, your issues, your life.*** God loves you not in spite of who you are, but because of who you are. And most of all, more than anyone else, God sees everything that you can become [www.secondadventchristian.org].

В представленном фрагменте отмечаем несколько случаев употребления стилистического приема градации (*individually, specifically, particularly; God is dedicated to knowing, understanding, and loving you; God already understands your story, your baggage, your issues, your life*), вследствие применения которых контекст приобретает особую эмоциональность и выразительность, а также структурную стройность и четкость, в совокупности способствующие адекватной передаче требуемой информации и ее логическому осмыслению.

Наконец, при анализе языкового материала нами была выявлена еще одна лингвистическая особенность англоязычных религиозных текстов – повторение, например:

22) *Jesus is ready to take your life to new levels of joy, new levels of health, new levels of prosperity, new levels of peace, new levels of abundance, new levels of blessing, new levels of connectedness, new levels of success, new levels of fulfillment, new levels of satisfaction, the list goes on* [www.secondadventchristian.org].

В примере (22) встречаем анафору – повторение начальных отрезков текста – *new levels of*. Очевидно, что автор текста использует данный прием неслучайно, поскольку, с одной стороны, он стремится придать контексту особый ритм, выделяя определенные фрагменты и создавая, тем самым, эффект кульминации, а с другой – пытается подчеркнуть мысль о новаторстве Всевышнего и о неизбежных переменах к лучшему в жизни каждого грешного, обратившегося к Богу.

8.3. Метафорические модели с участием имен прилагательных, реализуемые в современном англоязычном религиозном дискурсе

В англоязычном религиозном дискурсе весьма значимо и актуально употребление метафор, с помощью которых автор текста характеризует те или иные процессы или явления, косвенно выражая эмоции, чувства и мысли, и тот факт, что 63,7 % примеров нашей выборки маркированы употреблением метафоры, служит ярким подтверждением данной мысли.

Разделяя позицию ученых относительно наличия в структуре метафоры семантического ядра и периферии [Алимурадов, Лату, 2006: 25], отметим, что имя прилагательное в рассматриваемом виде дискурса может выступать в качестве вербализатора как метафорического ядра и метафорической периферии [Алимурадов, Милетова, 2013: 51]. При этом метафорическое ядро понимается нами как фрагмент метафорической проекции, передающий ключевую информацию и несущий смысловую метафорическую нагрузку в тексте, а метафорическая периферия, в свою очередь, сообщает дополнительную информацию, не имеющую решающего значения для понимания в той или ситуации [Милетова, 2014: 41].

В рамках нашего исследования мы рассматриваем метафоры, образованные с участием имен прилагательных и зафиксированные в англоязычных теологических журналах. Обратимся к примерам:

23) But an ontology in which the original apostasy, the move from innocence to guilt, is recreated on numberless occasions, with each individual over and again treasonous to God, is aesthetically inferior as a cosmology, because ***the relationship of mankind to God would be characterized by a continual pollution of beauty and of desecration of innocence***. What is ugly and deceitful would enjoy victory over the beautiful and noble constantly, in a tremendous number of recapitulations of the ugliness of expulsion from the garden [www.atijournal.org].

Здесь отмечаем употребление метафоры с участием прилагательного, в которой автор текста говорит о взаимоотношениях между человечеством и Господом и подчеркивает их характер, далекий от всех канонов. В контексте прослеживается параллель между духовным загрязнением красоты и всего светлого и непорочного и реальным загрязнением (окружающая среда, вода, воздух и т.д.) и осквернением, наблюдаемым во всем мире с момента зарождения жизни на Земле. Очевидно, что существительное *pollution* вербализует ядро метафоры и несет основную смысловую метафорическую нагрузку в тексте. В свою очередь, имя прилагательное, *continual*, находясь в препозиции, также относится к ядерной области и характеризует продолжающийся бесконечно процесс загрязнения и осквернения, что вытекает из его словарных дефиниций: *continual* – seemingly without interruption; chiefly restrict-

ed to what recurs regularly or frequently in a prolonged and closely spaced series [www.dictionary.babylon.com].

Следующий пример иллюстрирует ситуацию, когда имя прилагательное располагается на периферии:

24) God is supposed to be a Being who is willing to be fully involved with mankind so that He is inclined to assist man in achieving a position of a higher level. It can be believed, by man, that God is a Being who sits in heaven anxiously waiting to assist man in his times of trial. A God of relation is one who provides for man. With this type of belief, it almost appears as though God is expected to be much like *a genie in a magic lamp* [www.biblicaltheology.com].

Здесь отмечаем наличие метафоры *a genie in a magic lamp*, с помощью которой автор текста, с присущей ему иронией, высказывает идею о том, что в представлении простого обывателя между образом Бога и сказочного Джинна можно поставить знак равенства, поскольку задача каждого из них – осуществлять человеческие желания. В метафоре *a genie in a magic lamp* ядром выступает существительное *genie* – *a magic spirit believed to take human form and serve the person who calls it* [www.merriam-webster.com], а прилагательное *magic* служит для вербальной репрезентации метафорической периферии.

Сразу сделаем оговорку о том, что частотность употребления метафор в анализируемых нами жанрах, а именно, в диалогах и толкованиях различна. Так, на жанр толкований приходится 62,4 % языкового материала выборки по религии, маркированного наличием метафоры, а доля примеров, представляющих собой образцы диалогов, составляет 37,6 % в масштабах выборки. Приведем пример:

25) In revealing the divine nature as the fullness of love, the Incarnation also reveals the world as *the utterly gratuitous fruit of divine generosity*, possessed of a fullness of its own which ultimately defies the absolutizing claims of mechanistic or reductive explanation [www.atijournal.org].

В данном примере отмечаем наличие метафоры *the utterly gratuitous fruit of divine generosity*, образованной с участием нескольких прилагательных, придающих фрагменту толкования экспрессию и выступающих средствами выражения позитивной авторской оценки. По словам автора текста, человек порожден на свет усилиями Всевышнего, и его рождение есть акт божественной щедрости, базирующейся, по сути, на безвозмездной основе, т.е. Бог дал человеку жизнь, ничего не требуя взамен. При этом прилагательное *gratuitous*, сообщая ключевую информацию в тексте, выступает в качестве репрезентанта метафорического ядра, а прилагательное *divine* относится к метафорической периферии. Полагаем, что присутствие ряда прилагательных в пределах одной метафоры подтверждает нашу мысль о значимости и весомости указанной части речи в создании метафоры.

Рассмотрим далее образец диалога на предмет употребления в нем метафоры:

26) But even that seems impossible, since popular theology long ago devolved into a certain simplistic narrative of *the Son of God suffering and dying on behalf of sinful human sons and daughters*: How could anyone even approximate the moral character of the perfect man Jesus (who, when one gets down to it, really is not considered human the way we are anyway)? And how could anyone imagine or perhaps even desire drawing close to such a God, the Father, who sends his darling son to be born miraculously among humans only to cut him down brutally in the prime of life in divine retribution for humanity's disobedience? *The sadomasochistic drama plays out on a stage* over and above the terrain of us "regular" humans. The transaction between the Father and the Son is a matter settled between them on our behalf. The Father sacrifices his Son brutally, at the hands of men; the Son atones for humanity's dishonoring of God [www.atijournal.org].

Представленный фрагмент маркирован наличием двух метафор, образованных с участием имен прилагательных. Посредством номинации *the son of god suffering and dying on behalf of sinful human sons and daughters* автор текста повествует о страданиях и смерти сына божьего, пожертвовавшего собой во имя грешных людей. Очевидно, что реализация метафоры на уровне семантики происходит за счет причастий *suffering* и *dying* и прилагательного *sinful*, которое располагается на периферии и придает контексту особую экспрессию. В случае же с метафорой *the sadomasochistic drama plays out on a stage* прилагательное *sadomasochistic* репрезентирует метафорическую периферию, но, тем не менее, сообщает весьма значимую информацию, поскольку характеризует драму христианского учения, в котором Всевышний осознанно терпит лишения и мучения, испытывая при этом облегчение и радость за все человечество. Особую роль в контексте играет прилагательное *sadomasochistic*, реализующее весь трагизм ситуации. Очевидно, что основная метафорическая нагрузка в примере приходится на глагол *plays out*, посредством которого прослеживается аналогия с театром, где сцена служит площадкой для зрелищ и представлений.

Обилие метафор, построенных при помощи прилагательных в исследуемом типе дискурса, дает нам возможность реконструировать ряд частотных метафорических моделей, функционирующих в пределах англоязычного религиозного дискурса и построенных на основе ассоциативной связи элементов когнитивных областей цели и источника [Smart, 1958; Chimombo, Roseberry, 1998].

Целым рядом примеров (10,7 % от общего количества метафор в выборке) представлен метафорический перенос **God** → **Power**. Безусловно, размышляя о религии, богослов так или иначе характеризует Всевышнего, оценивая его силу, власть, авторитет. Полагаем, что не вызывает сомнения тот факт, что метафора выступает как «важное средство воздействия на интеллект, чувства и волю адресата» [Лапшова, 2012: 29], чем и объясняется

высокая частотность представленной модели в масштабах нашей выборки. При этом интересующая нас часть речи, имя прилагательное, играет важную роль в ее создании и может находиться как на периферии, так и в ядре метафоры. Например:

27) ... in the book of Revelation, they will be warning people of *the approaching day of judgment at the hands of Jesus*, returned in power *to establish the righteous throne of the God of Israel*. A reference in our preaching to *Jesus Christ, the great warrior-King*, in Revelation chapter 19 is quite appropriate [www.biblemagazine.com].

В представленном фрагменте фиксируем употребление ряда метафор, посредством которых автор говорит о силе Бога, его могуществе и решающей роли в час суда, который ждет каждого смертного. Очевидно, что вербализаторами метафорического переноса **God** → **Power** в метафорах *to establish the righteous throne of the God of Israel* и *Jesus Christ, the great warrior-King* выступают лексемы *throne* и *warrior-King*, последняя из которых является сложением двух основ *warrior* и *King*, что находит отражение в их словарных дефинициях: *throne* – the special chair for a king, queen, or other powerful person; *warrior* – a person who fights in battles and is known for having courage and skill; *King* – a male ruler of a country who usually inherits his position and rules for life [www.merriam-webster.com]. Показательно, что прилагательные *righteous* и *great* стоят в препозиции к ядерным областям и содержат важную информацию относительно величия Господа, его божественности и праведности.

Приведем еще пример:

28) This is truly a supernatural and divine work. *It requires*, indeed, *the finger of powerful God*, to engrave his image on the soul, where it was totally effaced; to renew the resemblance of his moral perfections, and transform us into the likeness of his dear Son [www.atijournal.org].

В примере (28) использована метафора *it requires ... the finger of powerful God*, служащая ироничным и весьма экспрессивным средством передачи идеи о всеобъемлющей и всепоглощающей силе Творца, в которой существительное *finger* несет основную смысловую метафорическую нагрузку, а прилагательное *powerful* вербализует смысловую метафорическую периферию, дополнительно подчеркивая могущество бога. По сути, однако, прилагательное *powerful* в данном случае в метафорическом значении не выступает, вследствие чего мы квалифицируем данную лексику именно как вербализатор семантической периферии рассматриваемой метафоры.

Вторую позицию по частотности в масштабах нашей выборки занимает метафорическая модель **God** → **Creator**, на долю которой приходится 9,1 % от общего количества метафор в выборке. Сразу отметим, что прилагательные могут выступать как в ядре, так и на периферии метафоры. Обратимся к предметному анализу данной модели:

29) Let us glorify *the supreme Artificer for all that was wisely and skillfully made*; by the beauty of visible things let us raise ourselves to Him who is above all beauty; by the grandeur of bodies, sensible and limited in their nature, let us conceive of the infinite Being whose immensity and omnipotence surpass all the efforts of the imagination [www.atijournal.org].

Здесь мы встречаем метафору *the supreme Artificer for all that was wisely and skillfully made*, в которой семантикой существительного *Artificer* – a clever or inventive designer (www.dictionary.reverso.net) актуализируется метафорическая проекция **God** → **Creator**. В свою очередь, прилагательное *supreme* относится к ядру метафоры, выступая в роли детерминанта ядерного существительного, и придает особую экспрессию всему повествованию.

Следующий пример иллюстрирует ситуацию, когда имя прилагательное располагается на периферии:

30) The basic point is, that God is our Creator and that *we are designed and created in accordance with his wise plan*, applies every bit as much to his ordaining as to his knowledge. Presumably, how God wills is also beyond our ken [www.atijournal.org].

Очевидно, что в представленном фрагменте глаголы *designed* и *created* служат вербализаторами метафорического переноса **God** → **Creator**, а прилагательное *wise* находится на периферии метафоры и сообщает о том, что человек и все живое на планете не являются случайным и спонтанным продуктом, а выступают как результат хорошо продуманной и кропотливой работы Создателя.

Перейдем к анализу метафорической модели **God** → **Savior**, на долю которой приходится 8,4 % от общего количества метафор в выборке:

31) Well then, this mystery, this Christ, the apostle says, must be known by the Lord's church. That Christ, beloved congregation, you must know, and you must continue to learn to know more of all His fullness and riches. Most definitely know Christ, even as *He delivers your soul from death and translates you out of the kingdom of darkness into God's marvelous light*. That above all is important. On that truth we, too, lay emphasis. If you do not know Christ, *the Savior of your sin-imprisoned soul*, then all further spiritual knowledge of that Christ is impossible. Therefore, that is all important first of all [www.prca.org].

Здесь автор текста повествует о Христе и подчеркивает его ключевую роль в спасении человека, точнее его души, отошедшей в мир иной. Как видно из контекста, назначение Господа – оживление души смертного и ее перемещение из царства тьмы к свету божьему, что по сути своей есть основа христианского учения – вера в возможность продолжения жизни после смерти. В свою очередь, в метафоре *the Savior of your sin-imprisoned soul* эксплицитно звучит мысль о спасительной природе Всевышнего, при этом существительное *Savior* стоит в ядре метафоры, а препозитивное прилагательное *sin-imprisoned* располагается на ее периферии и служит экспрессивным средст-

вом передачи идеи о том, что человек рожден в грехе и на протяжении всей своей земной жизни находится в его плену, из которого сбежать невозможно.

В силу того, что в основу христианской религии положена идея о принесении в жертву сына божьего ради спасения всего человечества, метафорический перенос **God** → **Sacrifice** (7,6 % от общего количества метафор в выборке) вполне оправдан и ожидаем в рамках англоязычного религиозного дискурса. На основании анализа языкового материала мы пришли к выводу, что в пределах этой модели имя прилагательное преимущественно выступает в качестве вербализатора именно метафорического ядра. Например:

32) Jesus did not just feel forsaken, but was indeed totally forsaken by God, the Father. As part of the Godhead, Jesus is in eternal communication with it. He is part of it. However, at this one point in eternity **He was** vicariously positioned as **the bloody sacrifice for all sins for all time past, present and future**, and as such was receiving the penalty for that sin: the very definition of death, separation from God. Jesus must have felt a loneliness and abandonment beyond anything we can ever comprehend [www.biblicaltheology.com].

В примере (32) фиксируем употребление развернутой метафоры *He was ... the bloody sacrifice for all sins for all time past, present and future*, в которой прилагательное *bloody* – having or covered with or accompanied by blood [www.dictionary.babylon.com] маркирует метафорическое ядро и несет основную смысловую нагрузку в тексте, являясь экспрессивным средством передачи идеи автора о том, что Иисус принес себя в жертву для искупления множества грехов и порочных действий всего человечества. Особый трагизм ситуации достигается при помощи прилагательных *bloody, past, present and future*, повествующих о фатальной обреченности Всевышнего быть вечной жертвой во все времена. В пределах обозначенной метафоры отмечаем, что постпозитивные прилагательные *past, present, future* относятся к периферии и передают дополнительную, тем не менее, весьма значимую информацию о предмете обсуждения.

Приведем еще пример:

33) God accepted and made this victim holy by raising him from the dead and glorifying him. The self-giving love of Christ with which he accepted his passion prevails over the worst of human malice. Christ expiates and makes reparation for sin by definitively dealing with it. As **the holy victim of wrongdoing**, he provides wrongdoers with the means of rising above sin by making them into adopted children of God through sharing in the divine life. The self-giving love of Christ was demonstrated in his acceptance of his passion [www.atijournal.org].

Очевидно, что в метафоре *the holy victim of wrongdoing* существительное *victim* – one that is injured, destroyed, or sacrificed under any of various conditions [www.merriam-webster.com] реализует перенос **God** → **Sacrifice**. Прилагательное *holy*, выступая непосредственным препозитивным детерминантом ключевой метафорической номинации, стоит в ядре метафоры и передает отношение автора к предмету обсуждения.

Мы уже говорили о том, что в сознании каждого верующего Бог – идеал и незабываемый авторитет, в связи с чем логичной представляется нам проекция **God** → **Perfection**, на долю которой приходится 6,4 % материала выборки, маркированного использованием метафор. Эмпирический анализ выборки показал, что имя прилагательное в указанной метафорической модели обнаруживает себя, как правило, в ядре. Например:

34) Because the life of Jesus is the exemplar, it presents *a perfect picture of human emotional life and of divine personality* [www.atijournal.org].

Здесь отметим целый ряд имен прилагательных, участвующих в создании метафоры и придающих особую экспрессию повествованию. При этом прилагательное *perfect* обнаруживает себя в ядре метафоры и служит вербализатором метафорического переноса **God** → **Perfection**, что подтверждается его словарными значениями: *perfect* – being entirely without fault or defect; corresponding to an ideal standard or abstract concept [www.merriam-webster.com], а прилагательные *human*, *emotional* и *divine* располагаются на периферии.

Особого внимания, полагаем, заслуживает метафорическая модель **God** → **Judge**, на долю которой приходится 6,2 % от общего количества метафор в масштабах выборки:

35) God is either *a fair arbiter to command certain rules*, or God must be subject to a moral standard that is higher than him. If the former, then God has imposed a morality that could have been different (which suggests that God is whimsical or inconsistent). If the latter, then God is subject to a moral standard and is not the highest good [www.atijournal.org].

Процесс суждения (или, точнее, осуждения) сам по себе предполагает оценку. Очевидно, что в метафоре *a fair arbiter to command certain rules* вербализатором метафорической проекции **God** → **Judge** выступает существительное *arbiter*, о чем свидетельствует структура его значения: *arbiter* – someone chosen to judge and decide a disputed issue [www.dictionary.babylon.com]. Однако показательно то, что прилагательное *fair*, стоящее в препозиции к существительному, передает ключевую информацию в контексте и относится к ядру метафоры, поскольку характеризует природу того самого судьи, справедливого и беспристрастного, в качестве которого выступает Бог.

На протяжении тысячелетий люди рассматривали религию, веру в сверхъестественные силы как некое таинство, истоки которого непостижимы простому обывателю. В связи с этим метафорический перенос **God** → **Mystery**, на долю которого приходится 5,9 % материала выборки, вполне закономерен, например:

36) The distinctive Christian belief in God as Trinity is founded upon an experiential knowing of God in and through the person of Jesus; thus, the early church fathers came to write of Jesus himself as *the divine mystery of God*. Jesus is the revelation of the Trinitarian God of love [www.atijournal.org].

Очевидно, что метафора *the divine mystery of god* образована с участием прилагательного *divine*, относящегося к ядру данной структуры и стоящего

в препозиции к существительному *mystery*, с помощью которого в контексте реализуется проекция **God** → **Mystery**.

Идея о том, что у истоков любой религии заложен концепт «Вера» как «комплексная ментальная сущность, состоящая из определенного количества областей, содержащих информацию об объектах, явлениях и процессах окружающей нас действительности» [Алимурадов, 2011: 62] и подразумевающая признание некой силы, определяющей течение человеческой жизни, преклонение и преданность ей, уже звучала в нашей работе, поэтому логичным нам видится присутствие в выборке метафорического переноса **Religion** → **Devotion**, зафиксированного в 5,6 % языкового материала. При этом интересующая нас часть речи, имя прилагательное, относится, как правило, к ядерной области метафоры. Обратимся к примерам:

37) Religion and the church itself was considered more and more to be a mere human society among others, existing for no other purpose in the world than the uplift of society and the betterment of humanity in the evolutionary sense of the word. If she was to have any right of existence at all, *she surely must be the obedient servant of Man* [www.rtr.org.au].

В примере (37) звучит мысль о том, что религия призвана быть послушной служанкой человека, всегда приходящей на помощь и в горе, и в радости. Очевидно, что метафорический перенос **Religion** → **Devotion** актуализируется семантикой существительного *servant*, о чем свидетельствуют его словарные дефиниции: *servant* – a person who is devoted to or guided by something [www.merriam-webster.com], а препозитивное прилагательное *obedient* добавляет экспрессии и усиливает мысль о повиновении и преданности религии.

Присутствие в выборке метафорической проекции **God** → **Truth** (5,2 % от общего количества метафор в выборке) объясняется тем, что с позиции христианского учения Бог – символ добра, любви, справедливости, правды и т.д.; иными словами, Бог – это истина последней инстанции. Именно эта мысль звучит в следующем отрывке:

38) ... the Devil causes murderous purpose to be carried out and lies to be spoken against Jesus, *the ultimate embodiment of truth* [www.atijournal.org].

Вновь отмечаем важную роль прилагательного (*ultimate*), служащего для передачи положительной оценки и отношения автора к Богу, являющемуся мерилom истины, слова которого – закон вне зависимости от ситуации.

Особую значимость в контексте рассмотрения метафорических моделей англоязычного религиозного дискурса приобретает перенос **Human Life** → **Battle** (5 % от общего количества метафор в выборке), явившийся результатом и следствием осмысления изменений в окружающем мире и места человека в системе данных изменений. Например:

39) Since the beginning of time, as chronicled in Genesis, believers have engaged in battle with Satan (Gen 3:1-7) as the enemy and often have fallen to his deceit. *This confrontation set the stage for a continuous battle between good and evil* [www.biblicaltheology.com].

В представленном фрагменте отмечаем употребление метафоры *this confrontation set the stage for a continuous battle between good and evil*, в которой реализация переноса **Human Life** → **Battle** осуществляется за счет семантики лексем *confrontation* и *battle*, а стоящее в ядре метафоры прилагательное *continuous*, подчеркивает продолжительный и бесконечный характер борьбы между добром и злом. Кроме того, в данном примере прослеживается аналогия между человеческой жизнью и театром как некой площадкой, сценой, где разворачиваются основные действия, зачастую имеющей кровавый след борьбы. Очевидно, что ассоциативная связь с театром достигается за счет лексемы *stage*, что подтверждено соответствующими словарными дефинициями: *stage* – a raised platform in a theater, auditorium, etc., where the performers stand [www.merriam-webster.com].

Приведем еще пример:

40) Christians in this age have been given a unique responsibility – *to do a fierce battle face-to-face with sin*. This is in the closest of conditions. The battle is as close as our own souls. *The old man built on the sin nature battles the new man created within by God*. Both are within the soul's "desiring system." This "desiring system" has a certain "form," with powers and inclinations, by virtue of being created in God's image. And because of our selfish rebellion against God the passions and desires within the desiring system become twisted and perverted toward self and Satan's world system [www.biblicaltheology.com].

Пример (40) является яркой иллюстрацией роли прилагательного при образовании метафоры. В случае с метафорой *to do a fierce battle face-to-face with sin* прилагательное *fierce*, располагаясь в ядре, служит весьма экспрессивным средством описания характера борьбы простого смертного с греховной составляющей человеческого бытия. Подтверждение находим в соответствующих словарных дефинициях: *fierce* – involving a lot of force or energy [www.macmillandictionary.com]. В свою очередь, в метафоре *the old man built on the sin nature battles the new man created within by God* вербализатором переноса **Human Life** → **Battle** выступает глагол *battle*, а ряд имен прилагательных (*old*, адъективированное *sin*, *new*) относятся к метафорической периферии и акцентируют постоянное противоборство человека, существующего в двух ипостасях: греховной, полученной при рождении, и божественной, преисполненной верой, стремящейся следовать всем предписаниям и наставлениям Господа.

Далее перейдем к рассмотрению метафорических моделей, имеющих незначительные показатели в выборке, однако, требующих столь же пристального внимания и детального анализа.

К числу малочастотных моделей мы относим, в первую очередь, метафорический перенос **God** → **Guide**, на долю которого приходится 4,8 % материала выборки. Например:

41) ... Jesus serves as *a wise and caring mentor to the Twelve* ... [www.atijournal.org].

В данном контексте вновь акцентируем внимание на имени прилагательном, подчеркивая его значимость в создании общего эмоционального фона и метафорической образности. Отметим, что прилагательные *wise* и *caring* несут смысловую нагрузку всего повествования, детерминируя метафорическое ядро, в котором основным вербализатором переноса **God** → **Guide**, безусловно, служит существительное *mentor*, о чем свидетельствуют его словарные дефиниции: *mentor* – a trusted counselor or guide [www.merriam-webster.com].

Рассматривая метафорические модели англоязычного религиозного дискурса, следует остановиться и на проекции **God** → **Change**, зафиксированной в 4,4 % примеров с метафорами. Эмпирический анализ языкового материала показал, что имя прилагательное в данной модели обнаруживает себя как в ядре метафоры, так и на периферии, например:

42) Let us continue to pray for those who are still blinded by this world, and look for every opportunity to share God's love with others so that more lives can be changed, so that *more lives can experience the ultimate power of God's makeover; a makeover not of our appearance, not of our house, but an extreme makeover of the heart*. A new life began for the blind man, both when his sight was regained, and then when he found salvation through Jesus Christ. That new beginning is available to everyone who has not experienced the transforming change that the Holy Spirit brings to the life of every believer [www.biblical-theology.com].

Здесь автор повествует о безграничной силе Господа, которая способна изменить все вокруг, тем не менее, нацелена на духовную сущность человека и затрагивает самый важный орган его жизнедеятельности – сердце. В контексте передается мысль о том, насколько актуально реформировать взгляды и идеи человека, прежде чем приобщить его к вере, при этом одно прилагательное (*ultimate*) относится к периферии метафоры и характеризует степень силы и влияния Бога, другое (*extreme*), располагаясь в ядре, подчеркивает всю серьезность и масштабность перемен и определяет существительное *makeover*, семантикой которого реализуется метафорический перенос **God** → **Change**: *makeover* – the act or process of making changes to improve the appearance or effectiveness of someone or something [www.merriam-webster.com].

В силу того, что в прецедентных текстах религиозного дискурса Иисус Христос рассматривается как посредник, реализующий на практике волю Всевышнего [см. об этом, в частности: Бобырева, 2007; Мечковская, 1998], логичным считаем метафорический перенос **God** → **Mediator**, зафиксированный в 4 % материала нашей выборки, маркированного наличием метафоры. Приведем пример:

43) Christ has to be seen as mediating divine revelation and atonement "in virtue of what he is". He is not just an agent of that mediation to us but is *the Me-*

diator of a divine revelation and reconciliation that is not other than what he is in his own personal Identity and Reality. What He is and what **He mediates** are one and the same [www.biblicalstudies.org.uk].

Пример (43) маркирован употреблением метафоры *the Mediator of a divine revelation and reconciliation*, причем имя существительное *Mediator* является вербализатором метафорического переноса **God** → **Mediator**, а прилагательное *divine* служит в качестве метафорической периферии, вновь и вновь подчеркивающее мысль о божественной (чистой и безгреховной) природе Господа, всех его мыслей и поступков.

Семантически близкой к модели **God** → **Mediator** является метафорическая проекция **God** → **Mission**, на долю которой приходится 3,7 % от общего количества метафор в выборке, например:

44) **He is** always personally *involved in doing the work of his unique mission*, yet he is ever so conscious of teaching the disciples who would “do and teach” what he had done and taught [www.atijournal.org].

Очевидно, что метафоричность фрагмента достигается за счет фразы *doing the work*, передающей мысль о том, что Бог, подобно простому обывателю, всегда при деле, он – труженик, выполняющий свою миссию. При этом семантикой прилагательного *unique*, находящегося на периферии метафоры, автор текста подчеркивает значимость, неповторимость и уникальность миссии, возложенной на Всевышнего.

Рассматривая метафорические модели англоязычного религиозного дискурса, нельзя не упомянуть проекцию **God** → **Cure**, зафиксированную в 3,1 % примеров в выборке. Приведем пример:

45) According to the Spirit-kingdom narrative, the human plight is languishing under the effects of sin-personally, corporately, and cosmically. The choice for autonomy from God, which summarizes the Bible’s account of the source of this ruin, yields corruption in all dimensions of human relationality: self to God, self to self, self to other selves, and self to the rest of the creation. Into this ruin comes the kingdom’s message of grace, of *a move by God to come and heal the broken relationship through his incarnate Son’s death* and offering forgiveness and *wholeness* to all who would turn from their autonomy to lives of dependence upon and ordered underneath God’s provision as Life-giver and Sustainer [www.atijournal.org].

В представленном фрагменте отмечаем употребление метафоры *a move by God to come and heal the broken relationship through his incarnate Son’s death*, образованной с участием прилагательных *broken* и *incarnate*, относящихся к метафорической периферии. Безусловно, семантикой глагола *heal* реализуется метафорический перенос **God** → **Cure**, что находит отражение в соответствующих дефинициях: *heal* – to *cure* of disease or disorder [www.merriam-webster.com].

Интересной, на наш взгляд, представляется метафорическая модель **God** → **Treasure**, зафиксированная в 2,9 % материала выборки.

Эмпирический анализ выборки показал, что имя прилагательное в указанной метафорической модели обнаруживает себя, как правило, на периферии. Например:

46) We must wrestle with our lifestyle, to love God and to hold the deceitful riches of this world as lightly as we ought. The struggle is against falling in love with mere trash, and falling out of love with *Christ, the pearl of great price* [www.biblicalstudies.org.uk].

Пример (46) маркирован метафорой *the pearl of great price*, с помощью которой автор говорит о значимости и ценности Христа, отождествляя его с жемчужиной. Очевидно, что в метафоре *the pearl of great price* существительное *pearl* репрезентирует ядро метафоры и несет основную смысловую метафорическую нагрузку в тексте, в то время как прилагательное *great* обнаруживает себя на периферии и вербализует стоимостную характеристику жемчужины в лице Всевышнего, т.е. определяет ее денежный эквивалент.

Полагаем, что присутствие метафорического переноса **World** → **Mess** (2,7 % от общего количества метафор) в выборке обусловлено процессами и явлениями в современном мире, которые зачастую носят негативный характер, например:

47) The “problem of evil” touches each of these issues at its core. It represents an apparent logical inconsistency with the claim that an omni-benevolent and all-powerful God exists in such *a world littered with the debris and carnage of human suffering*, not to mention that inflicted upon animals and the environment itself. The problem of evil sets forth the philosophical and practical challenge to understand how a good and powerful God, if He exists at all, could possibly allow His creatures to act as they do [www.biblicaltheology.com].

В представленном фрагменте отмечаем употребление метафоры *a world littered with the debris and carnage of human suffering*, в которой причастие *littered*, являющееся производным от глагола *litter*, выступает метафорическим ядром и несет смысловую нагрузку повествования, что подтверждается словарными значениями указанного глагола: *litter* – to make messy with things scattered about [www.yourdictionary.com], а прилагательное *human* относится к метафорической периферии и сообщает дополнительную информацию в тексте.

Следующей метафорической моделью, имеющей относительно скромные показатели по выборке, является **Religion** → **Marriage** (2,4 % от общего количества метафор в выборке), например:

48) The only plausible reason that God would give His only son to save us and give us the internal life is that God wants to be affiliated and has deep emotional affection for us. In the New Testament, *the relationship* described *between Christ and the church is one of a faithful bridegroom and bride*, another metaphorical perspective to relay the relationship [www.biblicaltheology.com].

Безусловно, в основе любой метафоры лежит «механизм сравнения объектов разных классов» [Воронкина, 2010: 127], и в данном случае мы наблюдаем параллель между религией и браком.

Очевидно, что существительные *bridegroom* и *bride* выступают в качестве репрезентантов метафорического ядра и несут смысловую нагрузку повествования, реализуя метафорический перенос **Religion** → **Marriage**. Однако показательно, что имя прилагательное *faithful* участвует в создании метафоры, располагаясь в ядре, и придает особую экспрессию контексту, в котором подчеркивается тот факт, что между Богом и институтом церкви существует тесная связь, подобная той, что имеет место в отношениях жениха и невесты.

Завершим наш анализ метафорической моделью **Human being** → **Product**, имеющей наименьшую репрезентативность в выборке – 1,9 % от общего количества примеров, маркированных наличием метафоры. Рассмотрим один из немногочисленных примеров:

49) *Without God, human beings are accidental, evolved, mortal, short-lived products of nature* – and human beings are nothing more than this [www.atijournal.org].

В представленном фрагменте текста автор эксплицитно выражает мысль о бесплезности и ничтожности человеческого бытия без Господа, называя человека случайным, смертным «продуктом» природы. Именно семантикой эмоционально-оценочных имен прилагательных *accidental, mortal, short-lived*, обнаруживающих себя в ядре метафоры, актуализируется идея о бессмысленности пребывания на Земле человека – атеиста, и передается пренебрежительное отношение к нему со стороны автора, что подтверждается соответствующими дефинициями: *accidenta l* – occurring unexpectedly or by chance; *mortal* – subject to death; *short-lived* – not living or lasting long [www.merriam-webster.com].

Полагаем, что для успешного и эффективного погружения в процесс порождения высказываний исследователю при его попытке интерпретации некой мысли необходимо определить, прежде всего, глобальный смысл, а затем уже понять, что стоит за той или иной фразой, словом [Алимурадов, 2003: 101].

Эмпирический анализ материала выборки показал, что имя прилагательное чаще относится к метафорической периферии (59,2 % от общего количества метафор в выборке), чем к метафорическому ядру (40,8 % от общего количества метафор в выборке).

Подводя некоторые итоги, отметим, что перечень метафорических моделей, функционирующих в пределах англоязычного религиозного дискурса и зафиксированных в теологических журналах, не является закрытым, поскольку язык развивается динамично и постоянно пополняется новой лексикой.

8.4. Фреймовые структуры категорий качества и оценки, реализуемые в современном англоязычном религиозном дискурсе

В рамках нашего исследования уже звучала мысль о том, что краеугольным камнем, своего рода фундаментом сферы религии является концепт **Вера**, в связи с чем вполне оправдано, на наш взгляд, выделение в анализируемом типе дискурса глобального фрейма **Faith**, структура которого дробится далее на подфреймы, слоты и терминалы, актуализирующие некие фрагменты знаний.

Прежде чем начать анализ глобального фрейма **Faith** англоязычного религиозного дискурса, считаем необходимым, рассмотреть вопрос о корреляции концепта Вера и категорий качества и оценки, выступающих предметом наших исследовательских интересов.

Очевидно, что когда речь идет о вере как «внутреннем состоянии каждого отдельного человека» [Степанов, 1997:83], применимую к области религии, мы подразумеваем веру, базирующуюся на принятии, понимании и осознании чего-либо или кого-либо, т.е. выражении позитивного отношения и оценки. Так, если человек верит в существование Бога, его силу, он надеется его рядом качеств, безусловно, положительных, свидетельствующих о наличии силы, власти, мудрости и т.д. и характеризует его (Бога) с хорошей стороны.

В свою очередь, категории качества и оценки подразумевают наличие полярных значений, поскольку и качество, и оценка на семантическом уровне могут быть как положительными со знаком (+), так и отрицательными со знаком (-).

Данная закономерность прослеживается в текстовых примерах в выборке, в которой вербализаторы положительной оценки преобладают и составляют 78,3 % от общего количества примеров в выборке, в свою очередь, оценка со знаком (-) (21,7 % примеров в масштабе выборки) не говорит об отсутствии веры во Всевышнего, несостоятельности христианского учения, а, как правило, касается жесткости, порой жестокости Господа и греховной и небезупречной природы простого смертного. Приведем примеры:

50) Western classical theism asserts that God in himself is the *Greatest Being – absolutely self-sufficient, eternal, immutable, omnipotent, omniscient, completely active, and most excellent* in every way [www.atijournal.org].

В представленном фрагменте отмечаем широкий спектр эмоционально-оценочной лексики, а именно, имен прилагательных, с помощью которых автор текста характеризует Всевышнего, указывая на его величие, постоянство, силу, мудрость и превосходство. Очевидно, что в контексте эксплицитно передается положительная оценка Господа, что подтверждается соответствующими словарными дефинициями: *self-sufficient* – having an extreme con-

fidence in one's own ability or worth; *omnipotent* – having virtually unlimited authority or influence; *omniscient* – having infinite awareness, understanding, and insight; possessed of universal or complete knowledge *excellent* – very good of its kind; eminently good [www.merriam-webster.com]. Кроме этого, на семантическом уровне нельзя не отметить весомость и значимость наречий (*absolutely, completely*) и превосходной степени прилагательных (*the Greatest, most excellent*), использование которых добавляет экспрессию всему повествованию и, создавая в тексте определенный эмоциональный фон, воздействует на адресанта, вселяя в него некую надежду и веру в существование сверхъестественных сил.

51) If we ask the all-important question – Who is the Jesus of the Bible? – Scripture presents a straightforward answer which the church has confessed throughout the ages: Jesus is God *the Son incarnate*. As God the Son he has existed from all-eternity, *co-equal* with the Father and Spirit and thus *fully God*. Yet, at a specific point in time he took to himself our *human nature* and became *incarnate* in order to save us from our sin by his *glorious life*, death, resurrection, and ascension [www.sbsts.edu].

Здесь автор текста повествует о сущности Христа, указывая на то, что Господь триедин, где каждая его ипостась (Бог-Отец, Бог-Сын, Святой Дух) играет важную роль и между ними – знак равенства. Согласно Библии, Иисус явился на Землю в образе человека как воплощение всех мыслей, идей и намерений Всевышнего, его основная задача – спасение от греха всего человечества, а путь к этому спасению – сквозь смерть и Воскресение. Несмотря на тяжкую участь Христа, богослов называет его жизнь «славной», используя эмоционально-оценочное прилагательное *glorious* – marked by great beauty or splendor [www.merriam-webster.com], что, на наш взгляд, не является случайным, поскольку подчинено главной цели рассматриваемого типа дискурса – вселение веры и надежды в простого обитателя.

В следующем примере фиксируем наличие негативной оценки, реализуемой семантикой имени прилагательного, с помощью которого автор текста вербализует идею о греховной природе человека, о его ненасытном характере и постоянной неудовлетворенности настоящим:

52) God punishes all because the sin of Adam was so *egregious*; and the sin was so *egregious* because Adam had everything he could rationally desire, and every possible advantage – and yet he sinned. Hence so *terrific* a sin deserves a *terrific* punishment [www.atijournal.org].

В примере (52) находим мысль о том, что Всевышний покарал согрешившего Адама, а, следовательно, и все человечество, которое бросает ему вызов, находясь в бесконечном поиске чего-то нового и неизвестного, демонстрируя при этом, с одной стороны, чрезмерное любопытство, а с другой – слишком высокий уровень притязаний. Полагаем, что в данном фрагменте не идет речь об отсутствии религиозной веры в Господа, а открыто

звучит идея о далеко небезгрешной сущности простого обывателя нашей планеты. Очевидно, что главным вербализатором отрицательной оценки выступает прилагательное *egregious*, что вытекает из его словарных значений: *egregious* – extremely bad [www.oald8.oxfordlearnersdictionaries.com]. В свою очередь, прилагательное *terrific* – excellent; wonderful; very large; very great [www.oald8.oxfordlearnersdictionaries.com] служит для усиления степени интенсивности наказания и передачи тяжких последствий деяний, повлекших за собой столь суровую расплату.

Рассмотрим еще один пример:

53) But an ontology in which the original apostasy, the move from innocence to guilt, is recreated on numberless occasions, with each individual over and again *treasonous* to God, is aesthetically inferior as a cosmology, because the relationship of mankind to God would be characterized by *a continual pollution* of beauty and of desecration of innocence. What is *ugly and deceitful* would enjoy victory over the beautiful and noble constantly, in a tremendous number of recapitulations of the ugliness of expulsion from the garden [www.atijournal.org].

Здесь вновь отмечаем употребление целого ряда имен прилагательных, при помощи которых автор текста характеризует беззгреховное поведение «детей» божьих к Создателю. В качестве основного инструмента оценки в контексте выступают весьма экспрессивные языковые единицы (*treasonous, ugly, deceitful, pollution*), при этом прилагательное *treasonous* – relating to or involving treason [www.collinsdictionary.com] вербализует идею о предательстве по отношению к Господу, а лексемы *ugly* и *deceitful* лишь усиливают степень и серьезность данного предательства, что вытекает из их словарных дефиниций: *ugly* – very unpleasant [www.macmillandictionary.com] *deceitful* – not honest [www.merriam-webster.com].

Наряду с критическими соображениями относительно всего человечества и каждого грешного, материал нашей выборки изобилует фрагментами, повествующими о Сатане, его сущности, служащей олицетворением зла, смерти и т.д. Подтверждение мысли о постоянном противоборстве добра и зла, света и тьмы в лице Господа и Сатаны находим в следующем примере:

54) People of God need to be alert to the reality of Satan's *destructive power* and sensitive to the way in which we can cooperate with the Spirit of God to bring new life to those individuals who are possessed. On the cosmological level, there is *a life and death struggle* that has been waged and continues to be fought, since the people of God live in two ages, "the already but not yet" [www.biblicaltheology.com].

В представленном фрагменте именно семантикой прилагательного передается весь трагизм ситуации и вербализуется негативная оценка деяний Сатаны, что находит отражение в соответствующих словарных дефинициях: *destructive* – causing a very large amount of damage; causing destruction or harm [www.merriam-webster.com]. Автор текста осознанно сгущает краски и пы-

тается воздействовать на адресата, взывая к его разуму и чувствам, чтобы внушить идею о невозможности бытия вне Господа под властью темных сил.

Принимая во внимание все сказанное выше, можно заключить, что концепт **Вера** *значительно уже* поля качества и оценки, поскольку имеет определенные языковые ограничения и имплицитно указывает на положительное отношение к предмету обсуждения.

При описании фрейма религиозного дискурса нам потребовалось разбить его масштабную структуру на семантически родственные сегменты, репрезентирующие в полной мере материал нашей выборки. При этом мы акцентировали свое внимание на качественной лексике религиозной сферы, а именно имя прилагательное, и построили анализ, исходя из критерия частотности того или иного фреймового фрагмента в пределах выборки.

Наиболее часто представлено фрейм **Faith** в части характеристики **Природы и Навыков / Nature – Skills, Замысла / Purpose** и **Методов и Возможностей / Methods – Possibilities** Всевышнего [см. Приложение 1], на долю таких структур приходится 60,8 % материала нашей выборки.

Согласно схеме, адресант, в роли которого выступают священник, духовное лицо, прихожанин, верующий, священнослужитель, преисполненные надежды и одухотворенные верой в существование Высшей Силы, оценивают объект, характеризуя его природу, намерения и предназначения, а также методы, используемые Господом для достижения поставленных целей. Эмпирический анализ материала выборки по тематическим текстам области религии показал, что ключевым подфреймом в структуре глобального фрейма **Faith** является **Предмет веры / Subject of Faith**, актуализируемый тремя коррелирующими слотами: **Nature – Skills, Purpose** и **Methods – Possibilities**, каждый из которых имеет определенный круг вербализаторов.

Рассмотрим детально обозначенные элементы структуры, сделав особый акцент на категорию качества, реализуемую, преимущественно, при помощи прилагательных.

Начнем со слота **Nature – Skills** (19,6 % материала выборки характеризуют природу Бога), поскольку богослов, преследуя своей целью приобщение адресата к вере, использует все имеющиеся у него средства (лексические, грамматические, графические) для того, чтобы убедить всех в существовании Всевышнего и вселить надежду и умиротворение от одной только мысли, что Господь всемогущ и милостив ко всему человечеству и к каждому смертному.

На основании результатов анализа нашей выборки считаем возможным говорить о наличии 20 терминалов [см. Приложение 1] в пределах слота **Nature – Skills**, среди них: **Holiness, Humanity, Mystery, Complexity, Eternity, Uniqueness, Wisdom, Hospitality, Perfection** и др. Дистрибуция терминалов применительно к слоту **Nature** показана на Диаграмме 1.

Обратимся к примерам:

55) This affirmation entails at least two important points. First, *the man* Jesus from the moment of conception was personal by virtue of the union of the **human nature** in the person of the **divine Son**. At no point were there two persons or active subjects. That is why in our Lord Jesus we come face to face with God. We meet him, not subsumed under **human flesh**, not merely associated with it, but in undiminished moral splendor. The deity and humanity coincide, not because the **human** has grown into the **divine**, but because the **divine Son** has taken to himself a **human nature** for our salvation. It is he, as the Son, who subsists in two natures, who has lived his life for us as our representative head, died our death as our substitute, and been raised for our eternal salvation ... since he has taken to himself a **human nature** alongside his **divine nature**, the Son can now live a **fully human life** yet not be totally confined or limited to that **human nature**. That is why Scripture affirms that even as the Incarnate One, *the divine Son* continued to uphold and sustain the universe while simultaneously living his life on earth, as a man, in dependence upon the Father and by the power of the Spirit [www.sbsts.edu].

В примере (55) автор текста повествует о двойственной природе Бога: с одной стороны, Господь предстает перед нами в образе человека и является одним из нас, а с другой – ему свойственно нечто божественное и святое, поскольку он в ответе за всех обитателей планеты и его миссия заключается в их спасении. Очевидно, что прилагательные *human* и *divine* актуализируют терминалы **Humanity** и **Holiness**, на долю которых приходится, соответственно, 6,8 % и 8,2 % материала выборки, описывающего природу Бога, что подтверждают словарные дефиниции данных прилагательных: *human* – of, relating to, or characteristic of humans; having human form or attributes (www.merriam-webster.com); *divine* – given or inspired by God; holy; sacred; devoted to God [www.yourdictionary.com].

Наряду с представленными лексемами, в выборке были отмечены следующие вербализаторы указанных терминалов: *manlike, mortal, natural; angelic, godlike, heavenly, holy, spiritual, supernatural, sacred, blissful*.

Мысль о мистической составляющей религиозной сферы и Всевышнего не раз звучала в работе, в связи с чем присутствие в структуре фрейма **Faith** терминала **Mystery** (7,1 % от общего количества примеров, повествующих о природе Бога) вполне оправдано. Рассмотрим пример:

56) Put differently, just as God is unfathomably and thus *apophatically mysterious* precisely as a function of the *kataphatic* fullness of his determination as gratuitous, Trinitarian love, so too is each thing inherently *mysterious*, as the finite effect and reflection of that same gratuity [www.atijournal.org].

В представленном фрагменте автор текста характеризует Бога и говорит о том, что все, что имеет к нему отношение по своей сути – незримо и сокровенно, полно тайн и загадок. Безусловно, семантикой прилагательного *mysterious* – of, relating to, or constituting mystery [www.merriam-webster.com] в кон-

тексте реализуется терминал **Mystery**. Материал нашей выборки маркирован наличием и иных вербализаторов терминала **Mystery**, таких как: *enigmatic, incomprehensible, obscure, perplexing, secret, unfathomable, unknown*.

В следующем примере, интересном для анализа с позиции лингвистики, фиксируем употребление широкого спектра эмоционально-оценочной лексики, имен прилагательных, посредством которых актуализируются конкретные фрагменты знаний:

57) In Jesus Christ, we see the *perfectly obedient Son* who is also the Lord, taking the initiative to keep his covenant-promises by taking upon our human flesh, veiling his glory, and winning for us our redemption. In him we see two major OT eschatological expectations unite: he is *the sovereign Lord* who comes to rescue and save his people, who is, simultaneously, David's greater Son. In this way, our Lord Jesus Christ fulfills all the types and shadows of the OT who is also *the eternal Son*, identified with the covenant Lord and thus God-equal to the Father in every way. The biblical covenants, then, nicely teach us who Jesus is and, in fact, he cannot be understood apart from them [www.sbts.edu].

По мнению автора текста, Иисус Христос, с одной стороны, выступает как воплощение воли Бога-Отца, демонстрируя беспрекословное подчинение и послушание, а также готовность страдать и умереть во благо и спасение людей. На вербальном уровне особую значимость приобретает фраза *perfectly obedient (Son)*, представляющая собой связку наречие + прилагательное, с помощью которой фрагмент приобретает дополнительную экспрессию. При этом прилагательное *obedient* актуализирует терминал **Obedience** (5,2 % от общего количества примеров, повествующих о природе Бога), что подтверждают словарные значения указанного прилагательного: *obedient* – *submissive to the restraint or command of authority; willing to obey* [www.merriam-webster.com]. С другой стороны, Бог-Сын как Властелин, несущий добро, олицетворяет собой безграничную и всеобъемлющую власть, что позволяет нам считать, что именно лексемой *sovereign* – *having unlimited power or authority* [www.merriam-webster.com] реализуется в контексте терминал **Power**, на долю которого приходится 6,4 % материала выборки по природе Бога. Наконец, прилагательное *eternal* – *having infinite duration; of or relating to eternity* [www.merriam-webster.com] эксплицитно характеризует сущность Христа с точки зрения бесконечного бытия, вне времени и пространства и актуализирует, тем самым, терминал **Eternity** (5,9 % от общего количества примеров, повествующих о природе Бога).

Наряду с представленными лексемами, в выборке были отмечены следующие вербализаторы указанных терминалов: *docile, submissive; absolute, chief, dominant, principal, supreme, unlimited; constant, deathless, endless, everlasting, immortal, infinite, never-ending, perpetual, timeless, unceasing, undying, immutable, imperishable, permanent*.

Мы уже отмечали, что теологическим текстам свойственна эмотивность [Худякова, 2008: 227], наличие качественной, возвышенной лексики [Stiver, 1996; Оганов, 2002 и др.], служащей ярким способом передачи чувств, эмоций и переживаний на интуитивном уровне, поскольку далеко не всегда адресант в состоянии адекватно выразить и описать свой внутренний мир. Приведем пример:

58) It was requisite that he should have been made *perfect* through sufferings and become the author of salvation through this perfecting. It was not, of course, a perfecting that required the sanctification from sin to holiness. He was always *holy, merciful, undefiled*, and separate from sinners. But there was the perfecting of development and growth in the course and path of his obedience – he *learned* obedience [www.sbts.edu].

Как и в предыдущем примере наблюдаем ряд эмоционально-оценочных прилагательных, с помощью которых в контексте реализуются одновременно несколько терминалов, вновь говорим об их значительной роли в создании эмоционального фона всего повествования. Автор текста говорит о безупречности Господа и семантикой прилагательного *perfect* – being entirely without fault or defect; corresponding to an ideal standard or abstract concept [www.merriam-webster.com] актуализирует терминал **Perfection** (6,7 % от общего количества примеров, повествующих о природе Бога). Совершенство Бога ощущается во всем, в страданиях и спасении, развитии и росте, послушании и т.д. Показательно, что постоянными характеристиками Всевышнего выступают его святость, милосердие и чистота, что подразумевают в контексте качественные слова, а именно, прилагательные *holy, merciful, undefiled*, репрезентирующие в выборке терминалы **Holiness, Mercy, Purity** и имеющие в ней соответствующие показатели (8,2 %; 5,3 %; 3,6 % от общего количества примеров, повествующих о природе Бога). Принадлежность указанных прилагательных к обозначенным терминалам подтверждается их словарными дефинициями: *merciful* – treating people with kindness and forgiveness; having or showing mercy [www.merriam-webster.com], *undefiled* – not defiled; pure [www.oxforddictionaries.com]. В масштабе выборки отмечаем и иные вербализаторы данных терминалов: *spiritual, supernatural, sacred, blissful; benevolent, compassionate, forgiving, gentle, gracious, human, sympathetic, tender; blameless, clean, clear; decent, fair; faultless, guiltless*.

Многие мировые религии признают существование некоей Высшей силы, во власти которой находится каждый грешный, все живое и неживое на планете. Следующий пример служит подтверждением этой мысли:

59) Classical theism is often associated with *strong forms of divine sovereignty* whereby God has *complete control* over all human and non-human events in the world; this typically entails a correspondingly less robust form of human freedom. God's aseity means that God does not depend on anything, yet, by virtue of divine sovereignty, everything depends upon God [www.atijournal.org].

Здесь, на наш взгляд, имеет место двоякая оценка, маркированная полярными значениями и выраженная, в том числе, и семантикой имен прилагательных. Автор говорит о чрезмерной силе и власти Всевышнего по отношению ко всему происходящему в мире, что, с одной стороны, можно рассматривать как заботу во благо человечества, а с другой – как жесткие формы проявления превосходства Бога, поскольку речь идет об абсолютном и полном контроле, ограничивающем свободу человека. Полагаем, что существительное *control* вербализует терминал **Power** (6,4 % от количества примеров, описывающих природу Бога), однако, препозитивное прилагательное *complete* служит экспрессивным средством передачи значимой в контексте информации. В выборке были отмечены такие вербализаторы терминала **Power**, как: *almighty, all-powerful, omnipotent, compelling, mighty, potent, strong*.

В следующем примере находим практическую реализацию терминалов **Trust** и **Truth**, имеющих абсолютно одинаковые показатели по выборке – 4,4 % от количества примеров, описывающих природу Бога:

60) As Creator and Lord, he chooses to enter into relationships with his creatures, and in that relationship he always shows himself to be the *faithful partner*. He always remains *true* to himself, his own character, and his promises, and it is on this basis alone that we can hope, trust, and find all our confidence in him [www.sbts.edu].

Здесь автор текста повествует о взаимоотношениях Творца с его созданиями, при этом подчеркивая мысль о бесконечной преданности Господа, выступающего верным партнером, который способен быть самим собой и придерживаться определенной стратегии и линии развития, вызывая доверие и располагая к себе, одним словом, быть своего рода маяком для простого смертного. Очевидно, что прилагательные *faithful* – *deserving trust* [www.merriam-webster.com] и *true* – *real or genuine* (www.merriam-webster.com), наряду с лексемами *constant, dedicated, devoted, loyal, steadfast; genuine, honest, real, right, authentic* актуализируют в выборке рассматриваемые терминалы.

Рассмотрим еще один пример:

61) In short, God acts, then humans respond in the creation of ways of being that we deem fitting of the God we love and have faith in. As an example, we as Christians believe that God is *hospitable* to us in certain ways; we in turn go out and try to be hospitable to others in ways appropriate to us as forgiven creatures [www.atijournal.org].

В представленном фрагменте текста автор указывает на свойство Бога быть добрым и гостеприимным применительно к простому обывателю, в силу того, что мы попадаем в мир, созданный и управляемый Господом, а наше земное пребывание – явление временное и быстротечное. Несмотря на это, Господь рад каждому и требует от нас того же самого. Очевидно, что в структуре глобального фрейма **Faith** прилагательное *hospitable* актуализирует терминал **Warmth** (4,1 % от общего количества примеров, повествую-

щих о природе Бога), что вытекает из его словарных значений: *hospitable* – warm and welcoming to guests and strangers [www.dictionary.babylon.com]. Кроме этого, как показал анализ выборки, вербализаторами терминала **Warmth** могут выступать следующие прилагательные: *kind, genial, welcoming, friendly*.

Далее приведем пример, в котором эксплицитно отражается негативная оценка природы и сущности Всемогущего:

62) ... the Bible's talk about **violent God** must be taken seriously into account in any accurate portrayal of the biblical God. Even more, **divine anger and judgment**, which may entail violence, are absolutely crucial to our continued reflection about God and God's ways in the world. On the other hand, some of the ways in which God's violence is depicted in the Bible should not stand unchallenged [www.wordandworld.luthersem.edu].

В примере (62) звучит идея о том, что жестокость Бога должна восприниматься нами всерьез, должна заставить человека насторожиться, поскольку не является случайным актом, а представляет собой ответную реакцию на далеко небезгрешное бытие простого смертного. Оценка со знаком (–) достигается на уровне семантики при помощи лексем *anger, judgment, violent*, где последнее реализует в выборке терминал **Violence** (4,7 % от общего количества примеров, повествующих о природе Бога). Анализируя обширный материал выборки, нами были выделены и другие вербализаторы указанного терминала, например: *barbarous, brutal, savage, vicious, hostile, aggressive*.

Перейдем к анализу слота **Purpose** (19,6 % материала выборки характеризуют замысел Господа) и терминалов, репрезентирующих категорию качества в масштабе нашей выборки [см. Приложение 1]. Назовем лишь некоторые терминалы, отмеченные нами в ходе анализа языкового материала: **Obedience, Salvation, Love, Creation, Education, Help** и др. Подробная дистрибуция терминалов слота **Purpose** показана на Диаграмме 2. Рассмотрим примеры:

63) We have noted, firstly, that, in relation to His **wise purpose**, God is ever found seeking and taking up people in whom that purpose has been revealed, and whose life is constituted according to it. God's **salvific purpose**, and God's conforming work, are governed by a purpose, which is centered in His Son. [www.austin-sparks.net].

Здесь автор говорит о том, что Бог-сын, Иисус Христос, олицетворяет собой все замыслы всемогущего отца, претворяя их в жизнь, имея дело с каждым представителем рода человеческого. Качественные характеристики предназначений Господа передаются при помощи эмоционально-оценочных прилагательных *wise* и *salvific*, которые актуализируют определенные фрагменты знаний в структуре анализируемого фрейма и выступают вербализаторами терминалов **Wisdom** и **Salvation**, зафиксированных в 7,6 % и 10,7 % материала выборки применительно к цели Бога, соответственно. Принад-

лежность прилагательных к указанным терминалам подтверждается их словарными значениями: *wise* – characterized by wisdom; marked by deep understanding, keen discernment, and a capacity for sound judgment [www.merriam-webster.com]; *salvific* – having the intention or power to bring about *salvation* or redemption [www.thefreedictionary.com].

В ходе анализа языкового материала нами были обнаружены такие вербализаторы терминалов **Wisdom** и **Salvation**, как: *experienced, brainy, brilliant, clever, intelligent, keen, smart, thoughtful; safe, saving, rescue*.

В силу того, что христианское учение зиждется на идее о всепоглощающей вере в существование Высшей Силы и послушании верующих, на наш взгляд, присутствие в выборке терминала **Obedience** (4,8 % от общего количества примеров, повествующих о замысле Бога) вполне логично. Следующий пример является яркой иллюстрацией практической реализации в религиозных текстах указанного терминала:

64) It is our obedience to God that helps us develop our relationship with Him and therefore realize the purpose He has set out before us. It isn't that we do it on our own, but that He empowers us as we mature in our relationship with Him. The closer we are to Him, the more equipped we can be for His **obedient purposes**. Our spiritual maturity (which results from our obedience) is what pushes us past our fears, iniquities, and shortcomings because we know God is with us. This is our faith in action [www.thethoughtsofasmpleman.com].

Показательно, что именно интересующая нас часть речи, имя прилагательное (*obedient*) актуализирует в контексте терминал **Obedience**, являясь производным от одноименного существительного. Наряду с прилагательным *obedient* нами были выделены и другие вербализаторы обозначенного терминала: *compliant, conformable, docile, submissive, faithful*.

Учитывая свойство Бога быть вне времени и пространства, быть всегда и везде, не вызывает сомнения тот факт, что в структуре фрейма **Faith** в части описания целей и замыслов всевышнего нами был выделен терминал **Eternity**, на долю которого приходится 3,2 % материала выборки, повествующего о намерениях Бога. Например:

65) You can do every contrary, dysfunctional, twisted, and evil thing you can think of and still God will be looking for the next opportunity to work with you and accomplish His will for your life. Because God is playing for keeps. His **purposes are eternal** and He always goes the distance with every person He creates. God never gives up. And while He consistently respects your boundaries, and refuses to invade your space, His blessings will chase you down and overtake you when you aren't expecting it. He will surprise and delight you even if you only give Him the smallest opening. And once you open the door, even ever so slightly, God is going to start bringing everything He has and handing it over to you [www.secondadventchristian.org].

Согласно автору текста, вне зависимости от природы и последствий действий простого обывателя Вселенной, Господь всегда готов к кропотливой работе, подразумевающей общение, наставление каждого конкретного грешника. Обладая уникальной способностью быть рядом, оказать поддержку любому нуждающемуся, он в состоянии и с радостью проходит с человеком долгий путь, от начала и до конца, соблюдая при этом разумные границы пространства индивида. Очевидно, что терминал **Eternity** реализуется в тексте при помощи прилагательного *eternal* – of or relating to eternity [www.merriam-webster.com], однако, лексема *eternal* не является единственным вербализатором терминала **Eternity**, и в выборке мы выделили также следующие прилагательные: *continuing, enduring, everlasting, immortal, imperishable, perpetual, timeless, undying*.

Анализируя качественную лексику в англоязычном религиозном дискурсе, мы не раз подмечали изобилие однородных членов предложения, своего рода атрибутивных цепочек, где каждое конкретное звено служит действенным инструментом для описания определенного фрагмента знаний. Приведем примеры:

66) When the truth is understood about the purpose of God to become All in all through the sacrifice of His Christ, it becomes clear that all of God's dealings with His creatures contribute something to the realization of His *loving, wise, and glorious purpose* [www.tentmaker.org].

Здесь мы наблюдаем ситуацию, когда богослов задействует все имеющиеся у него средства (языковые), передает субъективную оценку и отношение к замыслам Творца, характеризуя положительно спектр целей последнего. Показательно, что каждое звено атрибутивной цепи (*loving, wise, and glorious*) реализует свой терминал – **Love** (6,3 % примеров описывают цели Бога), **Wisdom** (7,6 % от общего количества примеров, повествующих о замысле Господа), **Glory** (4,7 % примеров описывают цели Бога), что вытекает из соответствующих словарных дефиниций: *loving* – feeling or showing love [www.merriam-webster.com]; *wise* – possessing, showing or prompted by wisdom or discernment; *glorious* – having or full of glory [www.dictionary.reverso.net]. Другими вербализаторами указанных терминалов служат: *affectionate, cordial, devoted, tender; experienced, brainy, brilliant, clever, intelligent, keen, smart, thoughtful; grand, grandiose, magnificent, massive, monumental, noble, splendid*.

Отметим, что в примере (66) все элементы качественной характеристики предмета или явления подразумевают оценку со знаком (+). Однако в выборке представлены образцы религиозных текстов, в которых параллельно используются полярные значения категории качество, со знаком (+) и (–), соответственно, например:

67) Did God bring the creation into being to fulfill a predetermined purpose and plan, or was the creation brought into being without aim or plan? The fact

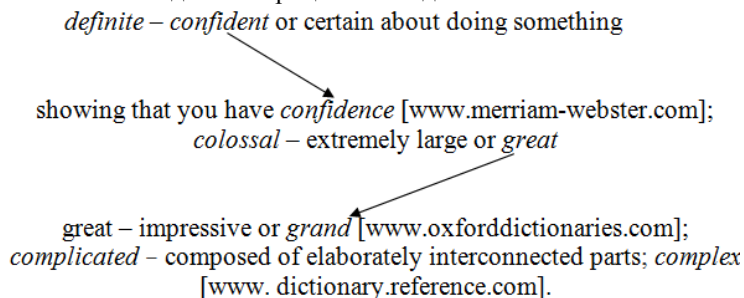
that God had a *definite purpose* in creating is clearly revealed in His Word. It is a *colossal purpose* worthy of a *loving, wise, righteous and all-powerful God*. Exactly what is God's *complicated purpose* for all His creatures?

Notice what is revealed about this in the following passage of Scripture. The Son of God's love "is the Image of the invisible God, Firstborn of every creature, for in Him is all created, that in the heavens and that on the earth, the visible and the invisible, whether thrones, or lordships, or sovereignties, or authorities, all is created through Him and for Him, and He is before all, and all has its cohesion in Him" (Col. 1:15-17) [www.tentmaker.org].

Вновь говорим об особой экспрессии повествования, достигаемой, преимущественно, при помощи прилагательных, и подчеркиваем ту важную роль, которую данный класс слов играет в контексте. В представленном фрагменте категория оценочности реализуется по двум направлениям: с одной стороны, автор характеризует самого Господа и указывает на наличие у него таких качеств, как любовь, мудрость, сила, святость и безгрешность, а с другой – рассуждает о предназначении Бога и употребляет эмоционально-оценочные прилагательные *definite*, *colossal*, *complicated*, актуализирующие в выборке определенные терминалы. Полагаем, что прилагательное *definite* вербализует терминал **Confidence** (3,7 % примеров описывают цели Бога), *colossal* – терминал **Grandeur** (6,4 % от общего количества примеров, повествующих о замысле Господа), в свою очередь, лексема *complicated* реализует терминал **Complexity** (5,8 % от общего количества примеров, повествующих о замысле Господа).

В подтверждение сказанному, представим следующий дефиниционный анализ языковых единиц в качестве иллюстрации их принадлежности к обозначенным терминалам.

Схематически данный процесс выглядит так:

Таким образом, нам потребовалось несколько логических шагов, чтобы прийти от дефиниций *definite*, *colossal*, *complicated* к семантическим вербализаторам терминалов **Confidence**, **Grandeur**, **Complexity**.

Наконец, последний слот в рассматриваемой фреймовой структуре – **Methods / Possibilities** (17,2 % материала выборки посвящены данному фраг-

менту знаний; Диаграмма 3), применимый в отношении характеристики методов и приемов, а также уникальных и беспредельных возможностей Всевышнего в его неиссякаемом стремлении помочь, спасти и сделать лучше и счастливее пребывание человека в этом бренном мире.

Обратимся к примерам:

68) In this framework, *God has been empathetic with his people*, and used this approach in all trials and difficulties; however, it is the cross which is thought of as providing the primary encounter between God and human suffering, as we shall see [www.secondadventchristian.org].

Размышляя о взаимоотношениях человека с Высшей Силой, богослов говорит о доброте и чуткости самого Господа и используемого им инструментария воздействия на верующего, делая акцент на то, что Бог никогда не остается равнодушным к своим созданиям, и в горе и в радости он находится рядом и сопереживает, поскольку любовь его чиста и бесконечна [Caruto, 2001]. Очевидно, что прилагательное *empathetic* служит вербализатором терминала **Empathy** (10,2 % материала выборки, повествующих о приемах и возможностях Бога), что подтверждается словарными дефинициями прилагательного: *empathetic* – involving, characterized by, or based on empathy [www.merriam-webster.com]. В масштабах нашей выборки нами были выделены и другие вербализаторы указанного терминала, например: *gentle, nice, sensitive, generous, warm, kind, caring*.

В следующем примере фиксируем практическую реализацию в англоязычном религиозном дискурсе терминала **Perfection** (9,3 % материала выборки повествуют о приемах и возможностях Бога) в части описания возможностей Всевышнего:

69) GOD'S *faultless method* to reach the minds and hearts of His children is through the intellect. The Bible defines our mental capacity as three faculties of comprehension; and each step in the growth of these faculties leads to a better understanding in life, and thus, provides a growing discernment to know the difference between the safe way vs. "the way, that leadeth to destruction" (Matt.7:13). The Bible's wisest man, Solomon defines these three faculties of comprehension as "knowledge," "understanding," and "wisdom" [www.atijournal.org].

В представленном фрагменте автор текста говорит о безупречности Всевышнего, его методов и приемов и использует для этого эмоционально-оценочное прилагательное *faultless* – without fault; *perfect* or blameless [www.thefreedictionary.com], актуализируя, тем самым, терминал **Perfection**.

Наряду с лексемой *faultless* в масштабах выборки нами были встречены и иные вербализаторы терминала **Perfection**: *absolute, flawless, indefectible, perfect*.

Многими учеными, исследователями в области религии признается наличие мистического компонента во всем, что, так или иначе, связано с именем Господа [Бобырева, 2007; Мечковская, 1998 и др.], включая приемы и

возможности, что зачастую препятствует адекватному восприятию и пониманию имеющейся информации, которая не подлежит четкой научной трактовке и основывается чисто на интуитивном уровне. Рассмотрим пример:

70) In other words, the obvious answer to this problem of the logical point for the commencement of the great cycle of living organisms is the adult. And so God created Adam suddenly, as an adult, and Eve suddenly, as an adult – by *purely supernatural methods too complicated and difficult* to see in our present world. God's creative plan introduced adult human beings fully capable of bringing forth their own children and caring for them as today [www.answersingenesis.org].

В примере (70) автор текста повествует о вечном споре, неутрачиваемом по сей день, относительно сотворения мира и появления человека в нем, указывая на то, что только Всемогущему Богу подвластно подобное чудо, поскольку только у него есть весь арсенал необходимых средств, имеющих мистическую природу и совсем сложных и недоступных простому обывателю. Отмечаем вновь, что имя прилагательное передает ключевую информацию в контексте и характеризует возможности Бога, актуализируя определенные терминалы в структуре фрейма **Faith**. Так, семантикой прилагательного *supernatural* – used about things that seem to come from a power such as *magic* and do not have a natural or scientific explanation [www.macmillandictionary.com] реализуется терминал **Mystery** (7,1 % материала выборки, повествующих о приемах и возможностях Бога), в свою очередь, лексемы *complicated* и *difficult* вербализуют терминал **Complexity**, на долю которого приходится 4,3 % материала выборки, описывающего данный фрагмент знаний.

Мысль о том, что Всевышний является мудрым наставником и учителем всего человечества, уже звучала в работе. В связи с этим, логично было бы предположить, что Господу, как и любому толковому наставнику, присущи свои обучающие методы, нацеленные на передачу необходимой информации, поскольку в общении с Богом простой смертный выступает в качестве пустого сосуда, наполняемого всякий раз извне. Приведем пример:

71) As a member of the Trinity, the Holy Spirit is certainly a *qualified instructor* in the ways of God. He uses several *teaching methods* to transform us into the likeness of Christ [www.intouch.org].

В примере (71) происходит отождествление Господа с инструктором, неотъемлемым качеством которого служит высокий профессионализм. Именно семантикой прилагательного *qualified* – able to do something, because you have the knowledge, skill, or experience that is needed [www.macmillandictionary.com] автор текста передает одно из ключевых требований к Господу. Кроме этого, применительно к описанию приемов Бога, отмечаем употребление лексемы *teaching*, актуализирующей в контексте терминал **Education** (7,8 % примеров в выборке повествуют о методах Господа), что вытекает из структуры соответствующих словарных значений: *teaching* – of, relating to, used for, or engaged in teaching [www.merriam-webster.com]. Материал нашей выборки

располагает и иными вербализаторами указанного терминала, например: *masterful, skilled*.

Особого внимания в контексте нашего исследования заслуживает структура глобального фрейма **Faith**, репрезентирующая качественную характеристику подфрейма **Subject of Faith**, через описание Действий / **Actions**, Поступков / **Deeds**, Учений / **Words** [см. Приложение 2], на долю которой приходится 39,2 % от общего количества примеров в выборке. Анализ выборки показал, что указанные слоты располагают целым рядом терминалов, актуализирующих оценку действий, поступков, учений Господа. Так, в пределах слота Действия / **Actions** (18,5 % материала выборки характеризуют действия Бога) нами было зафиксировано наличие 16 терминалов [см. Приложение 2 и Диаграмма 4], среди них: **Love, Freedom, Help, Morality, Mercy, Salvation, Wisdom, Pain** и др. Рассмотрим примеры:

72) God communicates to us with the help of another and final *salvific act*: through Jesus Christ, who humbled himself by taking on human flesh in order to satisfy the demands of God's law. God requires payment for humanity's rebellion and sin. But what God asks of human beings – i.e., to make recompense for their sins – can only be done by a divine being. This is why Christ completed the work on our behalf. If humans are unable to imagine this reality, then how can they come to know this reality? [www.atijournal.org].

Здесь автор говорит о спасении, пришедшем к нам в лице Иисуса Христа, отправленного на Землю собственным отцом для осуществления особой миссии, подвластной только сверхъестественной силе, и миссия эта – спасение, имеющее два вектора действия: с одной стороны, Бог-Отец, отправляя сына в наш бранный мир, совершает героический поступок во спасение человечества, а с другой – Бог-Сын выступает в качестве главного средства и способа, своего рода панацеей чудесного оздоровления людей. Показательно, что имя прилагательное *salvific* – having the intent or power to *save* or *redeem* [www.merriam-webster.com] передает ключевую информацию в контексте и характеризует мудрый шаг Господа, актуализируя, тем самым, терминал **Salvation**, на долю которого приходится 11,4 % материала выборки, повествующего о действиях Бога. Материал выборки маркирован наличием и других вербализаторов обозначенного терминала, например: *secure, safe, saving*.

Следующий пример иллюстрирует ситуацию, когда при описании действий Всевышнего в тексте реализуются одновременно несколько терминалов:

73) On this account there is no injustice in the transmission of sinfulness from Adam to his offspring. This is so, first and foremost, because God's *moral actions* are *not* wholly *intelligible* to finite creatures, hence injustice cannot be assigned to *divine acts* humans cannot fully comprehend [www.atijournal.org].

Вновь отмечаем практическую значимость имен прилагательных, используемых для создания эмоционального фона повествования и придания

ему особой экспрессии. Здесь автор указывает на высокий нравственный облик Господа и его сакральных действий, которые зачастую не находят должного отклика и понимания со стороны простого смертного. Показательно, что имена прилагательные *moral, not intelligible, divine* отображают конкретные фрагменты знаний в анализируемой фреймовой структуре и вербализуют определенные терминалы: семантикой прилагательного *moral* – acting upon or through one's *moral* nature or sense of right [www.webster-dictionary.net] актуализируется терминал **Morality** (показатель в выборке – 10,5 % примеров, описывающих действия Бога), лексемой (с отрицательной частицей *not*) *intelligible* – able to be understood; comprehensible [www.merriam-webster.com] терминал **Complexity** (3,7 % примеров повествуют о действиях Бога), в свою очередь, прилагательное *divine* – given or inspired by God; holy; sacred [www.yourdictionary.com] входит в состав терминала **Holiness**, на долю которого приходится 4,2 % материала выборки, посвященного описанию действий Господа. Назовем и другие вербализаторы рассматриваемых терминалов: *decent, ethical, honorable, just, righteous; mysterious, obscure, incoherent, incomprehensible, inscrutable; godlike, godly, heavenly, holy, sacred*.

Приведем еще пример:

74) Thanksgiving is when we have gratitude for something which is done on our behalf – the giving of a gift, an enduring friendship. Praise is an acknowledgement of excellence in another, a recognition of qualities which we deem praiseworthy. In terms of worship, thanksgiving is a response to God's **gracious and loving activity** in creation and redemption; praise is elicited by who God is. Together, they are linked to such related responses as awe before the mystery and majesty of God and delight as the sheer enjoyment of God [www.atijournal.org].

В представленном фрагменте фиксируем употребление эмоционально-оценочных прилагательных *gracious* и *loving*, при помощи которых автор текста характеризует славные действия Господа, при этом прилагательное *gracious* является вербализатором терминала **Mercy** (7,3 % материала выборки характеризуют действия Бога), а лексема *loving* актуализирует в выборке терминал **Love** (6,8 % материала выборки характеризуют действия Бога), что подтверждается соответствующими словарными значениями: *gracious* – *merciful* or *compassionate*; *loving* – feeling or showing *love* [www.dictionary.reference.com].

Наряду с представленными лексемами нами были выявлены и иные вербализаторы терминалов **Mercy** и **Love**: *compassionate, cordial, friendly, hospitable, kind, merciful, mild, obliging, pleasing, polite*.

В Священном Писании, как и в других религиозных текстах, Господь предстает перед нами в качестве великого деятеля, без усталости трудящегося во благо человека отныне и впрямь. Приведем пример

75) God is not holding back from blessing you. God is offering every kind of blessing. **He is working all the time** to provide every manner of good thing. It is not only by design, but also through His **constant work**, intention, and interaction

with you individually and specifically that He is focused on reaching you with His super-natural abundance and overflowing favor. God's desire, more than anything is to bring you victory, prosperity, and well being. Not just momentarily now and again, but consistently, every moment of every day from now to forever [www.secondadventchristian.org].

Очевидно, что автор текста характеризует Всевышнего положительно и указывает на его неиссякаемую энергию и бесконечное трудолюбие, подразумевающее работу в любое время и при любых обстоятельствах, демонстрируя, тем самым, завидное постоянство и все для того, чтобы доставить радость, принести благополучие и процветание простому смертному грешнику. Полагаем, что при помощи прилагательного *constant* – continually occupying; *persistent* [www.thefreedictionary.com] в контексте реализуется терминал **Persistence** (5,6 % примеров в выборке, описывающих действия Бога). В ходе анализа религиозных текстов нами были выделены и другие вербализаторы данного терминала: *changeless, stable, steady, unchanging*.

Материал выборки располагает примерами, когда, рассуждая относительно действий Всевышнего, богослов описывает свое субъективное видение ситуации и выражает негативную оценку происходящего, например:

76) If we were to judge God to be *cruel*, would we not be stating the opposite – in effect saying that our ways are higher than his? It would surely be wise to gather more facts before taking such a stand. Perhaps we should ask, not whether God is *cruel*, but why *some of his actions may appear to be cruel*. To help us, let us consider what “cruel” really means.

When we call someone *cruel*, we judge his motives. *A cruel person* is one who *enjoys* seeing others suffer or who is *indifferent* to their distress. Thus, a father who disciplines his son because he enjoys hurting his son's feelings is *cruel* [www.chess.com].

В примере (76) наблюдаем вечную дилемму: с одной стороны, мы видим, что Господь мудр, милостив и сопереживает каждому своему творению, а с другой – он жесток и равнодушен, поскольку совершает подобного рода действия по отношению к сынам и дочерям своим, испытывая некое удовлетворение от происходящего. Автор пытается понять, как любящий отец может радоваться страданиям своих чад, как он может по собственной воле отправить сына, Иисуса Христа, на верную гибель и бесконечные муки, приписывая Господу черствость и бессердечность, граничащую с жестокостью. Показательна роль прилагательных в контексте, передающих весь трагизм ситуации, при этом отметим, что лексема *cruel* используется для оценки действий Бога и актуализирует терминал **Pain** (5,8 % примеров в выборке, повествующих о действиях Господа), что доказывают соответствующие словарные значения: *cruel* – disposed to inflict pain or suffering [www.merriam-webster.com]. Назовем и другие вербализаторы терминала **Pain**: *barbaric, brutal, heartless, sadistic, savage, vicious*.

Следующим слотом рассматриваемой структуры является слот **Deeds**, зафиксированный в 14,2 % материала выборки, в рамках которого мы выделяем 20 терминалов [см. Приложение 2, Диаграмма 5], подразумевающих положительную и отрицательную оценку. К числу наиболее значимых относим следующие терминалы: **Mystery, Grandeur, Importance, Surprise, Help, Violence, Torture, Destruction** и др. Обратимся к примерам:

77) Christ's *grandiose work* is seen in the lives of many Christians across the ages, manifested in the infused virtues. The moral transformation of so many people in so many different cultures is so impressive and attractive that it requires an extraordinary explanation [www.atijournal.org].

В представленном фрагменте автор текста подчеркивает важность и масштаб совершаемых Всевышним поступков и называет это «работой», подразумевая при этом выполнение вполне привычных, отчасти рутинных, с позиции Господа, дел, но имеющих судьбоносное значение для всего человечества в целом и каждого индивида в отдельности. Безусловно, значимость и серьезность «работы» передаются при помощи прилагательного *grandiose* – impressive because of uncommon largeness, scope, effect, or grandeur [www.merriam-webster.com], репрезентирующего в выборке терминал **Grandeur**, зафиксированного в 7,7 % примеров, описывающих поступки Бога. Другими вербализаторами терминала **Grandeur** являются следующие прилагательные: *glorious, grand, magnificent, massive, monumental, noble*.

Рассмотрим еще пример:

78) God comes to reconcile the alienated world in only one way, and gives ultimate truth only in one place, in Jesus Christ. This *divine deed* is so *radical* that all human beings are reconciled to God in this central Event, dying with Christ in his humiliation and rising with him in his exaltation [www.secondadvent-christian.org].

Здесь фиксируем употребление сразу нескольких имен прилагательных, используемых автором для характеристики действий Всемогущего Бога. Так, прилагательное *divine* – given or inspired by God; holy; sacred [www.yourdictionary.com] подразумевает наличие сверхъестественных качеств, свойственных только Господу, некоей Высшей Силе и имплицитно базируется на контрасте типа человек – Бог, земное – святое и т.д., вербализуя, тем самым, терминал **Holiness**, на долю которого приходится 6,3 % материала выборки, описывающего поступки Бога. В свою очередь, прилагательное *radical* подчеркивает новизну идей и поступков Всевышнего, подчас неподвластных пониманию простого обывателя, и на семантическом уровне реализует терминал **Novelty**, что вытекает из соответствующих словарных значений: *radical* – very new and different from what is traditional or ordinary [www.merriam-webster.com]. Иными вербализаторами терминалов **Holiness** и **Novelty** являются: *godlike, godly, heavenly, holy, sacred; extreme, revolutionary*.

Мы уже не раз отмечали ярко выраженный мистический характер всего того, что имеет отношение к сфере религии в целом и к образу Господа в частности, не явились исключением и поступки Бога. Рассмотрим пример:

79) The holy mystery of salvation is paralleled in this text by another natural phenomenon. We cannot perceive the origins of the wind- where it has been before us, how it came to us, and where it will go beyond us, but we have subjective and objective evidence of its existence and activity. So also with the second birth of the Spirit- though the *deeds of God* in salvation *are mysterious*, we have subjective and objective evidence that God has indeed done and continues to do *a remarkable work* of regeneration in the lives of believers. In this passage, the Holy Spirit is referred to as the One who characterizes the second birth [www.biblicaltheology.com].

В примере (79) отметим практическую реализацию одновременно двух слотов: с одной стороны, автор текста говорит о мистической составляющей спасения человека руками Господа, которое не имеет логического объяснения и использует при этом прилагательное *mysterious* – of or pertaining to mystery; containing a mystery [www.dictionary.babylon.com], актуализируя, тем самым, терминал **Mystery** (8,4 % от общего количества примеров, посвященных поступкам Бога), а с другой – подчеркивает удивительную природу подобного спасения и семантикой прилагательного *remarkable* – unusual in a way that *surprises* or impresses you [www.macmillandictionary.com] заполняет терминал **Surprise** (2,3 % примеров в выборке, описывающих поступки Бога). Наряду с представленными лексемами нами были выявлены и иные вербализаторы терминалов **Mystery** и **Surprise**: *curious, enigmatic, hidden, incomprehensible, mystical, obscure, perplexing, secret; extraordinary, miraculous, surprising, uncommon, unusual*.

Кроме этого, материал нашей выборки маркирован наличием примеров, в которых автор при помощи имен прилагательных негативно оценивает действия Господа, например:

80) The *violent words / deeds* appear to be used for God because they are used for the actions of those in and through whom God mediates judgment; the latter will certainly act as kings and armies in that world are known to act. The portrayals of God's wrath and *punishing deeds* are conformed to the means that God uses. God thereby accepts any fallout that may accrue to the divine reputation [www.wordandworld.luthersem.edu].

Здесь автор повествует о жестких, а порой даже жестоких изречениях и поступках Господа, о его стремлении осуществить правосудие над простыми смертными. Обращает на себя внимание метафоричность данного контекста: проводится параллель между Всевышним и всеми грешниками и Королем и его армией, что, на наш взгляд, не является случайным, поскольку

ку четко определяются статус и степень значимости каждого звена, а также прослеживается прямая зависимость низших социальных слоев от высших, наделенных особой властью и полномочиями. Показательно, что усилиями имен прилагательных *violent* и *punishing*, стоящих в препозиции к существительному *deeds*, в дискурсе реализуются терминалы **Violence** и **Punishment**, имеющие показатели в выборке – 5,2 % и 3,6 %, соответственно. Принадлежность данных лексем к обозначенным терминалам подтверждают и их словарные значения: *violent* – prone to commit acts of violence [www.merriam-webster.com]; *punishing* – resulting in punishment [www.thefreedictionary.com]. Назовем и другие вербализаторы терминалов **Violence** и **Punishment**, обнаруженные нами в ходе эмпирического анализа материала выборки: *brutal, cruel, destructive, furious, maniacal, murderous, passionate, powerful, rough, savage, strong, vicious, wild; hard, heavy, laborious* и др.

Наконец, рассмотрим слот **Words** (8,8 % примеров в выборке повествуя о словах и мыслях Господа), для которого характерно наличие 12 терминалов [см. Приложение 2, Диаграмма 6], среди них: **Education, Criticism, Prophecy, Pain, Morality, Cruelty, Justice**. Приведем примеры:

81) Therefore, the center of gravity for the individual's sanctification lies not in his daily personal devotions (as important as they are), but rather in corporate worship. The communion of the saints is where God's eschatological temple gathers and those preachers and evangelists whom the Spirit has sovereignly gifted to herald the word of God unleash the *all-powerful creative word* upon the covenant community [www.atijournal.org].

В представленном фрагменте фиксируем реализацию двух терминалов одновременно, при этом вновь подчеркиваем, что прилагательные выступают их главными вербализаторами. Так, лексема *all-powerful* – having complete or sole power [www.merriam-webster.com] актуализирует в тексте терминал **Power**, на долю которого приходится 6,2 % примеров, описывающих слова и мысли Всевышнего. В свою очередь, прилагательное *creative* репрезентирует терминал **Originality** (8,3 % примеров в выборке повествуют о словах и мыслях Господа), что находит отражение в соответствующих словарных дефинициях: *creative* – characterized by originality and expressiveness [www.thefreedictionary.com].

Наряду с представленными лексемами в масштабах выборки нами были встречены и иные вербализаторы терминалов **Power** и **Originality**, такие как: *almighty, omnipotent, supreme; artistic, clever, gifted, imaginative, ingenious, inventive, original, productive*.

Мы уже отмечали, что религиозный дискурс нацелен на приобщение к вере и подразумевает определенную степень авторитетности, поскольку богослов всякий раз стремится оказать влияние и воздействие на адресата, пусть даже на «интуитивном» уровне, в силу осо-

бой специфики анализируемого типа дискурса. В следующем примере находим подтверждение данной мысли:

82) *The Word of God is the guarantee of our salvation* and the ground of our assurance. There is nothing evasive about the message, it is *direct* and *sure*. This is one of the reasons why so many people have found comfort in the Word of God. It is *a solid ground of certainty* [www.ccel.us], где звучит идея о том, что слово / учение Господа является гарантом спасения человека, это прочный фундамент, позволяющий простому смертному чувствовать себя уверенно, вселяя в него дополнительную силу духа, конечно, если тот преисполнен веры и готовности служить Всемогушему Богу.

Рассмотрим еще пример, в котором автор текста, размышляя о словах и мыслях Всевышнего, выражает с помощью экспрессивных прилагательных отрицательную оценку:

83) So there we have them, these *vicious words*, eight scriptures quoted to show *the horrible cruelty* of God but actually all with the main purpose, by one means of another, of keeping God's People pure and faithful to him [www.thegodislovesite.com].

Очевидно, что именно семантикой эмоционально-оценочных прилагательных *vicious* – very violent and *cruel* [www.merriam-webster.com] и *horrible* – extremely bad or unpleasant [www.merriam-webster.com] в контексте реализуются негативное отношение и оценка автора к предмету обсуждения. Показательно, что прилагательное *vicious*, наряду с лексемами *exquisite*, *fearful*, *fierce*, *frightful*, *furios*, *ghastly*, служит вербализатором терминала **Cruelty** (6,8 % примеров в выборке повествуют о словах и мыслях Господа), входящего в состав глобального фрейма **Faith** в части описания слов Бога.

Эмпирический анализ материала выборки позволяет нам выявить две фреймовые структуры, так или иначе характеризующие Господа, в пределах глобального фрейма **Faith**, маркированного наличием ряда слотов [см. Диаграмма 7] и терминалов.

В ходе лингвистического исследования англоязычных богословских текстов было установлено, что при передаче оценочного компонента в области религии превалирует положительная оценка того или иного явления. Исходя из этого, справедливой считаем мысль о том, что в пределах структуры глобального фрейма **Faith** доминируют терминалы, подразумевающие оценку со знаком (+), что подтверждается статистическими данными по выборке, согласно которым терминалы положительной семантики имеют показатель 75 %, а отрицательной, в свою очередь – 25 % от общего количества примеров.

Все сказанное выше позволяет нам сделать вывод о чрезмерной значимости в пределах специализированного англоязычного дискурса имен прилагательных как в передаче чувств, эмоций и переживаний коммуникантов, так и в создании эмоционального фона общения и практической реализации в языке категорий качества и оценки.

* * *

В рамках настоящего исследования была предпринята попытка определить специфику построения коммуникации в англоязычном религиозном дискурсе с акцентом на фреймовый анализ категорий качества и оценки, реализация которых происходит посредством употребления имен прилагательных в соответствующих тематических текстах.

Религиозный дискурс ориентирован на передачу широкого спектра эмоций и чувств, в связи с чем переживания, связанные с ним, не могут быть в полной мере отражены знаковым пространством того или иного языка, поскольку зачастую религия подразумевает наличие мистического компонента, вербализация которого носит условный и / или приблизительный характер.

В качестве прецедентного текста, своего рода фундамента порождения религиозной коммуникации, служит текст Священного Писания. Однако религиозные тексты не ограничиваются лишь Библией, тем не менее, все жанровое разнообразие данного типа дискурса в той или иной степени строится на ее основе, интерпретируя и разъясняя ее содержание.

Данное исследование посвящено двум наиболее значимым жанрам религиозного дискурса, диалогам и толкованиям, каждый из которых имеет свою специфику и маркирован наличием определенных характеристик.

Языку религии свойственна художественная выразительность, сводящаяся к активному использованию возвышенной лексики и практически полному исключению простонародных языковых единиц. Однако следует отметить, что в тематических текстах сферы религии широко представлен пласт нейтральной лексики, как именных, так и глагольных конструкций.

В силу чрезмерной значимости догматической составляющей рассматриваемого типа дискурса использование устаревших слов и тесная связь с сакральным текстом, его точное воспроизведение являются весьма частотным способом передачи знания, не вызывающего сомнения у адресата.

Для достижения поставленной цели, а именно, приобщение к вере, и для осуществления более эффективной коммуникации адресант зачастую использует такие коммуникативно-речевые стратегии, как обращение, восклицание, вопрос, формы императива, оказывая, тем самым, должное воздействие на психологическое и эмоциональное состояние адресата.

Эмпирический анализ языкового материала выявил следующую закономерность: в религиозных текстах активно используется *антитеза*, представляющая собой прямое противопоставление типа «добро-зло», «жизнь-смерть» т.д., с положительной и отрицательной коннотацией, что по-

зволяет, с одной стороны, более четко охарактеризовать вечную борьбу противоположностей, а с другой стороны – подчеркнуть роль и значимость сверхъестественных сил, предопределяющих ход событий и течение жизни на планете.

Для англоязычного религиозного дискурса свойственен процесс метафоризации, при котором важная роль отводится метафорам, образованным при помощи имен прилагательных и имеющим в своем значении элемент оценки.

Разделяя позицию ученых относительно наличия в структуре метафоры семантического ядра и периферии, считаем возможным говорить о том, что имя прилагательное может выступать в качестве вербализатора метафорического ядра и метафорической периферии. При этом метафорическое ядро понимается нами как единица языка, передающая ключевую информацию и несущая смысловую метафорическую нагрузку в тексте, а метафорическая периферия, в свою очередь, сообщает дополнительную информацию, не имеющую принципиального судьбоносного значения в той или ситуации.

Нами были выделены 19 метафорических моделей типа *God* → *Power*, присущих религиозному дискурсу и образованных на основе ассоциативной связи элементов когнитивных областей цели и источника. При этом имя прилагательное чаще относится к метафорической периферии (59,2 % от общего количества метафор в выборке), чем к метафорическому ядру (40,8 % от общего количества метафор в выборке).

В главе описывается глобальный фрейм **Faith**, распадающийся на более конкретные подфреймы, слоты и терминалы, каждый из которых репрезентирует определенный фрагмент знания. Имена прилагательные зачастую выступают вербализаторами различных терминалов и представляют собой в основном общеупотребительную лексику (79 % от общего количества примеров, актуализирующих рассматриваемые структуры фрейма), находящую применение во многих отраслях знания, включая религию, и используемую широким кругом носителей определенного языка, а не только профессионалами в данной конкретной области.

Фрейм **Faith** имеет разветвленную структуру и состоит из 5 подфреймов, где ключевым является подфрейм **Предмет веры / Subject of Faith**, актуализируемый 6 коррелирующими слотами и 96 терминалами, каждый из которых имеет определенный круг вербализаторов.

Анализ выборки показал, что в специализированном типе дискурса имя прилагательное выступает в качестве главного вербализатора категории «оценка»: в тематических англоязычных религиозных текстах превалирует положительная оценка сущности Господа, что позволяет нам утверждать, что в пределах структуры глобального фрейма **Faith** доминируют термина-

лы, подразумевающие оценку со знаком (+), что подтверждается статистическими данными по выборке, согласно которым терминалы положительной семантики имеют показатель 75 %, а отрицательной, в свою очередь – 25 % от общего количества примеров.

Библиографический список к главе 8

1. Алимуратов, О.А. Две ипостаси смысла – глобальный и окказиональный [Текст] / О.А. Алимуратов // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Серия: Общественные науки. – 2003. – № 2. – С. 100-102.

2. Алимуратов, О.А. Концепт и лингвистическая семантика. Значение, смысл, концепт и интенциональность: система корреляций: Монография [Текст] / О.А. Алимуратов // Международный журнал экспериментального образования. – 2011. – № 9. – С. 61-63.

3. Алимуратов, О.А., Лату М.Н. Метафоричность термина как переводческая проблема [Текст] / О.А. Алимуратов, М.Н. Лату // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. – Пятигорск: Изд-во ПГЛУ, 2006. – № 4. – С. 24-26.

4. Алимуратов, О.А., Милетова, Е.В. Метафорические модели, вербализующиеся с участием имен прилагательных и реализуемые в современном англоязычном искусствоведческом дискурсе [Текст] / О.А. Алимуратов, Е.В. Милетова // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2013. – № 4. – С. 51-60.

5. Аникушина, М.В. Когнитивно-дискурсивные особенности современной христианской проповеди [Текст]: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / М.В. Аникушина. – Тула, 2010. – 195 с.

6. Аникушина, М.В. Религиозный дискурс как разновидность институционального общения [Текст] / М.В. Аникушина // Идеи. Поиски. Решения: III Международная научно-практическая конференция. Т. 2. – Минск, 2010. – С. 131-133.

7. Блуверг, С.В. Религиозный дискурс. структура и специфические признаки протестантской проповеди как разновидности религиозного дискурса [Текст] / С.В. Блуверг // Социальная политика и социология. – 2007. – № 2. – С. 223-235.

8. Бобырева, Е.В. Коммуникативный компонент жанров молитвы и исповеди в пространстве религиозного дискурса [Текст] / Е.В. Бобырева // Жанры и типы текста в научном и медийном дискурсе: межвуз. сб. науч. тр. – Вып. 11. – Орёл: ФГБОУ ВПО «ОГИИК», ООО «Горизонт», 2013. – С. 100-106.

9. Бобырева, Е.В. Религиозный дискурс: ценности, жанры, языковые характеристики: монография / Е.В. Бобырева. – Волгоград: Перемена, 2007. – 385 с.

10. Буянова, Л.Ю. Религиозно-конфессиональный текст в системе современной текстологии [Текст] / Л.Ю. Буянова // Язык. Текст. Дискурс. – 2012. – № 10. – С. 26-30.

11. Воронкина, М.А. Метафора и ритуал [Текст] / М.А. Воронкина // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. – Пятигорск: Изд-во ПГЛУ, 2010. – № 4. – С. 122-127.

12. Гуторова, П.В. Ценностные смыслы «repentance» и «forgiveness» и их актуализация в религиозном дискурсе [Текст] / П.В. Гуторова // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. – 2011. – № 2. – С. 91-95.

13. Заграевская, Т.Б. Категория «оценка», ее статус и вербализация в современном английском языке [Текст]: дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Т.Б. Заграевская. – Пятигорск, 2006. – 286 с.

14. Ицкович, Т.В. Категория хронотопа в текстах религиозного стиля (к постановке вопроса) [Текст] / Т.В. Ицкович // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. – 2011. – № 13. – С. 112-118.

15. Карасик, В.И. О категориях дискурса [Текст] / В.И. Карасик // Языковая личность: социолингвистические и эмотивные аспекты: сб. науч. тр. ВГПУ; СГУ. – Волгоград, 1998. – С. 185-190.

16. Карасик, В.И. Религиозный дискурс [Текст] / В.И. Карасик // языковая личность: проблемы лингвокультурологии и функциональной семантики: сб. науч. тр. – Волгоград: Перемена, 1999. – С. 5-19.

17. Карасик, В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс [Текст] / В.И. Карасик. – Волгоград: Перемена, 2002. – 477 с.

18. Кислянская, Е.А. Структурно-семантические особенности универсальных концептов в англоязычном религиозном дискурсе: на материале текста Библии [Текст]: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Е.А. Кислянская. – Тула, 2010. – 190 с.

19. Кожемякин, Е.А. Проблема «невыразимости» в религиозном дискурсе и его некоторые эпистемические характеристики [Текст] / Е.А. Кожемякин // Гуманитарные ведомости ТГПУ им. Л.Н. Толстого. – Тула, 2013. – № 4 (8). – С. 70-82.

20. Кондратьева, О.Н. Метафорическое моделирование в религиозном дискурсе [Текст] / О.Н. Кондратьева // Научный диалог. – Екатеринбург. – 2012. – № 8. – С. 191-207.

21. Кузьмина, С.Е. Концептуальная метафора и метафорический синтаксический концепт (на материале английского языка) [Текст] / С.Е. Кузь-

мина // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. – Пятигорск: Изд-во ПГЛУ, 2010. – № 3. – С. 74-77.

22. Лакофф, Дж., Джонсон, М. Метафоры, которыми мы живем [Текст] / Дж. Лакофф, М. Джонсон // Теория метафоры: сборник / сост. Н.Д. Арутюнова. – М.: Прогресс, 1990. – С. 387-416.

23. Лакофф, Дж., Джонсон, М. Метафоры, которыми мы живем [Текст] / Дж. Лакофф, М. Джонсон / под ред. А.Н. Баранова. – М.: Едиториал, УРСС, 2004. – 256 с.

24. Лапшова, Н.В. Метафорические и метонимические особенности номинации в современном рекламном дискурсе: структурно-семантический и ассоциативный подходы [Текст] / Н.В. Лапшова // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. – 2012. – № 3. – С. 28-32.

25. Макаров, М.Л. Основы теории дискурса [Текст] / М.Л. Макаров. – М.: ИТДГК «Гнозис», 2003. – 280 с.

26. Макарова, Ж.И., Панкратьева, Ф.Г. Факторы, обуславливающие количественный аспект атрибутивных словосочетаний в современном английском языке [Текст] / Ж.И. Макарова, Ф.Г. Панкратьева // Синтаксис предложения и сверхфразового единства: сб. ст. – Ростов н/Д, 1977. – 193 с.

27. Маркелова Т.В. Взаимодействие оценочных и модальных значений в русском языке [Текст] / Т.В. Маркелова // Филологические науки. – 1996. – № 1. – С. 80-89.

28. Матевосян, Л.Б. Толкование эмоциональных состояний как ключ к пониманию культур [Текст] / Л.Б. Матевосян // Филологические науки. – 1999. – № 3. – С. 96-100.

29. Мечковская, Н.Б. Язык и религия: пособие для студентов гуманитарных вузов [Текст] / Н.Б. Мечковская. – М.: Агентство «Фаир», 1998. – 352 с.

30. Мещанинов, И.И. Члены предложения и части речи [Текст] / И.И. Мещанинов. – Л.: Наука, 1978. – 387 с.

31. Милетова, Е.В. Метафорические модели с участием имен прилагательных, реализуемые в современном англоязычном религиозном дискурсе [Текст] / Е.В. Милетова // ФИЛОЛОГОС. – Вып. 20 (1). – Елец: ЕГУ им. И.А. Бунина, 2014. – С. 41-50.

32. Мишланов, В.А., Салимовский, В.А. Диалогичность церковно-религиозных текстов [Текст] / В.А. Мишланов, В.А. Салимовский // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. – 2010. – № 6. – С. 24-29.

33. Мухамедова, Э.В. Религиозный дискурс как смыслогенерирующий источник библейских фразеологизмов [Текст] / Э.В. Мухамедова // Гуманитарные исследования. – 2011. – № 1. – С. 50-55.

34. Оганов, А.А. Эстетическое в системе духовных ценностей [Текст] / А.А. Оганов // Вестник Московского Университета. – Серия 7. Философия. – 2002. – № 6. – С. 59-84.

35. Петров, В.В. Метафора: от семантических представлений к когнитивному анализу [Текст] / В.В. Петров // Вопросы языкознания. – 1990. – № 3. – С. 135-146.

36. Платон Диалоги [Текст] / Платон. – Акад. наук СССР, Ин-т философии. – М.: Мысль, 1986. – 605 с.

37. Романченко, Ю.В. Лингвопрагматический аспект немецкоязычного теологического дискурса [Текст]: канд. ... филол. наук: 10.02.04 / Ю.В. Романченко. – М., 2008. – 184 с.

38. Салахова, А.Г. Речевые стратегии и средства их реализации в современных христианских немецкоязычных проповедях: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / А.Г. Салахова. – Уфа, 2006. – 23 с.

39. Салахова, А.Г. Стратегия аргументации в религиозном интернет-дискурсе [Текст] / А.Г. Салахова // Вестник Челябинского государственного университета. – 2010. – № 34 (215). Филология. Искусствоведение. – Вып. 49. – С. 109-112.

40. Слышкин, Г.Г. От текста к символу: лингвокультурные концепты прецедентных текстов в сознании и дискурсе [Текст]: монография / Г.Г. Слышкин. – М.: Academia, 2000. – 128 с.

41. Смолина, А.Н., Лубкина, О.А. Интертекстуальность как стилевая черта церковно-религиозных текстов [Текст] / А.Н. Смолина, О.А. Лубкина // Мир науки, культуры, образования. – 2012. – № 5. – С. 268-270.

42. Степанов, Ю.С. Константы: словарь русской культуры [Текст] / Ю.С. Степанов. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1997. – 824 с.

43. Худякова, Е.С. О функциях религиозной лексики и библеизмов в текстах современных печатных СМИ [Текст] / Е.С. Худякова // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. – 2008. – № 49. – С. 226-234.

44. Цолер, В.Н. Экспрессивная лексика: семантика и прагматика [Текст] / В.Н. Цолер // Филологические науки. – 1996. – №6. – С. 62-71.

45. Чаусов, А.И. Религиозный дискурс в медиаполе Великого Новгорода [Текст] / А.И. Чаусов // Вестник Новгородского государственного университета им. Ярослава Мудрого. – 2013. – Т. 1, № 73. – С. 34-37.

46. Чертов, Л.Ф. О семиотике храмового пространства [Текст] / Л.Ф. Чертов // Религия как знаковая система: Знак. Ритуал. Коммуникация: сб. науч. ст. – Вып. I. – Тверь: Издательство ГЕРС, 2011. – С. 31-44.

47. Чудинов, А.П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991-2000) [Текст]: монография / А.П. Чудинов. – Екатеринбург, 2001. – 238 с.

48. Шамарова, С.И. К вопросу о природе религиозного или благочестивого языка [Текст] / С.И. Шамарова // Вестник Челябинского государственного университета. – 2011. – Вып. 60, № 33. – С. 130-133.

49. Шибаев, М.В. Манипулятивное использование прецедентных текстов в религиозном дискурсе [Текст] / М.В. Шибаев // Вестник Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева. – 2013. – № 3. – С. 284.

50. Ширяева, Т.А. Метафоры как фактор формирования бизнес-сознания (на материале современного английского языка) [Текст] / Т.А. Ширяева // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. – 2011. – № 3. – С. 128-132.

51. Ширяева, Т.А. Общекультурные и институциональные особенности дискурса [Текст] / Т.А. Ширяева // Знание. Понимание. Умение. – 2007. – № 4. – С. 103-108.

52. Caputo, J.D. On Religion (Thinking in Action) [Text] / J.D. Caputo. – London and New York: Routledge, 2001. – 147 p.

53. Carey P.W. American Catholic Religious Thought: The Shaping of a Theological and Social Tradition [Text] / P.W. Carey. – Milwaukee: Marquette University Press, 2004. – 508 p.

54. Chimombo M., Roseberry R.L. The Power of Discourse: An Introduction to Discourse Analysis [Text] / M. Chimombo, R.L. Roseberry. – Mahwah, NJ: Lawrence Erlbaum Associates, 1998. – 456 p.

55. Eggert, M., Holscher, L. Religion and Secularity: Transformations and Transfers of Religious Discourses in Europe and Asia [Text] / M. Eggert, L. Holscher. – Brill: Leiden, 2013. – 286 p.

56. Howarth D. Discourse [Text] / D. Howarth. – Philadelphia: Open University Press, 2000. – 176 p.

57. Jackendoff, R. Language, Consciousness, Culture: Essays on Mental Structure [Text] / R. Jackendoff. – London: The MIT Press, 2007. – 403 p.

58. Kort W.A. Bound to Differ: The Dynamics of Theological Discourses [Text] / W.A. Kort. – University Park, PA: Pennsylvania State University Press, 1992. – 160 p.

59. Lakoff, G. The contemporary theory of metaphor [Text] / G. Lakoff // Metaphor and Thought. – Cambridge University Press, 1993. – P. 202-251.

60. Lakoff, G., Turner, M. More Than Cool reason: a Field Guide to Poetic Metaphor [Text] / G. Lakoff, M. Turner. – Chicago: University of Chicago Press, 1989. – 230 p.

61. Mills S. Discourse [Text] / S. Mills. – London: Routledge, 2004. – 176 p.
62. Olyan S.M., Nussbaum M.C. Sexual Orientation & Human Rights in American Religious Discourse [Text] / S.M. Olyan, M.C. Nussbaum. – N.Y.: Oxford University Press, 1998. – 292 p.
63. Ramsey I.T., MacIntyre A., Smith R.G. Religious Language: An Empirical Placing of Theological Phrases [Text] / I.T. Ramsey, A. MacIntyre, R.G. Smith. – London: SCM Press, 1957. – 196 p.
64. Regan E. Theology and the Boundary Discourse of Human Rights [Text] / E. Regan. – Washington, DC: Georgetown University Press, 2010. – 256 p.
65. Slone D.J. Theological Incorrectness: Why Religious People Believe What They Shouldn't [Text] / D.J. Slone. – New York: Oxford University Press, 2004. – 162 p.
66. Smart N. Reasons and Faiths: An Investigations of Religious Discourse. Christian and Non-Christian [Text] / N. Smart. – London: Routledge & Paul, 1958. – 238 p.
67. Stiver, D.R The Philosophy of Religious Language: Sign, Symbol and Story [Text] / D.R. Stiver. – Oxford: Blackwell Publishers Ltd., 1996. – 272 p.
68. Taves, A. Religious experience reconsidered: a Building-Block Approach to the Study of Religion and Other Special Things [Text] / A. Taves. – Princeton, N.J.: Princeton University Press, 2009. – 232 p.

Словари и справочники

69. Ожегов, С.И., Шведова, Н.Ю. Толковый словарь русского языка [Текст] / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. – 4-е изд. – М., 1997. – 944 с.
70. <http://www.dictionary.babylon.com>.
71. <http://www.dictionary.reference.com>.
72. <http://www.dictionary.reverso.net>.
73. <http://www.macmillandictionary.com>.
74. <http://www.merriam-webster.com>.
75. <http://www.oald8.oxfordlearnersdictionaries.com>.
76. <http://www.oxforddictionaries.com>.
77. <http://www.thefreedictionary.com>.
78. <http://www.yourdictionary.com>.

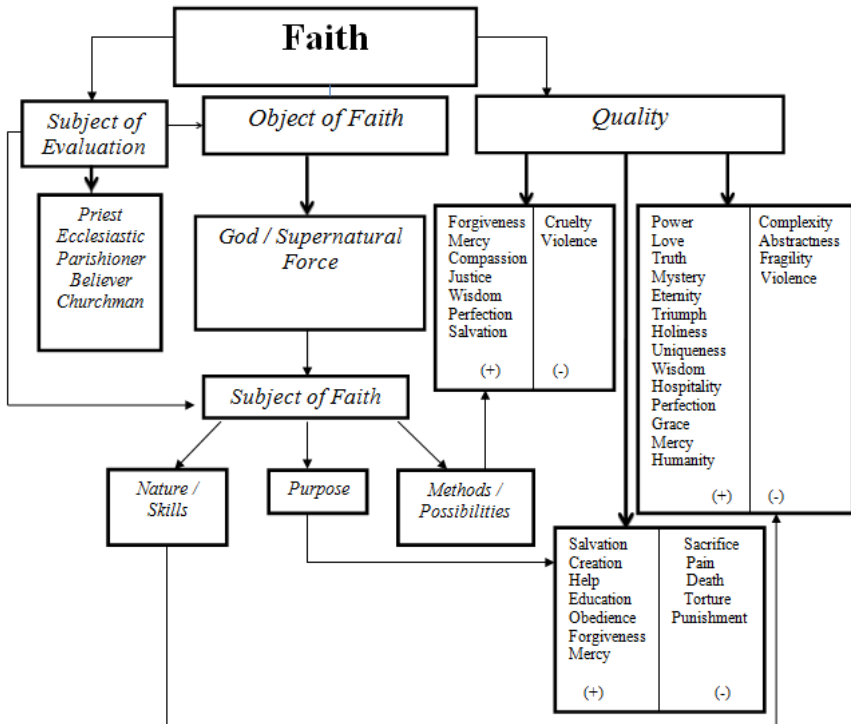
Источники примеров

79. <http://www.answersingenesis.org>.
80. <http://www.atijournal.org>.
81. <http://www.austin-sparks.net>.

82. <http://www.biblemagazine.com>.
 83. <http://www.biblicalstudies.org.uk>.
 84. <http://www.biblicaltheology.com>.
 85. <http://www.intouch.org>.
 86. <http://www.luthersem.edu>.
 87. <http://www.prca.org>.
 88. <http://www.rtr.org.au>.
 89. <http://www.sbts.edu>.
 90. <http://www.secondadventchristian.org>.
 91. <http://www.tentmaker.org>.
 92. <http://www.thegodislovesite.com>.
 93. <http://www.thethoughtsofasimpleman.com>.
 94. <http://www.wordandworld.luthersem.edu>.

Приложения к главе 8

Приложение 1

Приложение 2

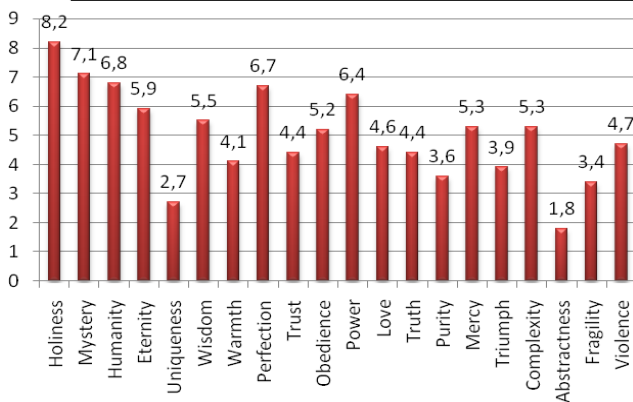
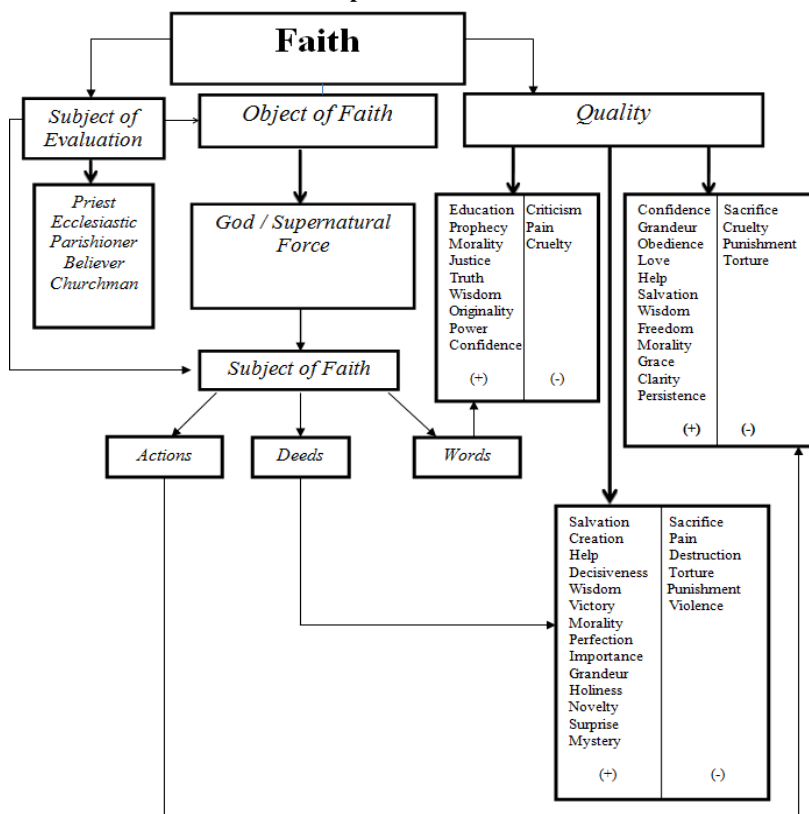

Диаграмма 1. Слот Nature – Skills

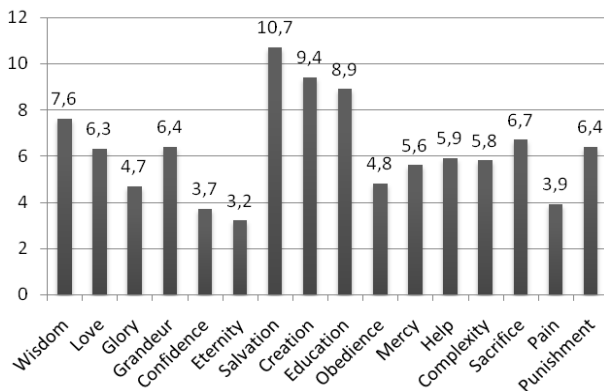

Диаграмма 2. Слот Purpose

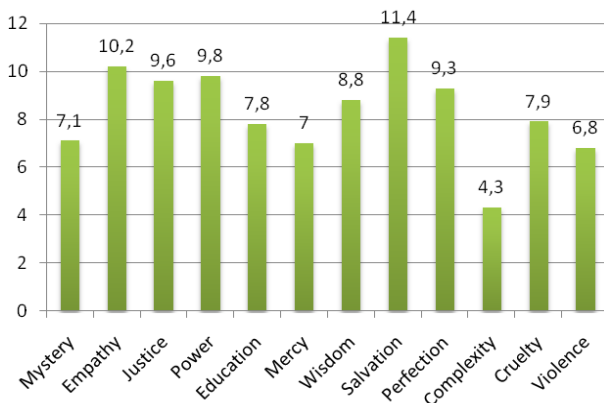

Диаграмма 3. Слот Methods – Possibilities

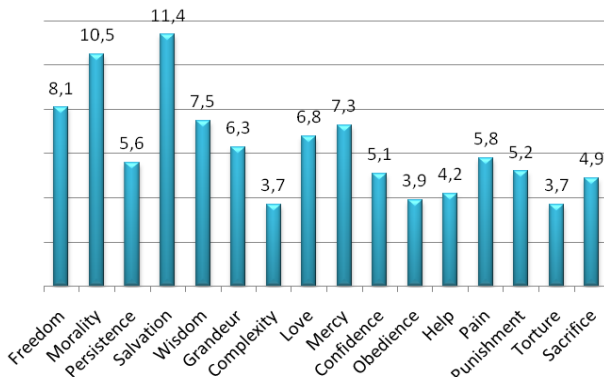

Диаграмма 4. Слот Actions

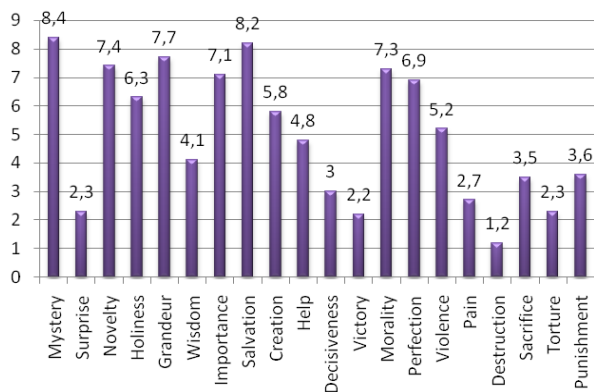

Диаграмма 5. Слот Deeds

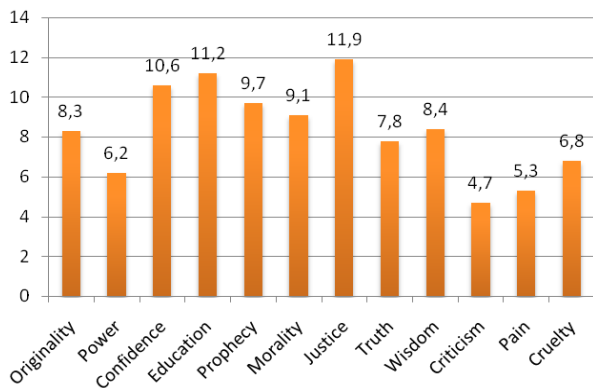

Диаграмма 6. Слот Words

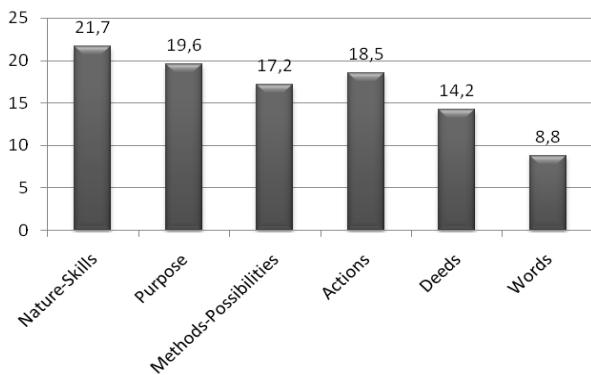

Диаграмма 7. Слоты фрейма FAITH

**ФЕНОМЕНОЛОГИЯ МАСКИРОВКИ
ГЕНДЕРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ
УЧАСТНИКОВ ИНТЕРНЕТ-ОПОСРЕДОВАННОЙ
КОММУНИКАЦИИ (НА МАТЕРИАЛЕ СОВРЕМЕННЫХ
АНГЛОЯЗЫЧНЫХ ЧАТОВ И БЛОГОВ)**

**9.1. Основные характеристики Интернет-опосредованной
коммуникации**

В рамках современной теории коммуникации актуальным остается вопрос определения и описания новой формы коммуникативного взаимодействия – Интернет-опосредованной коммуникации.

Подразделяясь на отдельные жанры (электронное письмо, форум, чат, доски объявлений, рекламные баннеры, ICQ, виртуальная конференция и др.), Интернет-коммуникация, в силу ряда характерных особенностей (анонимности, дистантности, опосредованности, электронного сигнала, креативности, наличия компьютерной этики, смысловой мозаичности и др.), отличается особенной моделью построения коммуникативного процесса и выдвигает некоторые условия для пользователей, желающих вступить в электронное общение.

Однако прежде чем перейти к описанию выводимой нами модели коммуникативного процесса, уточним правомерность использования и понимание нами терминов «общение» и «коммуникация» применительно к исследуемой среде. Проанализировав ряд научных подходов к сопоставлению двух понятий (отождествление «общения» и «коммуникации» наблюдается, в частности, в работах: Выготский, 1996; Курбатов, 1997; Лисина, 2009; Леонтьев, 1969; Парсонс, 1956; Черри, 1972 и др.; трактовка понятий как схожих, но не идентичных прослеживается в работах: Каган, 1988; Парьгин, 1971; Андреева, 1999; Майерс, 1997 и др.), приходим к следующему заключению: потребность человека в коммуникации выражается в **необходимости передачи информации**, тогда как потребность человека в общении – это **потребность во взаимодействии**. Следовательно, на уровне целеполагания и потребностей феномен общения шире феномена коммуникации, т.к. общение предполагает взаимодействие, а далеко не всякое взаимодействие нацелено на передачу информации.

Преломляя данные знания к объекту настоящего исследования, получаем, что коммуникативная ситуация, разворачивающаяся в сети, с одной сто-

роны, направлена на обмен информацией и, следовательно, признается именно коммуникацией. Для осуществления успешной коммуникации в Интернет-дискурсе необходимо наличие фактора обратной связи (что указывает на диалогичность двунаправленность процесса), единой системы кодирования для адресанта и адресата. Необходимо также отсутствие возможных коммуникативных барьеров (социальные, политические, религиозные, профессиональные и др. различия). Однако необходимость прохождения пользователем этапа самопрезентации, создания виртуального образа, подтверждает правомерность использования терминов «Интернет-общение», «общение в сети».

В связи с тем, что процесс коммуникации протекает по определенным правилам и с наличием конкретных составляющих, в разное время учеными создавались определенные *модели коммуникации*. Таким образом, развитие теории коммуникации можно проследить в соответствии с совершенствованием коммуникативных моделей.

В построении моделей коммуникации выделяются два основных направления: «школа процесса» (Г. Лассуэлл, К. Шеннон), занимающаяся изучением вопросов кодирования, передачи и расшифровки сообщений, использования каналов связи, и «школа семиотики» (Х. Гадамер, Э. Сепир, Э. Кассирер, Ю. Лотман, Д. Дубровский, Л. Уайт), рассматривающая коммуникацию как производство и обмен смыслового значения, роль сообщения в определенной культуре.

Одну из первых наглядных линейных моделей коммуникации предложил американский политолог *Г. Лассуэлл*. Данная модель включала пять элементов, определить которые можно было, ответив на следующий вопрос: «Who says what to whom in which channel with what effect?» [Lasswell 19].

Последовательные ответы на поставленный вопрос позволяют построить следующую схему коммуникативного процесса: Кто? (коммуникатор) – Что говорит? (сообщение) – Кому? (аудитория) – По какому каналу? (канал) – С каким эффектом? (результат, эффект).

Лассуэлл Г. анализирует акт коммуникации с точки зрения его функциональности, выделяя при этом три ключевых аспекта данного процесса:

- наблюдение за окружающей обстановкой;
- обеспечение взаимосвязи частей общества и изменений среды;
- передача социального и культурного наследия или опыта от одного поколения к другому [Lasswell 1948].

Несомненным преимуществом представленной модели является развернутый план коммуникативного действия. Опираясь на формулу Г. Лассуэлла, можно провести анализ коммуникации на уровне управления (коммуникатор), уровне содержания (само сообщение), уровне используемых средств и каналов, проанализировать аудиторию (получатель) и выявить результаты (полученный эффект).

Существенным недостатком данной модели, делающим невозможным ее применение для анализа компьютерно-опосредованной коммуникации, является отсутствие фактора обратной связи. Адрес рассматривается лишь в качестве объекта, реагирующего на полученную информацию.

Р. Брэддок, признавая «формулу Лассуэлла», включил в нее две дополнительные составляющие: *условия*, в которых протекает коммуникация, и *цель*, с которой говорит коммуникатор [Braddock 1958].

Более развернутой, но, все же, линейной однонаправленной моделью коммуникации считается модель, предложенная американским математиком **К. Шенноном** и его соотечественником **У. Уивером**. Данная модель была создана для описания коммуникации посредством телефонной связи и получила название *шумовой модели*. К факторам коммуникативного процесса по К. Шеннону относятся: источник информации – отправитель – канал передачи сообщения – приемник (декодер) – цель или место назначения (получатель, извлекающий информацию из сообщения). Важно, что данный процесс протекает в условиях *шума* или любых других помех, затрудняющих коммуникацию и влияющих на ее успешность [Shannon 1971].

Многие исследователи считают, что результатом интерпретации модели К. Шеннона стала функциональная модель коммуникации, предложенная **Р.О. Якобсоном**. Обе модели рассматривают коммуникацию как линейный однонаправленный процесс. Однако, в отличие от К. Шеннона, Р. Якобсон ключевую роль отводит не информации, а языку.

В процессе коммуникации от адресанта к адресату направляется сообщение, созданное и интерпретируемое с помощью общего для обоих участников кода, которым и является язык. В модели также учитывается *воздействие*, которое сообщение оказывает на реципиента. Каждому из элементов модели соответствует определенная *функция языка*; при этом контекст в модели Р. Якобсона связан с содержанием сообщения [Якобсон 1985].

Модель Р. Якобсона способствовала появлению двух новых пунктов в междисциплинарных исследованиях. Во-первых, по Р. Якобсону, коммуникация напрямую зависит от *кода*, т.е. от набора определенных символов и знаков, исключая влияние присутствующих в модели Г. Лассуэлла канала и контакта. Во-вторых, под *контекстом* коммуникации следует понимать собственно дискурс [Jensen 2002: 8].

Анализируя две вышеописанные модели коммуникации, заключаем, что достоинствами данных моделей являются представление ими развернутого плана коммуникативного процесса, выявление фактора шума (помех), затрудняющего общение, из чего следует, что отправленное сообщение и сообщение, достигнувшее реципиента, неодинаковы по значению. Преимуществом модели Р. Якобсона, по сравнению с моделью К. Шеннона, является включение человека в коммуникацию не просто как источника / приемника информации, а рассмотрение *отношения коммуниканта к акту коммуника-*

ции и эффекта, оказываемого сообщением. Главный недостаток описанных моделей состоит в том, что они не предполагают наличие обратной связи – адресат выполняет лишь роль объекта, реагирующего на сообщение.

Новым этапом в развитии теории коммуникации и коммуникативных моделей стала модель **Д. Берло** (D. Berlo) (1960), состоящая из четырех элементов: **S** (the communication source, the encoder – источник сообщения, отправитель) – **M** (the message – сообщение) – **C** (the channel – канал передачи сообщения) – **R** (the receiver, the decoder – получатель сообщения).

Согласно данной модели отправитель сообщения обладает определенной идеей, которая выражена в сообщении и передана через некоторый канал передачи адресату. Понимание адресатом переданного сообщения зависит от многих факторов, таких как образование, уровень культуры, жизненный опыт. Ответная реакция адресата на полученное сообщение показывает, насколько правильно оно было интерпретировано [Heath, Bryant 2000: 61-70].

Представленная модель демонстрирует значимость общности социокультурного фактора и единого отношения адресата и адресанта к предмету общения в осуществлении успешной коммуникации.

Следующей ступенью в развитии коммуникативных моделей стало появление *циркулярной модели Ч. Осгуда – У. Шрамма*, представленной на нижеприведенной схеме.

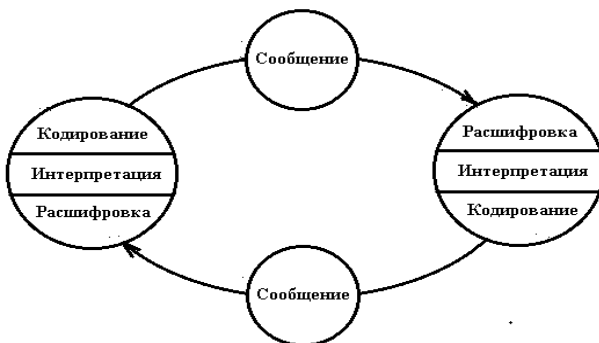

Рис. 9.1

Особенностью данной модели стало обращение к самим участникам коммуникации. Шрамм У. выдвинул следующий тезис: для того, чтобы понять передаваемое сообщение, коммуникатор и реципиент должны обладать схожим опытом в определенной области [Schramm, 1974]. По мнению У. Шрамма, коммуникативный процесс бесконечен, а получатель и отправитель являются равноправными участниками коммуникации.

Последний тезис является особенно актуальным в рамках нашего рассмотрения. Исходя из того, что коммуникативное пространство, созданное в

сети Интернет, позволяет принимать участие в коммуникации любому количеству пользователей, а адресанту и адресату – в одинаковой степени влиять на процесс организации коммуникации, по-разному интерпретировать передаваемые сообщения, осуществлять двусторонний информационный обмен и поддерживать постоянное общение, виртуальную коммуникацию можно считать непрерывной, а ее участников – равноправными.

Ярким этапом в развитии теории коммуникации стало появление коммуникативной модели, созданной американским исследователем массовой коммуникации *Дж. Гербнером*. Логическая структура модели выглядит следующим образом: «Некто (1) – воспринимает какое-либо событие (2) – и реагирует (3) – на ситуацию (4) – путем использования некоторых средств (5), – чтобы сделать доступными материалы (6), – в той или иной форме (7) – и обстановке (8) – передающие содержание (9) – с определенными последствиями (10)» [Gerbner 1956: 171]. Схематичное представление данной модели приведено ниже.

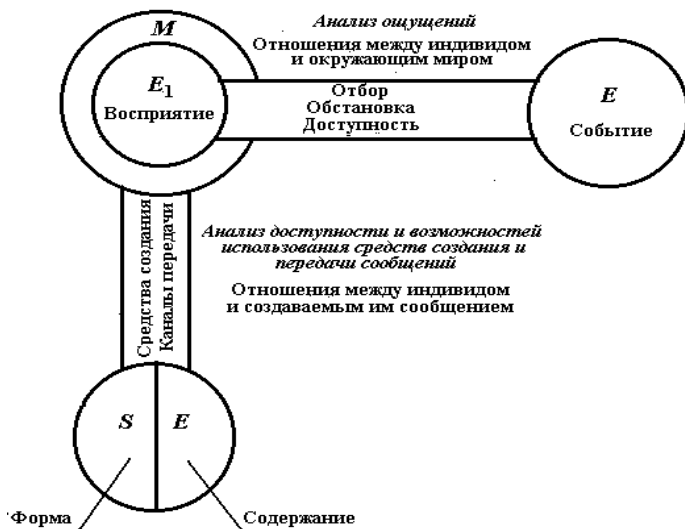

Рис. 9.2

Согласно данной модели, индивид М воспринимает событие Е как некое изменение своего состояния, как ощущение E_1 в форме зрительного, слухового или иного восприятия. При этом право выбора воспринимаемого события остается за самим индивидом. Таким образом, человеческая коммуникация может рассматриваться как субъективный, избирательный, изменчивый и непредсказуемый процесс, а система человеческой коммуникации – как открытая система.

В 50-х гг. **Т. Ньюкомом** была предложена модель коммуникации, основанием которой выступило предположение о коммуникации как процессе, позволяющем двум (или нескольким) индивидам поддерживать одинаковые ориентации друг к другу и к внешнему объекту. Схематически данная модель имеет вид треугольника, в основании которого расположены индивиды А и В, а вершиной треугольника является некоторый объект Х.

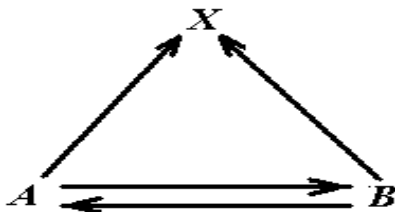

Рис. 9.3

В случае, когда сбалансированность взаимоотношений между А и В, либо их позиций по отношению к Х нарушается, возникает коммуникация, задачей которой становится сохранение существующей симметрии [Newcomb, 1953].

Отчасти данная модель характеризует и процесс общения в виртуальной среде. Получая некоторое сообщение, противоречащее собственным представлениям, пользователь начинает активно включаться в дискуссию, искать факты, доказывающие правильность принятого им решения, что способствует развитию процесса коммуникации. Однако, по нашему мнению, опираться на данную модель в полной мере, анализируя Интернет-опосредованную коммуникацию, было бы неправильно, но обращаться к ней для выяснения причины возникновения коммуникации вполне справедливо.

Особенностью модели американских исследователей **Б. Вестли и М. Мак-Лейна** является наличие непосредственной связи каналов коммуникации с окружающей действительностью и обратной связи аудитории с источником информации. Задачей канала коммуникации служит выявление потребностей аудитории и их удовлетворение путем кодирования в общепринятую систему символов и передачи сообщений через средства массовой информации. Важной отличительной чертой представленной модели является учет фактора фильтрации сообщений как существенного аспекта процесса массовой коммуникации. Исследователи признают наличие некоторого элемента, как правило, человека, контролирующего прохождение информации и допускающего, либо не допускающего получение сообщения аудиторией [Westley, 1957]. Наиболее наглядным примером канала коммуникации, во многом определяющего сам процесс общения, является всемирная сеть Интернет. Образую виртуальную реальность, Интернет отражает особенности реального мира, в сети формируются коммуникативные со-

общества, общению которых содействуют технические возможности Интернета как особого канала коммуникации. В сети также наблюдается процесс «отсеивания» поступающих сообщений модераторами сайтов, имеющих право редактировать, удалять сообщения и закрывать пользователям доступ к сетевому ресурсу.

Немецкий исследователь *Г. Малецке (G. Maletzke)* предложил принципиально иную «схему полей массовой коммуникации», в которой рассмотрел социально-психологические факторы, оказывающие влияние на коммуникационный процесс. Модель построена на традиционных элементах: коммуникатор (источник), сообщение, посредник и получатель. Однако, по мнению исследователя, между посредником и получателем существует «давление», или «принуждение» [Maletzke, 1963]. В указанной модели Г. Малецке обращает внимание именно на возможность оказания влияния и степень влияния на различных адресатов. Учитывая психологические особенности личности, ученый показывает, что ее внутренняя структура оказывает большое влияние на восприятие, а люди с заниженной самооценкой наиболее подвержены убеждению. В свою очередь, коммуникатор, выстраивая сообщение, всегда опирается на определенный образ адресата, что порождает четко сформированное коммуникативное поведение, предсказуемость исхода коммуникации и возможность управлять ею.

Образ коммуникационного посредника, существующий у аудитории, формирует соответствующие требования к сообщению. Наиболее существенным в *образе коммуникатора* для реципиента является *степень доверия* к нему. Уровень доверия определяется соответствием коммуникатора определенному образу, максимально одобряемому аудиторией. Чем большее доверие завоеует коммуникатор, тем лучше будет восприниматься отправленное им сообщение. Основным условием успешности коммуникации для субъектов данного процесса становится правильная социальная ориентация на свою аудиторию. В случае виртуальной коммуникации анонимность аудитории в значительной степени мешает эффективности влияния, оказываемого передаваемым сообщением. Возможное решение данной проблемы для адресанта – изучение аудитории и формирование, в свою очередь, *образа коммуниканта*. Одним из определяющих факторов, способствующих построению образа собеседника, а вместе с ним и положительного, либо отрицательного отношения к нему, является стиль общения, речевое поведение собеседника.

Однако представленные коммуникативные модели не принимали в расчет определенные моменты общественной жизни. В связи с этим, новым подходом к изучению процесса коммуникации стала коммуникативная модель, созданная *Дж. Рили и М. Рили*. Ученые предложили «социологический» подход к изучению массовой коммуникации, ориентированный на анализ процессов, происходящих в аудитории, и рассматривающий массо-

вую коммуникацию лишь как одну из многих социальных систем, сосуществующих в современном обществе [Riley, 1959].

Данный подход основывается на положении о том, что коммуникаторы включены в многочисленные психологические отношения, которые, хотя и не связаны с коммуникацией непосредственно, но все же оказывают на нее серьезное, а иногда и решающее влияние. Процесс массовой коммуникации влияет на социальную установку, на взаимоотношения между группами различных уровней, но что еще более важно, он сам испытывает влияние этих взаимоотношений и во многом определяется особенностями той социальной системы, в рамках которой и происходит массовое общение [Riley, 1959: 33-35].

Таким образом, в анализируемой модели обращается внимание на важность социальных связей членов коммуникационного процесса, но природа этих связей не эксплицируется.

В отечественной лингвистике рассмотрением вопросов моделирования речи, разработкой теории порождения речевого высказывания занимался один из основателей психологической теории речевого воздействия *А.А. Леонтьев*. Ученый предложил модель порождения речи, состоящую из следующих этапов: внутреннее программирование – грамматико-семантическая реализация высказывания и выбор слов – конструирование высказывания (определение последовательности слов по нормам грамматики языка). По А.А. Леонтьеву, решающее влияние на ход коммуникативного процесса оказывает мотив, цель коммуникации. В данной связи, звено мотивации включено как определяющее в структуру порождения речевого высказывания [Леонтьев 1969].

На современном этапе учеными-коммуникативистами *О. Харги (O. Hargie)* и *Д. Диксоном (D. Dickson)* разработана модель эффективного межличностного взаимодействия, включающая 6 основных элементов: личностно-ситуационный контекст; цель; посредники; отклик; ответная реакция; осознание.

Модель основывается на трех основных положениях. Во-первых, люди всегда действуют целенаправленно; во-вторых, они восприимчивы к последствиям совершаемых ими действий; в-третьих, реагируя на полученные результаты, они стремятся улучшить деятельность в будущем. Интерактивный характер данного процесса заключается в том, что каждый участник, отправитель сообщения, воздействуя на собеседника, наблюдает обратную реакцию на отправляемое сообщение, которая влияет на достижение поставленной коммуникативной цели [Hargie, Dickson, 2004: 22-24].

Существенной особенностью анализируемой модели является акцент как на индивидуальных личностных качествах личности, влияющих на процесс коммуникации, так и на ситуации, в рамках которой разворачивается коммуникативный процесс. Влияние ситуации на процесс осуществления общения, возможности самопрезентации, раскрытие творческого потенциа-

ла говорящего весьма ощутимо на просторах Интернета в процессе общения виртуальных личностей, незнакомых, как правило, в реальной жизни.

В пределах нашего исследования, основываясь на приведенных выше мнениях, модель коммуникации в виртуальном пространстве можно представить следующим образом.

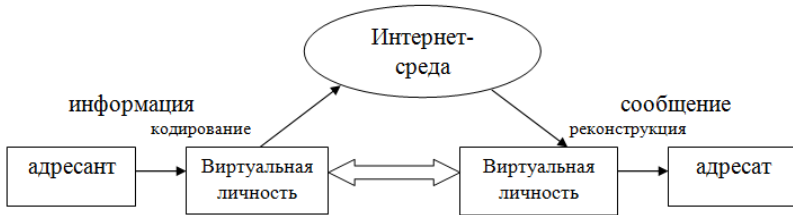

Рис. 9.4

Виртуальная среда в значительной степени влияет на процессы интеракции, о чем свидетельствуют особенности Интернет-опосредованной коммуникации. Общение в Интернете является разновидностью непрямого общения, оно *дистантно* и опосредовано электронной сетью, создающей особые условия для порождения и восприятия речи, для обмена текстами.

В случае Интернет-коммуникации общение происходит не между отправителем и получателем информации, как при обычном непосредственном общении. Ввиду того, что Интернет выступает не только как канал, средство общения, но и как особая коммуникативная среда, он становится равноправным участником коммуникации. Общение, таким образом, осуществляется между виртуальной личностью и Интернет-средой. Таким образом, процесс коммуникации протекает в рамках определенной среды, в которую поступает информация, и из которой получают сообщения не конкретные личности, а их виртуальные образы, созданные в Интернете. Иными словами, реальный адресат в виртуальном мире отсутствует.

Основная роль говорящего в рамках Интернет-коммуникации, в том числе, базируется на феномене интенциональности, направленности человеческой деятельности [Алимурадов, 2011: 178-179]. Интенциональный настрой для говорящего заключается в том, чтобы передать слушающему упомянутые смыслы, а отторжение смыслов у реципиентов приводит к отсутствию взаимопонимания и, следовательно, к коммуникативной неудаче [Алимурадов, 2011: 121; Алимурадов, 2006].

Благодаря фактору анонимности, существующему в сети, внешние характеристики участников (пол, возраст, внешность) остаются *скрытыми*. Пользователь сообщает о себе лишь выборочную информацию, которая также может быть неправдивой. Таким образом, реальная личность маскируется под некоторый виртуальный образ, созданный ею самой и достраивае-

мый собеседником на основе имеющихся фактов вербального поведения, а также собственных предпочтений, отношения к партнеру по коммуникации [Алексеевко, Гукосьянц 2014]. Скрываясь в виртуальном мире под специально созданными виртуальными образами, коммуниканты общаются друг с другом через призму данных образов. Общение, таким образом, происходит не между реальными личностями, а между *виртуальными воображаемыми партнерами, т.е. виртуальными языковыми личностями* [Crystal, 2006; Синельникова, 2011].

Под *виртуальной языковой личностью* мы понимаем существующую в реальной жизни языковую личность, погруженную в ситуацию общения в виртуальной реальности, основным средством самопрезентации которой является ее коммуникативное поведение, созданные сообщения.

В процессе общения в сети виртуальная личность конструирует собственную идентичность за счет *самопрезентации*, которая, в свою очередь, неотделима от самопознания (а точнее, знания самого себя) и самооценки. Самопрезентация, или самоподача говорящего, определяется как реализованная в процессе межличностного общения способность коммуниканта оказывать влияние на процесс формирования своего образа у собеседника [Елькина, 2012: 69].

Основными способами самопрезентации можно признать *самоописание* и *самовыражение*. В первом случае человек создает свой образ, используя описание. Он создает иконический образ себя, максимально близкий, по его мнению, к его личности. Во втором случае создаваемый образ отличается от «выражающего» его человека, и автор предстает перед нами в косвенном, символическом виде [Курчакова, 2007: 142; цит. по: Елькина, 2012: 69].

Очевидно, что в условиях виртуальной реальности и отсутствия живого зрительного контакта возможности самопрезентации резко сокращаются. В Интернет-опосредованной коммуникации собеседники лишены непосредственного контакта друг с другом. Невербальный компонент общения в данном случае компенсируется в зависимости от творческого потенциала виртуального коммуниканта. Однако о полном отсутствии невербальных компонентов компьютерного текста говорить не приходится. Интернет как особая среда общения характеризуется собственными манерами общения, средствами выражения эмоций. Основным средством передачи эмоций в сети являются «эмотиконы» или «смайлы» (определенные наборы символов, схематично передающие мимику человеческого лица). Виртуальное сообщение выражено вербально и иконически, т.е. представляет собой креолизованный текст – сочетание вербальных и невербальных (изобразительных) средств передачи информации. В силу опосредованности коммуникации иконические элементы обладают особой значимостью и образуют единое «визуальное, структурное, смысловое и функциональное целое» [Анисимова, 1996:

75], оказывающее комплексное прагматическое воздействие на адресата [Асмус, 2005: 31; Асмус, 2007; Stillings, 1995; Jackendoff, 2007; Baron, 2008].

Однако в большинстве своем самопрезентация становится возможной благодаря использованию именно лингвистических механизмов. *Существенными средствами самопрезентации являются имя пользователя – никнейм – и его речевое поведение в сети.*

Поскольку общение благодаря фактору анонимности протекает зачастую с *неизвестным, воображаемым собеседником*, у пользователей появляется возможность создавать новый социальный портрет, не совпадающий с реальной действительностью и основанный порой на *подмене коммуникативных ролей*, что сказывается на выборе никнейма как возможности отражения выбираемой сущности, и на определенной направленности речевого поведения. В связи с этим логично говорить об идентичности виртуальной личности и возможности игрового переименования собственного образа.

9.2. Чат и блог как основные форматы Интернет-опосредованной коммуникации

В рамках настоящей работы исследование осуществлялось на материале двух жанров Интернет-опосредованной коммуникации: чатов и блогов. Анализируя чат и блог, мы рассматриваем их как исконно сетевые жанры Интернет-опосредованной коммуникации, причем чат представляет собой многосубъектный диалог, протекающий в режиме реального времени и объединяющий одновременно несколько активных пользователей, в то время как блог – это монолог, состоящий из хронологически расположенных текстов, в которых отражено мнение их автора по волнующим его вопросам.

Отметим, что особый медийный вариант языка, исследуемый многими современными лингвистами, именуемый в современной науке как e-language, netlingo, e-talk, geekspeak, netspeak, weblish [Thurlow, 2001; Crystal, 2006] и предполагающий функционирование разнообразных языковых средств (графических, лексических, морфологических и синтаксических) в условиях Интернет-опосредованного общения, прослеживается достаточно четко в контекстах обоих Интернет-жанров, выбранных нами в качестве объектов исследования.

Одной из важнейших черт общения в Интернете является особое положение дискурса данной сферы на пересечении устной и письменной коммуникации [см., в частности: Crystal, 2006; Plieskatt, 2001; Dürscheid, 2003; Jonsson, <http://www.ludd.luth.se/users/jonsson/D-essay/html>; Herring, 2004; Войскунский, 1991 и др. работы]. Приближаясь по форме существования к письменной коммуникации, Интернет-коммуникация нарушает большинство требований, предъявляемых к письменной речи. Общение в сети носит в

основном неформальный характер, а Интернет-язык более свободен от нормированности и формальной организации. Язык электронного общения подвергается трансформации в самых различных аспектах: на уровне лексики, правил построения высказываний и связного текста, жанрово-стилистических норм, соотношения устной и письменной речи, коммуникативных стратегий и тактик [Горошко, 2009: 17].

На лексическом уровне основными нарушениями норм письменной речи считаются: использование сленговых выражений, нецензурных выражений, аббревиатур, создание неологизмов, смешение стилей, использование фразеологизмов. На уровне синтаксиса к особенностям Интернет-коммуникации относится использование эллиптических предложений и эмфатических конструкций. Правилами пунктуации практически полностью пренебрегают, за исключением тех случаев, когда знаки препинания в чрезмерном количестве используются для передачи эмоций, настроения, характера говорящего. Кроме того, пользователи для передачи экспрессии используют зачастую необычные комбинации знаков (многоточие, многократные запятые, восклицательные знаки, тире).

Отличительными графическими характеристиками переписки в Интернете можно считать смайлы, использование заглавных букв для передачи крика, либо передачу эмоционального состояния автора вербально в скобках / звездочках (в последнем случае электронно-опосредованная коммуникация сближается с драматическим текстом и по форме представления, и по прагматике).

Способами придания речи в сети большей эмоциональности может служить повтор букв (hellOoOOOOoOooOoO, hiiiiiii, yeahhhhhhhhhhhh, im boredddddrrrrrrrrrrrrrrrrrrrr, hugssssssssssssssss) и использование интервалов между буквами в словах, показывающее ясность и четкость произнесения (I M S U R E, B U T W H Y???). Подобные манипуляции с графической формой текста в рамках электронного общения принимаются нами *за проявление языковой игры*.

Исходя из вышесказанного, сегодня можно говорить о формировании нового стиля коммуникации – *стиля Интернет-коммуникации*.

Одним из основных принципов виртуального общения как в чате и блоге, так и в любом другом виде Интернет-опосредованной коммуникации, является анонимность. Зачастую общение протекает с *неизвестным, воображаемым собеседником*. Таким образом, исчезают гендерные различия, свойственные обыденной, не опосредованной Всемирной сетью коммуникации. Такое намеренное *искажение гендерной идентичности*, при котором женщины разрушают стереотипы гиперкорректного речевого поведения, а мужчины отходят от соревновательного стиля в коммуникации [подробнее об этом см.: Алимуратов, Каратышова, 2010], позволяет сделать коммуникацию более раскрепощенной, придать ей более откровенный характер.

9.3. Гендерная идентичность как значимый аспект виртуальной языковой личности

Мы исходим из того, что гендерная принадлежность является важным аспектом виртуальной личности.

В современном понимании *гендер* – это не следствие индивидуальной биологии или предрасположенности к тому, чтобы быть тем или иным типом человека. Можно сказать, что это вообще не индивидуальное качество, а установленный обществом порядок, частью которого является каждый человек. Гендер отражает одновременно процесс и результат «встраивания» индивида в социально и культурно обусловленную модель мужественности или женственности, принятую в данном обществе на определенном историческом этапе [Гриценко, 2005: 6].

Данная категория описывает систему межличностного взаимодействия, посредством которого создается, утверждается, подтверждается и воспроизводится представление о мужском и женском как базовых категориях социального порядка [Уэст, 1997: 99].

Гендерные отношения в языке фиксируются в виде *языковых стереотипов*, которые накладывают отпечаток на поведение личности и на процессы ее языковой социализации [Кирилина, 1999: 9]. Согласно А.В. Кирилиной, гендерные стереотипы, фиксируемые языком, навязывают его носителям определенную картину мира, в которой мужчине и женщине обществом приписываются конкретные нормы речевого поведения [Кирилина, 2005].

Важно подчеркнуть, что гендер не является ни совокупностью личностных психологических черт, ни ролью, а *социальным продуктом особого рода и конструируется через взаимодействие* [Уэст, 2000: 197].

В современной науке разграничение понятий «пол» и «гендер» осуществляется на основании исключения биологического детерминизма. Кроме того, доказывается, что различия в коммуникативном поведении людей не являются прямым следствием их принадлежности к тому или иному полу, а, как правило, обусловлены взаимодействием таких факторов, как социальный статус, уровень образования, возраст, профессия, этническая принадлежность, индивидуальные особенности говорящих и т.п. [Токарева, http://window.edu.ru/window/library/pdf2txt?p_id=35827]. Таким образом, развитие гендерной науки на современном этапе стоит на позициях, доказывающих, что конструирование гендера и формирование гендерной идентичности происходят не только под влиянием половой дифференциации и исключительно биологических особенностей личности, но и с учетом культуры общества, уровня образования, социального статуса личности.

Имеются и крайние точки зрения. Например, как утверждает Дж. Батлер, гендер не является естественно-биологической категорией, а формируется дискурсом, поэтому не пол формирует гендер, а гендер формирует пол [Butler, 1993].

Принимая мнение о том, что гендер служит явлением не биологически, а социально обусловленным, и что биологические признаки являются существенными, но не определяющими в процессе формирования гендерной идентичности, задаемся вопросом: каким образом гендер как социальное явление может формировать пол, как явление биологическое? Трактую утверждение Дж. Батлер в рамках нашего исследования применительно к Интернет-коммуникации, отметим, что в Интернет-среде ситуация формирования пола гендером не является парадоксальной. Исходя из того, что общение во Всемирной паутине происходит в основном между незнакомыми в реальной жизни людьми, т.е. между некоторыми бестелесными виртуальными личностями, принадлежность коммуникантов к мужскому или женскому полу определяется в процессе самопрезентации говорящего (что может быть далеко от истины!). Зачастую виртуалы не определяют заранее свою половую принадлежность. Таким образом, коммуниканты делают соответствующие выводы, исходя исключительно из речевого поведения друг друга (что также может быть ошибочным). Следовательно, гендерная идентичность, формируемая в рамках Интернет-коммуникации, является основой для принятия решения о половой принадлежности собеседников.

Таким образом, *конструирование гендера* при Интернет-опосредованной коммуникации неизбежно, поскольку общество разделено сущностным различием между мужчинами и женщинами, и категоризация по признаку пола является социолингвистически релевантной [Уэст, 2000: 207; см. также Shade, 2002].

Понятие «идентичность», а именно «гендерная идентичность» личности является одним из базовых в гендерной лингвистике. С позиций Э. Эриксона, впервые описавшего данное понятие, *идентичность* опирается на осознание временной протяженности собственного существования, предполагает восприятие собственной целостности, позволяет человеку определять степень своего сходства с разными людьми при одновременном видении своей уникальности и неповторимости [Словарь гендерных терминов, www.owl.ru/gender/020.htm]. Таким образом, Э. Эриксон говорит о конструировании собственного индивидуального и социального «Я» под влиянием определенного жизненного опыта.

Радина Н.К., описывая собственно гендерную идентичность, определяет ее как принадлежность к той или иной социальной группе на основе полового признака [Радина, 1999]. Клецина И.С. под *гендерной идентичностью* понимает процесс осознания и принятия определений мужественности и женственности, существующих в рамках той культуры, в которой рождается и возрастает человек [Клецина, 2004: 71].

В словаре гендерных терминов понятие *гендерной идентичности* обозначается как базовая структура социальной идентичности, которая характеризует человека (индивида) с точки зрения его принадлежности к общно-

сти мужчин или женщин, при этом наиболее значимым представляется то, как человек сам себя категоризирует [Словарь гендерных терминов, www.owl.ru/gender/020.htm].

Наиболее полное определение рассматриваемого термина, на наш взгляд, представлено у Л.Н. Ожиговой. Под *гендерной идентичностью* ученый понимает результат сложного взаимодействия физиологических, социальных и психологических (собственно личностных) факторов, при котором по мере становления и реализации гендерной идентичности усиливаются регулирующая и смыслообразующая роль самой личности. Реализация гендерной идентичности личности связана с выработкой определенных способов социокультурной презентации своих физиологических свойств в той форме, которая отвечает собственным личностным смыслам [Ожигова, 2006: 14] и – добавим от себя – не противоречит гендерно детерминированным конвенциям и ожиданиям социума.

Вместе с тем, на процесс формирования гендерной идентичности существенное влияние оказывает конкретный ситуативный контекст. Гивон Т. отмечает, что единого «Я» не существует. Каждый человек скрывает множество «Я», уживающихся в одном теле и обнаруживающих себя по мере автопрезентации личности. Человек всегда испытывает на себе давление среды и представляет собой многосторонний конструкт, в котором находят отражение различные стороны его личности в зависимости от контекста взаимодействия с окружающими [Givon, 2005: 222].

Исходя из вышеизложенного, можно заключить, что *идентичность представляет собой динамичную структуру, развивающуюся на протяжении всей жизни личности, и формирующуюся, прежде всего, в процессе взаимодействия с другими индивидами. В свою очередь, процесс взаимодействия осуществляется во многом через коммуникацию, вследствие чего гендерные характеристики личности рекуррентно отражаются и в ее речевом поведении.*

Анализируя коммуникативное поведение индивидов, лингвисты высказывают различные мнения относительно степени и характера проявления гендерных факторов в языке. Так, А.В. Кирилина утверждает, что гендерные стереотипы, фиксируемые языком, навязывают его носителям определенную картину мира, в которой мужчине и женщине обществом приписываются конкретные нормы речевого поведения [Кирилина, 2005]. Обращаясь в целом к исследованиям московской школы гендерной лингвистики, следует упомянуть о трактовке представителями данной школы гендера «как «плавающего» параметра, фактора, проявляющегося с неодинаковой интенсивностью вплоть до полного исчезновения в ряде коммуникативных ситуаций» [Кирилина, <http://www.gender-cent.ryazan.ru/kirilina1.htm>].

Сидорская И.В. говорит о существовании *женской и мужской стратегий речевого поведения*. Женская стратегия предполагает беседу, построенную на взаимопонимании (тем самым акцентируется роль обратной свя-

зи, являющейся одним из организующих начал коммуникации), а мужская стратегия подразумевает общение, построенное на стратегиях конкуренции [Сидорская, <http://envila.iatp.by>].

Мужчины и женщины исполняют различные роли, которые им предписаны. В большинстве обществ мужчины заняты военной и политической деятельностью, а женщины работают в сферах, связанных с воспитанием детей. Мужчины и женщины должны выглядеть так, как им предписано в соответствии с их гендерной идентичностью. В большинстве современных сообществ мужчинам предписывается быть уверенными в себе и атлетичными, а женщинам – слабыми, стеснительными и скромными [Серова, 2011: 374; Kirtley, Weaver, 1999]. Признавая определяющим конкретное ситуационное социокультурное влияние на проявление соответствующих гендерных особенностей и конструирование, таким образом, гендерной идентичности, следует говорить не о мужском и женском языке, мужском и женском речевом поведении, а о маскулинном и фемининном стилях общения.

Наиболее полно различия между данными параметрами были обобщены социолингвистом Дж. Холмс следующим образом:

- у мужчин и женщин формируются разные модели употребления языка;
- женщины уделяют аффективным (межличностным) функциям общения больше внимания, чем мужчины;
- женщины чаще, чем мужчины, используют лингвистические формы, подчеркивающие солидарность;
- женщины строят общение так, чтобы поддерживать и укреплять отношения солидарности; мужчины в общении (особенно в официальных контекстах) стремятся поддерживать и укреплять власть и статус;
- в одинаковой социальной ситуации женщины используют больше стандартных форм, чем мужчины из той же социальной группы [Holmes, 1993].

Обобщая многочисленные исследования гендерной маркированности речевого поведения коммуникантов на разных уровнях языковой системы (см., в частности: Holmes, 1993, 2006; Herring, 1992, 1994, 1996; Земская, Китайгородская, Розанова, 1993; Горошко, 1990, 2003 и др.), Е.В. Куницына выделяет ряд традиционных представлений по данному вопросу:

- мужская речь характеризуется более частотным употреблением терминологической и профессиональной лексики, инвективов, жаргонизмов, сленга;
- в женской речи наблюдается склонность к употреблению суффиксов со значением ласкательности, уменьшительности, оценочных прилагательных, прилагательных в превосходной степени, наречий и союзов, глаголов, выражающих эмоционально-психологические состояния человека;

- на стилистическом уровне женской речи присуще использование вводных слов и выражений, разделительных и восклицательных вопросов, просьб, извинений, отсутствие глагола в собственно повелительном наклонении, подчинительной связи в предложениях [Куницына, 2011: 11-13].

Рассматривая позицию Т.В. Гомон по отношению к мужской и женской письменной речи, отметим ряд факторов, выделенных ученым, которые не прослеживаются у Е.В. Куницыной. К особенностям мужской письменной речи относятся: частое употребление вводных слов, особенно имеющих значение констатации: *очевидно, несомненно, конечно*; употребление большого количества абстрактных существительных; сочетания официально и эмоционально маркированной лексики при обращении к родным и близким людям; использование газетно-публицистических клише. К характеристикам женской письменной речи Т.В. Гомон относит: склонность к употреблению «престижных», стилистически повышенных форм, клише, книжной лексики; большую образность речи при описании чувств, многообразие инвектив и их акцентуация при помощи усилительных частиц, наречий и прилагательных; высокочастотным является также использование конструкций «наречие + наречие», простых и сложносочиненных предложений, синтаксических оборотов с двойным отрицанием; частое использование знаков пунктуации, высокая эмоциональная окраска речи в целом [Гомон, 1990; цит. по Кирилина, Томская: http://magazines.russ.ru/oz/2005/2/2005_2_7.html].

Характер проявления вышеперечисленных гендерных особенностей речевого поведения и степень их влияния на возможность интерпретации гендерной идентичности будут проанализированы далее в работе на примерах общения в наиболее популярной, интенсивно развивающейся коммуникативной среде – Интернете.

Как уже отмечалось, одним из наиболее значимых признаков коммуникативной среды, разворачивающейся в Интернете, является анонимность и, как результат, общение с неизвестным, воображаемым собеседником. Анонимность общения в Интернете обогащает возможности самопрезентации человека, позволяя ему не просто создавать о себе впечатление по своему выбору, но и быть тем, кем он захочет [Гришкова, 2010: 464].

Паломарес Н. отмечает, что анонимность электронного дискурса может способствовать как усилению, так и ослаблению выраженности гендерных особенностей стиля электронных сообщений. При этом индивидуальные черты личности коммуниканта и его собственный стиль являются первостепенным фактором, определяющим усиление или ослабление этих особенностей [Palomares, 2004: 582].

Опосредованность и дистантность данного вида общения позволяют реальной личности *замаскироваться под любой виртуальный образ*, скрывая при этом такие характеристики, как пол, возраст, социальное положение

и т.д. Таким образом, в Интернет-пространстве гендерная атрибуция может затрудняться интенцией автора завуалировать свой пол, избегая описанной выше гендерной оформленности. В случае если лица, принадлежащие к определенной категории по полу, замечены в поведении, ассоциирующемся с другой категорией, возникает так называемый *«ролевой конфликт»*.

Следовательно, при анализе Интернет-опосредованной коммуникации может возникнуть неопределенность в установлении гендерной принадлежности автора, поскольку мнение о собеседнике складывается только через созданные им сообщения, а большинство коммуникантов под воздействием условий данной среды определяются как лица «среднего рода», без ярко выраженной гендерной принадлежности.

Тем не менее, речевое поведение маскулинной и фемининной части пользователей Интернета различается, и *во многом эти различия обусловлены ситуативными параметрами коммуникации*. Благодаря специфическим условиям коммуникации в сети, в ряде случаев прослеживается *сдвиг гендерной идентичности*, что, несомненно, представляет собой лингвистически важный признак конструирования гендера и заслуживает подробного изучения.

9.4. Лингвистические механизмы самопрезентации и маскировки гендерной идентичности в англоязычных чатах и блогах

Гендерная идентичность личности – многокомпонентное образование, включающее гендерные представления, гендерную самооценку и гендерные планы и структуры поведения. Различное сочетание и смысловое наполнение данных компонентов определяют индивидуальный вариант гендерной идентичности личности [Ожигова, 2006: 15] и, соответственно, закономерности ее вербальной самопрезентации.

В рамках Интернет-опосредованной коммуникации гендерная самопрезентация личности осуществляется через имя пользователя, его *никнейм* и через речевое поведение пользователя, собственно *дискурс*.

Исследование никнейма (сокращенно – ника) как средства идентификации в виртуальной среде имеет связь не только с лексикой, но и с психологией и социологией. Анонимность позволяет проявить скрытое восприятие себя как личности на подсознательном уровне, доступное только индивидуальному пользователю, часто скрываемое или неосознанное. Этим объясняется заинтересованность психологов вопросом создания и трактовки никнейма в виртуальном мире. Такие исследователи, как А. Ага [Agha, 2007], М. Форресстер [Forresster, 1996], К. Манн и Ф. Стюард [Mann, Steward, 2000] рассматривают современный язык сети Интернет с точки зрения психоло-

гии и приходят к выводу о стереотипности поведения и выражения мыслей с помощью языковых средств. П. Уэллес [Wallace, 1999] изучает вариативность поведения, создания «масок» и вымышленных образов, проводит анализ реакций пользователей на различные никнеймы с точки зрения восприятия пользователя как личности.

Можно говорить о множестве классификаций, в рамках которых дифференцируются различные типы никнеймов. В частности, В.С. Хорикова предлагает следующую классификационную сеть.

1. Ники, в которых пользователи используют свое реальное имя. Обращает на себя внимание сочетание букв и цифр, слитное написание слов и несоблюдение использования заглавных и строчных букв, фонетический тип письма. Это *реалистичные* ники, т.е. несущие реальную информацию и создающие образ, близкий к реальности.
2. Ники, относящиеся к личным качествам: характер, внешний вид, профессия, хобби, местоположение, возраст, но не содержащие реального имени в своем составе.
3. Ники, связанные с технологиями и данными.
4. Ники, связанные с флорой и фауной.
5. Ники, связанные с известными личностями.
6. Ники, несущие сексуальный и провокационный характер.
7. Звукоподражания, перифразы [Хорикова, 2010: 64-67].

Бехар-Израели Х. (Bechar-Israeli H.), исследовав ники посетителей чатов, представляет более широкую классификацию типов виртуальных имен, выделяя 14 типов. Исследователь отмечает, что 45 % пользователей выбирают ники, характеризующие их личные качества, что позволяет утверждать, что это является способом индивидуальной категоризации индивидуумов и попыткой уточнить важнейший аспект их личности с точки зрения самого пользователя и привлечь потенциального собеседника. 8 % пользователей живут в сети под собственными реальными именами, 6 % называют себя вслед за героями сказок, фильмов, художественной литературы. Коммуниканты редко меняют собственные ники, они конструируют собственную виртуальную личность и последовательно работают над ее презентацией в рамках Интернет-опосредованной коммуникации [Bechar-Israeli, <http://jcmc.indiana.edu/vol11/issue2/bechar.html>].

Никнейм – придуманное имя, под которым пользователь «живет» в виртуальном мире; это первый пункт, с которого начинается знакомство виртуалов. Именно поэтому созданию ника отводится особое значение: ник должен максимально точно охарактеризовать человека, выразить его внутреннее душевное состояние или создать вымышленный образ, чем и выделить пользователя в виртуальной среде. Выбираемое имя становится частью общего представления, основным средством выражения личностной информации. Таким образом, ник, выбираемый пользователем для собствен-

ной идентификации в виртуальном мире, требуя от других пользователей определенной расшифровки, декодирования, выступает элементом не прямой коммуникации и не исключает вероятности значительного количества возможных интерпретаций.

Значимость ников в процессе коммуникации и самопрезентации обуславливает проводимый авторами анализ сплошной выборки никнеймов, общее количество которых составило 400 единиц.

В процессе работы была определена собственная классификация никнеймов, основанная на наличии в них гендерных маркеров.

1. Ники-антропонимы.

Female: marian08, *Angie*, Anuta, kathylee, karla, Sylvia&Emma, Beth, marlena, melissa_mahoney, simona, alexa_, SaraViennetta, christina_wright.

Male: nitin, alan, Adamrashed, jamesW, Meissner, mostovoi, reverdi, alesandro_gunti, DavidMartin.

2. Ники-топонимы.

Female: Annasweden, *Yemeni*, MAYO, Latina, 20Germany, FinnishLady, IndianBabe, FunnySpanishgirl, spanish27, aussiegirl, scotsgirl.

Male: Gismo_de, cute_german, michaelincanada, ItalianEngineer27, Niagara, italianguy, cityIndieGuy, Londoncoconut, LondonDom, Grim_Northerner, Bavaria666, stoneeurope5, andreFrance, irishguy, Irish_Matt, ENG_IBRAHIM.

3. Ники, содержащие название профессии, хобби.

Female: Ash3'sMom, *Elemental&Writer*, Queen-of.blues, Bookworm-Bjarka.

Male: computerman, gynecologist, Jazzer, Sportlicher43, LeapFrog, footballer4real, Cutebuilder36, night.poet, Traveller30, bobby43, socialarchitect, coach38, Surferman86, Mohamedmicrobiology, Guitarplayer, Golfer, diehardgolfer, swimmer, rugby-lover.

4. Ники-зоонимы.

Female: LittleVixen, sunshinemockingbird, Skyrose, Am_english_rose2, CoolPinkbutterfly, Blumegirl.

Male: g-dog, surreal.shark, lion_34, Wolfman, Wolf~Gray, Lion-Rampant, adrianredbear, ~Grizzly~.

5. Ники, в которых содержится описание внешности пользователя.

Female: green_eyes30, Elementum_Eyes, greeneyes82, Vanilla.skin, BeautyNBrains, Beautiful24girl, kissablelips.

Male: ChrisCuteGuy, babyfaceboy.

6. Ники, в которых содержится описание черт характера пользователя.

Female: dreaming, ххсрауцраухх, imperfect, funnyjill, gossipgirl, curious_girl, goodgirl100percent, packageofgirlyevil, hopelessdreamer.

Male: DECENT_MAN, Tranquility, polite, Breaksilence, Hunk, good-boy1988.

7. Ники, указывающие на возраст пользователя.

Female: laura98, Carol84, sunny79, sunnygal96, Agnes'76, Magda81, sugarcube86, michelle67.

Male: toni41, imanol21, mike24, jackwilliams41, lovelyfriend29, some_guy27, bill.billy46, cuteguy21, Daniel28, ThankU18, Andres26_, man26, OLDMUSICLVR, 2old4uagain, older_man.

8. Ники, подчеркивающие интеллект пользователя.

Female: Lady_Professor42.

Male: clever-jaguar, --MentalTechniquez--, Mental.Coach, Clever.Man.

9. Ники, подчеркивающие сексуальность пользователя.

Female: *Sweet_Helenna*, sexylove413, sexypanda69, honeygirl, SexуVampire<3, niceassniceboobs, cuteandsexy, sweetcherry16, Strawberry2, sexymomma.

Male: cutieboy, Sweetpal, sweet_virus, Sexy_boy.

10. Ники, в которых содержится номинация пола пользователя.

Female: lucygirl, BlackChick, madam, pinkfloyd.girl, Sunflowergirl, sunnygal96, Chicachick, gemgirl, lady_luck, Girl~from~tomorrow, lady_spring, MissCellanie, lady.j, GossipGal, planetqueen, MrsNature, MsKate, Mss_sarah, MrsBecky, missnice, coolchick96, belaprincess, Madame.M, woman.

Male: coolcrazyboy, adorable-guy, mr.europe, sultan, DECENT_MAN, emanuelson, some_guy27, gentleman, MrPresident, Mr.Weekday, Seedyboy, Sir_damian, lovelyman, Chocolateguy, ExceptionalMale, BerserkPrince, knight242.

11. Ники, представляющие собой имена героев сказок, фильмов, мультипликаций.

Female: Hello_Kitty, ice.witch, Cat_in_boots, XIceandasliceX.

Male: despicableme2, aladdin*, Bazinga, Hot_Nesquik, jonny_bravo, pappabear, Badsanta, Boomhauer, little_stuart, rainman, rocky, skycaptain, kingpin, poseidonn, Valkyrie, zarathustra, Woodpecker.

12. Ники-имена реальных известных личностей.

Female: Marilyn Монroe.

Male: Keith-Moon, Raymondchandler50, Elvis_Presley, Comandante_Chavez, Caesar, eddiemurphy.

13. Ники, содержащие элементы языковой игры.

Female: joysephinegirl, Constell@tion, Annhhica.

Male: fumbduck [Гукосьянци, 20146].

Проведенный анализ позволил сделать ряд выводов касательно **гендерных маркеров**, используемых для создания ников, а также составить общую сводную диаграмму по частоте использования выделенных гендерных маркеров.

Представим полученные результаты в виде двух диаграмм, на первой из которых отмечены гендерные маркеры и частота их проявления в никнеймах коммуникантов-женщин (Диаграмма 1 см. Приложение), на второй – в никнеймах коммуникантов-мужчин (Диаграмма 2 см. Приложение).

Анализ полученных результатов позволяет сделать следующие выводы.

Во-первых, как можно видеть из Диаграммы 1, большая часть женских ников, а именно 24 % выборки, содержат точную номинацию пола, проявляющуюся через употребление слов: GIRL, LADY, MISS, QUEEN, CHICK, MADAM, GAL, Mrs, Ms, PRINCESS, WOMAN. Благодаря использованию данных слов некоторые никнеймы приобретают дополнительные оттенки значения. Например, используя слова Mrs, MISS, Ms, пользователи делают акцент на своем семейном положении. Добавление в имени слов QUEEN, PRINCESS, LADY, MADAM, CHICK показывает, как сам пользователь позиционирует себя, какие дополнительные качества себе приписывает.

На втором месте по частоте употребления ники, содержащие имена собственные – 13 % выборки. Далее, с разницей в один процент, следуют ники с опорным компонентом-топонимом (11 %); ники, подчеркивающие сексуальность пользователя (10 %); ники, указывающие на черты характера пользователя (9 %); ники, идентифицирующие возраст пользователя (8 %); ники, в которых описывается внешность пользователя (7 %). Ники-зоонимы составляют 5 % от общего количества исследуемых имен. Равное количество ников содержат упоминание о профессии, хобби (4 %) и имена вымышленных персонажей (4 %). Ники, содержащие элементы языковой игры, составляют 3 % от общего анализируемой выборки. По 1 % у ников, подчеркивающих интеллект пользователя, и ников, содержащих имена реальных знаменитостей.

Что касается мужских имен, здесь прослеживается несколько иная тенденция по сравнению с описанными выше маркерами, выявленными в женских никнеймах.

Первое место по количеству употреблений занимают ники, содержащие название профессии, хобби пользователя (17 %). 15 % исследуемых имен составляют номинации вымышленных персонажей; 14 % – ники-топонимы. 12 % анализируемых ников составляют имена, содержащие номинацию пола, проявляющуюся через употребление слов: BOY, GUY, Mr, SULTAN, MAN, SON, GENTLEMAN, MALE, PRINCE, KNIGHT, KING. Употребление таких слов, как SULTAN, KING, GENTLEMAN, PRINCE, KNIGHT, Mr придает именам дополнительную семантику, показывая самооценку пользователя и характер самопозиционирования.

10 % ников содержат указание на возраст. По 7 % составляют ники-антропонимы и ники-зоонимы; 5 % – ники-имена реальных знаменитостей. Одинаковое количество (по 4 %) составили ники, описывающие черты характера пользователя и уровень его интеллекта. Имена с описанием внешности и сексуальности пользователя насчитывают по 2 % от общего количества анализируемых никнеймов. И только в 1 % ников было отмечено использование элементов языковой игры.

Сопоставляя две диаграммы, получаем результат, отраженный в Диаграмме 3 (см. Приложение).

Сравнивая употребление ников с номинациями пола среди женщин и мужчин, отметим, что данные ники, превалируя в женской аудитории, у мужчин занимают лишь четвертое место по частоте употребления.

Относительно упоминания профессии в никнейме можно заключить следующее – мужчины, в противовес женщинам, эксплицируют свои профессии. В этой связи номинация профессии в целом может рассматриваться как опосредованный гендерный фактор.

Упоминание о возрасте пользователя чаще встречается именно в мужских именах. При этом мужчины указывают обычно конкретный возраст, либо употребляют слово OLD, а женщины, чаще всего, обозначают год рождения.

Акцент на внешности, чертах характера, сексуальности присущ именно женским никам; на интеллекте – мужским никам.

Приблизительно одинаковое количество зоонимов встречается в женских и мужских именах. Мужчины ассоциируют себя с хищными животными, демонстрируя, таким образом, силу и власть. Женщины в Интернете – «лисички, птички, бабочки, цветочки» – именуя себя представителями флоры и фауны, желают показать некоторую игривость, легкость, воздушность, покладистость.

По количеству употреблений ников-антропонимов лидируют женщины. Женские ники-антропонимы содержат, как правило, только имя, либо сочетание имени и фамилии (гораздо реже). Мужские ники-антропонимы – это, обычно, только фамилия, либо имя и фамилия (значительно реже).

Употребление географической адресации в имени более популярно среди мужчин.

Ники, содержащие имена вымышленных персонажей и имена известных реальных личностей, практически не встречаются в женской аудитории и весьма популярны в мужской. Следовательно, подобная номинация может рассматриваться как опосредованный гендерный фактор.

Использование ников с элементами языковой игры незначительно у представителей обоих полов, но, с небольшой разницей, все же, превалирует у женщин [Гукосянц, 2014б].

Выделенные гендерные маркеры, наблюдаемые в именах пользователей чатов и блогов, могут быть сгруппированы в механизмы самопрезентации, используемые в никах:

- **механизм актуализации внешних качеств личности**: маркеры – внешность, возраст, сексуальность, номинация пола;
- **механизм актуализации внутренних качеств личности**: маркеры – черты характера, интеллект, антропонимы, юмор;
- **механизм актуализации социальных качеств**: маркеры – профессия / хобби, топонимы;

- **механизм отождествления с чужим образом (реальным и нереальным)**: зоонимы, имена вымышленных персонажей, имена реальных знаменитостей.

Анализируя выделенные механизмы по степени предпочтительности коммуникантами-мужчинами и коммуникантами-женщинами, обнаруживаем, что механизм актуализации внешних качеств личности и механизм актуализации внутренних качеств личности более популярны среди женщин, тогда как два последних механизма можно обозначить как «мужские» механизмы гендерной самопрезентации. Данное следствие обнаруживается, суммируя полученное ранее процентное соотношение маркеров каждого гендера в конкретном механизме самопрезентации, что наглядно можно изобразить в виде диаграммы, где:

- М1 – механизм актуализации внешних качеств личности;
- М2 – механизм актуализации внутренних качеств личности;
- М3 – механизм актуализации социальных качеств;
- М4 – механизм отождествления с чужим образом (реальным и нереальным) (Диаграмма 4 см. Приложение).

Как отмечалось выше, самопрезентация в виртуальном мире осуществляется как через никнейм пользователя, так и через дискурс. Анализируя лингвистические средства, дифференцирующиеся по степени предпочтительности различными гендерами, мы, вслед за ведущими лингвистами-гендерологами, прежде всего, перечислим ряд традиционных различий речи маскулинной и фемининной и сравним, насколько каждое из указанных различий актуально для нашего исследования. Характерологические особенности фемининного и маскулинного вербального поведения, упомянутые ниже, относятся к областям лексики, синтаксиса, стилистики, морфологии, семантики, отмечены фонетико-графические различия. Однако в рамках настоящей работы строгая дифференциация данных признаков по перечисленным областям не несет определенной функциональной значимости, чем объясняется ее отсутствие.

Типичным для «женской» речи считается употребление следующих нижеперечисленных лингвистических средств.

1. Рифмованные прилагательные [Goroshko, 1999, p. 9; Lakoff, 1975]: pretty-witty, itsy bitsy, lubby-dubby.

Следует отметить тот факт, что рифмованные прилагательные были обнаружены в речи женщин в чатах. В блогах рифмованных прилагательных в рамках нашей выборки найдено не было. Однако поскольку их количество в чатах было весьма незначительным, применительно к нашей работе, данный фактор не может рассматриваться как гендерный маркер.

2. Наречия, оканчивающиеся на -ly [Furfey, 1944; Fitzpatrick, Mulac, 1995]:

(1) FEMALE – My lovely boyf supports me *beautifully*. He listens *sympathetically* when I want to talk about it. And when I'm *properly* tangled up in angst, he

will ask if he can make a suggestion, and sometimes *gently* tease me to see a different way of *looking* at things [<http://discussion.theguardian.com/discussion/p/3yzzg8>, дата обращения: 19.01.2014].

В данном примере можем наблюдать и использование *герундия*, который, как показывает исследование, является *одним из гендерных маркеров женской речи* в рамках Интернет-опосредованной коммуникации. Герундиальные конструкции достаточно часто прослеживаются в речи женщин в блогосфере. В чат-коммуникации, где предпочтение отдается простым грамматическим конструкциям, употребление герундия наблюдается гораздо реже. Тем не менее, практически во всем анализируемом материале герундиальные конструкции встречались именно в женских контекстах. Это позволяет нам рассматривать данную речевую особенность как типичную для женщин в рамках и блогов, и чатов:

(2) FEMALE – **sugarbee**: Doctor_Faurisson: *Saying* bye is intolerance :([www.spinchat.com, дата обращения: 05.04.2014]

(3) FEMALE – **+Blaze+**: Yes it will Sandra .. *looking* forward to that day [www.spinchat.com, дата обращения: 18.02.2014]

Рассмотрим еще ряд примеров женских высказываний из блогов и чатов, в которых содержатся наречия, оканчивающиеся на *-ly*:

(4) FEMALE – I *personally* believe it's *extremely* important to raise kids around people that are tolerant, have different morals, ideas, blah blah blah [<http://www.dirjournal.com/info/top-ten-places-to-live-in-the-world/comment-page-1/#comments>, дата обращения: 26.03.2014].

(5) FEMALE – The coolest thing about the US is that you can *literally* find almost every type of climate and ecosystem on the planet, all in a single first-world, English-speaking, *culturally* diverse country [<http://www.dirjournal.com/info/top-ten-places-to-live-in-the-world/comment-page-1/#comments>, дата обращения: 26.03.2014].

(6) FEMALE – **msrogue**: Walker: that sounds *heavenly*... I am *officially* jealous [www.spinchat.com, дата обращения: 23.12.2011]

Отметим, что употребление в женской речи наречий, оканчивающихся на *-ly*, столь популярное в рамках блогосферы, *практически не наблюдается в чат-коммуникации*. Следовательно, применительно к чатам, данная закономерность узуса не может считаться гендерным маркером.

3. Модальные слова (clearly, obviously, apparently, certainly, surely, well, only, simply) [Henley, Thorne, 1975]:

(7) FEMALE – Yes *obviously* there are very dangerous places in South Africa. Let's just get this clear and leave it at this [<http://www.dirjournal.com/info/top-ten-places-to-live-in-the-world/comment-page-1/#comments>, дата обращения: 26.03.2014].

Предложенное высказывание содержит также элемент непрямого повеления, характерный для дискурсивной самопрезентации женщин, *Let's* и разговорное *just* (подробнее об этом см. ниже).

(8) FEMALE – Whoever wrote about Miami has *obviously* never lived here. [<http://www.dirjournal.com/info/top-ten-places-to-live-in-the-world/comment-page-1/#comments>, дата обращения: 26.03.2014].

(9) FEMALE – *Sorry but I think* you went to the wrong island...*surely* not Malta :) [<http://www.dirjournal.com/info/top-ten-places-to-live-in-the-world/comment-page-1/#comments>, дата обращения: 26.03.2014].

В данном примере, помимо модального слова *surely*, наблюдаем употребление *I think* и *Sorry*, которые, как будет описано ниже, являются гендерно-маркированными элементами и, соответственно, также характеризуют данную фразу как женскую.

Обратимся к примерам употребления модальных слов в чат-коммуникации:

(10) FEMALE – **Girl-from-tomorrow:** Into_the_wild: *Apparently* you guys live in Europe so your morality and values are a bit changed than that of mine or good_and_silent_girl's [www.spinchat.com, дата обращения: 07.08.2013].

(11) FEMALE – **Angelina:** not exactly what I asked, *clearly* you are adamant on ignoring my question [www.spinchat.com, дата обращения: 05.04.2014].

(12) MALE – **Quirkyzzz:** *actually*, I sympathize with germans and finns not wanting to pick up the bill for greek tax evasion and italian corruption. What about you, fant? what country are you in this story, anyway? [www.spinchat.com, дата обращения: 24.04.2013]

(13) MALE – **Tamlin:** *obviously* you dont know what 'closed shop' means [www.spinchat.com, дата обращения: 23.12.2011].

Как можно заметить, модальные слова в чат-коммуникации не являются некоторой «типичной» особенностью «мужской» или «женской» речи и не могут служить гендерным маркером.

4. Претеритные формы модальных глаголов: might, could, would [Goroshko, 1999, p. 11]:

(14) MALE – I think we *might* disagree on how morally repulsive it *would* be- excluding a particular religion might make sense in a confessional state, for example, but not in secular America [<http://amptoons.com/blog/the-male-privilege-checklist/>, дата обращения: 26.03.2014].

(15) FEMALE – Eventually i *would* like to travel more and maybe live elsewhere. Ideally if i had enough money i *would* like to travel the world, with my kids and husband when there schooling has finished! [<http://www.dirjournal.com/info/top-ten-places-to-live-in-the-world/comment-page-1/#comments>, дата обращения: 26.03.2014]

(16) MALE – **tranquil:** Quirkyzzz: caste system discussion *couldnt* be as boring as THIS!! [www.spinchat.com, дата обращения: 12.08.2013]

(17) MALE – **moseph:** I *should* at least get dressed and make coffee.. [www.spinchat.com, дата обращения: 23.12.2011]

Как показывают приведенные выше примеры дискурсивной самопрезентации как женщин, так и мужчин, в рамках нашей выборки данная осо-

бенность речи не может рассматриваться как преимущественно женская или мужская и не является гендерным маркером.

5. Оценочные прилагательные [Goroshko, 1999, p. 9; Eckes, 1994], например:

(18) FEMALE – Last week, my husband lost his job in senior management, after 32 years with the same firm. It is a *wrongful unfair* dismissal case [http://www.artofmanliness.com/, дата обращения: 23.01.2014].

(19) FEMALE – Very *sad* and *terrifying*, this is an *incomprehensible* and *hateful* blow to all women, working or not [http://www.disputingblog.com/jones-v-halliburtonkbr-jury-reaches-verdict/, дата обращения: 25.01.2014].

(20) FEMALE – If more people blogged so *honest* and *fresh*, the blogosphere wouldn't be the *rank toilet bowl* it currently is [http://www.dirjournal.com/info/top-ten-places-to-live-in-the-world/comment-page-1/#comments, дата обращения: 26.03.2014].

Метафоры, используемые авторами, представляют собой одну из особенностей женской речи и *могут быть рассмотрены в качестве гендерного маркера*:

(21) FEMALE – I see blogging as an enormous *buffet table, or smorgasbord*. There are many *different types of dishes: appetizers, entrees, side dishes, and desserts*. Each blogger puts out a dish, refilling it as resources allow. (I guess the porn sites would be like an *open bar*?) [http://blog.jugglingfrogs.com/2007/05/my-blog-is-smorgasbord-come-and-eat.html, дата обращения: 22.05.2011]

Приведем примеры употребления оценочных прилагательных в чатах:

(22) MALE – **Tom***: fried_rice: , we have a *beautiful, nice, caring and lovable* nurse here....(Nurse~Khatе) [www.spinchat.com, дата обращения: 29.12.2013]

(23) FEMALE – **midi85**: that's why you're *the best* lemuria, you're *efficient* and noone can moke u!! [www.spinchat.com, дата обращения: 29.12.2013]

(24) FEMALE – **Lemuria**: Daawa: that was *rude* and *disrespectful* [www.spinchat.com, дата обращения: 29.12.2013]

(25) MALE – **Doctor_Faurisson**: These *shitty* films destroy the childrens' brains [www.spinchat.com, дата обращения: 05.04.2014]

Как видно из примеров, использование оценочных прилагательных популярно и в чат-коммуникации, и в блогосфере. Однако в рамках чатов мужчины прибегают к употреблению оценочных прилагательных так же часто, как и женщины, что не позволяет нам рассматривать данную особенность речи в качестве гендерного маркера в рамках чатов. В рамках же англоязычной блогосферы оценочные прилагательные являются маркером женской речи.

6. Выражения I mean, I think, Sort of, Well, Just, I suppose, You see, You know [Goroshko, 1999, p. 11; Holmes, 1986]:

(26) FEMALE – I was reading the article about Brazil – *I just have to say* that you have been gravely misinformed... [http://www.dirjournal.com/info/top-

ten-places-to-live-in-the-world/comment-page-1/#comments, дата обращения: 26.03.2014]

(27) FEMALE – **Girl-from-tomorrow**: alisha!: *Just washing and cleaning is enough* :P [www.spinchat.com, дата обращения: 07.08.2013]

(28) FEMALE – **Hyena**: Doctor_Faurisson: *I think its better to let make kids mistakes sometimes to some level. Failing is a better learning* [www.spinchat.com, дата обращения: 05.04.2014].

Последние два примера содержат *герундий*, который, как было сказано выше, является *гендерно-маркированным элементом женской речи и в чатах, и в блогах*.

Отметим, что конструкция *I think* встречается периодически в речи мужчин и чатов, и блогов. Однако у мужчин эта конструкция имеет иной семантико-прагматический заряд. Если женщины используют *I think* как возможность к размышлению, как маркер высказывания определенных предположений, с которыми можно потенциально спорить и не соглашаться, то для мужчин *I think* – это выражение категорического постулирования:

(29) MALE – *I think the best piece of advice for people who think to go to college: have a reason. Have a goal for when you get out* [http://www.artofmanliness.com/2014/01/14/testing-out-how-to-moneyball-your-way-to-a-debt-free-college-degree/#comments, дата обращения: 23.01.2014].

7. Конструкции I wonder if, It seems to me, My impression is, I wouldn't mind [Goroshko, 1999, p. 11; Holmes, 1986]:

(30) FEMALE – *I wonder if the writer has ever travelled to other parts of Africa to make such bogus claims* [http://www.dirjournal.com/info/top-ten-places-to-live-in-the-world/comment-page-1/#comments, дата обращения: 26.03.2014].

(31) FEMALE – *To me it seems like maybe you shd just add a little cardio to your plan since your still unhappy with your weight (which happens to be a number I myself would turn sideways and disappear if obtained lol) it shd do the trick* [http://www.fourhourworkweek.com/blog/2007/04/06/how-to-lose-20-lbs-of-fat-in-30-days-without-doing-any-exercise/comment-page-10/, дата обращения: 25.01.2014].

(32) FEMALE – **giZmo**: *I wonder if the stadia will even be ready on time*, Yumechan [www.spinchat.com, дата обращения: 03.04.2014].

Как видим из примеров, использование коммуникантами-женщинами конструкций *I wonder if, It seems to me, My impression is, I wouldn't mind* наблюдается и в блогах, и в чатах, что позволяет рассматривать данную речевую особенность в качестве гендерного маркера женской речи.

8. Частично десемантизированные интенсификаторы, способствующие гиперболизации высказывания: awfully pretty, awfully jolly, terribly nice, terribly tired [Goroshko, 1999: 9; Payne, 2001: 105; Timmerman, 2002: 76], в частности:

(33) FEMALE – Please do not break all of SA down – that would be *horribly unfair* and ignorant [<http://www.dirjournal.com/info/top-ten-places-to-live-in-the-world/comment-page-1/#comments>, дата обращения: 26.03.2014].

(34) FEMALE – We have *extremely abusive taxes* and we get shit in return, especially health care! [<http://www.dirjournal.com/info/top-ten-places-to-live-in-the-world/comment-page-1/#comments>, дата обращения: 26.03.2014]

(35) FEMALE – **juggalolz**: I'm *awfully sorry* to have kept you waiting so long, angelheart [www.spinchat.com, дата обращения: 14.03.2014].

В представленных примерах из женских контекстов блогов и чатов наблюдаем употребление слов *terribly*, *horribly*, *extremely*, *awfully*, семантика которых стерта, или почти стерта. При этом данные слова не теряют собственной коммуникативной значимости, выступая в функции уточнения, усиления влияния на коммуниканта. Использование частично десемантизированных интенсификаторов характерно для речи женщин и чатов, и блогов, что дает нам право считать данную речевую особенность гендерным маркером женской речи.

9. Глаголы в пассивном залоге [Smith, 1985; Куницына, 2011]:

(36) MALE – **kevinug**: ~ShehrBano~: disney/pixar and dreamworks animated movies *r screened* in cinemas even at night [www.spinchat.com, дата обращения: 05.04.2014].

(37) MALE – ***Luca**: I am entering that dark phase of humanity, that *is known* as the pre-grocery shop state :([www.spinchat.com, дата обращения: 05.04.2014]

(38) FEMALE – **DARKALEXA**: Doctor_Faurisson: this place *is created* already if u dont like it just go [www.spinchat.com, дата обращения: 05.04.2014].

Пассивные конструкции, преобладающие в речи женщин в блогосфере, в чат-коммуникации встречаются в равном соотношении и в речи мужчин, и в речи женщин. Следовательно, как показатель гендера в чатах пассивные конструкции рассматриваться не могут.

10. Средства семантической гиперболизации речи [Куницына, 2011]:

(39) FEMALE – I *definitely* think so, *really* enjoying using my lipstick [<http://www.britishbeautyblogger.com/2014/01/revlon-colorburst-crayon-balm-stains-boots.html#comments>, дата обращения: 22.01.2014].

(40) FEMALE – *Totally agree* with you Saul. Cape Town is a very special place and in my opinion one of the safest places I've been to [<http://www.dirjournal.com/info/top-ten-places-to-live-in-the-world/comment-page-1/#comments>, дата обращения: 26.03.2014].

Помимо употребления частично десемантизированных интенсификаторов в функции гиперболизации, уточнения, усиления влияния на коммуниканта, речь женщин наполнена и иными средствами семантической гиперболизации, что наглядно демонстрируется в приведенных выше примерах из блогосферы.

Обратимся к примерам из чатов:

(41) FEMALE – **Salasosin**: Seamus_O'Malley: nah, it was just to say that I am so *completely flattered* :) [www.spinchat.com, дата обращения: 13.06.2012]

(42) FEMALE – **Salasosin**: *Angelina: funny thing is that I dont actually like candys and chocolates much :D but its just *very very sweet* of her :) [www.spinchat.com, дата обращения: 04.04.2014]

Как можно заметить, семантическая гиперболизация характерна для речи женщин и в блогах, и в чатах, являясь, таким образом, гендерным маркером.

11. Эллиптические конструкции [Goroshko, 1999; Куницына, 2011]:

(43) FEMALE – Wow, just watched Hot Coffee, learned quite a bit about our judicial system....quite scary to say the least, always knew money meant power but this show REALLY shows how high it reaches! This show is a must see... [http://www.disputingblog.com/jones-v-halliburtonkbr-jury-reaches-verdict/, дата обращения: 25.01.2014]

В чат-коммуникации эллиптические конструкции также весьма популярны:

(44) FEMALE – ***carolyn***: want to go to the fair with me tonite Mr. Week-day? [www.spinchat.com, дата обращения: 12.08.2013]

(45) FEMALE – **Girl~from~tomorrow**: alisha!: Sounds awesome .. hope you would look pretty in it [www.spinchat.com, дата обращения: 07.08.2013].

Рассматривая примеры женских высказываний из блогов и чатов, отметим, что, как правило, опущению в речи женщин подвергается именно субъект, подлежащее, причем подлежащее в форме местоимения первого лица. Редуцироваться также могут и вспомогательные глаголы, в частности глагол-связка. В безличных предложениях наблюдаем опущение конструкции It is, что характерно для речи женщин и в чатах, и в блогах. Отметим, что эллиптические конструкции в чатах встречаются и в мужской речи, но их количество значительно меньше, вследствие чего мы обозначаем данную особенность как гендерный маркер женской речи блогов и чатов.

12. Сочинительная связь, корректное употребление структур сложного предложения [Smith, 1985; Goroshko, 1999]:

(46) MALE – **Lion-Rampant**: the worst that can happen is you lose everything, then you're in the beautiful position of having nothing left to lose and everything to gain :D [www.spinchat.com, дата обращения: 14.03.2014]

(47) FEMALE – I live in São Paulo and I know Rio de Janeiro very well as I was born there. I agree that Brazil is a good place to live and retire, but please get better informed about cost living in the big cities here [http://www.dirjournal.com/info/top-ten-places-to-live-in-the-world/comment-page-1/#comments, дата обращения: 26.03.2014].

Как было сказано ранее, данная особенность речи не характеризуется как мужская или женская в рамках нашей выборки и, следовательно, не может являться гендерным маркером. Анализ выборки показывает, что упот-

ребление сочинительной связи является характерной особенностью как женской, так и мужской речи и в блогосфере, и в чатах.

13. Разделительные вопросы, вопросительные конструкции для выражения побуждения к действию с отсутствием собственно глагола в повелительном наклонении [Goroshko, 1999]:

(48) FEMALE – *I don't think it is necessarily during the run, is it? More after?* I had a long period of not *believing* in it. But then it suddenly started [http://discussion.theguardian.com/discussion/p/3уqev, дата обращения: 19.01.2014].

В приведенном примере, помимо вопросительных конструкций, отмечаем употребление *I don't think* как средства выражения неуверенности, а также герундия, что характеризует данное высказывание как принадлежащее именно женщине.

(49) FEMALE – 90 % more than the rest of the world combined – makes you think why they want our country so much *doesn't it!!!!* [http://www.dirjournal.com/info/top-ten-places-to-live-in-the-world/comment-page-1/#comments, дата обращения: 26.03.2014]

Рассмотрим примеры употребления разделительных вопросов в чатах.

(50) FEMALE – **Sprinkles:** makes you feel small *doesn't it* MrSixString :([www.spinchat.com, дата обращения: 12.08.2013]

(51) MALE – **Quirkyzzz:** well, things are more or less going well in NL at the moment, *aren't they?* [www.spinchat.com, дата обращения: 24.04.2013]

Проанализированные примеры свидетельствуют о том, что разделительные вопросы в чат-коммуникации наблюдаются в речи и мужчин, и женщин, а это говорит о невозможности рассмотрения данного лингвистического средства в качестве гендерного маркера в чатах.

В данной связи рассмотрим выражение повелевания в женской речи в чатах и блогах и вопросительные конструкции как один из способов выражения непрямого повелевания.

(52) FEMALE – If you are struggling to finance your education, *why wouldn't you* try to pick a public university that isn't so expensive? [http://www.artofmanliness.com/2014/01/14/testing-out-how-to-moneyball-your-way-to-a-debt-free-college-degree/#comments, дата обращения: 23.01.2014]

(53) FEMALE – *Don't you think* it's a good idea to send real, touchy-feely good-old-fashioned handwritten letters sometimes? [http://sharideth.com/2013/07/30/dear-sharideth-so-internet-dating, дата обращения: 02.08.2013]

В приведенных примерах наблюдаем употребление утверждений в форме отрицательных вопросов, характерных для женской речи в блогосфере.

Заметим, что в современном чате сегодня достаточно часто встречаются прямые повелительные конструкции в речи женщин. Поэтому трактовка скрытого повелевания как более характерной формы побуждения в женской речи не подтверждается на материале англоязычной чат-коммуникации.

(54) FEMALE – **Girl-from-tomorrow:** *good_and_silent_girl: Tell your sis i am the best girl in the town :P* [www.spinchat.com, дата обращения: 07.08.2013]

(55) FEMALE -**Salasosin:** *Angelina: *take out your excercise diary now and make a report :P* [www.spinchat.com, дата обращения: 05.04.2014]

14. Вежливые слова, извинения, просьбы [Куницына, 2011; Timmerman, 2002]:

(56) FEMALE – *Excuse me for entering your manly world but I have a question. How do I stay on the road AND avoid hitting the car in front of me or do I have to choose?* [<http://www.artofmanliness.com/>, дата обращения: 23.01.2014]

Выражение женского несогласия достаточно вежливое. Его цель – выразить собственное мнение, избежав при этом возможного конфликта.

(57) FEMALE – *For those who don't know, the brain controls nearly all of the body's functions* [<http://4simpsons.wordpress.com/2010/07/24/pro-lifers-dont-care-about-kids-after-they-are-born-3/>, дата обращения: 26.01.2014].

Незнание собеседниками общеизвестных фактов не акцентируется умышленно и не становится объектом насмешек. Говорящий только повторяет информацию, не вызывая при этом агрессивной реакции.

(58) FEMALE – *Hi Terra! First of all, I want to congratulate you for your article! I haven't been in most of those places, but I really want to go to Amsterdam, Cape Town and Paris. And the cost of living isn't too low either. As for Brazil, it is a wonderful country too (I know, I was born and raised there)! However, I have to disagree with a few things you said there. The health care system unfortunately isn't that great* [<http://www.dirjournal.com/info/top-ten-places-to-live-in-the-world/comment-page-1/#comments>, дата обращения: 26.03.2014].

Рассмотрим некоторые примеры чат-коммуникации:

(59) FEMALE – **Sandra:** *I do appologize I was multitasking* [www.spinchat.com, дата обращения: 21.03.2013].

(60) FEMALE – ***Angelina:** *spica Im sorry...Im so sorry...forgive me, will you?* [www.spinchat.com, дата обращения: 04.04.2014]

(61) FEMALE – **ToxicFlower:** *And super-sorry to hear about your car; trust me, I know how that is!* [www.spinchat.com, дата обращения: 04.04.2014]

Как можно заметить, вежливость присуща женщинам и в чатах. Более того, для усиления значения и передачи более высокой эмоциональности конструкции извинения дополняются вспомогательным *do*, отдельные элементы конструкций извинения, вежливой просьбы и т.д. дублируются, что также участвует в акцентировании вежливого характера просьбы, извинения.

Подытоживая проведенный анализ контекстов чатов и блогов, сгенерированных коммуникантами-женщинами, на предмет наличия лингвистических средств гендерной самопрезентации, обозначим те из них, которые можно рассматривать как гендерные маркеры в чатах и блогах.

Итак, в блогосфере гендерными маркерами женской речи в рамках нашей выборки можно считать: частотно употребляемые наречия, оканчи-

Типичным для «мужской» речи считается употребление нижеприведенных лингвистических средств.

1. Подчинительная связь, вкладывание одного придаточного в другое [Smith, 1985]:

(66) FEMALE – These are some of the most expatriate friendly cities in the world which explains why I have lived in these cities [<http://amptoons.com/blog/the-male-privilege-checklist/>, дата обращения: 26.03.2014].

(67) MALE – Ever thought for one minute that the individual is experiencing what occupational psychologists call an 'adjustment disorder' [<http://discussion.theguardian.com/discussion/p/3yzg8>, дата обращения: 19.01.2014].

(68) FEMALE – **Salasosin:** she always brings me some good russian stuff when she visits her mom in Russia [www.spinchat.com, дата обращения: 04.04.2014].

(69) MALE – ***Luca:** In quite the literal sense *Angelina. I thought you were somebody who sails in and out of my life periodically. I know now you are not that person [www.spinchat.com, дата обращения: 05.04.2014].

Как отмечалось выше, данная особенность речи в рамках нашей выборки не характеризуется как мужская или женская и, следовательно, не может являться гендерным маркером.

2. Глаголы в активном залоге [Smith, 1985; Куницына, 2011; Cherny, 1994]:

(70) MALE – **ssg:** Seven complicated facts about Women: 1. They *believe* in saving. 2. *Believe* in saving but *buy* expensive clothes. 3. *Buy* expensive clothes but never *have* anything to *wear*. 4. Never *have* anything to *wear*, but always *dress* beautifully. 5. Always *dress* beautifully, but are never satisfied. 6. Are never satisfied, but still *expect* men to *compliment* them. 7. *Expect* men to *compliment*, but don't *believe* them if complemented. Extremely Complicated! [www.spinchat.com, дата обращения: 07.08.2013]

Мужская речь как в чатах, так и в блогах содержит множество глаголов в активном залоге. Однако как утверждалось выше, пассивные конструкции в чат-коммуникации встречаются в равном соотношении и в речи мужчин, и в речи женщин. Следовательно, преимущественное использование глаголов в активном залоге, характерное для блогосферы и рассматриваемое в рамках нашей работы как гендерный маркер мужской речи, не может считаться показателем гендера в чатах.

3. Апелляции к чужому мнению [Goroshko, 1999]:

(71) MALE – *According to Dr. Phil*, I quote, “She’s not a wife, she’s a job” [<http://laughteriscatching.com/2011/09/20/men-are-from-earth-women-are-from-earth-deal-with-it/>, дата обращения: 16.11.2013].

(72) MALE – The usage of the word “he” – to refer to both genders in third person, *like in Nietzsche’s Beyond Good and Evil*, is another example [<https://blogs.njit.edu/og7/2010/10/18/mens-language-mens-world/>, дата обращения: 18.08.2013].

(73) FEMALE – **truculent**: I'm going to say something *everyone is thinking about* but going to disagree with: I think it's better when governments focus on stupid things like sports instead of "real problems" because the government is just going to make "real problems" worse when they try to fix it [www.spinchat.com, дата обращения: 03.04.2014].

В последнем представленном примере женщина, высказывая собственное мнение, переключает возможную агрессию с себя на окружающих, так как изначально упоминает, что она лишь передает общее отношение к проблеме, которое другие пытаются скрыть.

Как женщине, так и мужчине свойственно ссылаться на чье-либо мнение. Существенное отличие заключается в том, что мужчина ссылается на авторитет третьего лица, тогда как женщина – на собственное мнение (*I think*), либо на мнение окружающих, не конкретизируя, кто именно так считает, как это и показано в примерах. Данная особенность рассматривается нами как гендерный маркер мужской речи в блогах и чатах.

4. Прилагательные, определяющие количественные и параметрические отношения [Goroshko, 1999; Catalán, Alba, 2008; Payne, 2001: 104]:

(74) MALE – I don't know what colleges you have researched with regards to the CLEP testing, but the college that I work for allows students to take the CLEP test to pass the course in order to move on to an advanced course. It does not give you college credits so that you may graduate *quicker* and not pay for the credits. The CLEP test is also only offered for *lower* level classes and not *upper* division classes [http://www.artofmanliness.com/, дата обращения: 23.01.2014].

(75) MALE – This is a *huge* and *daunting* task for anyone, but one thing my education taught me was how to access the information I needed and what resources could *best* impart the information [http://www.artofmanliness.com/, дата обращения: 23.01.2014].

Рассматривать прилагательные, определяющие количественные и параметрические отношения, в качестве гендерного маркера мужской речи по данным нашей выборки возможно исключительно в рамках блогосферы. В чат-коммуникации мужская речь, как и женская, наполнена множеством оценочных прилагательных, а количественные прилагательные встречаются и у женщин.

5. Инвективы, жаргонизмы [Goroshko, 1999; Sutton, 1994], в частности:

(76) MALE – The people on the underground suck ass too. Huge *fucking* luggage running over your feet as people panic to get off at their stop. People stopping suddenly when they rush onto a train before the doors close, fuck those behind also trying to get on! People staring. Music players / head phones being a real *ass stinger*. Always a certain type of music as well. Always a certain type of *asshole*. Oh the varieties of asshole [http://www.boscouk.blogspot.com/, дата обращения: 11.05.2013].

(77) MALE – **byzantin**: *i fuck ass of ozgun in the ass and cum on her face :) i fuck ass of ozgun in the ass and cum on her face :) i fuck ass of ozgun in*

the ass and cum on her face :) i fuck ass of ozgun in the ass and cum on her face :) i fuck ass of ozgun in the ass and cum on her face :) i fuck ass of ozgun in the ass [www.spinchat.com, дата обращения: 23.12.2011].

(78) MALE – **WhiteRadical**: Leapfrog: *Fucking nigger* from South Africa, go, you are pathetic and utterly useless [www.spinchat.com, дата обращения: 14.03.2013].

(79) FEMALE – **toxic*flower**: coolguy89: If YOU ARE MONITORING HOW MUCH TIME I SPEND IN SPIN CHAT YOU ARE HERE JUST AS MUCH YOU *LOSER DICK* [www.spinchat.com, дата обращения: 04.04.2014].

Отметим, что, по данным нашей выборки, инвективы наблюдались и в речи женщин в чатах. Однако *их количество значительно уступало* количеству инвектив в мужских высказываниях, вследствие чего данная речевая особенность оценивается нами как гендерный маркер мужской речи в блогах и чатах.

6. Повелительные предложения и риторические вопросительные конструкции [Куницына, 2011; Goroshko, 1999; Furumo, Pearson, 2007], к примеру:

(80) MALE – Who in their right mind would allow gestation in a corpse? *Think* about how crazy that sounds. Now *think* about defending that position while interfering with a man wanting to bury his dead wife and you're in the way. *STAY OUT!* [http://4simpsons.wordpress.com/2010/07/24/pro-lifers-dont-care-about-kids-after-they-are-born-3/, дата обращения: 26.01.2014]

(81) MALE – What is this hospital thinking? Are they that greedy that they have to find ways to force families to pay even more for such tragedies? Apparently so. *Leave* the family alone and let them discontinue the life supports [http://4simpsons.wordpress.com/2010/07/24/pro-lifers-dont-care-about-kids-after-they-are-born-3/, дата обращения: 26.01.2014].

Проанализируем роль вопросительных конструкций в последнем примере. В отличие от женской речи, где вопросы используются для побуждения к действию, в мужской речи данные конструкции носят скорее *риторический характер*. В вопросах упомянуты известные факты, не требующие подтверждения, либо автор сам отвечает на поставленный вопрос. Множество вопросительных конструкций в высказывании создают ощущение агрессивно-эмоционального настроения со стороны говорящего. Приведем еще несколько примеров:

(82) MALE – **s_pace**: Economic cycles last 7-10 years, bottom to bottom or top to top. The last bottom came in 2009. When is 5 years from then? It's now. Will we have a downturn this year? Probably not. But it's not as far off as you might have hoped [www.spinchat.com, дата обращения: 05.04.2014].

(83) MALE – What happens when a pregnant woman dies and the fetus is not fully developed? The fetus dies as well [http://4simpsons.wordpress.com/2010/07/24/pro-lifers-dont-care-about-kids-after-they-are-born-3/, дата обращения: 26.01.2014].

С коммуникативно-прагматической точки зрения основной функцией и риторических вопросов, и повелительных конструкций в мужской речи является создание напряженной эмоциональной ситуации, провокации скандала, коммуникативной диверсии. Диверсионная функция данных конструкций идентична функции, выполняемой инвективами в предложениях – вывести собеседника из состояния покоя, спровоцировать конфликтную ситуацию. Риторические вопросительные конструкции рассматриваются нами как маркер гендерной идентичности мужской речи в блогосфере и чат-коммуникации.

Повелительные конструкции весьма популярны и в чатах. Однако в чатах, как описывалось выше, данные конструкции используются как мужчинами, так и женщинами:

(84) MALE – **WhiteRadical**: 1coolladycop: *Shut up* what the hell is that gibberish, I am white not a black man or black lady [www.spinchat.com, дата обращения: 14.03.2013].

(85) FEMALE – **eugeneka**: * *Keep calm and watch* A Serbian Film [www.spinchat.com, дата обращения: 05.04.2014].

Следовательно, являясь гендерным маркером мужской речи в блогосфере, в чатах повелительные конструкции теряют подобную особенность.

Подытоживая проведенный анализ мужских контекстов чатов и блогов на предмет наличия в них вышеперечисленных лингвистических средств, обозначим те из них, которые можно рассматривать как гендерные маркеры в чатах и блогах.

Итак, в блогосфере гендерными маркерами мужской речи в рамках нашей выборки можно считать: глаголы в активном залоге, апелляции к чужому мнению, прилагательные, определяющие количественные и параметрические отношения, инвективы, жаргонизмы, повелительные предложения, риторические вопросительные конструкции.

Гендерными маркерами мужской речи в чатах, на наш взгляд, являются: апелляции к чужому мнению, инвективы, жаргонизмы, риторические вопросительные конструкции.

Проводимый нами анализ показал необходимость выделить еще два маркера мужской речи, проявившиеся в ходе исследования.

В мужской речи в чатах наблюдалось чрезмерное *использование стяжений*:

(86) MALE – **DarkPrince**: My heart it aches so much, why girls *gotta* be this way [www.spinchat.com, дата обращения: 21.03.2013].

(87) MALE – **Aseman**: daobnoxious: i *dunno* i havent chatted with him [www.spinchat.com, дата обращения: 13.06.2012].

(88) MALE – **Muhammad**: u *dunno* my fav music yet Wickiuzz so how do u know it's that bad :P [www.spinchat.com, дата обращения: 23.12.2011].

Данные разговорные явления, проявляющиеся в речи мужчин, могут, на наш взгляд, рассматриваться как гендерный маркер, способствующий языко-

вой экономии. С прагматической точки зрения отметим, вслед за Л.Л. Емельяновой, что «основная функция стяжений – создание аутентичного изображения живой разговорной речи, ...обеспечение реалистической достоверности образа» [Емельянова, 1977: 14].

Мужской контекст отличает также *более высокий уровень единства текстовой организации, связности текста, текстовой когезии*. Рассмотрим следующий пример:

(89) MALE – Ever thought for one minute that the individual is experiencing *what* occupational psychologists call an 'adjustment disorder'? *This* is a stress-related condition *where one* suffers an adverse reaction to a single event or a combination of events. *They* can be work, personal (or both) stressors. Research shows that a mild dose of anti-depressant medication and some form of counselling will have a positive effect. *But this* can only be resolved by removing the causes, e.g. uncontrollable work/life demands. In work a comprehensive stress risk assessment will identify such causes, and at home a reassessment of *her* problems. With *these* actions in place the individual can start to heal. It can take up 3-6 months [<http://discussion.theguardian.com/discussion/p/3yzyg8>, дата обращения: 19.01.2014].

Связность данного текстового фрагмента достигается использованием союзов (*what, where, but*), слова широкой семантики (*one*), местоимений, в том числе и указательного местоимения *this* в функции подлежащего, логичностью повествования, аргументированностью, ссылкой на проводимое психологами исследование. Грамматическая связность данного фрагмента достигается, на наш взгляд, актуальным членением предложений, без нарушения развертывания структуры предложений, при котором рема предыдущего предложения переходит в тему последующего.

Связность мужского текста наблюдается не только на уровне блогосферы, но и в чатах:

(90) MALE – **Tom***: Okay, *carolyn*. *That* is good enough for me. *When* you say *that*, I realize *that* there is more to *it than that*. I am satisfied *then* with *what* you know and *what* you are doing. I know and can tell *that* you are a good soul [www.spinchat.com, дата обращения: 12.08.2013].

Данному высказыванию присуще многочисленное использование местоимений (личных и указательных), в том числе и указательного местоимения *that* в качестве подлежащего, связующего слова *then*, союзов *when* и *what*.

Рассмотрим для сравнения женский контекст:

(91) FEMALE – I tested out of some of my classes and never regretted it. Most of those early college classes are on the same level as high school courses and a huge waste of your time and money. No employers will ever know the difference and you didn't know what you needed to know to go on to other classes [<http://www.artofmanliness.com/2014/01/14/testing-out-how-to-moneyball-your-way-to-a-debt-free-college-degree/#comments>, дата обращения: 23.01.2014].

В данном отрывке наблюдаем отсутствие упорядоченности высказывания, нарушение тема-рематических связей, отсутствие союзов и связующих слов, слабое использование субституции, употребление разных временных планов [Гукосьянец, 2014в].

Итак, *стяжения в чат-коммуникации и текстовая когезия в чатах и блогах* рассматриваются нами как *гендерные параметры мужской речи*.

Проявление *языковой игры* в чате также в большей степени свойственно именно мужчинам, желающим привлечь внимание. Заметим, что языковая игра встречается в диалогах не очень часто. Объясняется это, вероятно, особенностями самой чат-коммуникации: минимумом времени на создание сообщения (чтобы быть услышанным и иметь возможность вести диалог), высокой скоростью набора текста.

(92) MALE – **Mr.Weekday:** what is the owl's fav subject? *Owl-gebra!*

Mr.Weekday: what sound do owls and ghosts make when they cry together? Boo-hooo, *Boo-whooo!* [www.spinchat.com, дата обращения: 21.03.2013]

В данном примере *Owl-gebra* и *Boo-whooo* представляют собой элементы языковой игры. В первом случае наблюдаем замену слога -al- в слове «algebra» на созвучный -owl- («сова»), что приводит к искажению графического облика слова и возможности двойного прочтения: алгебра – любимый предмет у сов, так как при произнесении первый слог слова созвучен со словом «сова» (owl) в английском. В восклицании *Boo-whooo!*, представляющем собой подражание возможным звукам, издаваемым совами и призраками, вторая часть *whooo* графически напоминает вопросительное слово who (кто?). Таким образом, всю фразу можно расшифровать как «кто будет напуган призраками в этот раз?!».

В процессе работы было рассмотрено порядка 2500 мужских и женских контекстов из блогов и чатов, аккумулированных сплошной выборкой.

Очевидными тенденциями для женской речи оказались следующие. В чат-коммуникации процент употребления рифмованных прилагательных оказался весьма незначительным. В блогосфере рифмованные прилагательные в рамках нашей выборки полностью отсутствовали. Данная речевая характеристика не рассматривается нами как гендерный маркер.

В блогосфере в 86 % выбранных женских контекстов были употреблены оценочные прилагательные; 73 % контекстов содержат в себе формы герундия; 53 % фраз являются эллиптическими конструкциями. Оценочные прилагательные, герундий и эллипсис в рамках нашей выборки рассматриваются нами как гендерные маркеры женской речи в блогосфере.

В чат-коммуникации роль оценочных прилагательных как маркера женской речи не подтверждается, тогда как эллиптические конструкции и герундий, как и в блогосфере, сохраняют значение гендерных параметров женской речи.

Подтвердился факт того, что в блогосфере модальные слова (clearly, obviously, apparently, certainly, surely, well, only, simply) представляют собой

гендерный маркер женской речи. В чат-коммуникации модальные слова маркером гендерной идентичности не являются.

Случаи употребления претеритных форм модальных глаголов (*might, could, would*) и у мужчин, и у женщин наблюдались одинаково часто как в чатах, так и в блогах. Данная речевая особенность в рамках нашей выборки не была признана маркером гендерной идентичности ни в блогах, ни в чатах.

Частично десемантизированные интенсификаторы, столь часто наблюдаемые в речи женщин и в чатах, и в блогах, у мужчин практически полностью отсутствуют, равно как и гиперболизация. Данные речевые особенности являются маркерами гендерной идентичности женской речи в блогах и чатах.

Выражения *I mean, I think, I suppose, You know*, конструкции *I wonder if, It seems to me, My impression is, I wouldn't mind* не исключаются из мужской речи, хотя и встречаются не так часто. В то же время *Well, Just* можно рассматривать, в некоторой степени, как слова-паразиты в речи женщин как в блогосфере, так и в чат-коммуникации.

В речи женщин и в чатах, и в блогах наблюдается использование вежливых слов, извинений, просьб, что рассматривается нами как важный параметр гендерной идентичности.

Спорным моментом является преимущественное использование женщинами сложных предложений с сочинительной связью, а мужчинами – сложных предложений с подчинительной связью. Эта тенденция не подтверждается данными нашей выборки и в рамках блогосферы, и в чат-коммуникации.

Кроме того, в чат-коммуникации гендерными маркерами женской речи не могут выступать наречия, оканчивающиеся на *-ly*, пассивные конструкции, метафоры, разделительные вопросы, тогда как в блогах данные особенности характерны именно для речи женщин и являются гендерными маркерами.

В дополнение к сказанному следует отметить, что нами было выявлено, что манипуляции с графической формой текста являются маркером гендерной идентичности женской речи в чат-коммуникации.

Говоря об общем характере построения мужской и женской речи, необходимо отметить следующее. Во-первых, обращают на себя внимание исключительная фатическая направленность коммуникации у женщин, возможность принятия участия одновременно в нескольких дискуссиях. Женщины легко переключаются, «меняют» роли в акте коммуникации, проявляя большую психологическую гибкость (подробнее об этом см. Thompson, Loughheed, 2012; Bystrom, Vanward, Kaid, Robertson, 2004). Мужчины наоборот, если выбирают конкретную тему для разговора и конкретных собеседников, то не обращают внимания, «не слышат» того, что говорят рядом. Поэтому женщины предпочитают общение в публичных чатах, комментарии в открытых блогах, тогда как мужчины отдадут предпочтение приватным страницам. Объяснение этому

можно отчасти найти в биологии – у женщины работают с одинаковой степенью оба полушария мозга, тогда как у мужчин наиболее активно только одно [Палмер, http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Psihol/palmer/03.php].

Речь женщин в целом имеет контактоустанавливающий настрой, выражает поддержку, понимание.

В противовес бытующему мнению о болтливости и многословности женщин, следует сказать, что в рамках общения в блогах и чатах объем мужских сообщений значительно превышал женские. Мужская речь более последовательна, аргументированна и логична. Как было обнаружено в ходе исследования, текстовая когезия является важным параметром гендерной идентичности речи мужчин в чатах и в блогах.

Мужчины оперируют фактами, тогда как женщины – собственным восприятием действительности (чувствами). Как в чатах, так и в блогах мужчинам свойственно ссылаться на авторитетное мнение, что, на наш взгляд, можно считать гендерным маркером.

Исследование показало, что маркером мужской речи в чатах и блогах могут служить многочисленные инвективы и жаргонизмы, а также риторические вопросительные конструкции как элементы коммуникативной диверсии. В речи женщин в блогах инвективы практически полностью отсутствуют, в чатах встречаются изредка.

Употребление глаголов в активном залоге, прилагательных, определяющих количественные и параметрические отношения, повелительных предложений являются, на наш взгляд, гендерными маркерами в блогосфере, но не рассматриваются нами в качестве маркеров мужской речи в чат-коммуникации.

Проводимый анализ показал необходимость выделить такую особенность мужской речи, характерную для чат-коммуникации и рассматриваемую нами в качестве гендерного маркера, как стяжения (*gotta, dunno*) [Гукосянц, 2014в].

Как отмечает Е.И. Горошко, при ведении диалога для мужчин характерно: интерпретировать речь собеседника и сообщаемую ему информацию, чаще перебивать собеседника, в особенности, если собеседник женщина, чаще дискутировать и оспаривать мнение собеседника, игнорировать его комментарии, стараться доминировать в беседе, выражать свои намерения прямо. Реплики мужчины длиннее, и их количество больше по сравнению с женскими репликами, вопросы рассматриваются как источник информации, а не как средство для продолжения разговора, как это происходит у женщин [Goroshko, 1999: 18; Weatherall, 2002; Vasyura, 2008].

В целом неконфликтный характер женской речи подтверждается в рамках чата частым апеллированием к администраторам в случае провокации скандала со стороны других участников (как правило, мужчин), в блогосфере – игнорированием сообщений подобного рода.

(93) **Birdman:** Silly insulting rough crass Beauty19

Beauty19: *op... Birdman called me rough and crass*

Beauty19: *that is insulting*

Beauty19: *and insulting is against the rules*

Beauty19: *i demand op take action* [www.spinchat.com, дата обращения: 12.08.2013].

В представленном примере девушка *Beauty19* обращается за помощью к администратору, поскольку считает реплику *Birdman* в ее адрес грубой и оскорбительной, противоречащей правилам общения в чате. Сама героиня ввязывается в провоцируемый конфликт, по-видимому, не желает.

В целом у женщин и мужчин различается сам стиль ведения беседы: «общение ради общения» у женщин и «общение ради получения информации и самоутверждения» у мужчин.

Выделенные лингвистические маркеры в речи пользователей чатов и блогов могут быть сгруппированы в гендерно маркированные механизмы самопрезентации, используемые в дискурсе.

К женским механизмам самопрезентации в блогах отнесем:

- **механизм смягчения категоричности высказывания, «непрямого повелевания»:** маркеры – наречия, оканчивающиеся на *-ly*; модальные слова (clearly, obviously, apparently, certainly, surely, well, only, simply); выражения I mean, I think, Sort of, Well, Just, I suppose, You see, You know; конструкции I wonder if, It seems to me, My impression is, I wouldn't mind; глаголы в пассивном залоге; разделительные вопросы, вопросительные конструкции для выражения побуждения к действию с отсутствием собственно глагола в повелительном наклонении;
- **механизм сокращения дистанции с собеседником, установки дружеского контакта:** маркеры – эллиптические конструкции; вежливые слова, извинения, просьбы; герундий;
- **механизм создания красочного высказывания:** маркеры – оценочные прилагательные; метафоры, фразеологизмы; средства семантической гиперболизации речи; частично десемантизированные интенсификаторы, способствующие гиперболизации высказывания;
- **механизм избегания конфликта** – игнорирование собеседника [Гукосьянц 2014а].

Приняв за основной критерий частоту использования коммуникантами женщинами того или иного механизма самопрезентации в блогах в рамках нашей выборки, расположим упомянутые механизмы в порядке снижения популярности у коммуникантов:

I – механизм смягчения категоричности высказывания, «непрямого повелевания» (43 %);

II – механизм сокращения дистанции с собеседником, установки дружеского контакта (28,5 %);

III – механизм создания красочного высказывания (20 %);

IV – механизм избегания конфликта (8,5 %).

Исходя из полученного процентного соотношения, заключаем, что прототипическим механизмом гендерной самопрезентации женщин в блогосфере является **механизм смягчения категоричности высказывания, «непрямого повелевания»**.

Механизмами самопрезентации мужчин в блогах являются:

- **механизм установки дистанции с собеседником**: маркеры – прилагательные, определяющие количественные и параметрические отношения; риторические вопросительные конструкции;
- **механизм выражения агрессии, провокации скандала**: маркеры – инвективы, жаргонизмы, провокационная апелляция к чужому мнению;
- **механизм прямого повелевания**: маркеры – повелительные предложения, глаголы в активном залоге;
- **механизм облегчения восприятия собственной речи для окружающих**: маркеры – текстовая когезия; отсутствие образности высказывания [Гукосьянц 2014в].

Расположим перечисленные механизмы в зависимости от частоты употребления их коммуникантами-мужчинами в блогах в рамках нашей выборки:

I – механизм облегчения восприятия собственной речи для окружающих (42,6 %);

II – механизм установки дистанции с собеседником (26,4 %);

III – механизм прямого повелевания (20 %);

IV – механизм выражения агрессии, провокации скандала (11 %).

Ссылаясь на полученные данные, обозначим, что ведущим первичным механизмом самопрезентации мужчин в рамках блогосферы является **механизм облегчения восприятия собственной речи для окружающих**.

В чатах ситуация выглядит несколько иначе. Женскими механизмами самопрезентации являются:

- **механизм сокращения дистанции с собеседником, установки дружеского контакта**: маркеры – выражения I mean, I think, Sort of, Well, Just, I suppose, You see, You know; конструкции I wonder if, It seems to me, My impression is, I wouldn't mind; герундий; эллиптические конструкции; вежливые слова, извинения, просьбы; манипуляции с графической формой текста;
- **механизм избегания конфликта** – апеллирование к администратору;
- **механизм создания красочного высказывания**: маркеры – метафоры, фразеологизмы; средства семантической гиперболизации речи; частично десемантизированные интенсификаторы, способствующие гиперболизации высказывания.

Мужскими механизмами самопрезентации являются:

- **механизм выражения агрессии, провокации скандала:** маркеры – провокационная апелляция к чужому мнению; инвективы, жаргонизмы;
- **механизм облегчения восприятия собственной речи для окружающих:** маркеры – текстовая когезия; отсутствие образности высказывания;
- **механизм установки дистанции с собеседником:** маркеры – риторические вопросы; стяжения.

На наш взгляд, это обусловлено особенностями чатов как специальных форм коммуникации. Скорость набора сообщения, анонимность, возможность безнаказанно высказываться в адрес окружающих, желание выразить собственное мнение, привлечь любыми способами внимание к себе позволяют участникам чата пренебрегать правилами приличия и стирают большинство гендерных различий речи коммуникантов.

В чате классифицировать механизмы по частоте употребления для определения протипических механизмов самопрезентации мужчин и женщин недостаточно. Наличие у мужчин и женщин двух зеркально противоположных механизмов самопрезентации обуславливает противоречащие друг другу речевые поведения в зависимости от сложившейся ситуации общения. В ситуации спокойного неагрессивного общения женщины стремятся расположить к себе собеседника, создать дружескую непринужденную атмосферу, показать желание продолжать общение в рамках чата. В похожей ситуации мужчины, как правило, стремятся доминировать, доказывать собственное превосходство, лидировать в дискуссии, оспаривать мнение собеседника, самоутверждаясь подобным образом. Именно поэтому мужчины чаще женщин являются провокаторами скандалов в рамках чатов, способствуют их развитию, открыто нападают на собеседников. Женщинам подобное свойственно в меньшей степени. Как было отмечено в ходе исследования, женщины стараются избегать скандалов, либо как можно скорее их прекратить, игнорируя грубые высказывания в собственный адрес или обращаясь за помощью к администратору сайта.

Проявление менее очевидных механизмов самопрезентации также является сигнальным при определении гендерной идентичности пользователя. Проследим частоту проявления представленных механизмов самопрезентации мужчин и женщин в рамках нашей выборки на характер выявления ярковыраженного, либо непрототипического механизма.

В женской речи в чат-коммуникации наблюдается следующая иерархия:

I – механизм сокращения дистанции с собеседником, установки дружеского контакта (45 %);

II – механизм избегания конфликта (40 %);

III – механизм создания красочного высказывания (15 %);

Иерархия механизмов самопрезентации мужчин в чатах выглядит следующим образом:

I – механизм установки дистанции с собеседником (47,6 %);

II – механизм выражения агрессии, провокации скандала (38,2 %)

III – механизм облегчения восприятия собственной речи для окружающих (14,2 %).

Исходя из сложившейся ситуации, выделим менее очевидные механизмы самопрезентации, являющиеся основными показателями при определении гендерной идентичности коммуниканта. В женской речи это *механизм создания красочного высказывания*, в мужской – *механизм облегчения восприятия собственной речи для окружающих*.

Заклучим: гендерная идентичность пользователя в чат-коммуникации проявляется, во-первых, при появлении менее частотного механизма самопрезентации. Во-вторых, истинную гендерную идентичность пользователя можно установить по поведению в конкретной ситуации – женщины стремятся расположить к себе собеседника, предпочитают не участвовать в конфликтах; мужчины – демонстрировать лидерские качества, разжигать скандалы.

Различия прагматических характеристик мужского и женского вербального поведения находят отражение в механизмах самопрезентации гендерной идентичности и реализующих их гендерных маркерах. Так, механизм облегчения восприятия собственной речи для окружающих, наблюдаемый в маскулинной речи в блогосфере и чат-коммуникации, используется, как правило, в аргументативной стратегии, реализуясь при помощи связности текста, употребления личных и указательных местоимений, союзов, связующих слов, тема-рематической целостности, последовательности, логичности повествования, отсутствия образности высказывания.

Механизм выражения агрессии, разжигания скандала имеет целью осадить, смутить собеседника, посмеяться над ним, утвердив, таким образом, собственный статус, контроль над ситуацией и аудиторией, продемонстрировав силу. Реализовать подобную стратегию помогают соответствующие языковые единицы, обладающие смежными прагматическими характеристиками, а именно: жаргонизмы, инвективы, риторические вопросы, в том числе псевдовопросы провокативного характера, провокационная апелляция к чужому мнению.

«Женский» механизм сокращения дистанции с собеседником, установки дружеского контакта используется в стратегии «сохранения отношений, привлечения на свою сторону» при помощи вежливых слов, извинений, просьб, фемининные личности вербализуют личностные эмоции за счет манипуляций с графической формой текста, их реплики носят характер личностной оценки, чем обусловлено употребление выражений I mean, I think, I suppose, It seems to me, My impression is, эллиптических конструкций, герундия, демонстрирующих интимизацию повествования.

Анализ чатов и блогосферы позволил заключить, что гендерные проявления в речи участников коммуникации, как и сама гендерная идентичность

пользователя, манифестируются ситуативно. Наиболее ярко данный фактор проявляется в блогах, в которых принимают участие мужчины и женщины с одинаковым уровнем образования, и тематическая направленность которых уравнивает уровень силы участников. Речь и мужчин, и женщин в данном случае одинакова по степени экспрессии, агрессии, по стилю ведения беседы. Сделанные выводы представлены в Приложении (см. таблица 1).

Проследим, каким образом в англоязычных чатах и блогах осуществляется маскировка гендерной идентичности коммуникантов, и какие механизмы самопрезентации при этом задействованы.

Выше мы уже акцентировали существование такого явления, как «сдвиг гендерной идентичности», проявления маскулинности у женщин и феминности у мужчин. Это связано как с социальными, так и с личностными факторами, с возможностью удовлетворить собственный интерес относительно того, каково это быть женщиной / мужчиной, с возможностью получить некоторую интересующую информацию, «запретную» для лица противоположного пола, и определить, комфортно ли тот или иной пользователь чувствует себя в языковой роли мужчины / женщины.

По мнению Т.В. Гомон, «чтобы прийти к выводу о факте имитации речи лица другого пола, нужно установить, какой комплекс классификационных признаков (идентификационных характеристик) женской и мужской речи является броским, часто встречающимся и легко поддающимся имитации, а каким признакам подражать сложнее, что обусловлено глубинными процессами порождения речи и не может быть спрятано, замаскировано» [Гомон, 1990; цит. по: Кирилина, http://magazines.russ.ru/oz/2005/2/2005_2_7.html].

Преломляя сказанное к ситуации маскировки гендерной идентичности в чат-коммуникации и блогосфере, укажем, что маскируются, как правило, ярко выраженные механизмы имитируемой гендерной идентичности. При этом сигнальными дешифровщиками оказываются менее очевидные механизмы самопрезентации истинной гендерной идентичности.

Ранее нами отмечалось, что в рамках Интернет-опосредованной коммуникации гендерная самопрезентация личности осуществляется через имя пользователя, его *никнейм*, и через речевое поведение пользователя, т.е. через *дискурс*. Также нами были выделены основные маркеры маскулинной и фемининной гендерной идентичности в блогосфере и чат-коммуникации. Следовательно, в Интернет-опосредованной коммуникации личность может замаскироваться, во-первых, назвав себя именем, характерным для противоположной гендерной идентичности, во-вторых, пытаясь имитировать речь противоположного гендера, используя описанные выше лингвистические средства.

Итак, ссылаясь на гендерные маркеры, используемые для создания ников, выделенные в предыдущем разделе, весьма спорными, на наш взгляд, кажутся следующие ники пользователей, утверждающих, что в реальной

жизни они являются мужчинами: angel79, santa_maria, ~*ChocolateIsLife*~, livelaughlove, whomarryme, Butterfly_88; а также следующие ники пользователей, утверждающих, что в реальной жизни они являются женщинами: WAR!, Lucifer, army_of_one, Wildwolf.

Но встречаются и такие ситуации, когда за именем, характерным для женщины / мужчины, явно скрывается лицо противоположного пола:

(94) **EuropeanKid**: I THOUGHT YOU ARE A GIRL xDDDD

femmale: *i m male*

EuropeanKid: femmale is a girls name :D

EuropeanKid: but it's okey, i'm okey ^^

femmale: though *i like to be treated as girl*

Sandra: WHYYYYYY?

femmale: well, *i like to be girly*

Sandra: Are u gay?? sorry...

femmale: well, its my secret in real, as i have reasons to hide.:) well, i m married to a woman too, though we are in separate rooms

Sandra: So whatis it for you to be girly?

femmale: i like wearing girly stuff

femmale: and other fantasies

Sandra: And what about the behavior? It's interesting to know how men see women, which the woman should be.

femmale: ahh.. my body is all male, i m sensitive and emotional though

femmale: and poet

Sandra: ok, so for you women are sensitive more sensitive and emotional that men

femmale: i m blog writer , prose writer

femmale: and can weep easily

femmale: haha

Sandra: I just want to know how do you see a real woman. her main characters. and the nick, has the nick a great importance for a chatter?

femmale: well , sometimes it is

femmale: it tells you a bit about personality

femmale: a real woman , is caring and sweet always

femmale: women generally are shy and do not say that they are cute

femmale: they want men to tell them that they are cute

femmale: i have done my masters in philosophy so i m much into words and meanings:) [www.spinchat.com, дата обращения: 15.08.2013]

Как можем заметить, герой по имени **femmale**, являясь в реальной жизни мужчиной, выбрал женский никнейм и хочет считаться женщиной в чате. По мнению героя, ник играет значительную роль для понимания окружающими личности человека, который скрывается за данным именем. Кроме того, герой характеризует среднестатистическую женщину как робкую, застен-

чивую, скромную, внимательную, не «кричащую» о собственной привлекательности, но желающую получать комплименты от мужчин. Как видим, так или иначе, значительный отпечаток на собственное поведение и анализ окружающих в данном случае накладывают определенные стереотипы.

Рассмотрим другой пример, герой которого, являясь женщиной, выбирает мужской никнейм и маскирует собственную гендерную идентичность.

(95) male35 puts on the brenda baby song

lover: is not there anything interesting???

male35: depends on what you find interesting, lover, I guess

male35: hm, aspect, don't like that one by tupac so much

Aspect: It's a dark tale yeah, but I was demonstrating the lyrics more with that. Tells the story quite well huh?

male35: well, he's speculating, it seems

male35: well, he says she can barely sign her name. is that the case? how much do we know about brenda's literacy?

Aspect: Lol. He's calling her dumb, mate.

male35: he's making bigger points about social problems using this individual case ... but I'm not sure he has the details of this case correct.

male35: yeah, thanks for explaining that to me, aspect XD

Aspect: Lol, that's the point of the song man. It's not about brenda, it's the fact that it's a common problem in his society.

male35: I'm uncomfortable with making a song about general problems using a specific person without getting the details of that person's life correct. fuck everything about writing this essay

male35: there really is a person named brenda, after all.

male35: actually, I sympathize with germans and finns not wanting to pick up the bill for greek tax evasion and italian corruption.

male35: what about you, fant? what country are you in this story, anyway?

Fant: hahaha..lol.. the orange one.. Which is preparing for the big day soon
male35: P ..the Netherlands that would be :P

male35: well, things are more or less going well in NL at the moment, aren't they?

male35: wb don't exist

Fant: sure they are.

male35: nena..sure not latino ?

nena..: no

male35: sigh

male35: it's just your accent....

nena..: you really want me to be, dont you? want me to pretend for you?.....lol

male35: want me to be a guy?

nena..: _____confused, thought male35was a guy>...

Lion-Rampant: nena..: ?

Lion-Rampant: don't take everything literally

nena..: im lost.....so hes male and female?

Lion-Rampant: woman

Lion-Rampant: you're thinking too much about this Lol [www.spinchat.com, дата обращения: 24.04.2013]

Как видно из примера, герой **male35** принимает одновременно участие в нескольких диалогах с разными собеседниками, что, как правило, свойственно именно женщинам. Речь героя содержит следующие гендерные маркеры, характеризующие его как женщину – употребление эллипсиса; выражений I guess, Well, It seems, I'm not sure, Actually; герундия; разделительных вопросов, что способствует смягчению категоричности высказывания, демонстрирует неуверенность говорящего. Кроме того, мы можем наблюдать использование характерных для мужчин вопросов провокационного характера, инвективы. Герой беседует на разные темы, в том числе на «типично мужскую» тему – о политике. Однако количество мужских маркеров, имеющих целью, на наш взгляд, поставить собеседника в неловкую ситуацию, значительно уступает женским.

Используя для маскировки собственной гендерной идентичности частотный мужской **механизм выражения агрессии, провокации скандала**, женщина выдает себя наличием в речи чрезмерного количества маркеров женского **механизма сокращения дистанции с собеседником, установки дружеского контакта**, который реализуется непреднамеренно, показывая тем самым истинную сущность пользователя.

Оба механизма самопрезентации являются прототипическими в рамках представления каждого гендера. Однако употребление в речи нескольких вопросов провокационного характера и одной инвективы не позволяет реализовать мужской механизм в объеме, сопоставимом с объемом реализации женского механизма. Следовательно, представляясь мужчиной, герой проявляет собственную гендерную идентичность, используя анти-прототипический механизм.

Можем сделать вывод: пытаюсь подражать мужчине, за ником **male35** все-таки скрывается девушка [Гуковский 2014г].

Итак, к механизмам маскировки гендерной идентичности женщин, выдающих себя за мужчин, относится, во-первых, **механизм выражения агрессии, провокации скандала**.

(96) **Vjornman:** A thought: It is sometimes amazing to me how the poor underclass masses are being distracted, and keep distracting themselves with some forms of extreme style and personal expression, while the upper classes and the educated classes are concerned with *teaching* their offspring how to be successful in the world, how to get positions that make their lives good and *rule the world*, instead of *strutting* and *swaggering* their wasted time and *learning* nothing in their youth. Swaggar Jagger brought it on

Uvalde: bjornman... shut up

***carolyn*:** but in some cases even though who try to inspire their children do not succeed

GreyWulf: person should apply it's own thoughts on self before release them.

Bjornman: *carolyn*, *dear OP*, I am objecting to someone *telling* me to shut up in chat. This is inappropriate, *since* here we are to chat. *I am asking you to bring your attention* to this: "Uvalde: bjornman... shut up NanaMonstaLovesYou: I like this song(: Uvalde: that's what"

Bjornman: *Thank you* for the congenial conversational responses, Grey-Wulf, and *carolyn*

***carolyn*:** Uvalde: why are you telling him to shut up Bjornman has said nothing wrong

GreyWulf: Bjornman: you're most welcome

Uvalde: *i am just agitating him*

Bjornman: *Agitating* is against Spin rules. *Not good.*

Uvalde: *to bring laughter to myself and the other smartasses in the room*

Bjornman: I expect now the OP to do something. The perpetrator has confessed agitation.

Uvalde: laughter is medicine, bjornman

Uvalde: and you're being a *debbie downer*

Uvalde: no one likes a debbie downer

Bjornman: Then you take your own advice, Uvalde.

Uvalde: wahwahwah....

Bjornman: There you go. *Now laugh some more.*

***carolyn*:** lol over aged

***Wulf*:** Bjornman: r u trying to sound smart inthe room?

Bjornman: No, *Wulf*. I am being myself. That okay with you? And I am chatting. That okay with you?

Uvalde: wulf, he's just trying to bring attention to himself

***Wulf*:** Bjornman: *dont repeat*

Uvalde: any attention at all

***Wulf*:** Uvalde: he *succeed* in indeed

Bjornman: Wulf, I will repeat. *That okay with you? You mind that?*

***Wulf*:** Bjornman: *booring*

Bjornman: I am not here to entertain you, Wolf.

***Wulf*:** wulf

***Wulf*:** not wolf

Uvalde: "op, somebody said something barely negative to me that was obvious in humor... wahhhh..."

Uvalde: "op, look at me"

Uvalde: "wahhhh..."

***Wulf*:** that is *obviously* u do not entertain me Bjornman ..u r *booring*

Uvalde: "everyone else, look at me"

***carolyn*:** enough Uvalde

Uvalde: "waahhhhh...."

***Wulf*:** Uvalde: u r dong okay keep ur good work

Bjornman: *OP, the person *Wulf* has taken up inimic activity towards me, after following the example of Uvalde. I need intervention. This is ruining my good chat experience in which I was chatting, conversing and sharing views with people. If these individuals do not like what someone expresses, then they still have a duty to behave congenitally.*

***Wulf*:** i felt like u copy/pasted this one Bjornman

***Wulf*:** Bjornman: u r not being urself u r being a bot

Bjornman: *Operator, *carolyn*, I do not like being called a "dong". It is an insult. I am asking for OP intevention: " *Wulf*:* Uvalde: u r dong okay keep ur good work"

***Wulf*:** dong??

***Wulf*:** lol

***Wulf*:** *noI* really said any heck bout u there

***carolyn*:** Bjornman: I have done something as u notice Uvalde has not said anything

***Wulf*:** Uvalde: i am afraid u r muted by *carolyn*

Bjornman: Okay. Ty, *carolyn*. I needed for you to point it out to help me notice. Thank you for *protecting* the chat room, *carolyn*

***Wulf*:** Uvalde: log out n come back then ur mute is over

Bjornman: *carolyn*, *thank you again*, and I also want to suggest that *Wulf*'s instructions to the muted person as to how to beat the muting amounts to instructions on how to usurp authority. *That is* what you are here, authority, and blatant efforts to undermine your actions, such as what *Wulf* is doing are interfering with your work. Similar to the way that it is a crime to insult a policeman.

***carolyn*:** Bjornman: it isn't that simple

Bjornman: Okay, *carolyn*. That is good enough for me. *When* you say that, I realize that there is more to it *than that*. I am satisfied then with what you know and what you are doing. I know and can tell that you are a good soul.

***Wulf*:** Bjornman: talks like a computer application haha

Bjornman: Another insult to me from *Wulf*, *carolyn*. I am merely indicating that the insult registered here.

***Wulf*:** lol

***Wulf*:** he is real fun

Bjornman: *carolyn*, this, right here, is an attempt to organize people in an inimic and derogatory action against a particular chatter: "pop's.issues: *Wulf*:
Lets insult Bjornman , that would be intrestingHaha"

***carolyn*:** Bjornman: ty but I can handle things

Bjornman: *Excuse me, unlike you*, I am a civilized man who knows how to behave by the rules of society. *Unlike you*, I was not raised by wolves. (I actually don't know who "you" is, but whoever wants to can claim it.)

Who's_That_Guy: Bjornman: for gods sake stop moaning, be a man and stand up for yourself

***Wulf*:** *loooooooooooooo Who's_That_Guy has not heard a manly word from u so far*

Bjornman: Dear Who's_That_Guy, I can actually curse out and rip up and down all of the concerned parties, but this is a forum where I am forced to look up to the OP to defend the room integrity, not to put things in my own hands. So *you see*, the notion of standing up for myself is cancelled out in this environment.

Who's_That_Guy: ***Wulf*:** speak only when your chain is pulled

***Wulf*:** Who's_That_Guy: *excuse me..unlike you fucking ass* i am a man and i speak whenever i want

***Wulf*:** Who's_That_Guy: you did not make sense there again

Who's_That_Guy: because you re too thick to understand ***Wulf*** and I don't care to try to explain

***Wulf*:** Who's_That_Guy: that was a weak excuse for your nonsense.

Who's_That_Guy: ***Wulf*:** the way you argue or debate is like a school girl [www.spinchat.com, дата обращения: 12.08.2013]

В разговоре принимают участие несколько собеседников, двое из которых, на наш взгляд, маскируют собственную гендерную идентичность (***Wulf***, *Bjornman*), выдавая себя за мужчин.

Герой *Bjornman* стремится придерживаться мужского **механизма установки дистанции с собеседником** – его высказывания отличает высокий уровень единства текстовой организации, связности текста, текстовой когезии, проявляющейся в использовании местоимений (личных и указательных), в том числе указательных местоимений *that*, *this* в качестве подлежащего, связующих слов *then*, *since*, союзов *when*, *what*, *who*, конструкции *if ... then*, передающей реальное условие и его следствие, ссылается на авторитетное мнение третьего лица. Речь героя характеризуется логичностью повествования, аргументированностью; грамматическая связность достигается, на наш взгляд, грамотным употреблением времен, тема-рематической целостностью. Кроме того, отметим употребление провокационного риторического вопроса. Данное речевое поведение показывает желание говорящего сразу доказать истинность собственных слов, избежать возможных опровержений. Герой демонстрирует превосходство и большую значимость по сравнению с собеседниками, используя сравнение *Unlike you*.

При этом, когда возникает конфликтная ситуация, *Bjornman* немедленно обращается к модератору за помощью, неоднократно применяя женский **механизм избегания конфликта**. Герой также использует в своей речи следующие женские маркеры – апеллирование к администратору, герундий,

гиперболу (rule the world), эллипсис, многочисленные благодарности, извинения. Данные факторы, совершенно не характерные для речи мужчин, заставляют сомневаться в правдивости мужского профиля героя.

Как показывает анализ сплошной выборки контекстов чата, в рамках сложившейся ситуации установки дистанции с собеседниками, появление в речи мужчины женского механизма избегания конфликта становится неуместным. Неоднократное апеллирование к администратору, жалобы на собеседников, противоречащие прототипическому поведению мужчин в рамках чата, выдают за именем *Bjornman* женщину, маскирующую собственную гендерную идентичность.

Итак, мужчина, в отличие от женщины, не стерпит оскорбления и ответит на провокацию. Женский механизм избегания конфликта не характерен для мужчин при маскировке мужской гендерной идентичности. При этом мужчины в условиях маскировки стремятся продемонстрировать положительный настрой к собеседникам, желание наладить дружеские отношения, употребляют извинения, вежливые слова. И, наоборот, женщины, демонстрирующие мужской механизм выражения агрессии и маскирующие свою гендерную идентичность, едва ли проявят мужской механизм установки дистанции с собеседником. Данное положение демонстрируется в речи **Wulf**, использующего маркеры женского механизма сокращения дистанции, установки дружеского контакта при провокации скандала.

В чате **Wulf** использует **механизм провокации скандала**, употребляя инвективы, апеллируя к высказыванию героя *Who's_That_Guy*, употребляя многочисленные сокращения: u (you), r (are), bout (about), n (and), ur (your). Тем не менее, в речи **Wulf** замечаем некоторые женские речевые особенности, характерные для **механизма сокращения дистанции, установки дружеского контакта** – графическое варьирование (no1, loooooooooooooo, booging, susceed), частотное употребление модального слова *obviously*, извинения, которые проявляются в речи неосознанно для самого говорящего и доказывают маскировку гендерной идентичности, используемую **Wulf** в чате.

Заключаем, таким образом, что под именами *Bjornman* и **Wulf** скрываются женщины, маскирующие собственную гендерную идентичность.

Причину провокации скандала мужчинами раскрывает герой *Uvalde: i am just agitating him to bring laughter to myself and the other smartasses in the room*. Как правило, конфликтные ситуации в чате планируются в качестве коммуникативной диверсии, ради веселья, наблюдения за реакцией окружающих.

(97) **Hikari:** These families claim that they are following Islam as well, the_aquarian. And I did not blame anyone. I simply gave u the fact that it mostly happens in Muslim families.

the_aquarian: Hikari: u can read quran their GOD given permission to ladies to choose their hubby

the aquarian: Hikari: u shud read quaran then u will know the real islam

Hikari: *You should tell that to the families who force their daughters to marry strangers, the aquarian, not to me.*

Hikari: *btw, not that it counts much,* but here is the definition of 'arranged marriage' from Wiki: An arranged marriage is a practice in which someone other than the couple getting married makes the selection of the persons to be wed. *Note that it says that the choice is not made by the couple.*

soulful: and u think wikipedia is all true Hikari? i think u should read a better website

Hikari: *Read carefully what I said before the definition, soulful. Then you wouldn't have to ask whether I think it is all true.*

Chat-n-Smile: Hikari. Oh please – if you want to succeed in this debate, DONT quote Wiki! It is full of holes and inaccuracies! It is not rated – except my empty-heads. You deserve better.

Hikari: *Again, read what I prefaced the definition with, Chat-n-Smile.*

soulful: Hikari: it goes on to say It should not be confused with the practice of forced marriage, in which one person forces another to marry him or her.

Hikari: *Well,* to me, if someone else does the chosing and one of the partnes isn't happy with the choice, that's then close to force, soulful [www.spinchat.com, дата обращения: 23.02.2012].

В представленном диалоге прослеживается неуверенность в общении коммуниканта *Hikari*. Вступая в открытый спор с собеседником и пытаясь аргументировать свое мнение (наблюдаем использование ряда гендерных маркеров, свойственных мужскому **механизму установки дистанции с собеседником** – последовательное изложение фактов, употребление одно-коренных слов, местоимений), говорящий при этом занимает позицию самозащиты, пытается снять с себя ответственность за сказанное, использует средства, демонстрирующие коммуникативную слабость, не выражает собственное мнение, ссылаясь на определения в Wikipedia, в то время как собеседники высказывают противоположные точки зрения и выражают неодобрение подобных ссылок. Исходя из данных стратегий, можно говорить о женском характере речи коммуниканта *Hikari*, зарегистрированного в чате как мужчина, но проявляющего женский **механизм избегания конфликта**. На наш взгляд, желание уйти от конфликта превалирует над логичным последовательным и понятным изложением фактов и сделанным выводом как следствием перечисленных доказательств. Таким образом, критическая конфликтная ситуация в рамках чат-коммуникации, способствующая определенному поведению пользователя, является показательной при определении гендерной идентичности коммуниканта.

(98) **Lion-Rampant:** hi dear friend *I'm pretty good nice thank y*

achaniel: Lion-Rampant: *apologies for my ignorance*

Lion-Rampant: Oh! *U'r kinda gentle hearted guy* that says sorry for the smallest things

achaniel: Lion-Rampant: remember when we last talked? *I'm sure it was the best decision.* There is such a thing as going too far. You need to protect yourself

Lion-Rampant: achaniel: i find wisdom in your words. this is a page I did about a year ago for a cyberoptics track, the coding in it isn't great *cause* I wasn't too far along then, I think you'll like the *pics* in the frame though: Phttp://techpirates.noads.biz/dubstep/cyberoptics-pimpin.html

buttons.: achaniel: and Lion-Rampant seem like a couple of women

buttons.: achaniel: and Lion-Rampant seem like a couple of women

achaniel: We're lesbains!

Lion-Rampant: we are buttons. *sweetie pie* you want to see my new nail polish?:P

achaniel: Lion-Rampant: hmm. like the sound of that [www.spinchat.com, дата обращения: 14.03.2012].

В данном примере представлен диалог между *achaniel* и *Lion-Rampant*. Согласно профилям чатеров, оба являются мужчинами. Однако наблюдая за их разговором, участник *buttons.* ассоциирует его с беседой женщин. Анализируя данный текст на наличие гендерных маркеров, отмечаем ряд особенностей, действительно присущих женскому стилю общения, т.е. стилю коммуникативного сотрудничества: использование извинений, так называемый модус вежливости, употребление описаний и эмоционально-маркированных слов, придающих экспрессивность тексту, оценочных прилагательных и прилагательных в превосходной степени, наречий, вводных слов. Речь характеризуется отсутствием сленга, жаргонизмов и инвектив, даже когда *buttons.* сравнивает данный диалог с типично женским. Кроме того, маникюр – это определенный стереотип женского образа, следовательно, преимущественно женская тема для обсуждения. Создается впечатление, что герои *achaniel* и *Lion-Rampant* преднамеренно провоцируют окружающих, прибегая к женскому **механизму сокращения дистанции, установки дружеского контакта**. При более тщательном анализе высказываний *Lion-Rampant* замечаем употребление говорящим стяжения *kinda*, сокращений: *у, U'r, cause, pics*, являющихся мужскими маркерами гендерной идентичности. Речь героя логична, связна, аргументирована, что соответствует мужскому **механизму облегчения восприятия собственной речи**, занимающему, по сравнению с лидирующим женским, только III позицию в иерархии механизмов самопрезентации. Следовательно, на основе сопоставления используемых механизмов гендерной самопрезентации можно сделать вывод о том, что *Lion-Rampant* – все-таки мужчина, лишь провоцирующий окружающих своим поведением.

Гендерную принадлежность *achaniel*, исходя из данного примера, однозначно определить весьма трудно. Рассмотрим еще один пример высказываний этого героя.

(99) **the_aquarian:** LA-DE-Freaking-DAO_O: can i date u?

achaniel: Hello everyone

achaniel: *so whats happening here?*

LA-DE-Freaking-DAO_O: bye all

achaniel: LA-DE-Freaking-DAO_O: bye there

the_aquarian: LA-DE-Freaking-DAO_O: dnt go i want to date uuuu

achaniel: LA-DE-Freaking-DAO_O: *take care of yourself :)*

LA-DE-Freaking-DAO_O: aqua, I'm male

LA-DE-Freaking-DAO_O: you too achaniel

achaniel: LA-DE-Freaking-DAO_O: haha! *Well*, it happens to me all the time. They mistake me for a girl

LA-DE-Freaking-DAO_O: *I know, you are a girl*, achaneil

achaniel: LA-DE-Freaking-DAO_O: lol. i'm not *bro*. you wish!

the_aquarian: achaniel: can i date u? forget LA-DE-Freaking-DAO_O plz?

achaniel: the_aquarian: *sorry bro. I'm already taken* by someone. And its a girl ;)

LA-DE-Freaking-DAO_O: yes, you are achaneil, *every time you open your mouth you sound like a girl...lol*

the_aquarian: LA-DE-Freaking-DAO_O: plz leave achaniel she is mind

the_aquarian: mine

ohshit.its.dragonath: sexy achaniel

achaniel: the_aquarian: nope, *i'm not a girl. Just check my profile*

achaniel: lol

achaniel: *damn people*. to think a guy would be spared

the_aquarian: LA-DE-Freaking-DAO_O: leave achaniel she is mine [www.spinchat.com, дата обращения: 26.02.2012].

Снова герой *achaniel*, выдавая себя за мужчину, воспринимается окружающими как женщина. Во многом этому способствуют такие маркеры женской речи, как вежливые слова, извинения, вводные (*so, well*), применение пассивного залога в разговоре о себе *I'm already taken*, использование «пустого» вопроса *whats happening here?*, вежливое пожелание *take care of yourself* участнику чата, с которым вовсе не было общения. Данные факторы демонстрируют проявление коммуникативного сотрудничества, чаще свойственного женщинам. Герой использует женский **механизм избегания конфликта**, не отстаивает собственную позицию, просто направляет собеседников к изучению собственного профиля – *i'm not a girl. Just check my profile*. Только в последнем высказывании герой позволяет себе использовать инвективу *damn*, также в речи употребляет сокращение *bro*. Стремление не развивать спор, нехарактерное для мужчин, выдает женщину, маскирующуюся за мужским профилем. Единственная инвектива и сокращение недостаточны для возможности определения мужской сущности героя, не подтверждают какой-либо мужской механизм самопрезентации. Самопрезентация, таким образом, ведется посредством анти-прототипического женского механизма избегания конфликта. Делаем вывод, что под именем *achaniel* скрывается девушка.

(100) *****Gul*****: gipsy_granny: are you angry at me?:)
gipsy_granny: nahhhh *****Gul***** why should I ? ... tell me tell me
*****Gul*****: gipsy_granny: you might be, *coz* you *haven't greeted* me:(
gipsy_granny: ohhh *****Gul***** when I come in I always greet everybody
and even the world didn't u feel included?
*****Gul*****: kevinug: have you seen my sweet friend purple?:)
gipsy_granny: Gul ... if u insist on a private greeting I feel honoured to bow
towards youhello madam
kevinug: she was here today, *****Gul*****
kevinug: more than 10 hours ago, *****Gul***** .. she comes around that time
*****Gul*****: kevinug: thats good, *isn't it?*
kevinug: yes *****Gul*****
*****Gul*****: kevinug: good to hear that, unfortunately im not getting a
chance to see her:(For many weeks I keep thinking that some person is just try-
ing to be funny and he is not like this originally .. I was so wrong .:*
*****Gul*****: gipsy_granny: madam im not a madam:)
gipsy_granny: *****Gul*****: I don't care a lot about female or male this
job do people in dials
*****Gul*****: gipsy_granny: whatever but *please* dont change gull's gender:)
gipsy_granny: *****Gul*****: ok ok ... u may be what u want to beand calm
down, I never enter this room with a knife in my hand [www.spinchat.com, дата
обращения: 23.04.2014].

Герой *****Gul***** выдает себя в чате за мужчину, ведет себя спокойно, не агрессивно, описывает свои чувства и переживания *good to hear that, I was so wrong*, дает оценку происходящему *thats good, isn't it?*, стремится избегать конфликтов, реагируя на «ошибку» собеседницы в определении собственного гендера просьбой – *whatever but please don't change gull's gender:*). Тем самым герой демонстрирует женский **механизм сокращения дистанции, установки дружеского контакта**: одновременно наблюдаем участие героя в двух диалогах на различные темы, использование разделительного вопроса, вежливого *please*, эллиптической конструкции, употребление *so* как элемента гиперболизации, при этом речь героя не отличается высоким уровнем связности. Подобная манера речевого поведения диссонирует с обозначенным мужским профилем героя. Заключаем, что за именем *****Gul***** скрывается не мужчина, а женщина, маскирующая собственную гендерную идентичность.

(101) **mozman98**: i need to block some of these IDs
pocket: You can see the name on the list but you cant see them chat no more probably mozman98
mozman98: pocket: I was hoping to avoid having to look at that ID at all.
mozman98: pocket: ~ShehrBano~ seems to have worked in chat though, thanks.

(102) ~ShehrBano~: BelleTragedy<3: Shehr just Shehr will make me sound like a girl :(

~ShehrBano~<-- Is a fellow

BelleTragedy<3: ~ShehrBano~: sometimes it is better not to see what we can see :)

~ShehrBano~: BelleTragedy<3: *I wonder if you really have never heard about people with extraordinary i q levels*

~ShehrBano~: BelleTragedy<3: *I am surprised..*

BelleTragedy<3: ~ShehrBano~: LOL i have heard. Not as an 8yr old

BelleTragedy<3: thats just sad

~ShehrBano~: BelleTragedy<3: *There are many examples of 8, 9 and 10 years old kids doing wonders in many fields.*

~ShehrBano~: BelleTragedy<3: *Well shame for us :P*

~ShehrBano~: BelleTragedy<3: But this girl died at the age of 16, a *terrible sad incident*

kevinug: ~ShehrBano~: some people with high IQs have never been successful in life...

~ShehrBano~: kevinug: *Don't know why ..*

ZweiterAnfang: I think people with high IQs are unhappy and often mentally ill

BelleTragedy<3: In wouldnt say its anything to be shameful about. I have heard about 13 14 year olds do extraordinary things... but not as young as 8.

~ShehrBano~: ZweiterAnfang: There must be something like that, *because too much of a wisdom or intellect can lead one's to a path of sadness, knowing more is a bad thing*

kevinug: there was this 7 year old indian girl who had a masters in engineering i think, BelleTragedy<3

kevinug: then there was also the 12 year old chinese boy who had a Ph.D in medicine

BelleTragedy<3: ~ShehrBano~: how did she die? (excuse how bluntly that may sound)

~ShehrBano~: BelleTragedy<3: She was in her school, she was an A levels student at that time, she get fainted and after 3 days being hospitalised she died.

~ShehrBano~: BelleTragedy<3: She couldn't make it, and *I guess* some of her brain nerved were damaged or whatsoever

~ShehrBano~: nerve*

BelleTragedy<3: ~ShehrBano~: what did you mean by shameful. May I politely ask ?

~ShehrBano~: BelleTragedy<3: I said its a shame for us for not being this SMART.. God..

~ShehrBano~: BelleTragedy<3: I never said anything NEGATIVE about you, read again... You are *taking my words personally* maybe, while I am just talking about extraordinarily intelligent kids. Thats it.

~ShehrBano~ The most terrible moment, when people don't get what you actually say.

~ShehrBano~ :(

BelleTragedy<3: ~ShehrBano~: lol hey~! chill. I know you werent talking about me. I just wanted to know what you meant

~ShehrBano~: BelleTragedy<3: I was comparing the skills of kids and I said oh thats a shame (coz I completed my graduation when I was 20.. And I will complete my post graduation when I would be 24.. Just about it..

~ShehrBano~: BelleTragedy<3: *Hope* now you are fine with what of I said.

~ShehrBano~: hoocine: *Exactly*, when we fail to convey what we wanted to say, or *in other words* when people fail to understand what we were saying, things start getting worse.

~ShehrBano~: kevinug: In this world, sometimes, we use a sense of humour or wit.. Or jokes.. You know.

~ShehrBano~: Not all said things should be taken in their literal meaning, Mr. kevinug :P

~ShehrBano~: And I know *so pretty well* that these kids are just less than a remarkable ratio. *Enjoy your music*..BelleTragedy<3 [www.spinchat.com, дата обращения: 09.11.2013]

В представленном примере герой ~ShehrBano~ с самого начала беседы обозначает себя как молодого человека, при этом придерживается **механизма создания красочного высказывания**. ~ShehrBano~ использует элементы семантической гиперболизации (*terrible sad incident, I know so pretty well*), герундий, эллипсис, выражения *I wonder if, I guess*, образное выражение *lead one's to a path of sadness*, подробно объясняет собственное мнение, чтобы не обидеть и не вызвать негатива у окружающих. Все перечисленное является маркерами женской гендерной идентичности.

При этом такие особенности мужской речи, как прямое повеление – Read again, очевидное недовольство из-за непонимания со стороны собеседника, чем объясняется набор некоторых слов заглавными буквами – I said its a shame for us for not being this SMART.. God.. I never said anything NEGATIVE about you, употребление сокращений kinda, coz, правильное употребление грамматических времен, не скрывают истинной женской сущности ~ShehrBano~, маскирующейся в чате за мужским образом. Подражая мужчинам и используя в речи маркеры мужского **механизма установки дистанции с собеседником** (I позиция в иерархии), ~ShehrBano~ в своей речи обращается к менее очевидному, но сигнальному в данной ситуации **женскому механизму создания красочного высказывания** (III позиция в иерархии). Сопоставляя иерархию механизмов самопрезентации, заключаем, что за ником ~ShehrBano~ скрывается женщина.

Проведя анализ контекстов чата на определение случаев маскировки гендерной идентичности и выявление истинных гендерных идентичностей

пользователей, отметим, что истинный гендер проявляется в чате в нестабильных «критических» ситуациях, как правило, конфликтных, провокационных. Мужчины в подобном случае становятся либо зачинщиками спора, либо его активными участниками; женщины либо пытаются сгладить конфликт, но если и высказываются, то, не оскорбляя собеседников, и, как правило, вскоре начинают игнорировать задир.

В ситуациях, когда открыто демонстрируется собственное мнение, не совпадающее с мнением остальных участников беседы, используются инвективы с целью оскорбить окружающих, – маркеры женского механизма сокращения дистанции и установки дружеского контакта становятся неуместны. По наличию подобных маркеров за специально созданным мужским «революционным» образом легко угадывается женщина, невольно проявляющая привычные особенности речевого поведения и, возможно, старающаяся украсить собственное высказывание.

Мужчины, маскируясь в чатах за женский образ, чаще используют женский механизм сокращения дистанции с собеседником, установки дружеского контакта, демонстрируя при этом менее частотный мужской механизм облегчения восприятия собственной речи. Однако если ситуация оборачивается в конфликт, мужчина встречает вызов и отвечает на возможное оскорбление. Появление в «женской» речи сигнального мужского механизма и перестроение речи с дружеской на агрессивную обнаруживает истинного мужчину за женским образом [Гукосянц, 2014г].

Маскировка собственной гендерной идентичности иначе происходит в блогах. Ссылаясь на классификации популярности механизмов гендерной самопрезентации, построенные нами в предыдущем разделе, отметим, что пользователи маскируют собственный гендер, используя механизм, применяемый противоположным гендером чаще остальных. Подлинная гендерная идентичность проявляется, таким образом, в употреблении менее значимых механизмов самопрезентации истинной гендерной идентичности пользователя.

(103) **Deena:**

No sale Jack. You are guilty of intellectual rape. In typical male fashion you wanted a particular result and sought the means to achieve it.

Lindsay:

Deena,

Justify your comments. You *mustn't* make such a statement without something to back it up. *Please identify* what you disagree with and *tell* us your reasons for disagreeing. *By the way* lots of (if not most) women look forward to *getting* pregnant and *giving* birth. It may be annoying and painful, *but* it's also fulfilling in a multitude of ways.

Lindsay

[<http://www.crossdreamers.com/2011/12/on-statistical-difference-between-men.html>, дата обращения 14.09.2013]

Проанализировав речь автора второго комментария к блогу *Lindsay*, выдающего себя за женщину, находим некоторые несоответствия с типичной речью женщин. Говорящий, с одной стороны, придерживается женского **механизма сокращения дистанции с собеседником**, его речь неагрессивна, в ней присутствуют *Please*, а также герундий. С другой стороны, несмотря на вполне вежливое обращение, в речи *Lindsay* прослеживается мужской **механизм прямого повеления**, подтверждающийся наличием повелительных предложений, категоричного *mustn't*, логики повествования, связующего *By the way*. На наш взгляд, под именем *Lindsay* скрывается мужчина, маскирующий собственную гендерную идентичность. Женскому механизму сокращения дистанции с собеседником, занимающему вторую позицию по частоте употребления, противопоставляется менее популярный мужской механизм прямого повелевания.

(104) **Clydebear:**

Anyway, I would hope that whatever we can do behind the scenes to ensure Robin remains an Arsenal player for as long as possible is being done. He *clearly* loves the club, he's relishing the captaincy and the responsibility it brings, and it's now up to those around him to respond to what he's doing on the pitch. By that I mean the other players. Everyone has a part to play, it can't be a case we just give it to Robin to let him do his stuff. *Personally, I think* the defensive side of his game is one that could still *be improved*, and maybe what Theo needs is bit more consistency in general. *I think* I described him as *frustratingly* effective a few weeks back and when you look at the quality of his crossing to set up the chances for Gervinho and van Persie (which was a fantastic ball), and then compare with some of the efforts he skies into the crowd from similar positions, *then it's hard to kill two birds with one stone*. Still, *I hope* Saturday's game will have brought him out of the semi-funk he was in and he can kick on from here. I am still laughing at John Terry, *I don't think* I'll ever stop [<http://sharideth.com/2014/03/27/stuck-in-the-middle-with-you/#comments>, дата обращения: 25.04.2014].

Данное высказывание, автором которого, по данным профиля, является мужчина, содержит ряд гендерных маркеров, присущих женской речи и конструирующих **механизмы смягчения категоричности высказывания и создания красочного высказывания** (III позиция в иерархии). К таким маркерам можно отнести: наречия, оканчивающиеся на *-ly*: *clearly, personally, frustratingly*; употребление пассивного залога; выражений *I think, I hope, I don't think*; фразеологизма *to kill two birds with one stone*. Единственной мужской особенностью речи, наблюдаемой нами в данном отрывке, является связность текста, текстовая когезия, характеризующая **механизм облегчения восприятия собственного высказывания** (I позиция). На наш взгляд, за именем *Clydebear* скрывается женщина, маскирующая собственную гендерную идентичность.

(105) **Chris:**

Men are *easily* irritated, that is true. But *seriously*, it's not like that all the time. If you are investing your time in useless things and they are texting you then *definitely* you have no excuse not to get back to them. With all due respect, I disagree with this post *especially* with the two conclusions of them texting you when you're doing that stuff. It's just *plainly* wrong [<http://theblogmendontwantwomentoread.blogspot.com/2013/06/texting-time.html#comment-form>, дата обращения: 25.11.2013].

Герой данного комментария, не соглашаясь с мнением автора, начинает сообщение с описания моментов в блоге, которые он признает действительноными, и после аргументирует собственную позицию. Высказывание наполнено наречиями, оканчивающимися на *-ly*: *easily*, *seriously*, *definitely*, *especially*, *plainly*, что характерно для женской речи. При этом речь логична, позиция героя обоснована. В данной ситуации наблюдаем конфликт **женских механизмов смягчения категоричности высказывания и избегания конфликтов** (III, IV позиции в иерархии) и **мужского механизма облегчения восприятия собственной речи** (I позиция в иерархии), что свидетельствует, на наш взгляд, о желании женщины завуалировать истинную гендерную идентичность.

(106) **Mickey Revolver:**

You said, "Everyone likes to be asked what they think, so let's start asking. Let's begin conversations. Let's attempt to find others in the middle while still listening to and learning from those on the ends."

No. Those who would keep us down have had years – decades – to begin a conversation. They have refused to *budge* from hate and discrimination. There is nothing to "learn" from them. Their refusal to accept us as *fully equal* people does not carry anywhere near the *same* weight as our *simple* human worth. *Just* because there are two sides doesn't mean that what they say is *equally* valid.

Tellingly, you also said, "We are less concerned about being right and more focused on being content."

That's it *in a nutshell*, isn't it? Your "contentment" is more important than *knowing* and *saying* what's right and what's wrong. *Sorry*, but *that is not the moral high ground; it's the coward's way out* [<http://sharideth.com/2014/03/27/stuck-in-the-middle-with-you/#comments>, дата обращения: 11.04.2014].

Автор данного высказывания *MickeyRevolver*, желая не согласиться с идеями, изложенными в основном блоге, просто повторяет беспокоящие его реплики автора блога и отрицает их. При этом четкой аргументации собственной позиции в речи *MickeyRevolver* не наблюдается. Анализируемое высказывание достаточно эмоционально, содержит наречия, оканчивающиеся на *-ly*, разделительный вопрос, герундий, разговорное *just*, образное выражение *to be in a nutshell*, вежливое *Sorry* в начале заключительной фразы, созданной с целью максимально упрекнуть блоггера в неправильности суж-

дений и теряющей, вследствие употребления *Sorry*, весь обвинительный эффект. Подобная попытка выразить собственное противоположное мнение, не спровоцировав при этом скандала, характерна именно для женщины, как и упомянутые лингвистические средства и речевые особенности героя с мужским именем *MickeyRevolver*. Закключаем, что под мужским именем *MickeyRevolver* скрывается на самом деле женщина, демонстрирующая женский **механизм избегания конфликта** (IV позиция в иерархии). Попытка выстроить свое высказывание последовательно, обращаясь к репликам основного блога и опровергая их, поддержать связность текста, использование прилагательных, передающих количественные и параметрические отношения *equal, simple, same*, демонстрируют стремление автора замаскироваться под мужской образ, имитируя мужские **механизмы установки дистанции с собеседником, облегчения восприятия собственной речи** (I, II позиции в иерархии).

(107) **Steve:**

Howdy! Someone in my Myspace group shared this sitewith us so I came to give it a look. I'm *definitelyenjoying* the information. I'm bookmarking and will be tweeting this to my followers!

Fantastic blog and *amazing* design and style!

[<http://theblogmendontwantwomentoread.blogspot.com/2013/06/texting-time.html#comment-form>, дата обращения: 26.04.2014]

Логичность повествования, изображение причины и вытекающего следствия, связность текста демонстрируют мужской **механизм облегчения восприятия собственной речи** (I позиция в иерархии). При этом высказывание героя *Steve* отличается высокой эмоциональностью. Восклицание *Howdy!*, наречие *definitely*, оценочные прилагательные *fantastic* и *amazing* свидетельствуют об истинной женской сущности главного героя, использующего женский **механизм создания красочного высказывания** (III позиция в иерархии).

(108) **Walter Salmaniw:**

You *actually* believe that the degree of violence is somehow *equal!*? You *truly* are a *nitwit*. *How dare you actually* support the violence against innocent people, *mostly* young students who were *simplyholding* flags in support of the country of their birth!? *There is something very sick about how your mind works*. You *should imagine* in Paris, London, Washington, or *just* about anywhere else, flag bearing people being beaten for *showing* patriotism to their own country. They are *the idiots*. *What a loser!*

[http://www.worldaffairsjournal.org/blog/alexander-j-motyl/putin's-warlords-vs-ukraine's-presidential-ballot#disqus_thread, дата обращения: 03.04.2014]

Автор данной реплики *Walter Salmaniw* использует достаточно грубые и оскорбительные фразы – *You truly* are a *nitwit*; *There is something very sick about how your mind works*; *the idiots*; *What a loser*. При этом в его речи при-

сутствуют наречия, оценочные прилагательные, формы герундия, *You should imagine* как элемент непрямого повелевания, чрезмерно напыщенное восклицание *How dare you!?*, что характеризует данное высказывание как женское. В реплике наблюдаем механизмы, противоречащие друг другу: **мужские механизмы облегчения восприятия собственной речи и выражения агрессии** (I, IV позиции в иерархии) и **женский механизм создания красочного высказывания** (III позиция в иерархии), что не позволяет однозначно установить гендерную принадлежность *WalterSalmaniw*, но позволяет сомневаться в истинности скрываемой за именем мужской личности.

Процесс маскировки осуществляется в соответствии с гендерными представлениями и стереотипами культуры конкретной личности. Как правило, маскулинному типу гендерной идентичности присуща тактика доминирования, конфликтная стратегия, а фемининному типу – тактика сотрудничества. Именно данным факторам стремятся подражать, имитируя речь противоположного гендера.

Женщины, притворяющиеся мужчинами, забывают, что мужчина, даже учитывая анонимность чата и блога, не будет упоминать и делиться собственными чувствами и переживаниями, не будет подробно обсуждать их в общем чате / блоге, спрашивать совета.

Как правило, именно демонстрация собственных эмоций, обнажение чувств выдают женщин за мужскими масками. Собеседники, таким образом, подсознательно чувствуют подвох и раскрывают истинную сущность говорящего.

Как видно из представленных примеров блогосферы, авторы, стремясь симитировать механизм самопрезентации, свойственный противоположному гендеру в большей степени, ошибаются, применяя некоторые менее популярные маркеры собственного гендера. Именно по таким незначительным элементам можно определить факт маскировки гендерной идентичности коммуниканта.

9.5. Экспериментальное исследование интерпретации гендерных параметров дискурсивных проявлений участников англоязычных чатов и блогов

Обратимся к проведенному он-лайн анкетированию и обозначим, какие гендерные маркеры в речи пользователей англоязычных чатов и блогов являются первоочередными для респондентов при определении гендерных идентичностей данных пользователей.

Респондентами явились типичные пользователи чатов – носители английского языка в возрасте от 18 до 57 лет с высшим, либо неоконченным высшим образованием. По численному составу количество респондентов со-

ставило 30 человек, из них – 12 мужчин и 18 женщин. Исходя из численности респондентов-мужчин и респондентов-женщин, видно, что более активно в опросе проявили себя именно женщины. При этом охотно отвечали на поставленные вопросы все женщины в возрасте от 18 до 57 лет. Количество респондентов-женщин в возрасте до 20 лет составило 5 человек, 21-36 лет – 8 человек, 37-45 лет – 2 человека, 46-57 лет – 3 человека. Возраст опрашиваемых мужчин составил 24-36 лет (10 человек), только у двоих анкетированных мужчин возраст превысил данные возрастные рамки и составил 42 года и 44 года. По уровню образования количество респондентов распределилось следующим образом – неоконченное высшее образование имеют 11 человек (из них – 2 мужчин и 9 женщин), высшее образование имеют 19 человек (из них – 10 мужчин и 9 женщин).

На первом этапе респондентам требовалось определить гендерную идентичность виртуальных языковых личностей, анализируя предъявленные никнеймы. В процессе работы были отобраны наиболее интересные ники и представлены для анализа анкетированным. Опрос респондентов проводился он-лайн в чатах, что позволило рассмотреть первое впечатление, оказываемое тем или иным ником, на реального пользователя и обобщить их выводы по части гендерных классификаторов.

Задачей опрашиваемых было по предложенным никам определить, кто за ними скрывается – мужчина или женщина, а также обосновать свой выбор. Проанализировав полученные ответы, получаем следующие данные.

(109) Имя Cute_claire84 – как мужчинами, так и женщинами расценивается как женское.

Женщины обосновывают свой ответ присутствием в нике женского имени Claire, мужчины – наличием в имени оценочного прилагательного Cute. Также мужчины обращают внимание на цифры, признавая, что комбинация цифр в женском имени в большинстве случаев указывает на год рождения (особенность женщин – говорить только образно, используя косвенные просьбы или намеки, призывая мужчину тем самым проявить мужское начало, активность самому, не обращаясь к этому непосредственно), тогда как мужчина в имени обозначит конкретный возраст.

“Guys don’t like to put figures to the end of the nickname, 84 is for a girl.” (респондент-мужчина, 33 года, высшее образование).

Заключаем: женщины оценивают созвучие имени, ассоциируя его с внешней привлекательностью, и информативность ника, мужчины – графическое изображение и цифровые комбинации.

(110) Имя Cutebuilder36 – как мужчинами, так и женщинами расценивается как мужское.

Женщины делают акцент на образе героя. Мнения респондентов-женщин касательно данного имени развивались в двух направлениях: во-первых, как подчеркивалось, строитель – это сильный, физически развитый муж-

чина, он выдерживает любые физические нагрузки, а женщину в мужчине привлекает сила. Во-вторых, возникает ассоциация с *well-built*, что указывает на то, что герой хорошо сложен, чем и привлекает внимание. Как женщины, так и мужчины обозначали наличие в нике суффикса *-ER*, который, по их представлениям, является мужским. Целью доводов, приводимых женщинами, было показать, почему за данным ником может скрываться именно мужчина. Опрашиваемые мужчины, наоборот, приводили аргументы с позиции – почему *Cutebuilder36* не может быть женщиной. По мнению мужчин, профессия строителя – исконно мужская. Даже если женщина является инженером, то она не стала бы указывать в нике на то, что выполняет какую-то тяжелую физическую работу. Это не привлекает собеседников, тем более мужчин. В природе женщин – показывать свою слабость, привлекая тем самым силу противоположного пола. Также мужчины делают акцент на цифры, которые подтверждают мнение о том, что мужчина указывает в имени конкретный возраст.

Данное имя затрагивает вопрос социального и психологического порядка, касающийся проявления силы. Проанализированные в процессе работы имена, а также оценки и реплики анкетированных доказывают, что во время общения мужчина своим речевым поведением и ником, в первую очередь, показывает собственную силу, смелость, решительность, тогда как сила женщины оказывается в ее слабости, покладистости. Как замечают опрашиваемые мужчины, даже женщины своенравные и самостоятельные, с активной жизненной позицией в процессе общения в чатах принимают на себя описанный стереотип и проигрывают эту роль; в противном случае – с ними перестают общаться. Вывод: гендерная идентичность базируется на силе. Языковые средства используются для различной степени отражения силы. Чем «сильнее» высказывание, тем большей маскулинностью обладает его автор.

Также отметим, что существительные с суффиксом *-ER*, как и отглагольные существительные в целом, воспринимаются женщинами как исконно мужские и не используются для самопрезентации.

“This nick also has figures, but the character is an old one... Young guys don't like to use figures but old man like it. And that word "builder" for men. Well... women don't like to use such nicks. “Builder” is a bit rude thing and women don't like rude things.” (респондент-мужчина, 27 лет, высшее образование)

“Builder is what men like them to be, so woman rare use this nick. Men always want and claim to be a builder and men thinks they are cute builders. Women even engineers never make tall claims usually. I mean they are usually introvert, does speak about selves so openly.” (респондент-мужчина, 44 года, высшее образование)

(111) Имя *Povenorthernaccent* – и мужчины, и женщины расценивают как женское. Женщины обращают внимание на длину имени и слитное написание всей фразы, что, по их мнению, является женской особенностью.

Мужчины, наоборот, акцентируют внимание на содержании, уточняя, что о собственных чувствах и пристрастиях достаточно открыто мужчинам говорить несвойственно. Ник Plovernorthernaccent еще сильнее подчеркивает то, что герой – девушка, если учитывать особое отношение женщины к звуку и произношению как таковому, к возможности женщины по характеру звучащей речи описать образ коммуниканта. Об этом, а также о склонности женщин обращать внимание на детали упомянули респонденты-женщины. Вывод: длинное имя в чате присуще в большей степени женщине, тогда как длинные реплики – это особенность мужчины. Отметим и различия в тематике коммуникации, что отражается и на нике в том числе. Мужчины едва ли беседуют на различные образные, философские темы, связанные с чувствами и переживаниями.

“This nick is too long, typical woman’s one. And it describes person’s feelings that is unusual for men.” (респондент-женщина, 42 года, высшее образование)

“Girls are more inclined demonstrate their preferences, even if it touches kinds of accent. They are more related on such minor things.” (респондент-девушка, 18 лет, неоконченное высшее образование)

(112) Ник Golfer – мужчина (единое мнение у всех опрошиваемых). Женщины снова обращают внимание на наличие суффикса ER. Во-вторых, они считают, что девушка-игрок обязательно бы себя идентифицировала. Мужчины исходят из положения о том, что гольф считается исключительно мужским видом спорта. Также мужчины подчеркивают статусный характер данного вида спорта.

“There isn’t any personal information typical for women’s nicks.” (респондент-женщина, 26 лет, высшее образование)

“Rich men play golf mostly.” (респондент-мужчина, 34 года, высшее образование)

(113) Ник Protein29 – мужчина (единое мнение у всех опрошиваемых). Имя косвенно указывает на человека, активно занимающегося спортом и знающего толк в правильном питании. Подтверждается высказанное замечание о том, что мужчина указывает в имени конкретный возраст.

“The sportsmen use protein for muscles. Protein is more popular among men-bodybuilders.” (респондент-женщина, 32 года, высшее образование)

“It is a man who swings his muscles intensively.” (респондент-женщина, 19 лет, неоконченное высшее образование)

“Boys want to show power-work-muscles-gun etc. So, it’s a man.” (респондент-мужчина, 35 лет, высшее образование)

“In chat women want to be cute, soft, impressive, they attract men with their weakness.” (респондент-мужчина, 42 года, высшее образование)

(114) Ник Forbidden_fruit85 – женское имя. По мнению опрошиваемых, за именем скрывается молодая девушка, которая через имя демонстрирует определенную тактику поведения, ограничивает круг знакомых и подчерки-

вает, что ее внимание необходимо заслужить. Подтверждается высказанное замечание о том, что женщина указывает в имени год рождения, используя, тем самым, своеобразную загадку и требуя ее решения.

“Forbidden fruit – a certain innuendo and these figures.... It’s a woman of course.” (респондент-мужчина, 27 лет, высшее образование)

“I think that this name is related on smb who thinks that he is out of reach. This is mostly about GIRLS!” (респондент-женщина, 18 лет, неоконченное высшее образование)

“For many of us it means reduction. Girls like it: hidden meaning, mysterious of their nature, etc.” (респондент-женщина, 27 лет, высшее образование)

“Women like to talk in riddles and slightly exaggerated. This woman is beautiful I think and too selfish.” (респондент-мужчина, 27 лет, высшее образование)

(115) 2old4uagain – спорные мнения по данному имени. Женщины, как и некоторые мужчины, утверждают, что открыто говорить о возрасте, даже на просторе Интернета, женщине несвойственно. С другой стороны, использование цифр-«фонографов» (цифр, употребляемых согласно своему общему звучанию) указывает на творческий характер говорящего и, по мнению опрошиваемых, в большей степени присуще именно женщинам.

“Women don’t use this word “OLD” when they describe themselves. Maybe “experienced”, not “old”.” (респондент-женщина, 21 год, неоконченное высшее образование)

“A man saying he is advanced in years beforehand. For men it is easier to say that than to a woman.”(респондент-женщина, 18 лет, неоконченное высшее образование)

“Women like to use numbers in their nicknames.”(респондент-женщина, 21 год, неоконченное высшее образование)

“It’s a man with good sense of humor. He uses it to attract young girls.” (респондент-мужчина, 32 года, высшее образование)

(116) Ifnotnowthenwhen – единогласное мнение всех опрошиваемых – за ником скрывается мужчина. В данном имени женщины наблюдают следующие «мужские» особенности: смысловая законченность фразы, ее подобие цитате, внешняя пафосность, не подтвержденная конкретными доводами. Респонденты-мужчины за данным ником видят сильную личность, позиционирующую себя как деятеля, мужчину с активной жизненной позицией, любителя риска, призывающего окружающих к действиям.

“It’s a man. Nick sounds like a quotation. Boys like different quotations and catch-phrases from songs, books, TV-shows.” (респондент-девушка, 19 лет, неоконченное высшее образование)

“It’s too figural, pompous, not concrete. Typical for a boy I think. Boys are more adapted to meditate about smth spiritual” (респондент-девушка, 21 год, неоконченное высшее образование)

“It’s a man with constant living position, a decisive person” (респондент-мужчина, 27 лет, высшее образование)

“This phrase is a slogan to any actions or the philosophy of life” (респондент-мужчина, 36 лет, высшее образование)

(117) Cat_in_boots.

По мнению опрашиваемых женщин, данным именем мог назваться либо юноша-подросток, либо женщина. Все опрашиваемые мужчины утверждали, что герой Cat_in_boots – женщина.

“Only a girl can compare herself with the character of a fairy-tale. Or a little boy also...” (респондент-женщина, 55 лет, высшее образование)

“Girl’s, men are less adapted to think about fairies and compare their lives with them.” (респондент-девушка, 19 лет, неоконченное высшее образование)

“Boys prefer strong nicks. And this one is not very masculine and attractive nickname for a boy maybe.” (респондент-женщина, 26 лет, высшее образование)

“Cat is feminist, too curious. Like a woman a cat can fall on its feet. It’s a girl of course.” (респондент-мужчина, 42 года, высшее образование)

“This is a woman of fashion who likes shoes very much and says about it very strictly”. (респондент-мужчина, 27 лет, высшее образование)

(118) Overthehill44uk – спорные мнения касательно данного имени. Мужчины считают, что данный ник больше соответствует женщине. Женщины приводят аргументы против.

В данном имени мужчины обращают внимание на сложность имени, использование одновременно нескольких характерных особенностей – возраст, географическое положение, название государства. Подобная мудрость и длина имени не характерны для мужчин в создании ника.

“This nick is too long and difficult for a man. He would prefer smth shorter.” (респондент-мужчина, 32 года, высшее образование)

“It sounds like a name of a novel that girls like to read. Or she is looking for a concrete conversation partner with a certain age and geographical position. Maybe she is very suspicious.” (респондент-мужчина, 27 лет, высшее образование)

Женщины считают, что простое перечисление фактов о себе без какой-либо экспрессивной оценки больше соответствует мужчине.

“There isn’t any adjectives just a place. A girl would write it with adjective I think.” (респондент-девушка, 21 год, неоконченное высшее образование)

(119) Ники 20German и Spanish27 мужчинами были обозначены как гендерно-нейтральные. При этом респонденты подчеркнули, что представленные ники пустые, неинтересные, с данными пользователями едва ли стали бы общаться.

Ответы женщин-респондентов были неоднозначны. 15 % женщин считали, что ники гендерно-нейтральны. Но большинство (85 %) указало, что за данными именами скрываются именно мужчины. Своё решение женщины объяснили простотой ника, указанием точного возраста.

“These nicks are unisex. They don’t contain any expressions, they’re cold.” (респондент-мужчина, 34 года, высшее образование)

“Nickname doesn’t represent any qualities or kinds of temperament. Mostly it’s man’s one.” (респондент-женщина, 32 года, высшее образование)

“Men usually like to add numbers in their nicknames. And these men are proud of their countries and their age.” (респондент-девушка, 19 лет, неоконченное высшее образование)

“20Germany is a boy; this nick contains the name of the country. But Spanish27 could be a girl. Though here we can see the same situation, the age shows a girlish thing.” (респондент-девушка, 20 лет, неоконченное высшее образование)

(120) Cute_german – представителями обоих полов было определено как женское.

“Women like to add such words as “cute”, “sweet” and so on.” (респондент-девушка, 19 лет, неоконченное высшее образование)

“This girl wants to attract men with her appearance.” (респондент-женщина, 55 лет, высшее образование)

“This woman uses “soft” adjective “cute”. It’s woman of course.” (респондент-девушка, 23 года, высшее образование)

“This girl wants to show not only her nationality but her peculiarities also. It’s too typical for women not for men.” (респондент-мужчина, 27 лет, высшее образование)

(121) Niagara

Опрашиваемые женщины обозначают, что данное имя принадлежит женщине. Во-первых, у респондентов возникает ассоциация с водопадом – бурным, стремительным, экспрессивным. Эти качества, по их мнению, соответствуют именно женщинам. Во-вторых, респонденты подчеркнули, что в имени количество гласных звуков превышает согласные, имя мелодично, звучит как женское. Мужчины также обозначили данное имя как женское. По их мнению, природным явлением могла назвать себя только женщина.

“I think it’s too strange for men to associate himself with a waterfall.” (респондент-девушка, 20 лет, неоконченное высшее образование)

“It’s woman obviously. Beautiful, streaming and pure. Women like such mysterious nicks.” (респондент-мужчина, 42 года, высшее образование)

(122) *Elemental&Writer* – спорные мнения опрашиваемых.

“Maybe it’s a man because the woman wants to brighten up her personality. And this nick is very simple and obvious.” (респондент-девушка, 20 лет, неоконченное высшее образование)

“It shows the profession. And this profession ends with “-er”. Not very feminine. At the same time these stars and & are more typical for women not for men.” (респондент-женщина, 57 лет, высшее образование)

“A man wouldn’t use stars in his name. Different decorations are used by women commonly.” (респондент-мужчина, 27 лет, высшее образование)

“A girl – natural elements, asterisk + she shows she’s a creative person (girl usually show their creativeness by the graphics).” (респондент-девушка, 18 лет, неоконченное высшее образование)

(123) Ники g-dog, ~Grizzly~, clever-jaguar опрашиваемые идентифицировали как мужские. Объяснение такого вывода в том, что сильные животные, особенно дикие животные, ассоциируются именно с мужчинами. В виртуальном мире мужчины стремятся показать собственную силу и независимость именно через ник, чем и привлекают для общения противоположный пол.

“They are simple, show aggressiveness. These men want to be so massive and menacing persons.” (респондент-девушка, 18 лет, неоконченное высшее образование)

“Clever-jaguar is a boy – brains + strength. ~Grizzly~ – a boy – a girl wouldn’t like to be associated with a big clumsy beast. g-dog is a boy too. A girl would name herself a cat and wouldn’t use the reduction.” (респондент-девушка, 26 лет, высшее образование)

(124) Constell@tion – все опрашиваемые определили имя как женское. Во-первых, респонденты указали, что красивым небесным возвышенным явлением могла назваться только юная девушка. Во-вторых, графический символ @, заменяющий «а», использован для привлечения внимания, украшения имени и мог быть использован также исключительно девушкой.

“This nick shows very romantic person. I think it’s a young lady. And very creative. Any acronyms are not typical for men in their nicks.” (респондент-мужчина, 32 года, высшее образование)

“Constell@tion is a girl. She is like a beautiful heavenly natural thing.” (респондент-девушка, 26 лет, высшее образование)

Проводимый эксперимент доказал значимость никнейма в процессе виртуального общения. В зависимости от того, какой образ стремится создать виртуальный коммуникант, и какие средства используются для создания наиболее интересного имени и привлечения, во многом за счет этого, внимания собеседников, зависят оценка виртуала другими пользователями и желание (либо нежелание) продолжать общение с ним.

Описываемый опрос и личные наблюдения позволили сделать ряд выводов касательно *гендерных маркеров*, используемых для создания ника. Во-первых, маскулинность автора ника определяется безоговорочно в условиях употребления автором языковых средств для описания физической силы.

Во-вторых, ориентируясь на цифры в именах героев, заметим, что проведенная нами верификация показала, что двузначными цифрами в имени женщина обозначает год рождения, а мужчина – возраст. Во многом, на наш взгляд, это объясняется склонностью женщины к интриге, к косвенным намекам, к желанию привлечь внимание мужчин и призвать их к действию – разгадыванию главной женской тайны – возраста.

В-третьих, мужчины чаще женщин в никах указывают такие личные качества, как профессия, хобби, тогда как женщины предпочитают акцентировать внешний вид и характер. Вероятно, причина этому – желание женщин (перед мужчинами, в первую очередь) нарисовать некоторый портрет и стремление мужчин найти увлекательную тему для разговора.

В-четвертых, сложившиеся в обществе стереотип мужчины – сильного, смелого, умного, решительного, ответственного – и стереотип женщины – домашней, заботливой, общительной, семейной, хозяйственной – существуют также и в Интернете. Даже учитывая поведение многих женщин, отстаивающих в чат-коммуникации собственные права, самостоятельность и стремящихся опровергать сложившиеся стереотипы, в общении с противоположным полом эти дамы принимают на себя существующий стереотип и проигрывают ожидаемую от них роль. В противном случае – с ними перестают общаться.

В-пятых, опираясь на общее мнение многих респондентов, отметим – длинное имя в чате – это прерогатива женщины, в отличие от самого процесса общения, где длинные высказывания чаще принадлежат мужчинам [Гукосьянц, Хачерсова, 2013].

Представим в виде диаграммы, какие критерии при анализе никнеймов являются основополагающими для респондентов-мужчин и респондентов-женщин для определения гендерной принадлежности автора никнейма. Основными гендерными маркерами в составленной диаграмме выступают:

- М1 – имя собственное;
- М2 – созвучие имени;
- М3 – личные качества и внешность;
- М4 – возраст участника чата (количество лет);
- М5 – возраст участника чата (год рождения);
- М6 – хобби и профессия;
- М7 – отглагольные существительные;
- М8 – длина имени;
- М9 – цифры-«фонографы», графические символы и знаки, заглавные и прописные буквы, шрифтовое выделение как проявление творческого характера говорящего;
- М10 – сложность / простота имени, наличие нескольких характерных данных в одном имени;
- М11 – указание на географическое положение;
- М12 – «крылатые выражения», цитаты (Диаграмма 5 см. Приложение).

Проводимый опрос показал обратную зависимость между наиболее характерными гендерными маркерами ников и маркерами, выступающими в качестве основных критериев оценки гендерной идентичности пользователей. Например, женщины в именах упоминают личные качества и характеристики внешности чаще мужчин. Однако анализируя сторонние имена, наличие данного маркера как типично женского подчеркивают в большей степени именно мужчины. И наоборот, упоминание о профессии или хобби, характерное для мужчин, обращает на себя внимание женщин и для женщин, в большинстве случаев, является критерием для определения гендерной принадлежности автора никнейма.

Эксперимент показал также различия в характере анализа никнеймов мужчинами и женщинами. Объясняя предложенные ники, опрашиваемые женщины сначала ставили себя на место человека, который скрывается под данным именем, и описывали то, что могло побудить его к выбору конкретного ника, определяя, тем самым, кто может скрываться под предложенным никнеймом. Мужчины действовали более рационально. Они рассматривали каждое отдельное имя со стороны и описывали его, исходя из опыта собственного общения с людьми и некоторых общеизвестных фактов. Мужчины чаще женщин обращали внимание на внешнее оформление имени, тогда как женщины – на его содержание.

Отметим еще одну существенную особенность, отмеченную нами в процессе наблюдения за респондентами. Ответы «возрастных» респондентов-женщин (55-57 лет) зачастую совпадали с ответами мужчин, либо упоминаемые дамы предлагали два возможных варианта ответов, анализируя гендерную идентичность пользователей в ряде спорных никнеймов, – какой именно мужчина и какая именно женщина могли бы назваться подобным именем. Подобные стирания гендерных различий у представительниц старшего поколения обусловлены, на наш взгляд, большим социальным опытом, играющим значительную роль в процессе анализа.

Рассмотрим далее оценку респондентами контекстов сплошной выборки и выделенные ими гендерные маркеры в речи пользователей в чатах и блогах.

(125) My friend supports me beautifully. He listens sympathetically when I want to talk about it. And when I'm properly tangled up in angst, he will ask if he can make a suggestion, and sometimes gently tease me to see a different way of looking at things [<http://discussion.theguardian.com/discussion/p/3yzyg8>, дата обращения: 19.01.2014].

Опрашиваемые женщины и мужчины оценили данный отрывок речи как женский. Основными доводами были эмоциональность высказывания, уточнение деталей, выражение чувств. Мужчины обратили внимание на употребление *beautifully*, *sympathetically*, *gently*, поскольку, по их словам, мужчинам не свойственно употреблять такое количество наречий в настолько небольшом контексте.

“Only a female can explain someone’s feelings in this way paying a lot of attention to the details.” (респондент-женщина, 42 года, высшее образование)

“I think it’s a woman. She tells about her expressions, she istoo emotional.” (респондент-девушка, 20 лет, неоконченное высшее образование)

“Girl. Because of “beautifully”, necessity to talk, “gently” and teasing.” (респондент-мужчина, 26 лет, высшее образование)

(126) Sorry but I think you went to the wrong island...surely not Malta :) [<http://www.dirjournal.com/info/top-ten-places-to-live-in-the-world/comment-page-1/#comments>, дата обращения: 26.03.2014].

Данную реплику оценили неоднозначно. Женщины, ссылаясь на отсутствие фактов, немногословность, утверждали, что данную фразу произносит мужчина. Мужчины, наоборот, полагали, что говорящий – женщина. Подобное мнение мужчины объясняли наличием извинительного *Sorry*, неуверенностью речи, присутствием многоточия и эмоджикона.

“Seems like a polite man who’s talking to a woman. He doesn’t tell her the full information, he is laconic.” (респондент-женщина, 36 лет, высшее образование)

“These points and *Sorry*. It’s not typical for men to begin their phrases with *Sorry*.” (респондент-мужчина, 44 года, высшее образование)

(127) If more people blogged so honest and fresh, the blogosphere wouldn’t be the rank toilet bowl it currently is [<http://www.dirjournal.com/info/top-ten-places-to-live-in-the-world/comment-page-1/#comments>, дата обращения: 26.03.2014].

Мнения относительно гендерной принадлежности автора данного высказывания различны. Мужчины отмечают, что образность высказывания, сравнения чаще используют в своей речи женщины. Женщины отмечают, что простой и лаконичный ответ больше свойственен мужчинам.

“Women like to express their feelings comparing different things, using metaphors sometimes. Men would express their opinion about the situation in a more composed way.” (респондент-мужчина, 27 лет, высшее образование)

“It’s a boy. Complicated phrases, pretension for a professionalism. But he expresses his opinion very simply and clearly.” (респондент-женщина, 57 лет, высшее образование)

(128) You can never get bored there, since there is so much to do! Miami is terribly wonderful! [<http://www.dirjournal.com/info/top-ten-places-to-live-in-the-world/comment-page-1/#comments>, дата обращения: 26.03.2014]

Единое мнение у всех опрашиваемых – высказывание принадлежит девушке.

“Oxumoron and exclamations show it’s a girl.” (респондент-мужчина, 27 лет, высшее образование)

(129) Hi dear, i love ur publication. however i need ur advice, i want to travel to brazil through the sponsor of my mentor but am very confused and worried about the type of life and business that flourish in brazil and beside am been set back by my friends on the fact that mine going there is only to go and do drug business and it very dangerous, pls help me am confused [<http://www.dirjournal.com/info/top-ten-places-to-live-in-the-world/comment-page-1/#comments>, дата обращения: 26.03.2014].

Респонденты оценили данное высказывание как женское. Опрашиваемых женщин насторожил факт того, что автор весьма предусмотрителен и осторожен, открыто выражает свои чувства. Мужчин смутило обращение *Hi dear*, признание необходимости помощи, беспокойство о возможно опасной ситуации, употребление *love, confused, worried*.

“A girl. She is very precautious and is afraid of a lot of things.” (респондент-девушка, 21 год, неоконченное высшее образование)

“Men aren’t usually confused with these things and think about advantages. They are not used to ask advices from their friends, to express fear. *Dear, need some advice, worried* – typical for women.” (респондент-мужчина, 35 лет, высшее образование)

(130) I think I’d actually die for this polish [<http://www.britishbeautyblogger.com/2014/02/deborah-lippmann-99-luftballons-swatch.html#comments>, дата обращения: 22.01.2014].

Данное высказывание респондентами обоих полов было оценено как женское. И мужчины, и женщины отметили чрезмерную экспрессивность и гиперболизацию как особенности женской речи.

“It’s a girl. Maybe a fan or something like that. Anyway, boys don’t usually “die” for anything.” (респондент-девушка, 25 лет, высшее образование)

“It seems like a female’s expression. Too emotional.” (респондент-мужчина, 27 лет, высшее образование)

(131) Im sorry...Im so sorry...forgive me, will you? [www.spinchat.com, дата обращения: 04.04.2014]

Единое мнение опрашиваемых – автор-женщина. Открытое извинение, повтор, многоточие, разделительный вопрос – данные факторы, по мнению респондентов, склонны в большей степени женщинам.

“A Girl. Repetition, question after points.” (респондент-мужчина, 32 года, высшее образование)

“This statement refers to a woman. Boys are used to hide their emotions and do not show their troubles like this.” (респондент-девушка, 26 лет, высшее образование)

(132) Hi hi hugssss gipsy_granny and a flying kissss:) [www.spinchat.com, дата обращения: 05.04.2014]

Девушки обратили внимание на смысловое содержание фразы, мужчины – на графическое оформление. Так или иначе, мнения авторства совпали.

“It’s too sweet (*a flying kissss*) and emotional. A woman of course.” (респондент-женщина, 34 года, высшее образование)

“These repetitions, double ‘s’, smiley – typical for a woman.” (респондент-мужчина, 24 года, неоконченное высшее образование)

(133) According to Dr. Phil, I quote, “She’s not a wife, she’s a job” [<http://laughteriscatching.com/2011/09/20/men-are-from-earth-women-are-from-earth-deal-with-it/>, дата обращения: 16.11.2013].

Данную фразу, по мнению опрашиваемых, мог произнести мужчина. Женщины указали, что в своей речи мужчинам в большей степени свойственно обращаться к цитатам. Мужчины отметили, что автор данной реплики точно называет имя цитируемого. Женщины, по их мнению, декламируя цитату, как правило, не указывают автора.

“Men like different facts, quotations. They like to show they are very intelligent this way.” (респондент-девушка, 21 год, неоконченное высшее образование)

“There is a name here. Girls usually forget such things.” (респондент-мужчина, 27 лет, высшее образование)

(134) u dunno my fav music yet Wickiuuzz so how do u know it's that bad :P [www.spinchat.com, дата обращения: 23.12.2011].

Характеризуя представленную реплику, мужчины отмечали некоторую небрежность речи как мужскую особенность. Женщины также указали, что говорящий – мужчина.

“Boy. Many reductions to imitate a special way of speaking and to speed up a process of spelling.” (респондент-девушка, 20 лет, неоконченное высшее образование)

(135) Fucking nigger from South Africa, go, you are pathetic and utterly useless [www.spinchat.com, дата обращения: 14.03.2013].

Опрашиваемые мужчины и женщины определили данное высказывание как мужское. Женщины отметили наличие оскорбления и приказа, мужчины – только оскорбления.

“Boy. A girl wouldn't piss people off that way, a direct insult.” (респондент-девушка, 25 лет, высшее образование)

“It's too rude for a girl.” (респондент-мужчина, 27 лет, высшее образование)

Проанализируем, какие критерии при анализе гендерной принадлежности авторов контекстов явились существенными для респондентов-мужчин и респондентов-женщин. Представим полученные результаты в виде диаграммы.

Основными гендерными маркерами в составленной диаграмме выступают:

- М1 – оценочные прилагательные;
- М2 – вежливые извинительные конструкции;
- М3 – графические искажения, передача фонетических особенностей речи;
- М4 – цитаты;
- М5 – сокращения;
- М6 – описание собственных чувств и переживаемых эмоций;
- М7 – множество советов (без предварительной просьбы собеседника);
- М8 – гиперболизация, метафоры как средства украшения речи;
- М9 – инвективы, жаргонизмы;
- М10 – приказы (Диаграмма 6 см. Приложение).

Эксперимент по оценке контекстов типичными англо-говорящими пользователями Интернета, не имеющими специального лингвистического образования, подтвердил обоснованные автором особенности женской и мужской речи в чат-коммуникации и блогосфере. Как и в случае с гендерными маркерами никнеймов, гендерные маркеры мужской речи легче и четче оп-

ределяются женщинами, и, наоборот, на гендерные маркеры женской речи чаще указывают респонденты-мужчины. Данный факт наблюдался на протяжении всего исследования и только подчеркивает различия между маскулинным и фемининным речевым поведением.

При анализе контекстов «возрастными» респондентами-женщинами наблюдается та же зависимость, что и при анализе никнеймов. Дамы, как правило, предлагали два возможных варианта при определении гендерной идентичности авторов спорных высказываний, описывая какой конкретно мужчина в какой ситуации мог бы высказаться подобным образом, и какая это могла быть женщина. Также данные участницы опроса периодически аргументировали свой ответ, упоминая критерии, которые, как выяснилось в процессе анализа, явились существенными именно для опрашиваемых мужчин. Упомянутая особенность подтверждает не только ситуативно обусловленные особенности гендерных проявлений, но и влияние на них возраста (и, следовательно, опыта) и уровня образования говорящих.

Опрос респондентов подтвердил сделанные выводы об отличительных особенностях речевого поведения маскулинных и фемининных личностей в виртуальном мире и о гендерных маркерах, используемых при создании никнейма, а также позволил отследить, какие гендерные маркеры являются основополагающими критериями для заключения респондентами вывода о гендерной идентичности участников англоязычных чатов и блогов.

* * *

Свидетельством влияния, оказываемого Интернетом как особой средой на разворачивающееся общение, являются особенности виртуальной коммуникации: общение в Интернете служит разновидностью непрямого общения, оно дистантно и опосредовано особым техническим средством — глобальной сетью, общение происходит не между отправителем и получателем информации как при обычном непосредственном общении, а между конструируемой виртуальной личностью и некой средой, коммуникационным пространством, оба участника диалога являются равноправными участниками общения и одновременно могут быть как отправителями, так и получателями информации.

Под влиянием перечисленных особенностей возникает медийный вариант языка, характеризующийся значительными трансформациями на всех уровнях языковой системы. Основными нарушениями норм письменной речи считаются: использование сленговых выражений, инвектив, аббревиатур, создание неологизмов, смешение стилей, использование фразеологизмов. Процесс виртуальной коммуникации характеризуется фонетической ориентацией написания, использованием принципа «пишу как слышу», наличием эллиптических предложений, пренебрежением знаками препинания, либо использованием знаков препинания в чрезмерном количестве для пе-

редачи эмоций, настроения, характера говорящего. Невербальный компонент проявляется также в повторе букв, шрифтовом выделении, использовании заглавных букв, интервалов между буквами в словах.

Данные особенности печатной формы коммуникации, сближающие ее с устной речью, по-разному проявляются в жанрах Интернет-опосредованной коммуникации (а именно отличия наблюдаются в синхронных и асинхронных жанрах), и характер их использования зависит от гендерной идентичности коммуниканта.

В настоящем исследовании анализу подверглись два сетевых жанра – чат-коммуникация и блогосфера, анонимность среды которых способствует проявлению творческого характера пользователей для конструирования собственной виртуальной личности, в том числе и ее гендерной идентичности.

Гендерная идентичность представляет собой неотъемлемый компонент виртуальной языковой личности. В зависимости от гендерной идентичности реципиента адресант выбирает конкретные формальные и содержательные средства для оказания на него лучшего коммуникативного воздействия. В свою очередь, реципиент, исходя из полученного сообщения, создает определенный образ адресанта и интерпретирует его коммуникативный посыл.

В ходе исследования рассматривались два средства конструирования гендерной идентичности в чат-коммуникации и блогосфере – виртуальное имя (никнейм) и лингвистические средства, характеризующие речь пользователя.

Предлагается классификация никнеймов, основанная на наличии в них гендерных маркеров, отмечаются ники, преобладающие в женской и мужской аудиториях. Анализ гендерных маркеров, наблюдаемых в именах пользователей, позволил выделить механизмы самопрезентации пользователей и дифференцировать их по степени предпочтительности маскулинными и фемининными личностями.

Следующим этапом был анализ контекстов чатов и блогов на наличие в них лингвистических средств, которые могут быть приняты в качестве гендерных маркеров, характерных для маскулинной и фемининной речи. В ходе исследования выявлено, что чат-коммуникация как жанр синхронной коммуникации и блогосфера как жанр асинхронной коммуникации оказывают определенное влияние на используемые коммуникантами гендерные маркеры, что отражается также на механизмах самопрезентации гендерной идентичности в чатах и блогах. В процессе исследования определены следующие женские механизмы самопрезентации в блогосфере: смягчения категоричности высказывания, «непрямого повелевания»; сокращения дистанции с собеседником, установки дружеского контакта; создания красочного высказывания; избегания конфликта; мужские механизмы самопрезентации в блогосфере – установки дистанции с собеседником; выражения агрессии, провокации скандала; прямого повелевания; облегчения восприятия собственной речи для окружающих. Отследив иерархию использования перечисленных

механизмов, заключаем, что прототипическими механизмами самопрезентации коммуникантов-женщин в блогосфере является механизм смягчения категоричности высказывания, «непрямого повелевания», коммуникантов-мужчин – механизм облегчения восприятия собственной речи для окружающих.

Результаты анализа контекстов чат-коммуникации указали на существование следующих женских механизмов самопрезентации в чатах: сокращения дистанции с собеседником, установки дружеского контакта; избегания конфликта; создания красочного высказывания; мужских механизмов самопрезентации в чатах: выражения агрессии, провокации скандала; облегчения восприятия собственной речи для окружающих; установки дистанции с собеседником.

Отслеживая характер проявления представленных механизмов самопрезентации гендерной идентичности маскулинной и фемининной личностей в чатах, обозначим непрототипические механизмы самопрезентации – механизм создания красочного высказывания (у коммуникантов-женщин), механизм облегчения восприятия собственной речи для окружающих (у коммуникантов-мужчин).

Основным показателем при определении гендерной идентичности коммуниканта в блогах и чатах является проявление менее очевидных механизмов самопрезентации, по которым расшифровываются гендерные идентичности пользователей. В чатах данное положение дополняется также поведением личности в конкретной ситуации общения – женщины стремятся не участвовать в конфликтах, расположить к себе собеседника; мужчины – разжигать скандалы, демонстрировать лидерские качества. Также анализ выборки продемонстрировал ситуативный характер проявления гендерных различий в речи пользователей, что наиболее ярко прослеживается в блогах, участники которых имеют смежный тематический интерес, стиль ведения беседы, как правило, одинаков, как и степень экспрессии и агрессии, характер проявления силы.

Маскировка гендерной идентичности осуществляется посредством употребления ярко выраженных механизмов самопрезентации имитируемой гендерной идентичности как в чат-коммуникации, так и в блогосфере, а сигнальными дешифровщиками являются менее очевидные механизмы самопрезентации истинной гендерной идентичности.

В чатах истинная гендерная идентичность пользователей проявляется в «критических» конфликтных ситуациях. В случае намеренного разжигания конфликта появление маркеров женского механизма сокращения дистанции и установки дружеского контакта оказывается сигнальным и раскрывает истинную женскую гендерную идентичность пользователя. В противоположной ситуации сокращения дистанции с собеседником демонстрация мужского механизма облегчения восприятия собственной речи является показательной при определении истинной гендерной идентичности автора реплик.

Мужчинам свойственно отвечать на вызов, «принимать удар», участвовать в спорах, в отличие от женщин, которые, имитируя мужчин, могут разжечь скандал, но не поддерживать его развитие.

Проводимое он-лайн анкетирование, целью которого являлась интерпретация гендерных параметров и диагностика гендерной идентичности субъектов дискурса англоязычных чатов и блогов, осуществлялось в несколько этапов. Определено, что в процессе принятия решения о гендерной идентичности пользователя респонденты руководствовались зачастую принятыми стереотипами, согласно которым мужчинам в речи свойственно демонстрировать силу и власть, а женщинам – дружелюбие, любознательность, покорность.

Диагностируя гендерную идентичность пользователей по предложенным никам, опрашиваемые подтвердили выделенные ранее параметры, принимаемые в качестве гендерных маркеров. Наиболее популярные маркеры, используемые коммуникантами-женщинами для создания виртуальных имен, являются сигнальными для респондентов-мужчин, а на частотные маркеры, используемые мужской аудиторией, обращают внимание именно респонденты-женщины как на наиболее характерные для конструирования маскулинной гендерной идентичности.

Аналогичная ситуация наблюдается при определении гендерной идентичности пользователей по предложенным контекстам из чатов и блогов. Гендерные маркеры фемининной речи легче и четче определяются респондентами-мужчинами и наоборот.

Данный факт, наблюдаемый на протяжении всего исследования, подчеркивает различия между маскулинным и фемининным речевым поведением.

Зависимость проявления гендерных различий в речи коммуникантов от их возраста и социального положения, а также зависимость характера проводимого анализа от возраста респондентов и активность участников эксперимента от их возраста и гендерной принадлежности подтвердились в процессе он-лайн анкетирования. Респонденты-женщины вне зависимости от возраста проявляли одинаковую активность в процессе анкетирования в отличие от респондентов-мужчин, составляющих примерно одну возрастную группу. Ответы «возрастных» женщин совпадали с ответами мужчин, что подтверждает стирание гендерных различий у представительниц старшего поколения.

Дальнейшая научно-исследовательская работа предусматривает изучение и анализ зависимости проявления гендерных маркеров и характера интерпретации гендерных идентичностей англоязычных пользователей от возраста респондентов, сравнение гендерных маркеров англоязычной виртуальной коммуникации и виртуальной коммуникации, осуществляющейся на других языках, и выявление на данной основе общих межязыковых и индивидуальных гендерных маркеров самопрезентации коммуникантов в рамках Интернет-опосредованной коммуникации.

Библиографический список к главе 9

1. Алексеенко, И.С., Гукосьянц, О.Ю. Специфика Интернет-опосредованной коммуникации и феномен виртуальной языковой личности [Текст] / И.С. Алексеенко, О.Ю. Гукосьянц // Политическая лингвистика. – 2014. – Вып. 4 (50). – С. 193-202.
2. Алимуратов, О.А. Концепт и лингвистическая семантика [Текст] / О.А. Алимуратов. – Saarbrücken: LAP LAMBERT Academic Publishing, 2011. – 307 с.
3. Алимуратов, О.А. Лингвистический смысл как феномен, производный от значения [Текст] / О.А. Алимуратов // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. – 2006. – № 4. – С. 5-20.
4. Алимуратов, О.А., Каратышова, М.А. Красота в языке: гендерный и прагмалингвистический анализ комплиментарного речевого поведения [Текст] / О.А. Алимуратов, М.А. Каратышова. – Пятигорск: СНЕГ, 2010. – 140 с.
5. Андреева, Г.М. Социальная психология [Текст] / Г.М. Андреева. – М.: Аспект-Пресс, 1999. – 375 с.
6. Анисимова, Е.Е. О целостности и связности креолизованного текста [Текст] / Е.Е. Анисимова // Филологические науки. – 1996. – № 5. – С. 74-83.
7. Асмус, Н.Г. Интернет-коммуникация в аспекте научного знания [Текст] / Н.Г. Асмус // Языки профессиональной коммуникации: сборник статей участников Третьей международной научной конференции. Т. 1. – Челябинск: Энциклопедия, 2007. – С. 252-256.
8. Асмус, Н.Г. Лингвистические особенности виртуального коммуникативного пространства [Текст]: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Н.Г. Асмус. – Челябинск, 2005. – 265 с.
9. Войскунский, А.Е. Речевая деятельность в ходе компьютерных конференций [Текст] / А.Е. Войскунский // Вопросы психологии. – М.: Педагогика, 1991. – № 6. – С. 142-147.
10. Выготский, Л.С. Мышление и речь: Психол. исслед. [Текст] / Л.С. Выготский. – М.: Лабиринт, 1996. – 414 с.
11. Горошко, Е.И. Говорящий пол (квантитативные исследования в лингвистической гендерологии) [Текст] / Е.И. Горошко // Культура народов Причерноморья. – Симферополь: Межвузовский центр Крыма, 2003. – № 37. – С. 32-35.
12. Горошко, Е.И. Интернет-жанр и функционирование языка в Интернете: попытка рефлексии [Текст] / Е.И. Горошко // Жанры речи. Выпуск 6 «Жанр и язык». – Саратов: Издательский центр «Наука», 2009. – С. 11-127.
13. Горошко, Е.И. Исследование оценочных значений прилагательных с целью установления пола автора документа [Текст] / Е.И. Горошко // Криминалистика и судебная экспертиза. – Киев, 1990. – № 5. – С. 62-71.

14. Гриценко, Е.С. Язык как средство конструирования гендера [Текст]: дис. ... доктора филол. наук: 10.02.19 / Е.С. Гриценко. – Нижний Новгород, 2005. – 405 с.

15. Гришкова, В.И. Виртуальное общение – психологический комфорт и самопрезентация человека в Интернете [Текст] / В.И. Гришкова // Когнитивные исследования языка. Выпуск VI. Международный конгресс по когнитивной лингвистике. – Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2010. – С. 463-465.

16. Гукосьянц, О.Ю. К вопросу о лингвистических маркерах гендерной идентичности женщин в англоязычных чатах и блогах и механизмах самопрезентации женщин в англоязычной компьютерно-опосредованной коммуникации [Текст] / О.Ю. Гукосьянц // Политическая лингвистика. Вып. 2 (48) – Екатеринбург, 2014а. – С. 213-222.

17. Гукосьянц, О.Ю. Классификация никнеймов пользователей англоязычных чатов и болгов, основанная на наличии в них гендерных маркеров. [Текст] / О.Ю. Гукосьянц // Актуальные проблемы филологии и журналистики. Вып. 2. – Ужгород, 2014б. – С. 67-72.

18. Гукосьянц, О.Ю. Механизмы самопрезентации мужчин в англоязычной компьютерно-опосредованной коммуникации. [Текст] / О.Ю. Гукосьянц // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2. Языкознание. № 2 (21). – Волгоград, 2014в. – С. 95-102.

19. Гукосьянц, О.Ю. Способы маскировки гендерной идентичности коммуникантов в дискурсе англоязычных чатов. [Текст] / О.Ю. Гукосьянц // Вестник Брянского государственного университета. Вып. 2 – Брянск, 2014г. – С. 322-329.

20. Гукосьянц, О.Ю., Хачересова, Л.М. Диагностика гендерной идентичности участников чат-коммуникации на основе анализа англоязычных никнеймов [Текст] / О.Ю. Гукосьянц // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. Вып. 4 – Пятигорск, 2013. – С. 69-75.

21. Елькина, О.М. Лингво-социокультурные особенности речевой деятельности в сфере компьютерно-опосредованной коммуникации (на материале англоязычных блогов) [Текст]: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / О.М. Елькина. – Пятигорск, 2012. – 198 с.

22. Емельянова, Л.Л. Типы и функции графона в английской художественной речи [Текст]: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Л.Л. Емельянова. – Одесса, 1977. – 24 с.

23. Земская, Е.А., Китайгородская, М.А., Розанова, Н.Н. Особенности мужской и женской речи [Текст] / Е.А. Земская, М.А. Китайгородская, Н.Н. Розанова // Русский язык в его функционировании. Коммуникативно-прагматический аспект. М.: Наука, 1993. – С. 90-135.

24. Каган, М.С. Мир общения: Проблема межсубъектных отношений [Текст] / М.С. Каган. – М.: Политиздат, 1988. – 319 с. – (Над чем работают, о чем спорят философы).

25. Кирилина, А.В. Возможности гендерного подхода в антропоцентрированном изучении языка и коммуникации [Электронный ресурс] / А.В. Кирилина. – Режим доступа: <http://www.gender-cent.ryazan.ru/kirilina1.htm>.

26. Кирилина, А.В. Гендер и язык [Текст] / А.В. Кирилина; Московский гос. лингвистический ун-т; лаборатория гендерных исследований. – М.: Языки славянской культуры, 2005. – 624 с.

27. Кирилина, А.В. Гендер: Лингвистические аспекты [Текст] / А.В. Кирилина. – М.: Изд-во «Институт социологии РАН», 1999. – 189 с.

28. Кирилина, А.В., Томская, М.В. Лингвистические гендерные исследования [Электронный ресурс] / А.В. Кирилина, М.В. Томская. – Режим доступа: http://magazines.russ.ru/oz/2005/2/2005_2_7.html.

29. Клецина, И.С. Психология гендерных отношений: Теория и практика [Текст] / И.С. Клецина. – СПб.: Алетейя, 2004. – 408 с.

30. Куницына, Е.В. Гендерная маркированность политического дискурса: языковой и речевой аспекты (на материале предвыборных речей Х. Клинтон и Б. Обамы) [Текст]: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Е.В. Куницына. – Ставрополь, 2011. – 21 с.

31. Курбатов, В.И. Искусство управлять общением [Текст] / В.И. Курбатов. – Ростов н/Д: Феникс, 1997. – 352 с.

32. Леонтьев, А.А. Язык, речь, речевая деятельность [Текст] / А.А. Леонтьев. – М.: Просвещение, 1969. – 214 с.

33. Лисина, М.И. Формирование личности ребенка в общении [Текст] / М.И. Лисина. – СПб.: Питер, 2009. – 320 с.

34. Майерс, Д. Социальная психология [Текст] / Д. Майерс / Пер. с англ. – СПб.: Питер, 1997. – 688 с.

35. Ожигова, Л.Н. Гендерная идентичность личности и смысловые механизмы ее реализации [Текст]: автореф. дис. ... доктора псих. наук: 19.00.01 / Л.Н. Ожигова: – Краснодар, 2006. – 46 с.

36. Палмер, Д., Палмер, Л. Эволюционная психология. Секреты поведения Homo sapiens [Электронный ресурс] / Д. Палмер, Л. Палмер. – Режим доступа: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Psihol/palmer/03.php.

37. Парыгин, Б.Д. Основы социально-психологической теории [Текст] / Б.Д. Парыгин. – М.: Мысль, 1971. – 351 с.

38. Радина, Н.К. К проблеме использования гендерного анализа в психологических исследованиях [Текст] / Н.К. Радина // Вопр. психологии. – М.: Педагогика, 1999. – № 2. – С. 22-28.

39. Серова, И.Г. Гендер как область оценочной категоризации в личном пространстве субъекта [Текст] / И.Г. Серова // Когнитивные исследования языка. Выпуск VIII. Проблемы языкового сознания. – Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2011. – С. 373-375.

40. Сидорская, И.В. «Женская» и «мужская» стратегии анализа проблем коммуникации [Электронный ресурс] / И.В. Сидорская // Материалы II Ме-

ждународной междисциплинарной научно-практической конференции «Женщина. Образование. Демократия». – Режим доступа: <http://envila.iatr.by>.

41. Синельникова, Л.Н. Языковая личность vs. дискурсивная личность: отношения дополнительности или новая категоризация [Текст] / Л.Н. Синельникова // Жанры и типы текста в научном и медийном дискурсе: межвуз. сб. науч. тр. – Вып. 9. Орел: ФГБОУ ВПО «ОГИИК», ООО «Горизонт», 2011. – С. 37-44.

42. Токарева, И.Е. Социальная обусловленность в языке: гендерный аспект [Электронный ресурс] / И.Е. Токарева. – Режим доступа: http://window.edu.ru/window/library/pdf2txt?p_id=35827.

43. Уэст, К., Циммерман, Д. Создание гендера [Текст] / К. Уэст, Д. Циммерман // Гендерные Тетради. – СПб.: Труды СПбФ ИС РАН, 1997. – Вып. 1. – С. 94-124.

44. Уэст, К., Циммерман, Д. Создание гендера [Текст] / К. Уэст, Д. Циммерман // Хрестоматия феминистских текстов. Переводы / Под ред. Е. Здравомысловой, А. Темкиной. – СПб.: Изд-во «Дмитрий Буланин», 2000. – С. 193-219.

45. Хорикова, В.С. Когнитивный анализ никнеймов пользователей сети Интернет [Текст] / В.С. Хорикова // Вопросы когнитивной лингвистики. – Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2010. – № 3. – С. 64-68.

46. Черри, К. Человек и информация [Текст] / К. Черри / Пер. с англ. – М.: Связь, 1972. – 368 с.

47. Якобсон, Р.О. Речевая коммуникация. Язык в отношении к другим системам коммуникации [Текст] / Р.О. Якобсон // Избранные работы. – М.: Прогресс, 1985. – С. 306-330.

48. Agha, A. Language and Social Relations [Text] / A. Agha. – New York: Cambridge University Press, 2007. – 446 p.

49. Baron, N.S. Always On: Language in an Online and Mobile World [Text] / N.S. Baron. – New York: Oxford University Press, 2008. – 289 p.

50. Bechar-Israeli, H. From <Bonehead> to <cLoNehEAd>: Nicknames, plays and identity on Internet Relay Chat [Electronic resource] / H. Bechar-Israeli. – URL: <http://jcmc.indiana.edu/vol1/issue2/bechar.html>.

51. Braddock, R. An Extension of the "Lasswell Formula" [Text] / R. Braddock // Journal of Communication, 8. International Communication Association, Blackwell Publishing, 1958. – P. 88-93.

52. Butler, J. Bodies that Matter. On the Discursive Limits of «Sex» [Text] / J. Butler. – New York: Routledge, 1993. – 304 p.

53. Bystrom, D.G., Banward, M.C., Kaid, L.L., Robertson, T.A. Gender and candidate communication [Text] / D.G. Bystrom, M.C. Banward, L.L. Kaid, T.A. Robertson. – New York / London: Routledge, 2004. – 240 p.

54. Catalán, R.M.J., Alba, J.O. The English Vocabulary of Girls and Boys: Evidence from a Quantitative Study [Text] / R.M.J. Catalán, J.O. Alba // Gender

and Language Research Methodologies. Great Britain: CPI Antony Rowe, Chippenham and Eastbourne, 2008. – P. 103-115.

55. Cherny, L. Gender differences in text-based virtual reality [Text] / L. Cherny // Cultural Performances: Proceedings of the Third Berkeley Women and Language Conference. – Berkeley, CA: Berkeley Women and Language Group, University of California, 1994. – P. 102-115.

56. Crystal, D. Language and the Internet. [Text] / D. Crystal. – New York: Cambridge University Press, 2006. – 304 p.

57. Dürscheid, C. Medienkommunikation im Kontinuum von Mündlichkeit und Schriftlichkeit. Theoretische und empirische Probleme [Text] / C. Dürscheid // Zeitschrift für angewandte Linguistik, Heft 38. – Walter de Gruyter GmbH & Co. KG, 2003. – S. 37-56.

58. Eckes, Th. Features of Men, Features of Women: Assessing Stereotypic Beliefs about Gender Subtypes [Text] / Th. Eckes // British Journal of Social Psychology, №3. – Wiley-Blackwell, 1994. – P. 107-123.

59. Fitzpatrick, M.A., Mulac, A. Relating to spouse and strangers: gender preferential language use [Text] / M.A. Fitzpatrick, A. Mulac // Gender, power, and communication in human relationships. – New Jersey: Lawrence Erlbaum Associates, 1995. – P. 213-223.

60. Forresster, M.A. Psychology of language. A critical introduction [Text] / M.A. Forresster. – London: Sage Publications Ltd. 1996. – 224 p.

61. Furfey, P.H. Men's and Women's Language [Text] / P.H. Furfey // The American Catholic Sociological Review, 5. – Oxford University Press, 1944. – P. 218-223.

62. Furumo, K, Pearson, J.M. Gender-Based Communication Styles, Trust, and Satisfaction in Virtual Teams [Text] / K. Furumo, M.J. Pearson // Journal of Information, Information Technology and Organization, Vol. 2. – California: The Informing Science Institute, 2007. – P. 47-60.

63. Gerbner, G. Toward a General Model of Communication [Text] / G. Gerbner // Audio-Visual Communication Review, Vol. 4. – Springer US, 1956. – P. 171-199.

64. Givon, T. Context as other minds: the pragmatics of sociality. Cognition and communication [Text] / T. Givon. – New York: John Benjamins, 2005. – 283 p.

65. Goroshko, O. Differentiation in Male and Female Speech Styles [Text] / O. Goroshko. – Budapest: Open Society Institute, 1999. – 107 p.

66. Hargie, O, Dickson, D. Skilled Interpersonal Communication: Research, Theory, and Practice [Text] / O. Hargie, D. Dickson. – Routledge, 2004 (4th edition). – 548 p.

67. Heath, R.L., Bryant, J. Human Communication Theory and Research: Concepts, Contexts, and Challenges [Text] / R.L. Heath, J. Bryant. – New Jersey: Lawrence Erlbaum Associates, 2000 (2nd edition). – 454 p.

68. Henley, N., Thorne B. Sex Differences in Language, Speech and Nonverbal Communication: An Annotated Bibliography [Text] / N. Henley, B. Thorne // B. Thorne, N. Henley (ed.), *Language and Sex: Differences and Dominance*. – Rowley, MA: Newbury House Publishers, 1975. – P. 205-305.

69. Herring, S. Gender and Participation in Computer-mediated Linguistic Discourse [Text] / S. Herring. Washington, DC: ERIC Clearinghouse on Languages and Linguistics, 1992. – 245 p.

70. Herring, S. Politeness in Computer Culture: Why Women Thank and Men Flame [Text] / S. Herring // *Cultural Performances: Proceedings of the Third Berkeley Women and Language Conference*. – Berkeley, CA: Berkeley Women and Language Group, University of California, 1994. – P. 278-294.

71. Herring, S. Posting in a different voice: Gender and ethics in computer-mediated communication [Text] / S. Herring // *Philosophical Perspectives on Computer-Mediated Communication*. – Albany: State University of New York Press, 1996. – P. 115-145.

72. Herring, S. Slouching toward the ordinary: current trends in computer-mediated communication [Text] / S. Herring // *New Media and Society*. – London: Sage Publications Ltd., 2004. – P. 26-36.

73. Holmes, J. Functions of you know in women's and men's speech [Text] / J. Holmes // *Language in Society*, Vol. 15. – Cambridge University Press, 1986. – P. 1-21.

74. Holmes, J. Women's Talk: The Question of Sociolinguistic Universals [Text] / J. Holmes // *Australian Journal of Communication*. Vol. 20 (3). – Brisbane: Communication Institute, Australian Communication Association, 1993. – P. 125-149.

75. Holmes, J., Meyerhoff, M. *The Handbook of Language and Gender* [Text] / J. Holmes, M. Meyerhoff. – Massachusetts, London: Blackwell Publishing, 2006. – 759 p.

76. Jackendoff, R. *Language, Consciousness, Culture: Essays on Mental Structure*. [Text] / R. Jackendoff. – Cambridge, Massachusetts / London, England: A Bradford Book / The MIT Press, 2007. – 403 p.

77. Jensen, K.B. *A Handbook of Media and Communication Research: Qualitative and Quantitative Methodologies* [Text] / K.B. Jensen. – London: Routledge, 2002. – 340 p.

78. Jonsson, E. *Electronic Discourse. On Speech and Writing on the Internet* [Electronic resource] / E. Jonsson. – URL: <http://www.ludd.luth.se/users/jonsson/D-essay/html>.

79. Kirtley, M.D., Weaver, J.B. Exploring the Impact of Gender Role Self-perception on Communication Style [Text] / M.D. Kirtley, J.B. Weaver // *Women's Studies in Communication*, Vol. 22, № 2. – Organization for Research on Women and Communication, 1999. – P. 190-209.

80. Lakoff, R. *Language and Woman's Place* [Text] / R. Lakoff. – New York: Harper & Row, 1975. – 83 p.

81. Lasswell, H.D. The structure and function of communication in society [Text] / H.D. Lasswell // The Communication in Ideas. – New York: Harper and Brothers, 1948. – P. 37-51.

82. Maletzke, G. Psychologie der Massen-Kommunikation. Theorie und Systematik [Text] / G. Maletzke. – Hamburg: Verl. Hans Bredow-Institut, 1963. – 311 s.

83. Mann, C., Steward, F. Internet communication and qualitative research. A handbook for researching online [Text] / C. Mann, F. Steward. – London: Sage Publications Ltd., 2000. – 272 p.

84. Newcomb, T.M. An approach to the study of communicative acts [Text] / T.M. Newcomb // Psychological Review. Vol. 60 (6). American Psychological Association. 1953. – P. 393-404.

85. Palomares, N.A. Gender Schematicity, Gender Identity Salience, and Gender-Linked Language Use [Text] / N.A. Palomares // Human Communication Research. Vol. 30 (4). – Wiley-Blackwell, 2004. – P. 556-588.

86. Parsons, T., Bales, R. Family, Socialization and Interaction Process [Text] / T. Parsons, R. Bales. – London: Routledge, 1956. – 422 p.

87. Payne, Kay E. Different but equal: communication between the sexes [Text] / Kay E. Payne. – Westport, Connecticut: Praeger Publishers, 2001. – 223 p.

88. Plieskatt, J. Cybrionics: our online language [Text] / J. Plieskatt. – New York: Writers Club Press, 2001. – 76 p.

89. Riley, J.W., Riley, M.W. Mass communication and the social system [Text] / J.W. Riley, M.W. Riley // Sociology Today: Problems and Prospects. – New York: Basic Books, Inc., Publishers, 1959. – P. 537-578.

90. Schramm, W., Roberts, D.F. The Process and Effects of Mass Communication [Text] / W. Schramm, D.F. Roberts. – Champaign, Illinois: University of Illinois Press, 1974. – 1024 p.

91. Shade, L.R. Gender & Community in the Social Construction of the Internet [Text] / L.R. Shade. – New York: Peter Lang Publishing, 2002. – 152 p.

92. Shannon, C.E., Weaver, W. The Mathematical Theory of Communication [Text] / C.E. Shannon, W. Weaver. – Champaign, Illinois, 1971. – 144 p.

93. Smith, P.M. Language, the Sexes and Society [Text] / P.M. Smith. – Oxford: Basil Blackwell, 1985. – 211 p.

94. Stillings, N.A., Weisler, S.E., Chase, C.H., Feinstein, M.H., Garfield, J.L., Rissland, E.L. Cognitive Science: An Introduction [Text] / N.A. Stillings, S.E. Weisler, C.H. Chase, M.H. Feinstein, J.L. Garfield, E.L. Rissland. – 2nd edition. – Cambridge, Massachusetts / London, England: A Brandford Book / The MIT Press, 1995. – 530 p.

95. Sutton, L. Using Internet: Gender, power and silence in electronic discourse [Text] / L. Sutton // Proceedings of the 20th Annual Meeting of the Berkeley Linguistics Society. – Berkeley, California: Berkeley Linguistic Society, 1994. – P. 506-520.

96. Thurlow, C. The Internet and Language [Text] / C. Thurlow // Concise Encyclopedia of Sociolinguistics. – New-York: Elsaivier, 2001. – P. 287-289.

97. Thompson, S.H., Lougheed, E. Frazzled by Facebook? An Exploratory Study of Gender Differences in social Network Communication among Undergraduate Men and Women [Text] / S.H. Thompson, E. Lougheed // College Student Journal, Vol. 46, № 1. Project Innovation, Inc., 2012. – P. 88-98.

98. Timmerman, L.M. Comparing the Production of Power in Language on the Basis of Sex [Text] / L.M. Timmerman // Interpersonal Communication Research: Advances Through Meta-Analysis. Mahwah, New Jersey: Lawrence Erlbaum Associates, 2002. – P. 73-88.

99. Vasyura, S.A. Psychology of Male and Female Communicative Activity. [Text] / S.A. Vasyura. // The Spanish Journal of Psychology, Vol. 11, № 1. Universidad Complutense de Madrid, 2008. – P. 289-300.

100. Wallace, P. The psychology of the Internet. [Text] / P. Wallace. Cambridge: Cambridge University Press, 1999. – 264 p.

101. Weatherall, A. Gender, language and discourse. [Text] / A. Weatherall. – East Sussex: Routledge, 2002. – 177 p.

102. Westley, B., MacLean, M. A Conceptual Model for Communications Research. [Text] / B. Westley, M. MacLean // Journalism Quarterly, 34. Association for Education in Journalism and Mass Communication, 1957. – P. 31-38.

Словари и справочники

103. Словарь гендерных терминов [Электронный ресурс] / Под ред. А.А. Денисовой // Региональная общественная организация «Восток-Запад: Женские Инновационные Проекты». – М.: Информация XXI век, 2002. – 256 с. – Режим доступа: www.owl.ru/gender/020.htm

Источники примеров

104. <http://4simpsons.wordpress.com>.

105. <http://amptoons.com>.

106. <http://blog.jugglingfrogs.com>.

107. <http://discussion.theguardian.com>.

108. <http://laughteriscatching.com>.

109. <http://sharideth.com>.

110. <http://theblogmendontwantwomentoread.blogspot.com>.

111. <http://www.artofmanliness.com/>.

112. <http://www.boscouk.blogspot.com>.

113. <http://www.britishbeautyblogger.com>.

114. <http://www.crossdreamers.com>.

115. <http://www.dirjournal.com>.

116. <http://www.disputingblog.com>.

117. <http://www.fourhourworkweek.com>.

118. <http://www.worldaffairsjournal.org>.

119. <https://blogs.njit.edu>.

120. www.spinchat.com.

Приложения к главе 9

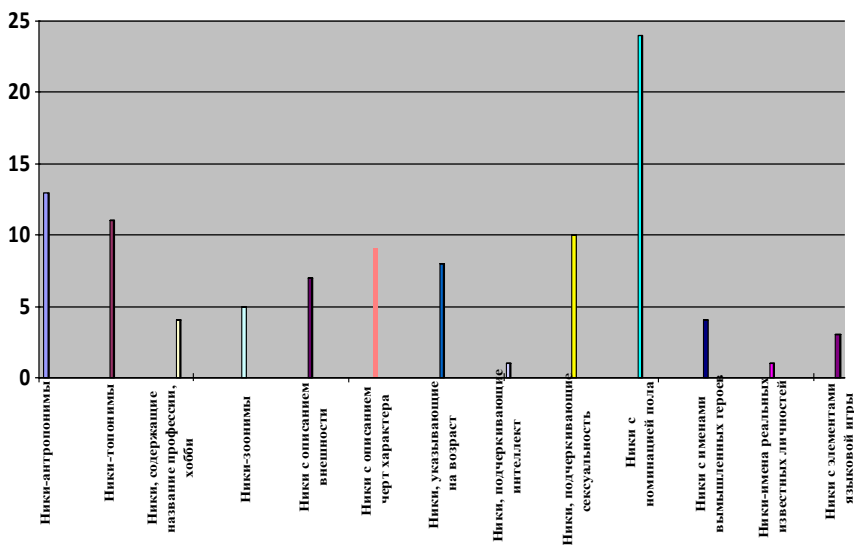

Диаграмма 1. Гендерные маркеры англоязычных никнеймов коммуникантов-женщин и частота их использования

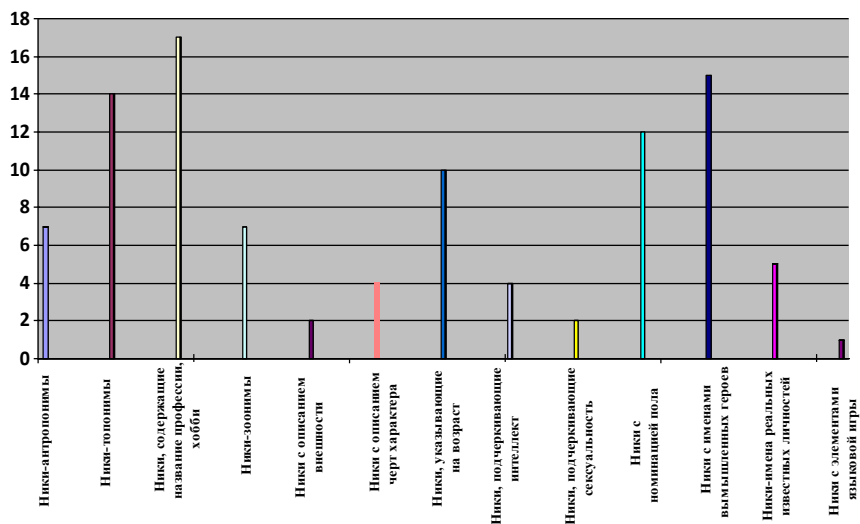

Диаграмма 2. Гендерные маркеры англоязычных никнеймов коммуникантов-мужчин и частота их использования

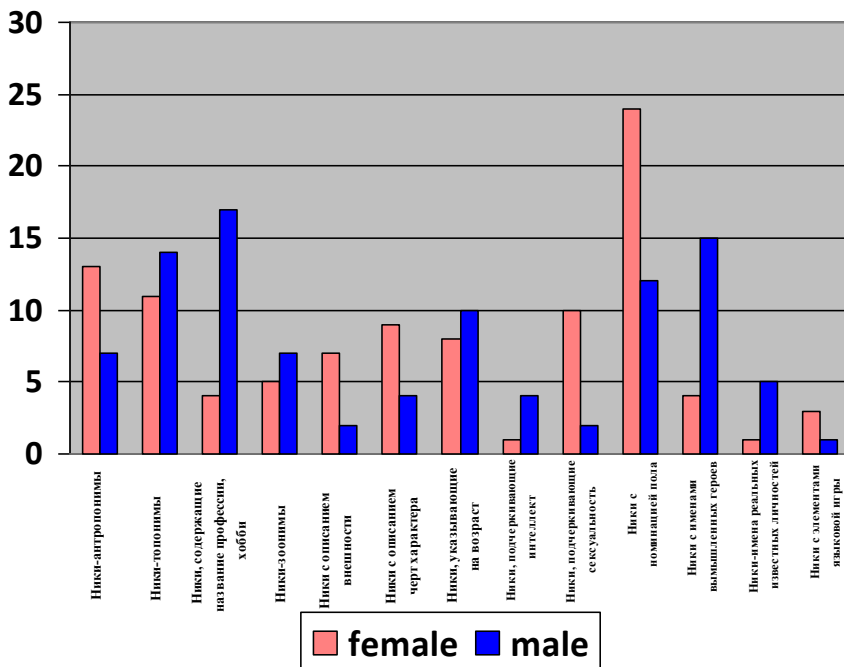

Диаграмма 3. Сопоставление проявления выделенных гендерных маркеров в англоязычных никнеймах коммуникантов-мужчин и коммуникантов-женщин

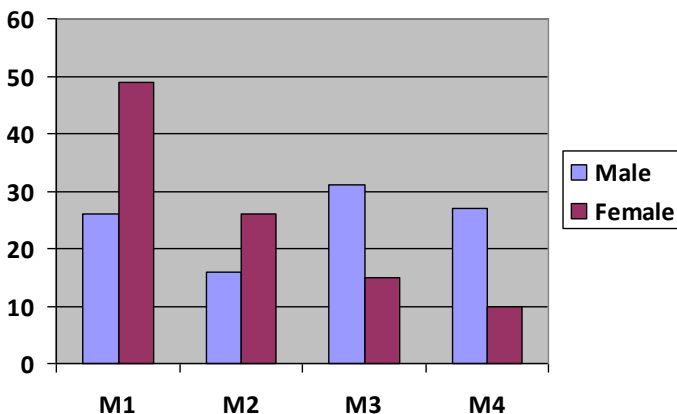

Диаграмма 4. Популярность используемых в англоязычных никнеймах механизмов самопрезентации у коммуникантов-мужчин и коммуникантов-женщин

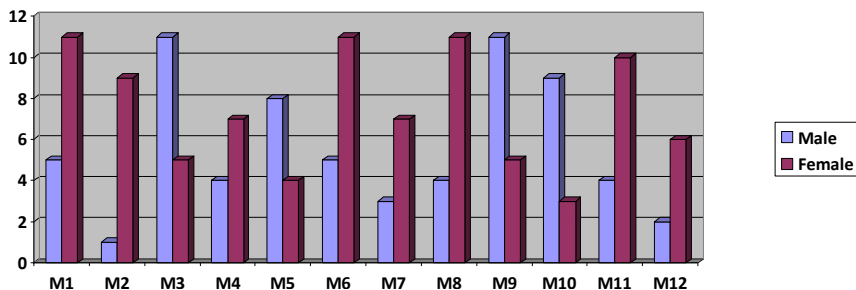

Диаграмма 5. основополагающие для респондентов-мужчин и респондентов-женщин критерии при анализе гендерной принадлежности авторов предложенных англоязычных никнеймов

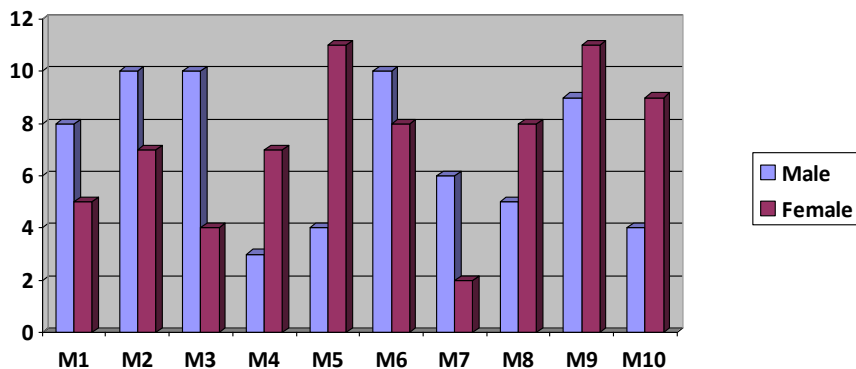

Диаграмма 6. основополагающие критерии для респондентов-мужчин и респондентов-женщин при анализе гендерной принадлежности авторов предложенных контекстов англоязычных чатов и блогов

Таблица 1

Гендерные проявления в блогосфере и чат-коммуникации, выявленные в ходе исследования:

1. Следует отметить большую фатическую направленность речи женщин в чатах. Женщины общаются ради самого общения, им важен процесс социализации, в то время как мужчины общаются ради получения информации, самоутверждения.

2. Гендер построен на силе. В зависимости от «силы» высказывания, от стиля ведения беседы (сотрудничества или соперничества), от возможности употребления инвектив и жаргонизмов делается вывод о маскулинности автора сообщения.

3. Обращая внимание на тематическую направленность общения, заключим: мужчины не любят беседовать на различные философские отвлеченные темы.

ченные темы, выражаться образно. Речь мужчин всегда проста, лаконична, построена четко.

4. Женщина может общаться в чате одновременно с разными людьми, при этом с одним – заигрывать, с другим – спорить, с третьим – обсуждать вопросы кулинарных пристрастий. Женщины легче переключаются, «меняют» роли в акте коммуникации, проявляя большую психологическую гибкость. Мужчины, наоборот, выбирая конкретную тему для разговора и конкретных собеседников, не обращают внимания, «не слышат» того, что говорят рядом. Поэтому женщины предпочитают общение в публичных чатах, тогда как мужчины отдают предпочтение приватным страницам.

5. Мужчины испытывают эмоции, тогда как женщины – чувства. Исходя из биологической невозможности сдерживать свои чувства, а также в связи с гормональными выплесками, женщина должна всегда выражать то, что она испытывает. Мужчина при этом может сдерживать эмоции, если это не гнев и агрессия.

6. Женщинам свойственно комментировать ход мысли поэтапно; мужчинам – перечислять факты и демонстрировать окончательное заключение.

7. Женщины чувствуют происходящее тоньше, обращают внимание на мелочи, в связи с чем видят то, что другие пытаются скрыть, как, например, настроение, мнение и реакции на какую-то тему или определенного собеседника. Это есть женская интуиция, которая на самом деле представляет собой тонкое психологическое ощущение ситуации. Это проявляется в общении в чатах. Особенно это заметно у пользователей, которые общаются не в первый раз и немного знают друг друга.

8. Для мужчин характерно чаще дискутировать, оспаривать мнение собеседника, перебивать его (в особенности, если собеседник женщина), доминировать в дискуссии.

Таким образом, в целом у женщин и мужчин различается сам стиль ведения беседы: «общение ради общения» у женщин и «общение ради получения информации и самоутверждения» у мужчин.

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

**Валентина Николаевна Алешенко,
Олег Алимуратович Алимуратов,
Елена Игоревна Бойчук,
Ольга Юрьевна Гукосьянц,
Инна Мангуровна Кацитадзе,
Ольга Владимировна Косоногова,
Екатерина Владимировна Милетова,
Надежда Геннадиевна Серебренникова,
Наталья Валерьевна Христианова,
Сергей Владимирович Чиронов,
Татьяна Семёновна Шишкина**

ПРОБЛЕМЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ, ТЕОРИИ ЯЗЫКА И ПРИКЛАДНОЙ ЛИНГВИСТИКИ

Монография

КНИГА 2

Издание 2-е, расширенное и дополненное

Подписано в печать 30.12.2015. Формат 60×84 1/16. Бумага офсетная.
Тираж 500 экз. Уч.-изд. л. Печ. л. Заказ

Отпечатано в типографии
ООО Издательство «СИБПРИНТ»
630099, г. Новосибирск, ул. Максима Горького, 39

СПЕЦИАЛЬНОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ!!!

ЦЕНТР РАЗВИТИЯ НАУЧНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА предлагает научной и педагогической общественности услуги по публикации *авторских монографий по всем научным направлениям и специальностям*. Для публикации авторам необходимо предоставить в Центр Развития Научного Сотрудничества (по электронной почте) текст монографии, аннотацию, заполненную заявку. Сроки публикации монографии – один месяц с момента обращения автора.

Стоимость публикации определяется индивидуально в зависимости от «сложности» текста (формулы, таблицы, рисунки), объема монографии, тиража и срочности заказа.

Информацию об условиях публикации результатов научных исследований и требования к оформлению материалов можно получить на сайте **WWW.ZRNS.RU**, по телефонам Центра развития научного сотрудничества в г. Новосибирске:

8-383-291-79-01 Чернов Сергей Сергеевич, руководитель ЦРНС

8-913-749-05-30 Хвостенко Павел Викторович,
ведущий специалист ЦРНС

или по электронной почте: **monography@ngs.ru**
monography@mail.ru

НАДЕЕМСЯ НА ПЛОДОТВОРНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО!